# РУССКОЕ

# ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

## ПОСОБІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ

Ординарнаго Профессора Императорскаго Московскаго Университета

*А. С. Алексѣева.*

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

**МОСКВА.**
Типо-Литографія Г. И. Простакова, Балчугъ, домъ Симонова монастыря.
**1905.**

# ВВЕДЕНІЕ.

## ГЛАВА I.

### Опредѣленіе государственнаго права.

§ 1. **Разграниченіе права публичнаго отъ гражданскаго.** Если подъ правомъ въ объективномъ смыслѣ понимается совокупность нормъ, разграничивающихъ интересы людей ради ихъ мирнаго сосуществованія и культурнаго развитія, то матеріальное различіе между отдѣльными областями права должно обусловливаться различіемъ интересовъ. И, дѣйствительно, принципіальное различіе между гражданскимъ правомъ и правомъ публичнымъ сводится къ тому, что публичное право разграничиваетъ интересы общественные, а право гражданское—интересы индивидуальные.

Интересы индивидуальные суть тѣ, которые по силамъ индивидуальной дѣятельности, общественными же мы называемъ такіе интересы, которые превышаютъ силы отдѣльнаго человѣка, и которые онъ можетъ осуществлять не иначе, какъ въ союзѣ съ себѣ подобными.

Обмѣнивать, продавать, торговать, вести промышленное дѣло, нанимать землю, обрабатывать ее,—все это такого рода дѣятельность, съ которой могутъ совладать мои личныя силы и для веденія которой я не долженъ непремѣнно соединяться въ союзы съ другими. Интересы же общественнаго порядка, интересы религіознаго міра, интересы культурнаго развитія и т. п.,—это такіе интересы, предъ которыми я со своими индивидуальными силами совершенно безпомощенъ и которые я не могу преслѣдовать иначе, какъ въ союзѣ съ другими.

Въ области интересовъ первой группы человѣкъ преслѣдуетъ только свои интересы; мотивомъ его дѣятельности является эгоизмъ. Купецъ идетъ на рынокъ продавать свой товаръ; его интересъ не ищетъ другого купца, предлагающаго такой же товаръ, какъ и онъ,—онъ ищетъ не купца, а покупателя; тутъ происходитъ не союзъ общихъ интересовъ, а обмѣнъ противоположныхъ интересовъ. Человѣкъ же, который ищетъ охраны порядка, охраны безопасности, который нуждается въ общественной школѣ, въ церкви, въ путяхъ сообщенія,—такой человѣкъ ищетъ подкрѣпленія своимъ силамъ, такой человѣкъ ищетъ союза, который объединилъ бы его силы съ силами другихъ ради общихъ цѣлей. Онъ не ищетъ людей съ противоположными интересами;

онъ не идетъ одинъ по дорогѣ, чтобы встрѣтиться съ другимъ, идущимъ съ противоположной стороны. онъ ищетъ попутчика, чтобы итти съ нимъ рука объ руку къ общей цѣли. Тутъ, въ этой области интересовъ, сказываются уже другіе мотивы; одинъ эгоизмъ тутъ недостаточенъ, тутъ требуется и умѣнье желать того, чего желаютъ другіе, и способность подчинять свои интересы интересамъ другихъ. Это — не область индивидуальной свободы, а область общественной связанности; тутъ человѣкъ не только свободно распоряжается, но и безмолвно повинуется, тутъ складывается и идея власти, и идея подчиненія. Эти общественные интересы вызываютъ общественные союзы, существованіе которыхъ обусловливаетъ *существованіе. рядомъ съ гражданскимъ правомъ, еще другой области права. въ которой отдѣльное лицо не является болѣе абстрактной личностью, представителемъ совершенно обособленныхъ, другъ другу противоположныхъ интересовъ. а живымъ членомъ большого цѣлаго. представителемъ общихъ, высшихъ интересовъ.*

§ 2. **Отличительные признаки публичнаго права.** Сравнивая оба опредѣленія, мы видимъ, что публичное право отличается отъ гражданскаго тѣмъ, 1) *что субъектомъ его являются не отдѣльныя лица. а союзъ.* Если поэтому мы видимъ, что должностныя лица имѣютъ публичныя права, то не иначе, какъ органы государства; если отдѣльныя частныя лица имѣютъ политическія права, то опять же лишь какъ члены союза. Они являются лишь посредственными субъектами публичныхъ правъ и, пользуясь своими полномочіями, осуществляютъ ихъ не въ своихъ интересахъ, а только въ интересахъ цѣлаго.

2) Вотъ почему (и въ этомъ заключается второе отличіе публичнаго права отъ гражданскаго) *публичныя права не подлежатъ произвольному распоряженію отдѣльныхъ заинтересованныхъ лицъ, а могутъ быть видоизмѣнены лишь волею союза, какъ цѣлаго, между тѣмъ какъ гражданскія права могутъ быть опредѣлены волею частныхъ лицъ.* Эти частныя лица не могутъ договорами видоизмѣнять или измѣнять публичныя права, между тѣмъ какъ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ полную возможность по произволу опредѣлить сдѣлками и договорами гражданскія отношенія. Это сознавали уже римляне, и Папиніянъ говоритъ: „ius publicum, privatorum pactu mutari non potest“. А въ „Code civil“ тотъ же принципъ выражается слѣдующими словами: „on ne peut déroger par des conventions particulières aux lois qui interessent l'ordre public et les bonnes moeurs“ (Code civil. art. 6).

3) Наконецъ, третій отличительный признакъ публичнаго права заключается въ томъ, что *публичнымъ правамъ всегда соотвѣтствуютъ публичныя обязанности. чего въ гражданскомъ правѣ мы не видимъ.* Это вытекаетъ опять же изъ того, что субъектами гражданскихъ правъ являются отдѣльныя лица, частные интересы которыхъ этими правами защищаются, и которыя вольны пользоваться ими по своему усмотрѣнію, между тѣмъ какъ субъектомъ публичнаго права является только союзъ, и если отдѣльныя лица имѣютъ политическія права, то лишь какъ органы союза или члены его. Являясь поэтому носителями не своихъ частныхъ правъ, а правъ союза, они не могутъ пользоваться ими по своему усмотрѣнію, а обязаны осуществлять ихъ сообразно воли союза.

§ 3. **Различныя области права публичнаго.** Поэтому гражданское право было бы вѣрнѣе назвать индивидуальнымъ правомъ, публичное же

право — союзнымъ. Это союзное право распадается, въ свою очередь, на нѣсколько подраздѣленій, которыя обусловливаются существованіемъ различныхъ союзовъ. Между этими союзами, по важности защищаемыхъ ими интересовъ, по совершенству организаціи этой защиты, по своимъ культурнымъ задачамъ и по той роли, которую они играютъ въ исторіи человѣчества. первое мѣсто занимаютъ *государство, Церковь и международный союзъ. Отсюда вся область публичнаго права распадается на право государственное, церковное и международное. Если публичное право вообще есть поэтому право союзовъ, то государственное право есть право государства, церковное — право Церкви, международное — право международнаго союза.*

§ 4. **Опредѣленіе государственнаго права.** Такъ какъ характеръ и отличительныя свойства этихъ трехъ областей права опредѣляются характеромъ и отличительными свойствами этихъ трехъ союзовъ, то, для болѣе точнаго опредѣленія государственнаго права, мы должны прежде всего отвѣтить на вопросъ, что такое государство.

**А. Опредѣленіе государства.** *Государство есть осѣдлый народъ, организованный въ самостоятельное цѣлое подъ единой верховной властью.* Если мы разложимъ это опредѣленіе на его составныя части, то получимъ всѣ существенные признаки государства.

1. *Первый признакъ государства—народъ.* Государство не случайное скопленіе, не толпа ничѣмъ не связанныхъ между собою людей, а союзъ, связь котораго держится народомъ, единствомъ, предшествующимъ государству и коренящимся не въ одномъ только подчиненіи общей государственной власти. Если государство предполагаетъ прежде всего народъ, то оно и есть добровольный союзъ людей, соединившихся въ политическое цѣлое по взаимному соглашенію. Настаивая на этомъ признакѣ государства, мы противопоставляемъ наше опредѣленіе опредѣленію послѣдователей абстрактной философіи, которые видѣли въ государствѣ совокупность индивидовъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ кромѣ добровольнаго соглашенія, формою котораго является будто бы договоръ. Утверждая, что единство государства держится единствомъ народа, и что главною государственною связью является народная связь, мы этимъ самымъ утверждаемъ, что государство не есть искусственное учрежденіе, а самобытное историческое явленіе, сложившееся помимо доброй воли людей, историческій союзъ, связь между отдѣльными членами котораго держится всѣми условіями, подъ вліяніемъ которыхъ слагается народное единство, т.-е. совмѣстной жизнью на одной территоріи, одинаковыми историческими судьбами, единствомъ обычаевъ и нравовъ, единствомъ языка и вѣрованій. Опредѣляя государство организованнымъ народомъ, мы не хотимъ этимъ сказать, что каждое государство должно быть непремѣнно національнымъ государствомъ. Мы знаемъ, что существуютъ государства, которыя обнимаютъ нѣсколько національностей или, обнимая одну преобладающую національность, подчинили своему владычеству чуждые этой національности племена, народы. Смыслъ нашего опредѣленія тотъ, что государственная связь не обусловливается только подчиненіемъ государственной власти, а коренится главнымъ образомъ въ народной связи. Связь эта можетъ быть въ одномъ государствѣ крѣпче, въ другомъ слабѣе, въ одномъ держаться единствомъ національности (Германія, Италія), въ другомъ—союзомъ равноправныхъ національностей (Швейцарія), въ третьемъ — преобладаніемъ

одной національности, подчинившей себѣ другіе племена и народы (Россія, Англія, Турція). Но какъ бы различенъ племенной составъ государства ни былъ, всегда и вездѣ мы видимъ, что основною связью между гражданами государства является племенное родство; конечно, оно не является единственною связью, а народная связь закрѣпляется подчиненіемъ государственной власти и системою общихъ политическихъ учрежденій. Нигдѣ мы, однако, не видали, чтобъ одно подчиненіе государственной власти могло создать политическое цѣлое изъ толпы людей, ничѣмъ между собою не связанныхъ и случайно соединившихся на общей территоріи; всегда и вездѣ мы видимъ, что основою государства является народъ, который не можетъ разбрестись на всѣ четыре стороны и распасться на отдѣльные индивиды съ исчезновеніемъ той политической организаціи, которая возводитъ этотъ народъ на степень государства. Безъ народа нѣтъ государства. Опредѣляя государство народомъ, мы этимъ самымъ устраняемъ праздный вопросъ о томъ, какое требуется количество гражданъ для образованія государства. Этимъ вопросомъ могли заниматься писатели, видѣвшіе въ государствѣ добровольный союзъ отдѣльныхъ людей, соединившихся въ государство путемъ договора. Такъ Руссо, одинъ изъ выдающихся представителей этого направленія, утверждаетъ, что государство должно состоять изъ 10000 гражданъ. Если же мы утверждаемъ, что государство безъ народа существовать не можетъ, то для насъ ариѳметическое число гражданъ теряетъ всякое значеніе, и весь вопросъ сводится къ тому, составляетъ ли это количество самостоятельное единство — народъ или нѣтъ. Дѣло не въ томъ, чтобы государство обнимало столько-то тысячъ гражданъ, а въ томъ, чтобы эти граждане составляли не механическое скопленіе, а историческое, органическое цѣлое, способное къ самостоятельной жизни и сознающее свое единство.

2. *Второй признакъ государства — территорія.* Опредѣляя государство осѣдлымъ народомъ, организованнымъ въ правовой порядокъ, мы этимъ самымъ указываемъ и на второй признакъ государства—территорію. Въ самомъ дѣлѣ, если государство есть осѣдлый народъ, то онъ предполагаетъ извѣстную территорію, ибо народъ безъ территоріи не есть народъ, а кочующая орда, кочующее племя Лишь осѣдлое племя, состоящее въ извѣстныхъ постоянныхъ отношеніяхъ къ территоріи, можетъ образовать государство. Евреи не образовали государства при Моисеѣ, хотя имѣли въ его лицѣ законодателя и организатора, и начали вести государственную жизнь лишь съ тѣхъ поръ, какъ осѣлись въ Палестинѣ. Потерявъ же свое отечество и разойдясь по земному шару, они вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и государство и, несмотря на свое религіозное единство, никогда не образуютъ государства, пока не найдутъ себѣ территоріи. Германскія племена въ эпоху переселенія народовъ обладали политическимъ могуществомъ, разрушали города и государства, но сами положили основаніе новымъ государствамъ лишь тогда, когда миновала эпоха броженія, и они заняли постоянныя жилища и окончательно осѣлись въ своихъ территоріяхъ.

3. *Третій признакъ государства — верховная власть.* Народомъ и территоріей признаки государства не исчерпываются; государство не есть только осѣдлый народъ, но и народъ организованный въ правовой порядокъ. Народъ самъ по себѣ еще не составляетъ государства: и существовали въ исторіи и существуетъ не мало народовъ, которые, живя

въ государствѣ, не составляютъ государства. Пока народъ не имѣетъ самостоятельной политической организаціи, онъ не образуетъ государства, онъ находится или на пути къ государству, или же составляетъ часть государства. Признакомъ этой организаціи является верховная власть. Верховною же властью называется та власть, которая возникаетъ изъ организаціи народа, какъ самостоятельнаго носителя цѣлаго, и она отличается отъ властей всѣхъ другихъ союзовъ тѣмъ, что она власть верховная, во-первыхъ, въ томъ смыслѣ, что она власть юридически неограниченная, не признающая надъ собой никакой высшей власти, во-вторыхъ, въ томъ смыслѣ, что она регулируетъ и защищаетъ не тотъ или другой разрядъ интересовъ, какъ какой-нибудь промышленный союзъ или Церковь, или международный, а всю совокупность интересовъ народа, какъ цѣлаго, не исключая интересовъ, составляющихъ спеціальный предметъ вѣдомства другихъ союзовъ.

**В. Государственное устройство и управленіе.** Если только организація подъ единой верховной властью возводитъ народъ на степень государства, то понятно, что во всякомъ государствѣ его организація является наисущественнымъ элементомъ. Какъ неизмѣненъ организмъ человѣка, несмотря на тѣ различныя задачи, которыя преслѣдуетъ человѣкъ въ различныя эпохи жизни, такъ и устройство государства устойчиво, несмотря на текучесть народной жизни. И эти постоянныя, устойчивыя формы государственной организаціи, въ рамкахъ которыхъ народъ живетъ своей самостоятельной жизнью, преслѣдуетъ и защищаетъ свои интересы, мы называемъ государственнымъ устройствомъ. Но изъ этого предварительнаго опредѣленія государственнаго устройства, которое мы замѣнимъ впослѣдствіи болѣе точнымъ, уже вытекаетъ существованіе, рядомъ съ государственнымъ устройствомъ, еще другой области государственнаго права. Если государственное устройство опредѣляетъ устойчивыя формы государства, то постоянное русло, по которому течетъ жизнь народа, то на ряду съ нимъ должна существовать еще другая область учрежденій и нормъ, которыя регулируютъ это теченіе народной жизни, регулируютъ дѣятельность государства, направленную на осуществленіе тѣхъ различныхъ задачъ, которыя возникаютъ на пути народной жизни. Эту область юридическихъ нормъ мы называемъ государственнымъ управленіемъ. Если поэтому государственное устройство есть совокупность учрежденій и нормъ, опредѣляющихъ устойчивую организацію государства, то государственное управленіе есть совокупность нормъ и учрежденій, регулирующихъ текущую дѣятельность государства, направленную на осуществленіе различныхъ задачъ народной жизни. Государственное устройство обнимаетъ законы, опредѣляющіе основныя черты политическаго строя, которыя отличаютъ данное государство отъ всѣхъ другихъ; государственное же управленіе обнимаетъ тѣ стороны государственной жизни, которыя, не касаясь самаго существа, политическаго строя, могутъ быть одинаковыми въ различныхъ государствахъ. Къ государственному устройству относятся законы, которые опредѣлаютъ организацію верховной власти, права подданныхъ и отношенія послѣднихъ къ первой; къ управленію же относится вся область подчиненной администраціи. т.-е. законы, опредѣляющіе какъ организацію административныхъ учрежденій, такъ и нормы ихъ дѣятельности.

Если государственное право исчерпывается этими двумя областями,—государственнымъ устройствомъ и государственнымъ управленіемъ, то мы можемъ опредѣлить его какъ совокупность нормъ, опредѣляющихъ существо и организацію верховной власти, составъ и дѣятельность властей подчиненныхъ, права и обязанности подданныхъ.

---

## ГЛАВА II.

### Наука государственнаго права.

§ 5. **Наука государственнаго общаго права и особеннаго.** Наука государственнаго права распадается на двѣ области: на государственное право *общее* и государственное право особенное, ins publicum universale et speciale. *Предметомъ изученія особеннаго государственнаго права является положительное государственное право даннаго народа; общее же государственное право не имѣетъ дѣла съ тѣмъ или другимъ государствомъ, а имѣетъ цѣлью изучить тѣ основные юридическіе принципы, на которыхъ покоится государственная жизнь культурныхъ народовъ.* Это послѣднее опредѣленіе нуждается въ объясненіи.

§ 6. **Наука общаго государственнаго права.** Носителемъ современной культуры является извѣстный кругъ народовъ, находящихся въ тѣсномъ общеніи между собою, испытавшихъ одинаковыя политическія судьбы и развивавшихся подъ вліяніемъ общихъ культурныхъ началъ. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ и, между прочимъ, русскій примкнули къ этой общей культурной жизни сравнительно поздно, но и они поддались цивилизующему вліянію своихъ старшихъ братьевъ и, такъ или иначе, восприняли тѣ начала, которымъ ихъ учителя обязаны своимъ нравственнымъ и матеріальнымъ ростомъ.

Между тѣми культурными началами, которыя объединили эту семью народовъ, первое мѣсто принадлежитъ началамъ государственной жизни. Они являются главными факторами человѣческаго прогресса и тѣми условіями, отъ которыхъ зависитъ накопленіе и ростъ всѣхъ остальныхъ культурныхъ благъ. И, дѣйствительно, современныя культурныя государства, несмотря на существенныя различія во внѣшнемъ механизмѣ, учрежденій, покоятся на извѣстныхъ общихъ началахъ, признанныхъ во всѣхъ государствахъ и составляющихъ характерныя черты современнаго государства, рѣзко отличающагося отъ государства античнаго и средневѣкового.

Существованіе такихъ общихъ принциповъ государственнаго быта есть явленіе новаго времени и объясняется тѣмъ тѣснымъ общеніемъ, въ которомъ живутъ цивилизованные народы новаго времени.

Если прежде политическій строй народа слагался лишь изъ элементовъ, выработавшихся на его родной почвѣ, то въ новое время этотъ строй нерѣдко искусственно насаждается по образцу конституцій другихъ народовъ и сразу даетъ народу то, что другимъ доставалось вѣками многотрудной исторической жизни. Конституціонныя учрежденія слагались на англійской почвѣ цѣлыми вѣками. Но съ тѣхъ поръ, какъ

ями овладѣла наука, и они породили политическія теоріи, которыя проповѣдывались выдающимися умами Англіи, Франціи и Германіи, а государственный строй этихъ послѣднихъ странъ рушился подъ напоромъ новыхъ потребностей, новыхъ идей и воззрѣній, тогда они послужили образцами, по которымъ были преобразованы въ сравнительно короткое время большинство европейскихъ государствъ.

Если прежде политическія учрежденія вырастали самобытно на національной почвѣ и лишь затѣмъ порождали политическую доктрину, то теперь, наоборотъ, политическія доктрины нерѣдко являются самостоятельными факторами государственнаго развитія и создаютъ учрежденія на невспаханной еще почвѣ, не имѣющей историческаго прошедшаго и не способной самостоятельно выработать учрежденія, которыя насаждаетъ политическая доктрина. Эта политическая доктрина является теперь самостоятельной силой, подчиняющей своему владычеству культурные народы, нивеллирующей ихъ политическій бытъ и распространяющей на нихъ сѣть однообразныхъ учрежденій.

Тѣсное общеніе между отдѣльными культурными государствами имѣетъ своимъ результатомъ то, что явленія государственной жизни не стоятъ болѣе разрозненно и внѣ связи одного съ другимъ, а стремятся притти въ состояніе гармоніи, или согласія, или, такъ сказать, притти къ одному знаменателю. И этимъ однимъ знаменателемъ являются тѣ принципы государственной жизни, которые сводятся въ наше время къ основному требованію—къ требованію правового государства. Мы можемъ поэтому точнѣе опредѣлить задачу общаго государственнаго права и сказать, что предметъ этой науки — изученіе современнаго правового государства. Въ чемъ же отличительные признаки этого государства?

§ 7. **Понятіе правового государства.** Государство новаго типа характеризуется прежде всего тѣмъ, что оно замѣняетъ личную власть властью закона, который признается высшею нормой государственной жизни и который подчиняетъ себѣ всѣ отправленія политическаго организма. Въ государствѣ стараго порядка, типомъ котораго можетъ служить Французская монархія XVII вѣка, вся полнота верховной власти сосредоточивалась въ одномъ лицѣ, и эта власть была поэтому личной и надзаконной.

*Современное же государство такой власти не знаетъ и распредѣляетъ основныя функціи государственной власти между нѣсколькими органами, изъ которыхъ ни одинъ не обладаетъ поэтому неограниченною властью и изъ которыхъ каждый находитъ свой предѣлъ въ компетенціи другихъ органовъ.*

Если въ абсолютной монархіи стараго порядка въ рукахъ короля сливались всѣ функціи власти, и никакой органъ не имѣлъ по отношенію къ его волѣ самостоятельности, если онъ изъ сферы своей непосредственной дѣятельности выдѣлялъ извѣстныя задачи и поручалъ ихъ своимъ слугамъ съ тѣмъ, чтобы во всякое время мочь взять ихъ обратно и вновь распредѣлить ихъ по своему усмотрѣнію, то *въ современномъ государствѣ каждая функція государственной власти имѣетъ свой, ея природѣ соотвѣтствующій, органъ, и каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ свою самостоятельную, закономъ гарантированную, компетенцію.* А если въ современномъ государствѣ существуютъ рядомъ разнородныя компетенціи, то должны существовать юридическія нормы, которыя преду-

преждали бы столкновенія между этими разнородными компетенціями. Въ особенности важно предупреждать столкновенія между органами установленными выражать государственную волю, т.-е. между властью, издающей законы, и властью, издающей правительственныя распоряженія, и этимъ обезпечить основной принципъ конституціоннаго государства, который гласитъ, что *новое право не создается односторонней волею правителя, а можетъ состояться лишь въ формѣ закона,* и что правительственные органы своею властью имѣютъ только право издавать административныя распоряженія, которыя должны держаться въ предѣлахъ закона. Гарантія охраненія границъ между закономъ и административнымъ распоряженіемъ заключается прежде всего въ томъ, что правительственные органы отвѣчаютъ за законномѣрность своихъ правительственныхъ актовъ. Другой не менѣе существенной гарантіей является контроль судовъ, которые судятъ о юридической силѣ правительственныхъ распоряженій и примѣняютъ лишь тѣ, которыя согласны съ закономъ. И современное государство, которое призвало судъ къ охраненію публичныхъ правъ, создало этимъ одну изъ важнѣйшихъ гарантій законнаго порядка. И въ самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ существуетъ законъ, но отсутствуетъ судъ, возстановляющій нарушенный законъ, тамъ этотъ законъ—пустой звукъ и дѣйствительной силы не имѣетъ; законъ получаетъ настоящую силу лишь тамъ, гдѣ для своего осуществленія имѣетъ въ своемъ распоряженіи приговоръ суда. Права гражданскія и въ абсолютномъ государствѣ пользовались защитой суда; создать такую же защиту для правъ публичныхъ есть одно изъ основныхъ требованій современнаго правового государства.

Это понятіе правового государства сложилось путемъ долгаго историческаго процесса, который зачинается въ періодѣ образованія новаго государства на развалинахъ средневѣкового быта. Колыбелью же этого новаго государства нужно признать Италію въ эпоху Возрожденія. И изученіемъ политической литературы въ эту эпоху мы и начинаемъ нашъ обзоръ политическихъ теорій, выработавшихъ понятіе современнаго государства.

# Ученія о государствѣ новаго времени.

## ГЛАВА I.

### Политическая литература Италіи въ эпоху Возрожденія

§ 8. **Раннее развитіе городской жизни.** Италія въ эпоху Возрожденія представляла въ политическомъ отношеніи своеобразную картину. Между тѣмъ какъ на сѣверѣ Европы уже слагались крупныя политическія тѣла въ формѣ сословныхъ монархій, Италія распадалась на мелкія государства, въ которыхъ зарождается безсословное общество. Причина этого явленія кроется въ раннемъ развитіи городской жизни въ Италіи. Въ то время, какъ въ остальной Европѣ города и ихъ территоріи выдѣлялись въ самостоятельные округа лишь съ возникновеніемъ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, въ Италіи оставшіяся еще отъ Рима въ большомъ количествѣ муниципіи никогда не исчезали, хотя и претерпѣвали важныя измѣненія въ своемъ внутреннемъ устройствѣ; феодальная система, тормазившая городское развитіе въ Западной Европѣ, здѣсь также не достигала того развитія, какого она достигла тамъ; наконецъ, торговля и промышленность, главная причина роста городовъ въ Средніе вѣка, здѣсь зародились и развились очень рано, особенно въ приморскихъ городахъ, какъ Генуя, Пиза, Венеція, игравшихъ такую роль въ Средніе вѣка, какъ ни одинъ изъ городовъ въ Западной Европѣ. Такимъ образомъ, на западѣ Европы города возникаютъ поздно и рано останавливаются въ своемъ развитіи, снисходя на степень административныхъ округовъ при развитіи территоріальнаго верховенства; въ Италіи же вся политическая жизнь вращается въ городахъ, которые по исчезновеніи послѣднихъ остатковъ феодальнаго быта превращаются въ самостоятельныя государства.

§ 9. **Зарожденіе безсословнаго общества.** Господствующее значеніе въ этихъ городахъ пріобрѣтаетъ торговый классъ, такъ какъ именно этому классу они были обязаны и своимъ благосостояніемъ, и своимъ политическимъ могуществомъ. Дворянство, феодальные владѣльцы здѣсь не могли играть роли, потому что ихъ интересы были прямо противоположны интересамъ городовъ. Города, нуждаясь въ прочномъ правовомъ порядкѣ, въ безопасности торговыхъ путей, въ мирѣ, необходимыхъ вообще условіяхъ производительности труда, вступаютъ въ борьбу съ

феодалами, жившими войной и грабежами, признававшими только кулакъ да мечъ, и, успѣвъ обзавестись военною силою, подчиняютъ себѣ одинъ замокъ за другимъ, расширяя свою власть за предѣлы своихъ стѣнъ и умиротворяя обширные округа. Феодальные владѣльцы отчасти переселяются въ города и сливаются съ его населеніемъ или же становятся предводителями наемныхъ войскъ, въ которыхъ стали нуждаться города, когда они превратились въ независимыя государства и имъ пришлось имѣть дѣло съ тяжелой нѣмецкой и испанской кавалерій, такъ что уже нельзя было удовлетворяться городской милиціей; эти феодальные владѣльцы ведутъ кочевой образъ жизни, служа то одному, то другому государству-городу, смотря по денежной выгодѣ. Такими предводителями наемныхъ шаекъ, такими кондотьери дѣлаются иногда, изучивъ военное искусство, и тѣ изъ горожанъ, которые были выброшены изъ своего родного города, напр., политическими междоусобіями; равно какъ и феодальные владѣльцы, селясь въ городахъ, становились во главѣ городскихъ партій. Въ городахъ Италіи даже и духовенство не было обособлено такъ рѣзко, какъ въ остальной Европѣ, потому что его монастыри находились въ самыхъ городахъ, а не были удаленными отъ нихъ замкнутыми мірами; оно являлось важнымъ элементомъ умственнаго развитія городского общества.

Такимъ образомъ населеніе итальянскихъ государствъ-городовъ распадалось не на дворянъ—grandi и народъ—popolani, а на богатыхъ горожанъ—popolo grasso и на мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ—popolo minuto, т.-е. сложилось общество, не похожее на средневѣковое, общество, не знающее ни корпоративныхъ связей, ни сословныхъ привилегій.

§ 10. **Зарожденіе новаго человѣка.** Кругозоръ средневѣкового человѣка ограничивался только своей корпораціей. Кромѣ того, что онъ могъ прожить всю жизнь, не переступая рубежа своего родного города, его жизнь, не только общественная, но и частная, находилась подъ контролемъ общества, корпораціи; субъективному сужденію, личному почину мѣста не было: человѣкъ мыслилъ мыслями корпораціи, жилъ ея жизнью. Въ совершенно иныхъ условіяхъ находился итальянецъ эпохи Возрожденія. Какъ человѣкъ, ведшій обширную торговлю, онъ сносился и съ отдаленнымъ Востокомъ, и со всѣми главными центрами остальной Европы, и въ силу этого онъ сталкивался съ представителями различныхъ національностей, различныхъ вѣроисповѣданій, съ людьми, стоявшими на разныхъ ступеняхъ культуры, имѣвшими различныя воззрѣнія. Но и въ предѣлахъ своего отечества итальянецъ видѣлъ многое, расширявшее его кругозоръ. Разнообразіе, подвижность и неустойчивость политическихъ формъ порождали и людей съ различными взглядами и воззрѣніями, и гражданинъ демократической Флоренціи, сталкиваясь съ жителемъ аристократической Венеціи или съ подданнымъ тираническаго государства, не могъ остаться при томъ узкомъ міросозерцаніи, которое было удѣломъ средневѣкового человѣка. Борьба партій въ республикахъ, coup d'état въ тираніяхъ заставляли многихъ покидать свои родные города и искать новыхъ мѣстъ, уживаться съ новыми людьми, въ новой обстановкѣ, что также способствовало расширенію ихъ кругозора. Этому же способствовали и существовавшіе въ то время къ Италіи классы людей, которые по самому своему общественному положенію не знали осѣдлой жизни. Таковы были, наприм.,

упомянутые уже кондотьери, таковы были художники и поэты, профессора и ихъ ученики. Художники и поэты перекочевывали отъ одного мецената къ другому, воспѣвая то республинскаго героя, то тирана; профессора также не засиживались на однихъ мѣстахъ, такъ какъ университеты, школы, академіи наперерывъ соперничали между собою учеными силами, приглашая ихъ къ себѣ и даже прибѣгая къ насилію, чтобы удержать въ своихъ стѣнахъ ученую знаменитость, а вмѣстѣ съ профессорами кочевали и ихъ ученики. Не трудно представить, какое вліяніе должны были имѣть на умственное развитіе итальянскаго общества такой обмѣнъ ученыхъ силъ, такое соперничессво и конкуренція въ дѣлахъ науки и высшаго образованія.

При такихъ условіяхъ политической и общественной жизни нетерпимость, исключительность, партикуляризмъ, односторонность, предубѣжденность человѣка Среднихъ вѣковъ должны были исчезнуть, а вмѣстѣ съ ними и привязанность къ преданіямъ и традиціямъ, къ условнымъ формамъ общежитія, и уступить мѣсто болѣе широкому міросозерцанію, болѣе объективному отношенію къ людямъ и общественнымъ отношеніямъ. Если въ исторіи Среднихъ вѣковъ общины, союзы, корпораціи, цехи, партіи заслоняютъ собою отдѣльныхъ лицъ, то теперь на первомъ планѣ выступаетъ въ Италіи отдѣльный человѣкъ: въ искусствѣ, въ наукѣ, въ политикѣ выступаетъ одна величавая личность за другой, каждая со своими особенными индивидуальными чертами.

§ 11. **Возрожденіе наукъ и искусствъ.** Внутренній строй человѣка оставался скрытымъ въ Средніе вѣка; сердечныхъ влеченій, чувствъ, душевныхъ движеній средневѣковые поэты и писатели не затрогивали въ своихъ произведеніяхъ, ибо средневѣковая жизнь не давала имъ и повода выступать наружу. Когда же условія политической и общественной жизни въ Италіи выдвинули на первый планъ человѣческую личность, и индивидуальная жизнь развернулась въ своемъ богатствѣ и разнообразіи, тогда необходимымъ сдѣлалось обратить вниманіе и на тѣ внутренніе пружины и мотивы, которые опредѣляютъ ея содержаніе и направленіе. И вотъ внутренній міръ человѣка дѣлается источникомъ вдохновенія для поэтовъ, предметомъ наблюденія и изученія для историковъ, политиковъ и государственныхъ людей. Данте, а за нимъ Петрарка и Боккачіо въ своихъ сонетахъ даютъ намъ возможность заглянуть въ потаеннѣйшіе уголки своей души. Характеристики и біографіи выдающихся личностей порождаютъ цѣлую литературу; вспомнимъ, наприм., біографію Данте, написанную Боккачіо, жизнеописаніе знаменитыхъ флорентинцевъ Виллани, а позднѣе книгу Джорджіо Вазари изъ Арреццо, которая содержитъ біографіи знаменитыхъ итальянскихъ скульпторовъ и живописцевъ и является первой попыткой прагматической исторіи искусствъ, а въ историческихъ трудахъ Макіавелли, Гвичардини, Варки, Веттори мы встрѣчаемъ образцовыя біографіи и характеристики отдѣльныхъ дѣятелей. Вообще внутренняя природа человѣка все болѣе и болѣе дѣлается предметомъ изученія, и никто, можетъ быть, не былъ такимъ знатокомъ человѣческой природы, какъ итальянцы эпохи Возрожденія.

Изученіе человѣкомъ самого себя навело его и на изученіе народовъ, обстановки, условій ихъ жизни, а торговыя путешествія, въ которыхъ итальянцы знакомились съ разнообразнѣйшими народами, давали для этого обильную пищу. Этими путешествіями былъ возбужденъ инте-

ресъ къ географіи, къ математическимъ и естественнымъ наукамъ, который выразился въ трудахъ Паоло Тосканелли, Лукка Паччіоли и Леонардо да-Винчи. Всѣ эти условія сдѣлали Италію колыбелью точныхъ наукъ и родиной великихъ мореплавателей, какимъ, наприм., былъ Колумбъ, современникъ Макіавелли, уроженецъ Генуи.

На эту, вызванную такими условіями, новую культуру особенную печать наложили оживленіе изученія древнихъ классическихъ памятниковъ и возрожденіе древняго строя въ наукѣ и искусствѣ. Древніе писатели изучались и въ Средніе вѣка, но увлеченіе ими итальянцевъ начинается лишь съ XIV в. Когда разрушились средневѣковые идеалы и разсѣялся фантастическій міръ, въ которомъ вращалась отвлеченная мысль средневѣкового человѣка, эта мысль не могла сразу создать себѣ новаго міросозерцанія, разрѣшить задачъ, выступившихъ предъ ней, и нуждалась въ руководителѣ, которымъ и явился классическій міръ. И вотъ поэты, риторы, историки усвоиваютъ себѣ языки и стиль древнихъ, художники воспитываются на образцахъ, созданныхъ ими, мыслители ищутъ у Платона и Аристотеля отвѣта на мучившіе ихъ вопросы, основывается школа Аристотеля въ Падуѣ и академія Платона во Флоренціи, изучаются творенія Гераклита, Архимеда, Плинія, Фукидида, Ливія и т. д., начинается изученіе римскаго права и возникаетъ знаменитый Болонскій университетъ. Все богатое содержаніе древне классической культуры возрождается въ трудахъ итальянскихъ гуманистовъ, и эта культура дѣлается достояніемъ не только ученыхъ, но и всего итальянскаго общества, которое даже въ образѣ жизни старается подражать древнимъ.

§ 12. **Причины упадка итальянской культуры.** Но эта разнообразная и богатая по содержанію политическая жизнь Италіи быстро клонится къ упадку, и Италія погружается въ тотъ сонъ, отъ котораго она еще и по сіе время не успѣла очнуться. Причины этого были тѣ же самыя, которыя и вызвали эту жизнь.

Какъ извѣстно, городскія общины Италіи образовали цѣлый рядъ мелкихъ самостоятельныхъ государствъ. Эта-то раздробленность и отсутствіе объединяющей власти имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что Италія оказалась безсильною передъ своими сѣверными сосѣдями и должна была лишиться самостоятельной политической жизни, а вмѣстѣ съ нею и самостоятельной культуры. Итальянцы сознавали этотъ недугъ своего государственнаго быта, сознавали и то, что объединенная такъ или иначе Италія могла бы отразить опасность съ сѣвера, но каждый изъ нихъ слишкомъ дорожилъ своей свободой и политической самостоятельностью, чтобы пожертвовать ими ради Италіи. Дѣло въ томъ, что, кто бы ни объединилъ Италію, объединеніе повлекло бы за собой ея рабство. Объединенная тираномъ Италія подверглась бы участи несравненно худшей, чѣмъ Франція или Англія, объединенныя властью королей. Въ Италіи не было тѣхъ сословныхъ средневѣковыхъ учрежденій, которыя умѣряли бы центральную власть, и единовластіе въ ней сложилось бы не въ сословную ограниченную монархію, какъ во Франціи и Англіи, а въ тиранію, не терпящую самостоятельности общественныхъ элементовъ, какъ то и было, наприм., въ Ломбардіи, Романьи, Римской области, Неаполѣ. Объединеніе какой-нибудь республикой досталось бы тоже дорогой цѣной, такъ какъ города-побѣдители при завоеваніи лишали побѣжденныхъ всякихъ правъ гражданства, об-

ращая ихъ въ безправныхъ; такъ демократическая Флоренція, завоевавъ демократическую Пизу, обращалась съ ней какъ съ завоеванной провинціей, почему пизанцы и подчинились бы даже охотнѣе иноземной державѣ, которая не уничтожила бы ихъ муниципальнаго строя, подобно Флоренціи. Подобно демократической Флоренціи поступала и аристократическая Венеція и всѣ другія. Возмутительное неравенство между побѣдителями и побѣжденными и даетъ право Макіавелли сказать, что самое тяжелое иго это то, которое налагаетъ республика на своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ итальянцы боялись и внѣшнихъ враговъ, боялись и объединенія, и Италія была обречена на постоянную раздробленность, а вслѣдствіе этого въ концѣ-концовъ на потерю самостоятельной жизни.

Другимъ политическимъ недугомъ было безправіе большей части населенія. Итальянцы эпохи Возрожденія знали понятіе гражданина, но понятіе человѣческой личности было имъ недоступно. Городскія общины не знали начала представительства, потому-то и право гражданства было преимуществомъ и распространялось лишь на немногихъ; такъ во Флоренціи въ 1494 г. изъ 9000 жителей только 3200 были полноправными, остальные были исключены изъ активной политической жизни, не говоря уже о сельскомъ населеніи и населеніи территорій завоеванныхъ. Понятно, эти исключенные были безпокойнымъ элементомъ, готовымъ на всякіе перевороты.

Наконецъ, въ Италіи въ это время сильно падаетъ общественная нравственность. Какъ уже извѣстно, итальянцы не находились теперь въ зависимости отъ средневѣковыхъ корпорацій и личной энергіей должны были прокладывать себѣ дорогу въ жизни. Общество дѣлилось не на сословія, а на классы и политическія партіи, при чемъ время было таково, что нищій сегодня—завтра могъ сдѣлаться богачомъ, простой гражданинъ, приверженецъ извѣстной партіи,—главою государства, вождь шайки разбойниковъ—тираномъ. Вообще положеніе лица въ обществѣ опредѣлялось не рожденіемъ, не принадлежностью къ извѣстному слою общества, а исключительно случаемъ и личными способностями; такъ Сфорца, сначала кондотьеръ, былъ потомъ королемъ въ Миланѣ, монахъ Савонаролла стоялъ во главѣ правительства во Флоренціи, купецъ Медичи держалъ въ рукахъ судьбы одного изъ могущественнѣйшихъ городовъ Италіи. Понятно, что это такіе владыки, положеніе которыхъ въ государствѣ было лишено всякихъ легальныхъ основъ, и они—были-ли это самостоятельные тираны, какъ Цезарь Борджіа, или вожаки партій—должны были прибѣгать и къ хитрости, и къ обману, и къ насилію, пользоваться законами какъ ширмами, чтобы власть не ускользнула отъ нихъ, чтобы скрыть отъ народа свои настоящіе планы и намѣренія. Вокругъ этихъ владыкъ, этихъ солнцъ, вращается цѣлый рядъ мелкихъ планетъ,—политиковъ, художниковъ, ученыхъ, поэтовъ и т. п. людей, создавшихъ себѣ положеніе въ обществѣ или своимъ богатствомъ, или своими талантами. Всѣ эти люди должны были чувствовать, что они стоятъ не на твердой почвѣ, что—новый государственный переворотъ, и они станутъ въ ряды тѣхъ, надъ которыми они стоятъ; они должны были чувствовать, что и эти послѣдніе, стоявшіе внѣ правительства, точатъ кинжалы на нихъ, заготовляютъ ядъ, составляютъ заговоры и ждутъ взрыва, чтобы ворваться во дворцы, въ которыхъ живутъ ихъ враги. Поэтому пользоваться своимъ выгод-

нымъ положеніемъ, жить, пока живется, и держать ухо востро—вотъ кодексъ правилъ, которыми руководились въ своей дѣятельности итальянцы эпохи Возрожденія. Понятно, что это неуваженіе къ существующему порядку, произволъ отдѣльныхъ личностей, погоня за почестями и богатствомъ хотя и раскрывали широкій просторъ развитію личности, но узаконяли эгоизмъ, разнуздывали страсти, порождали небреженіе чужими интересами и тѣми благами, которыя не служатъ наслажденіямъ минуты.

§ 13. **Характеристика политической литературы.** Эпоха Возрожденія въ Италіи была переходной эпохой. Человѣческая личность, отказавшись отъ средневѣковыхъ воззрѣній, вступила въ новый, невѣдомый ей міръ, искала новыхъ точекъ опоры, но не могла ихъ сразу найти. Она обратилась къ древнему міру, но ни одна изъ древнихъ философскихъ системъ не могла удовлетворить итальянца этой эпохи. Такъ, наприм., знаменитый Лаврентій Медичи является отличнымъ знатокомъ Платона, считаетъ себя его приверженцемъ, но въ своей практической дѣятельности онъ сознаетъ всю безполезность этихъ философскихъ началъ; итальянскіе тираны восхищаются древними, но не руководятся ихъ воззрѣніями въ своей политикѣ. Отдѣльныя философскія воззрѣнія борятся между собою, идетъ усиленная умственная работа, но она не даетъ еще осязательныхъ результатовъ, и новыя философскія системы зарождаются лишь съ натурфилософіей Телезія и Джордано Бруно; во второй половинѣ XVI в. итальянцы пока только борятся со средневѣковыми воззрѣніями, сознаютъ неспособность средневѣковой философіи разрѣшить новыя проблемы, воздвигнутыя новою жизнью, но дальше критики они не идутъ. Такъ Помпонацій все отрицаетъ, порицаетъ, критикуетъ, но взамѣнъ разрушеннаго не выставляетъ никакого положительнаго ученія. Такое же отсутствіе опредѣленнаго, законченнаго и научно обоснованнаго міросозерцанія мы видимъ и у политиковъ этой эпохи. Они какъ бы отчаиваются найти отвѣты на свои вопросы, ищутъ идеаловъ и не находятъ ихъ, ихъ не удовлетворяетъ христіанское міросозерцаніе, они не хотятъ вѣрить въ цѣлесообразность мірового порядка, въ прирожденность человѣку нравственныхъ понятій. Религіозный индифферентизмъ, крайній пессимизмъ — отличительныя черты міровоззрѣнія итальянскихъ политиковъ этого времени. „Что такое міръ,—говоритъ, наприм., Гвичардини,—кѣмъ, для кого и для чего онъ созданъ—мы не знаемъ. Мы только чувствуемъ и на каждомъ шагу убѣждаемся, что онъ не созданъ любящимъ Творцомъ на благо человѣчества. Человѣкъ повсюду встрѣчается съ враждебными силами, и какимъ бы онъ умомъ, какою бы житейскою мудростью вооруженъ ни былъ, онъ не можетъ завоевать себѣ прочнаго счастья, удовлетворить всѣхъ желаній и стремленій. Міръ, въ которомъ человѣку живется такъ плохо, въ которомъ побѣда остается не на сторонѣ праваго дѣла, а выпадаетъ на долю ловкихъ и сильныхъ, такой міръ не можетъ быть цѣлесообразнымъ порядкомъ, управляемымъ Божественнымъ Промысломъ". „Жестоко ошибаются тѣ,—восклицаетъ Гвичардини,—которые вѣрятъ въ конечное торжество справедливости: не разумъ управляетъ міромъ, а ловкость, грубая сила и слѣпая судьба". „Эта судьба, вмѣшивающаяся въ дѣла людей, не есть, какъ думаютъ иные мечтатели,—говоритъ онъ дальше,—справедливый судья, споспѣшествующій благимъ намѣреніямъ и тормазящій злыя начинанія, эта судьба не дѣйствуетъ

по разумному плану, она бросаетъ человѣка изъ стороны въ сторону, распредѣляетъ свои дары случайно и безъ разбору. Она непостоянна, и горе, кто, соблазнившись ея улыбкой, положится на нее; но горе и тому, кто не хочетъ считаться съ этой темной силой и въ своемъ высокомѣріи или въ сознаніи правоты своего дѣла забываетъ, что послѣднее слово въ людскихъ дѣлахъ принадлежитъ ей".

Какъ не имѣютъ опредѣленнаго міросозерцанія итальянскіе политики, такъ они не имѣютъ и опредѣленнаго политическаго идеала. Многочисленность разнообразныхъ конституцій, частая смѣна ихъ въ одномъ и томъ же государствѣ должна была наводить на размышленія о достоинствахъ и недостаткахъ различныхъ государственныхъ формъ, о причинахъ паденія и прочности политическихъ учрежденій, но въ то же время и поколебать вѣру въ ихъ устойчивость, въ преемственность историческаго развитія, въ возможность долговѣчнаго и примѣнимаго всегда и вездѣ государственнаго устройства. Въ то же время должно было поколебаться уваженіе къ существующему строю и родиться безпокойство въ умахъ и тотъ духъ критики, который признаетъ за отдѣльными государственными формами лишь относительныя достоинства. Поэтому итальянскіе политики говорятъ не столько о государственныхъ законахъ и учрежденіяхъ, сколько о переворотахъ и средствахъ введенія и поддержанія государственныхъ учрежденій. Въ Италіи не было государственной формы, въ которой итальянскіе патріоты могли бы видѣть исходъ изъ безурядицы, охватившей ихъ отечество, а потому у нихъ не было и политическаго идеала.

Одною изъ отличительныхъ чертъ политической доктрины эпохи Возрожденія является взглядъ на человѣка, какъ на главный факторъ государственной жизни, обусловливающійся развитіемъ личнаго начала. Итальянскіе политики были поражены той ролью, какую играли въ политической жизни Италіи выдающіяся личности и въ республикахъ, и въ тираніяхъ, и при государственныхъ переворотахъ, и не удивительно, что они сводили всѣ явленія общественной жизни къ свободной дѣятельности человѣка, т.-е. именно къ фактору, вліяніе котораго было для нихъ всего яснѣе. И разсуждая объ отдаленныхъ эпохахъ, о возникновеніи государствъ и религій, они объясняютъ все это тѣми же причинами, которыя на глазахъ дѣйствовали въ политической и общественной жизни Италіи. Такъ складывается основное положеніе ихъ ученія, которое гласитъ: свободная дѣятельность людей создаетъ государства и религіи, ею держатся всѣ государственныя и религіозныя учрежденія, она направляетъ общественную жизнь и является причиною всего того, что не физическая природа.

Политическая доктрина при такомъ взглядѣ на дѣятельность людей естественно должна была стоять въ связи со взглядомъ на природу ихъ. Этотъ взглядъ итальянскихъ политиковъ обусловливается испорченностью итальянскихъ нравовъ, и именно преобладаніемъ эгоистическихъ влеченій: личный интересъ, по ихъ ученію, служитъ единственнымъ мотивомъ человѣческихъ поступковъ. „Люди,—говоритъ наприм., Гвичардини,—корыстолюбивы, алчны, завистливы, мстительны, трусливы; они безъ конца соперничаютъ другъ съ другомъ въ погонѣ за земными благами. Люди непостоянны въ своихъ чувствахъ и привязанностяхъ; они неблагодарны и злопамятны: оказанныя имъ благодѣянія забываютъ, за обиды мстятъ".

Этотъ пессимистическій взглядъ на природу человѣка и является источникомъ безнравственныхъ политическихъ правилъ. Живя среди злыхъ людей, разсуждаютъ итальянскіе политики, нужно умѣть и считаться съ ихъ слабостями. Нужно или отказаться отъ дѣятельности, или примириться съ мыслью, что честность и справедливость еще не обезпечиваютъ успѣха. Нельзя,—говоритъ, наприм., Гвичардини,—управлять подданными иначе, какъ строгостью, ибо того требуетъ злоба людей". „Если бы всѣ люди",—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„были честны и умны, то гуманность была бы умѣстнѣе жестокости; но такъ какъ большинство людей не честны и не умны, то и приходится прибѣгать къ строгости, а тѣ, которые думаютъ иначе, жестоко ошибаются". Недовѣрчивость людей, ихъ завистливость и пронырство требуютъ, чтобы политики умѣли притворствовать и скрывать свои настоящія намѣренія. Открытый обманъ, грубое насиліе всегда производятъ на людей дурное впечатлѣніе,—политикъ поэтому долженъ казаться откровеннымъ и гуманнымъ, что не должно однако мѣшать ему проводить свои планы и намѣренія.

Бороться съ этими дурными сторонами людей, съ темными силами, управляющими міромъ, можетъ лишь государство. Это воззрѣніе на государство, какъ на нравственную школу, стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ воззрѣніемъ Среднихъ вѣковъ. Итальянскіе политики въ отличіе отъ средневѣковыхъ писателей учили, что религія возникаетъ лишь въ государствѣ (а не до) и сильна лишь тѣмъ мечомъ, который оно ей вручаетъ; лишь государство (не одна только религія) создаетъ условія, развивающія въ людяхъ нравственныя понятія, вооружаетъ ихъ орудіями для борьбы противъ зла, и лишь въ немъ это зло можетъ быть побѣждено; они утверждали, что пренебреженіе земными интересами есть одна изъ причинъ тѣхъ золъ, которыя преслѣдуютъ современное человѣчество.

Вопросы государственной жизни господствуютъ у итальянскихъ политиковъ надъ всѣми остальными. Они говорятъ о морали и религіи только для того, чтобы опредѣлить ихъ отношеніе къ государству, о религіозныхъ интересахъ, чтобы выяснить въ нихъ ихъ служебную роль. Религія, наприм., для Макіавелли—политическое орудіе, долженствующее служить цѣлямъ общежитія, именно для поддержанія единенія и дисциплины въ народѣ и уваженія къ государственнымъ законамъ. Откровенной религіи для него нѣтъ, она, какъ и государство—дѣло рукъ человѣческихъ, и при ея установленіи возможны ошибки такъ же какъ и при установленіи государства. Гвичардини относится къ религіознымъ вѣрованіямъ или индифферентно, или скептически. Религіозная точка, по его мнѣнію, неумѣстна при изученіи политической жизни, и не слѣдуетъ смѣшивать эти двѣ области. Большинство чудесъ, думаетъ онъ, можно объяснить естественными причинами; но если они и не плодъ болѣзненнаго воображенія, то это тайны природы, недоступныя человѣческому уму. Гвичардини выражается еще рѣзче, когда говоритъ о вліяніи религіи и папства на нравы и судьбы Италіи. „Излишняя религіозность,—говоритъ онъ,—развращаетъ міръ, разслабляетъ умы, вводитъ людей въ заблужденія, отвлекаетъ ихъ отъ благородныхъ и сильныхъ предпріятій". „Я всегда желалъ разрушенія папства,—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—и если бы судьба не сдѣ-

лала меня служителемъ папы, то я любилъ бы Мартина Лютера болѣе, чѣмъ самого себя, ибо надѣялся бы, что расколъ его положитъ конецъ этому безсовѣстному тиранству поповъ".

---

## ГЛАВА II.

### Политическое ученіе Макіавелли.

§ 14. **Взглядъ на человѣка и природу.** Міръ, по воззрѣнію Макіавелли, не гармоническій порядокъ, созданный любящимъ Творцомъ, это хаосъ силъ, враждующихъ съ человѣкомъ. И среди этого міра стоитъ одиноко человѣкъ, самая безпомощная тварь: плачемъ привѣтствуетъ онъ этотъ міръ страданій, отвратительнымъ хрипѣньемъ заканчиваетъ свое жалкое существованіе. Природа вооружила всѣхъ животныхъ орудіями борьбы, одинъ человѣкъ рождается безпомощнымъ. И если онъ чѣмъ-нибудь превосходитъ остальныхъ тварей, то это своими непомѣрными желаніями, которыя даны ему на то, чтобы страдать и мучиться.

Человѣкъ, по воззрѣнію Макіавелли, не царь природы, а самая жалкая и безпомощная тварь. Но онъ имѣетъ общее всѣмъ животнымъ чувство самосохраненія, и это чувство заставляетъ его бороться съ природою и съ самимъ собою. И чѣмъ безпомощнѣе человѣкъ, тѣмъ необузданнѣе его страсти, чѣмъ враждебнѣе ему природа, тѣмъ отчаяннѣе его борьба за существованіе. И эта то борьба породила все то, что составляетъ не физическую природу: она создала государство, нравственность, религію.

Сознавая свое безсиліе въ борьбѣ съ природою, человѣкъ сталъ искать союза съ себѣ подобными. Люди, жившіе первоначально разрозненно, стали сближаться между собою, дабы общими силами отражать общихъ враговъ. Такъ возникло государство.

Нашедши въ общежитіи средства отражать внѣшнихъ враговъ, человѣкъ обратился къ борьбѣ съ самимъ собою, со своими страстями. Пока люди жили разрозненно, ничто не побуждало ихъ сдерживать страсти; соединившись же въ государство, люди поняли, что эти страсти—враги всякаго общежитія, и что внутренній миръ можетъ быть обезпеченъ лишь тогда, когда люди откажутся отъ исключительнаго преслѣдованія своихъ эгоистическихъ стремленій и въ интересахъ мирнаго общежитія наложатъ узду на свои страсти. Изъ этой борьбы людей со своими страстями возникли нравственность и религія, обуздавшія человѣческія влеченія.

Зло—безпомощность человѣка среди враждебнаго ему міра и необузданность его страстей—породило добро: государство, нравственность, религію.

Но это добро порождаетъ новое зло. Люди, забывая уроки прошедшаго, разрушаютъ дѣло рукъ своихъ и легкомысленно стираютъ съ лица земли все то, что въ потѣ лица своего отвоевали ихъ предки. Они не удовлетворяются завоеванными благами. Выросши среди благоустроеннаго общежитія и не испытавши измѣнчивости судьбы, люди забываютъ,

какою цѣною были куплены блага, которыми они наслаждаются. И покой, наступающій въ государствѣ, въ которомъ процвѣтаетъ нравственность и уважается религія, порождаетъ праздность и довольство, источники пороковъ. Покой, который отвоевали себѣ люди, учредивъ религію, и нравственность, является, такимъ образомъ, причиною новаго зла, разрушающаго государство. Такъ порождаетъ зло добро, а добро зло, и одно является причиною другого.

Но не только люди разрушаютъ созданное ими. Существуетъ еще другая сила, врывающаяся въ область, которую отвоевалъ себѣ человѣкъ. Эта сила—сила судьбы. Судьба, какъ ее понимаетъ Макіавелли,—какая-то стихійная сила, вмѣшивающаяся въ дѣла людей лишь въ эпохи броженія, въ эпохи всеобщихъ переворотовъ, и вмѣшательствомъ судьбы Макіавелли объясняетъ и тѣ перевороты, которые, по его воззрѣнію, наступаютъ въ извѣстные промежутки времени и разрушаютъ всѣ результаты предшествующаго историческаго развитія. Эти перевороты уничтожаютъ не только все выработанное человѣкомъ, но и изглаживаютъ самую память о прошедшемъ. Міръ представляетъ собою опять tabula rasa, и человѣкъ долженъ снова начать свою работу—наполнить этотъ бѣлый листъ содержаніемъ. И вотъ почему бѣлый листъ снова наполняется тѣмъ же содержаніемъ, которое только-что было стерто съ него. Повторяется сызнова весь процессъ, который человѣчество только-что пережило. И этотъ процессъ порождаетъ тѣ же результаты и продолжается до тѣхъ поръ, пока міръ не наполнится вновь людской злобой, которая влечетъ за собою новое разрушеніе. Отсюда вѣчное круговращеніе. Но человѣчество, описывая эти круги, не двигается впередъ, а постоянно возвращается къ своей первоначальной исходной точкѣ. Описавъ радіусъ круга, оно ничему не научилось, никакихъ результатовъ не добыло и возвращается къ своему прежнему состоянію, дабы сызнова и съ роковой необходимостью вступить на прежній путь. Исторія человѣчества не есть, слѣдовательно, прогрессивное движеніе, разложеніе стараго, нарожденіе новыхъ силъ и ихъ развитіе. Люди не способны къ усовершенствованію; они даже не способны устоять на томъ уровнѣ, на которомъ застаетъ ихъ естественное сосстояніе. Люди живутъ лишь для того, чтобы спускаться все ниже со ступеньки на ступеньку, пока испорченность ихъ не достигнетъ крайнихъ размѣровъ, и новый переворотъ не очиститъ міръ отъ накопившейся людской злобы.

§ 15. **Племя, національность и государство.** Макіавелли чуждо понятіе племени, какъ цѣлаго, связаннаго единствомъ происхожденія. То, что заставило людей соединиться въ общежитіе,—не родство, а исключительно общность интересовъ. Государство не выросло изъ семьи, и родственныя отношенія никогда не служили связывающимъ началомъ общежитія. Люди жили первоначально разрозненно, и единство происхожденія не сближало ихъ. Лишь когда необходимость защищаться общими силами была создана людьми, они рѣшились сблизиться и основать государство.

Макіавелли чуждо и понятіе національности, какъ культурнаго цѣлаго. Для него существуетъ лишь политическое единство—народъ, который, въ его глазахъ, не что иное, какъ совокупность отдѣльныхъ гражданъ, связанныхъ между собою сожительствомъ въ государствѣ.

Государство созданное людьми, держится и направляется свободною волею людей. Оно не имѣетъ никакого самостоятельнаго бытія; человѣкъ, которому оно обязано своимъ существованіемъ, держитъ его въ своей власти и можетъ по произволу видоизмѣнять его, разрушать и вновь созидать. Созданное всѣми и для всѣхъ, государство должно и служить интересамъ всѣхъ: цѣль государства—общее благо.

Но по силамъ-ли такая задача государству, какъ его понимаетъ Макіавелли? Дабы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны познакомиться съ воззрѣніемъ Макіавелли на человѣческую природу.

§ 16. **Человѣческая природа**. Въ человѣкѣ живутъ самыя разнообразныя влеченія, которыя и управляютъ его дѣятельностью. Человѣкъ не имѣетъ врожденныхъ нравственныхъ понятій, онъ лишенъ всякой внутренней силы, которая сдерживала бы его влеченія и направляла бы ихъ въ ту или другую сторону. Человѣческія влеченія возбуждаются внѣшними впечатлѣніями и дѣйствуютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чувствительнѣе полученный ими извнѣ толчокъ. Человѣка, какъ его намъ рисуетъ Макіавелли, можно сравнить съ музыкальнымъ инструментомъ, который не дѣйствуетъ самопроизвольно, а издаетъ звуки лишь тогда, когда по его клавишамъ удоряетъ какая-либо внѣшняя сила. Если дѣятельность людей направляется влеченіями, возбуждаемыми внѣшними случайными обстоятельствами, то эта дѣятельность не можетъ быть ни устойчивой, ни послѣдовательной.

Въ человѣкѣ, по воззрѣнію Макіавелли, преобладаютъ дурныя влеченія. Люди, говоритъ онъ, болѣе склонны ко злу, чѣмъ къ добру. Про нихъ можно вообще сказать, что они неблагодарны, непостоянны, лицемѣрны, трусливы, корыстолюбивы. Исторія множествомъ примѣровъ доказываетъ, что всякій устраивающій общежитіе и вводящій въ немъ законы, долженъ выходить изъ того предположенія, что люди дурны и что они даютъ просторъ злобѣ своего сердца каждый разъ, какъ только имъ представляется случай безпрепятственно проявлять ее.

Но какъ бы разнообразны эти влеченія ни были, они связаны однимъ общимъ мотивомъ. И этотъ мотивъ—эгоизмъ. Эгоизмъ—отличительная черта человѣческой природы; изъ него вытекаютъ всѣ человѣческія влеченія, между которыми Макіавелли отводитъ корыстолюбію и властолюбію первое мѣсто. Макіавелли неоднократно также указываетъ и на зависть, какъ на одинъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ человѣческой дѣятельности. И любовь, которая является однимъ изъ главныхъ двигателей человѣческой дѣятельности, по воззрѣнію Макіавелли, ничто иное, какъ чувство, обусловленное эгоистической природой человѣка, ничто иное, какъ плата за полученныя благодѣянія. Любовь, говоритъ Макіавелли, есть связь, обусловленная чувствомъ благодарности, и эта связь можетъ быть порвана любымъ соображеніемъ личной пользы. Но какъ скоро любовь есть лишь плата за добро, лишь отраженіе впечатлѣній, полученныхъ извнѣ, то чувство это должно быть крайне непостояннымъ и держаться въ людяхъ, лишь пока они испытываютъ тѣ пріятныя ощущенія, которыми оно было вызвано. Пока ты оказываешь людямъ добро, говоритъ Макіавелли, они всецѣло преданы тебѣ, предлагаютъ тебѣ свой кровъ, свое имущество, свою жизнь, своихъ сыновей, но лишь пока ты въ этомъ не нуждаешься; но стоитъ тебѣ только потребовать этихъ благъ, и они отворачиваются отъ тебя.

§ 17. **Перевоспитаніе человѣка въ государствѣ.** Цѣль государства — общее благо, люди же, которыми только и держится это государство, узкіе эгоисты, умѣющіе дѣйствовать только подъ напоромъ своекорыстныхъ влеченій. Какъ же, спрашивается теперь, могутъ эти эгоисты, соединившись въ государство, отказаться отъ исключительнаго преслѣдованія своихъ личныхъ интересовъ и сдѣлаться носителями общаго блага? Макіавелли не избѣгаетъ этого вопроса. Напротивъ, онъ постоянно имѣетъ въ виду несоотвѣтствіе между природою людей и обязанностями, которыя возлагаетъ на нихъ жизнь въ государствѣ. Все его политическое ученіе есть ни что иное, какъ рядъ правилъ, имѣющихъ цѣлью указаніе тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ это несоотвѣтствіе можетъ быть сглажено. И средства эти заключаются въ обузданіи своекорыстныхъ влеченій людей и въ привитіи гражданамъ нравственныхъ качествъ, которыя сдѣлали бы ихъ способными служить общему благу. Но возможно ли обуздать своекорыстныя влеченія людей и заставить ихъ дѣйствовать на общее благо?

Мы знаемъ изъ предыдущаго, что влеченія людей возбуждаются внѣшними впечатлѣніями. Эти впечатлѣнія, воздѣйствуя на человѣка, не встрѣчаютъ съ его стороны никакого отпора. Кто знакомъ съ влеченіями человѣка и тѣми внѣшними мотивами, которыми они возбуждаются, тотъ можетъ заставить человѣка дѣйствовать такъ, а не иначе. Мы сравнивали выше человѣческія влеченія съ клавишами музыкальнаго инструмента: посвященный въ устройство этихъ клавишей, можетъ, ударяя по нимъ, издавать любые звуки, Когда люди предоставлены самимъ себѣ, и мотивами ихъ дѣятельности служатъ влеченія, возбуждаемыя случайными обстоятельствами, тогда дѣятельность ихъ лишена всякаго смысла: страсти людей, ничѣмъ не сдержанныя, бросаютъ ихъ изъ стороны въ сторону. Люди дѣйствуютъ хорошо лишь тогда, когда ихъ влеченія сдерживаются и направляются разумной силою; тамъ же, гдѣ влеченія людей ничѣмъ не обузданы, люди безсильны, и дѣятельность ихъ безплодна. Дѣла людей, говоритъ Макіавелли, никогда не достигли бы такой высоты, если бы люди не были принуждены къ тому необходимостью. Люди дѣйствуютъ въ силу необходимости или по свободному выбору· и мы видимъ большую добродѣтель тамъ, гдѣ выборъ имѣетъ наименѣе мѣста. Люди не иначе дѣлаютъ добро, какъ въ силу необходимости: тамъ, гдѣ имъ предоставленъ свободный выборъ, и свобода ихъ ничѣмъ не стѣснена, тамъ возникаетъ замѣшательство и безпорядокъ.

Этой стороной человѣческой природы и должны воспользоваться основатели и организаторы государства. Они должны устроить государственную жизнь такимъ образомъ, чтобы внѣшняя сила воздѣйствовала на людей и заставляла ихъ дѣйствовать лишь въ направленіи, полезномъ общежитію. Эта сила, въ виду крайней впечатлительности и неустойчивости человѣческой природы, должна быть, во-первыхъ, силою принудительной, во-вторыхъ, постоянно воздѣйствующей на людей. Она должна быть какъ бы мечомъ Дамокла, висящимъ надъ головами гражданъ и напоминающимъ имъ объ ихъ обязанностяхъ. Очевидно, что такой силой не обладаютъ ни школа, ни Церковь. Какъ бы хороши ни были правила, которыя прививаетъ человѣку воспитаніе, они не въ состояніи развить въ человѣкѣ нравственной устойчивости: сталкиваясь съ соблазнами жизни, поддаваясь вліянію новой среды, человѣкъ измѣ-

няетъ правиламъ, вложеннымъ ему воспитаніемъ. Но и религія, пока она дѣйствуетъ на людей путемъ проповѣди, безсильна обуздать страсти людей. Лишь когда она является политическимъ орудіемъ въ рукахъ государства или когда она говоритъ устами вооруженнаго пророка, она перестаетъ быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но вооруженные пророки и религія, опирающаяся на авторитетъ государства, сильны не своимъ словомъ, а тѣмъ мечомъ, которымъ надѣлило ихъ государство. Сила, долженствующая обуздать страсти людей и воспитать въ нихъ гражданскія добродѣтели, можетъ заключаться, по воззрѣнію Макіавелли, лишь въ условіяхъ государственной жизни. Только государство обладаетъ авторитетомъ, способнымъ сдержать страсти людей и направить ихъ влеченія на благую цѣль. Влеченія сами по себѣ не вредны: они дѣлаются таковыми лишь тогда, когда имъ дается полный просторъ и когда ихъ не направляетъ и не регулируетъ разумная сила, сознательно стремящаяся къ благой цѣли. Одно и то же влеченіе является то рычагомъ для великихъ гражданскихъ подвиговъ, то источникомъ безразсудныхъ и гибельныхъ поступковъ. Задача государства въ борьбѣ съ человѣческими влеченіями — сдержать эти влеченія, гдѣ они могутъ имѣть лишь вредныя послѣдствія, и давать имъ волю тамъ, гдѣ они могутъ служить стимуломъ плодотворной дѣятельности.

Главныя влеченія, съ которыми приходится бороться государству— корыстолюбіе и властолюбіе.

Корыстолюбивыя влеченія людей вредны всякому общежитію. Государство должно поэтому препятствовать развитію этихъ влеченій и съ этой цѣлью дѣлать ихъ безвредными. И средство къ тому—законы, установляющіе равномѣрное распредѣленіе имуществъ и препятствующіе накопленію матеріальныхъ богатствъ въ рукахъ немногихъ.

Властолюбіе, по воззрѣнію Макіавелли, — главный источникъ тираній, и нельзя назвать государство благоустроеннымъ, которое даетъ широкій просторъ властолюбію отдѣльныхъ гражданъ. Съ другой стороны, величайшіе гражданскіе подвиги совершаются людьми не изъ безкорыстнаго служенія общему благу, а изъ жажды власти. Великіе основатели и реформаторы государствъ были и великими властолюбцами, и если бы ихъ служеніе государству не сулило бы имъ земныхъ благъ, не удовлетворяло бы ихъ тщеславію, они никогда не совершили бы славныхъ дѣяній, которыя сдѣлали ихъ имена безсмертными. Считать властолюбцевъ безусловно вредными людьми значитъ отрицать заслуги Моисея, Тезея, Кира, Александра. Мало того, ни одно государство не можетъ существовать безъ сильныхъ людей, обязанныхъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ своей жаждѣ власти. Республика Макіавелли не можетъ существовать безъ сильныхъ людей и не можетъ быть управляема. Съ другой стороны, авторитетъ отдѣльныхъ гражданъ — источникъ тираніи. Необходимо поэтому надѣлять гражданъ лишь такимъ авторитетомъ, который былъ бы полезенъ, а не вреденъ городу и его свободѣ.

Чей же авторитетъ полезенъ и чей вреденъ?

Люди стремятся къ власти не ради власти. То, что дѣлаетъ властолюбіе вреднымъ, — это тѣ своекорыстныя влеченія, ради которыхъ люди ищутъ власти. Поэтому вредны тѣ властолюбцы, которые живутъ въ обстановкѣ, благопріятствующей развитію влеченій. А въ такой обстановкѣ живутъ люди, обладающіе матеріальными богатствами. Бо-

гатство обезпечиваетъ людямъ досугъ, позволяющій имъ жить праздно. Праздность же разслабляетъ человѣка и даетъ перевѣсъ животной сторонѣ его природы. Властолюбіе богатыхъ людей, имѣющіе такіе мотивы, не можетъ быть полезно государству. Бѣдность, по Макіавелли,— самое дѣйствительное воспитательное средство: она не даетъ развиться тѣмъ дурнымъ страстямъ, ради которыхъ люди ищутъ власти. Уничтожить богатство отдѣльныхъ лицъ значитъ уничтожить источникъ вредныхъ общежитію властолюбивыхъ влеченій. Средство противъ властолюбцевъ, говоритъ Макіавелли, — содержать людей въ бѣдности, дабы они своимъ богатствомъ безъ добродѣтели не портили ни себя, ни другихъ. Но не только матеріальное богатство, но и всякое другое благо, выпавшее случайно на долю человѣка, а не добытое имъ собственными усиліями, развиваетъ въ немъ влеченія, вредныя общежитію. Государство должно быть устроено такимъ образомъ, чтобы общественныя власти покоились лишь въ рукахъ людей, которые своими заслугами успѣли доказать свою способность къ государственному служенію. Власть, порученная имъ, не должна быть случайнымъ подаркомъ, но наградою за оказанныя государству услуги. И человѣкъ, который пріобрѣлъ власть цѣною долговременнаго и добросовѣстнаго служенія, будетъ пользоваться ею не для удовлетворенія своекорыстныхъ цѣлей, а въ интересахъ того общества, которое поручило ему эту власть во вниманіе къ заслугамъ. Жизнь, посвященная общественному служенію, воспитала въ немъ любовь къ труду, обуздала похоти плоти, развила болѣе благородныя стремленія. Властолюбіе такого человѣка не вредно обществу: не удовлетворяясь своимъ положеніемъ, онъ не уступаетъ напору низкихъ страстей, имъ двигаетъ жажда дѣятельности, его соблазняетъ тотъ почетъ, тѣ награды, то всеобщее уваженіе, которое выпадаетъ на долю достойныхъ слугъ государства.

Но властолюбіе лицъ, достигшихъ власти, высокаго положенія въ обществѣ личными заслугами и могущихъ похвалиться всѣми качествами, которыя составляютъ украшеніе государственнаго дѣятеля, можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ сдѣлаться гибельнымъ для государства. Человѣку, вкусившему разъ всю сладость власти, всѣ тѣ выгоды и преимущества, съ которыми связано высокое положеніе въ обществѣ, привыкшему къ общественной дѣятельности и полюбившему ее; трудно возвратиться къ частной жизни. Если общество устраняетъ такого человѣка отъ всякаго участія въ политической дѣятельности, то оно само воспитываетъ себѣ въ немъ врага и наталкиваетъ его на опасный путь. Изъ полезнаго общественнаго дѣятеля онъ превратится въ опаснаго врага государственнаго порядка и употребитъ свои силы и способности на дѣятельность, проникнутую желаніемъ отомстить своимъ неблагодарнымъ согражданамъ. Если государство хочетъ обезопасить себя со стороны властолюбивыхъ влеченій, имѣющихъ подобные мотивы, то оно должно раскрывать широкій просторъ всѣмъ даровитымъ и заслуженнымъ гражданамъ и вознаграждать ихъ заслуги по достоинству. Если всѣ сильные и достойные умы и таланты найдутъ себѣ законное приложеніе, то они не будутъ искать незаконныхъ путей, и государственному порядку не будетъ грозить опасность.

Воспитаніе людей къ гражданской жизни не можетъ заключаться въ одномъ пресѣченіи и обузданіи вредныхъ общежитію влеченій. Быть

добродѣтельнымъ, по Макіавелли, значитъ не только воздерживаться отъ зла, но и творить благо.

Въ чемъ же заключаются эти гражданскія добродѣтели? Мы знаемъ, что цѣль государства—общее благо. Всѣ нравственныя качества, которыми должны быть вооружены граждане, дабы быть носителями общаго блага, и являются, по воззрѣнію Макіавелли, тѣми гражданскими добродѣтелями, которыя составляютъ главную основу государства. И дѣятельная любовь общаго блага — первая изъ этихъ добродѣтелей, изъ которой вытекаютъ всѣ остальныя. Дабы эта добродѣтель могла развиться въ людяхъ, необходимъ цѣлый рядъ условій.

Человѣкъ Макіавелли — крайній матеріалистъ. Ему не доступны абстрактныя идеи, онъ не способенъ воодушевляться идеальными благами. То, чего онъ не видитъ и не осязаетъ, то для него и не существуетъ. Общее благо не можетъ быть поэтому для человѣка предметомъ служенія, пока оно идеальная цѣль, теряющаяся въ туманѣ грядущихъ временъ. Граждане государства, въ которомъ власть покоится въ рукахъ одного или многихъ и правители эксплуатируютъ эту власть въ своихъ интересахъ, граждане такого государства способны лишь любить свой очагъ и свое добро; въ ближнемъ они видятъ или своего личнаго друга, или своего личнаго врага, или своего соперника, или своего пособника въ погонѣ за земными благами; понятіе общаго блага лежитъ за предѣлами ихъ умственнаго и нравственнаго кругозора. Гражданскія добродѣтели могутъ, по воззрѣнію Макіавелли, развиваться лишь въ свободномъ государствѣ, ибо лишь въ такомъ государствѣ общее благо не пустозвонная фраза, прикрывающая своекорыстныя влеченія правителей, не требованіе немногихъ избранныхъ умовъ, а та реальная цѣль, которой служатъ всѣ граждане, живущіе сознательной общественной жизнью.

Мы знаемъ изъ предыдущаго, что любовь, по Макіавелли, есть ни что иное, какъ плата за полученныя благодѣянія. Любовь общаго блага можетъ по этому развиться лишь подъ сѣнью такого государственнаго строя, который не ложится тяжелымъ бременемъ на народъ, не требуетъ отъ него однѣхъ жертвъ и услугъ, а надѣляетъ гражданъ видимыми, осязаемыми благами. Она можетъ окрѣпнуть лишь въ государствѣ, которое является защитникомъ и покровителемъ гражданъ. Гражданинъ, который можетъ спокойно пользоваться плодами своихъ трудовъ, который довѣрчиво предоставляетъ защиту своего имущества и своей чести государству и видитъ въ немъ вѣрнаго стража своихъ интересовъ, такой гражданинъ не можетъ не дорожить благами общежитія и не видѣть въ нихъ необходимаго условія своего благосостоянія. И, проникаясь благодарностью къ учрежденіямъ, которыя охраняютъ его очагъ, его семью, его добро, къ тѣмъ общественнымъ дѣятелямъ, которые пекутся объ его интересахъ, онъ научается любить и уважать ихъ, какъ своихъ естественныхъ защитниковъ и покровителей. И эта любовь является здѣсь не безкорыстнымъ чувствомъ, а ни чѣмъ инымъ, какъ платою за благодѣянія, которыми надѣляетъ его государство.

Любовь общаго блага не должна однако остаться на степени простого благожеланія: она становится добродѣтелью лишь тогда, когда выражается въ дѣятельномъ служеніи на пользу государства. Эта дѣятельная любовь предполагаетъ въ людяхъ энергію и мужество. Развитію же этихъ качествъ, по воззрѣнію Макіавелли, всего болѣе способ-

ствуетъ экономическая обстановка. Богатство обезпечиваетъ людямъ досугъ, а досугъ пріучаетъ людей къ праздности. Бѣдность же принуждаетъ людей къ трудy и развиваетъ въ нихъ силу воли и любовь къ дѣятельной жизни.

Развитію въ людяхъ мужества и энергіи способствуетъ и религіозное воспитаніе. И если эти гражданскія добродѣтели не процвѣтаютъ болѣе въ наше время, между тѣмъ какъ въ античномъ мірѣ онѣ украшали гражданъ и являлись источникомъ подвиговъ, удивлявшихъ міръ, то эту перемѣну, по воззрѣнію Макіавелли, должно приписать вліянію католической Церкви. Если современный человѣкъ ослабъ физически и утратилъ бодрость духа, то онъ обязанъ упадкомъ своихъ душевныхъ и физическихъ силъ религіозному воспитанію новаго времени, которое научаетъ людей страдать и унижаться и видѣть въ презрѣніи къ земнымъ благамъ высшую добродѣтель.

Мы видѣли, что любить государство можетъ заставить гражданъ лишь личный интересъ. И только этотъ личный интересъ можетъ, по воззрѣнію Макіавелли, заставить людей служить государству. Государство должно поэтому вознаграждать услугу гражданъ и обставлять ихъ общественную дѣятельность такими условіями, которыя заставляли бы ихъ искать общественной службы въ своихъ личныхъ интересахъ. Гражданскія добродѣтели могутъ, по воззрѣнію Макіавелли, процвѣтать лишь въ государствѣ, которое умѣетъ цѣнить эти добродѣтели и вознаграждать ихъ по заслугамъ.

§ 18. **Вліяніе мѣстности.** Макіавелли считаетъ условія мѣстности важнымъ факторомъ жизни. Они, по его мнѣнію, опредѣляютъ внѣшнюю политику государства, вліяютъ на его строй и воздѣйствуютъ на нравственный складъ народа. Государство, основанное въ защищенной природою мѣстности, можетъ развиваться успѣшнѣе, чѣмъ общежитіе, которому приходится тратить свои силы на отраженіе внѣшнихъ враговъ. Быстрое развитіе Венеціанской республики Макіавелли объясняетъ ея географическимъ положеніемъ, которое защищало ее отъ нападенія варваровъ, опустошавшихъ остальную Италію. Но такое географическое положеніе, ставящее врагамъ естественныя преграды, имѣетъ и важныя неудобства: необходимость не заставляетъ гражданъ упражняться въ военномъ искусствѣ, что развиваетъ въ нихъ праздность и изнѣженность, качества, въ которыхъ Макіавелли видитъ источникъ вредныхъ общежитію влеченій. Такое государство прочно лишь, пока остается въ своихъ естественныхъ границахъ, но стоитъ ему только переступить ихъ, и всѣ преимущества его географическаго положенія исчезаютъ и обращаются въ невыгоды; распространившись за предѣлы защищаемыхъ природою границъ, оно раскрываетъ врагамъ настежь двери въ свою территорію и, сравнявшись въ этомъ отношеніи съ другими государствами, оно далеко отстаетъ отъ нихъ въ способности защищать свою территорію: оно не можетъ выставить надежной военной силы, ибо населеніе его не велико и испорчено праздною жизнью. Такое государство можетъ поэтому существовать лишь, пока остается въ своихъ естественныхъ границахъ.

Плодородіе почвы имѣетъ важное значеніе для государственной жизни. Оно, съ одной стороны, вліяетъ на нравственный складъ народа, съ другой—на внѣшнее могущество государства. Почва, которая вознаграждаетъ трудъ человѣка лишь цѣною продолжительныхъ

и настойчивыхъ усилій, развиваетъ въ людяхъ энергію и любовь къ труду. Но бѣдность почвы—важное препятствіе къ размноженію населенія, а густота населенія является первымъ условіемъ внѣшняго могущества государства, ибо лишь государство съ густымъ населеніемъ можетъ выставить войско, способное отражать внѣшнія нападенія. Основатели государствъ должны поэтому избирать плодородныя мѣстности и устранять законами неудобства, проистекающія изъ богатства природы.

Если условія мѣстности являются такими важными факторами государственной жизни, то руководители государствъ должны принимать ихъ во вниманіе и согласовать съ ними цѣли и средства своей политики. Но они не должны безусловно подчиняться имъ, ибо предоставлять природѣ полный просторъ и безповоротно признавать надъ собою ея господство значитъ заранѣе отказаться отъ всякой благоустроенной жизни. Люди должны отказаться отъ мысли найти страну, которая удовлетворяла бы всѣмъ требованіямъ общежитія, а трудомъ и энергіей создавать условія, которыхъ не уготовила имъ природа. Они должны избѣгать лишь такихъ мѣстностей, невыгоды которыхъ не могутъ быть устранены, и вступать въ борьбу съ природою вездѣ, гдѣ эта борьба обѣщаетъ имъ успѣхъ. Исторія Рима показываетъ, что энергія и мудрость людей въ силахъ побороть препятствія, которыя съ перваго взгляда кажутся непреодолимыми. Римляне жили въ странѣ, которая щедро вознаграждала трудъ человѣка, и, тѣмъ не менѣе, это богатство не изнѣжило римлянъ: они и среди счастливыхъ условій сумѣли развить въ себѣ тѣ гражданскія добродѣтели, которымъ Римъ обязанъ своимъ величіемъ.

§ 19. **Вліяніе историческаго прошедшаго.** Историческое прошедшее, по воззрѣнію Макіавелли, имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько оно живо въ людяхъ въ формѣ извѣстныхъ привязанностей и привычекъ ума. Общественный строй, среди котораго люди прожили извѣстное время, вліяетъ на ихъ образъ жизни и на ихъ частную обстановку. Они привыкаютъ къ этой обстановкѣ, и если она не противорѣчитъ ихъ болѣе настоятельнымъ потребностямъ и обезпечиваетъ имъ мирное существованіе, то они привязываются къ ней и держатся ея. Вотъ эти-то привычки и привязанности и являются, по воззрѣнію Макіавелли, тѣми слѣдами историческаго прошедшаго, съ которыми приходится считаться политику. Но эти привязанности не пускаютъ глубокихъ корней въ человѣкѣ, и причина тому—крайняя впечатлительность и неустойчивость человѣческой природы. Какъ исторія проходитъ для человѣчества безслѣдно, такъ и отдѣльный человѣкъ не имѣетъ прошедшаго. Онъ живетъ только настоящимъ; прошедшее не развиваетъ въ немъ склада мыслей и чувствъ, которыя могли бы устоять противъ испытываемыхъ имъ внѣшнихъ впечатлѣній и оставались бы неизмѣнными среди измѣнчивости внѣшней обстановки. Привязанность къ учрежденіямъ держится въ людяхъ, пока существуютъ эти учрежденія, то стоитъ только разрушить эти учрежденія, — и привязанность къ нимъ исчезаетъ.

Реформатору, замѣняющему старый строй новымъ, не приходится, слѣдовательно, смущаться древностью извѣстныхъ учрежденій, ибо эта древность сама по себѣ никакихъ связей не выработала. Онъ долженъ только обращать вниманіе на привычки и привязанности людей;

сложившіяся подъ вліяніемъ этихъ учрежденій, и, главное, изслѣдовать, какіе интересы людей затрогиваются разрушеніемъ стараго строя. Кромѣ того, такъ какъ люди дорожатъ болѣе внѣшностью чѣмъ дѣйствительностью, то реформаторъ долженъ сохранить внѣшнюю оболочку учрежденій и не разрушать внѣшнихъ формъ, къ которымъ приглядѣлись люди.

§ 20. **Свойства и качества народа.** Хотя страсти и влеченія у всѣхъ людей во всѣ времена одинаковы, они, тѣмъ не менѣе, проявляются различно по различію тѣхъ общественныхъ условій, среди которыхъ люди вращаются Дабы познакомиться съ природою отдѣльныхъ общественныхъ элементовъ, недостаточно изучить природу человѣка вообще, а необходимо также прослѣдить, какое направленіе получаютъ страсти и влеченія людей, какъ скоро люди выступаютъ на поприщѣ общественной дѣятельности и являются или самостоятельными государственными дѣятелями, или членами той или другой общественной группы.

Начнемъ съ народа. Подъ народомъ Макіавелли подразумѣваетъ трудящійся людъ, состоящій изъ гражданъ, которые ни богатствомъ, ни общественнымъ положеніемъ не возвышаются надъ общимъ уровнемъ. Разсуждая о достоинствахъ и недостаткахъ народа, Макіавелли говоритъ о совокупности гражданъ, какъ о цѣломъ, играющемъ активную роль въ государственной жизни не иначе, какъ выступая замкнутой толпой.

Дурныя качества человѣческой природы—крайняя подвижность и неустойчивость—не могутъ такъ рѣзко выступать у народа, благодаря тому, что онъ сложное цѣлое, движеніе котораго тормазятъ его отдѣльныя составныя части—люди, держащіеся различныхъ воззрѣній и имѣющіе неодинаковыя стремленія. Народъ, дѣйствуя въ совокупности, можетъ выставлять лишь такія требованія, которыя общи всѣмъ гражданамъ: отдѣльныя противорѣчащія другъ другу воззрѣнія и стремленія должны слиться въ общее желаніе прежде, чѣмъ сдѣлаться мотивомъ дѣятельности народа, какъ цѣлаго. Вотъ почему Макіавелли считаетъ народъ неспособнымъ къ быстрымъ рѣшеніямъ и движеніямъ. Требованія, съ которыми выступаетъ народъ, обусловливаются не своекорыстными влеченіями и прихотями отдѣльныхъ гражданъ, которыя слишкомъ противорѣчатъ другъ другу и развитію которыхъ, кромѣ того препятствуетъ экономическая обстановка народа, а лишь интересами, общими всѣмъ гражданамъ, составляющимъ народъ. Эти интересы—безопасность и неприкосновенность имущества и чести. Только ради защиты этихъ интересовъ народъ выходитъ изъ своей пассивной роли, и его желанія удовлетворены, какъ скоро ему обезпечена неприкосновенность его имущества и чести. Этими двумя отличительными качествами народа—его неспособностью къ быстрымъ рѣшеніямъ и движеніямъ, съ одной стороны, и скромностью и ограниченностью его желаній, съ другой,—Макіавелли объясняетъ всѣ его достоинства и недостатки.

Народъ, будучи неспособнымъ къ быстрымъ рѣшеніямъ и движеніямъ, дорожа благами, которыя нуждаются прежде всего въ прочномъ государственномъ порядкѣ, народъ по самой природѣ своей, отличается постоянствомъ и служитъ самымъ надежнымъ хранителемъ законнаго порядка. Народъ живетъ не столько разсудкомъ, сколько чувствами.

Онъ держится извѣстныхъ учрежденій не потому, что считаетъ ихъ цѣлесообразными, а скорѣе потому, что приглядѣлся и привыкъ къ нимъ. Народъ трудно убѣдить въ необходимости преобразованій: онъ не умѣетъ дорожить благами, которыя сулятъ ему выгоды лишь въ будущемъ, какъ бы соблазнительны эти выгоды ни были. Народъ по самой природѣ своей консервативенъ. Властолюбивыя влеченія, этотъ гласный источникъ насильственныхъ переворотовъ, чужды народу, ибо влеченія эти для народа безпредметны: масса трудящагося люда за почестями не гоняется и ничего другого отъ государства не требуетъ, кромѣ мира и спокойствія. Народъ, какъ мы сказали выше, вмѣшивается въ активную политическую жизнь лишь ради защиты неприкосновенности имущества и чести, т.-е. интересовъ, которые дороги всѣмъ гражданамъ въ одинаковой степени, другими словами, мотивами его политической дѣятельности служитъ не частное, а общее благо. Если народъ и не обладаетъ проницательностью и дальновидностью, то онъ можетъ похвалиться здоровымъ чутьемъ, которое позволяетъ ему отличать полезное отъ вреднаго.

Но если неподвижностью народа и скромностью его желаній обусловливаются достоинства народа, то ими же объясняются и его недостатки. Неподвижность народа лишаетъ его способности принимать быстрыя и энергическія рѣшенія. На народъ разсчитывать нельзя, гдѣ необходимо быстрой, энергической мѣрой устранить угрожающую государству опасность. Народъ не обладаетъ также проницательностью и дальновидностью и не видитъ опасности, пока она не наступитъ. Онъ не способенъ обозрѣть положенія вещей въ цѣломъ, спокойно обсудить обстоятельства и предвидѣть ихъ послѣдствія. Отсутствіемъ проницательности объясняется и увлеченіе народа внѣшностью. Народъ не способенъ проникать за внѣшнюю оболочку явленій и понимать ихъ настоящій смыслъ. Обсуждая то или другое явленіе, онъ руководствуется лишь тѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ, которое они на него производятъ. Народу очень легко импонировать красивымъ словомъ, если даже за этимъ словомъ не кроется никакого содержанія или оно служитъ лишь для того, чтобы скрыть настоящія намѣренія оратора. Предпріятіе, которое производитъ сильное впечатлѣнія своею отважностью, легко можетъ соблазнить толпу, если даже его послѣдствія гибельны для народа. Народъ, на котораго производитъ такое сильное впечатлѣніе внѣшность и который живетъ не столько разсудкомъ, сколько чувствами, по необходимости трусливъ. Его легко застращать энергической и суровой мѣрой, и онъ теряетъ голову, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ непредвидѣнной опасностью. Народъ, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго цѣнитъ лишь блага, которыя видитъ и осязаетъ. Вотъ почему онъ дорожитъ общественными дѣятелями, лишь пока испытываетъ на себѣ ихъ благодѣянія, пока любуется ихъ храбростью и отвагою, пока вкушаетъ плоды ихъ полезной дѣятельности. Но онъ забываетъ объ ихъ заслугахъ и честномъ служеніи, какъ скоро онъ въ нихъ болѣе не нуждается, и платитъ неблагодарностью за оказанныя ему услуги.

§ 21. **Дворяне и вельможи.** Дворяне, по воззрѣнію Макіавелли, безусловно вредный элементъ для всякаго здороваго общежитія. Они обставлены условіями, которыя развиваютъ въ нихъ наиболѣе опасныя общежитію влеченія. Они пользуются богатствомъ безъ добродѣтели и занимаютъ высокое положеніе въ обществѣ не по заслугамъ. Они хитрые

и ловкіе властолюбцы, и все ихъ стремленіе направлено къ одному: властвовать надъ народомъ, дабы угнетать его.

Отъ дворянъ должно отличать вельможъ, т.-е. лучшихъ людей и именитыхъ гражданъ, обязанныхъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ своимъ заслугамъ и талантамъ и достигшихъ власти собственными усиліями. Ихъ властолюбіе не грозитъ опасностью государству, а, напротивъ, полезно общежитію, если только они обставлены надлежащими условіями, и дѣятельность ихъ стоитъ подъ контролемъ общества.

§ 22. **Князь.** Князь, по воззрѣнію Макіавелли,—необходимый элементъ во всякомъ государствѣ, не исключая республики. Лишь князь, облеченный неограниченной властью и ничѣмъ не стѣсненный въ своей дѣятельности, способенъ организовать государство, вновь преобразовать старый государственный порядокъ, устранить рѣшительной и энергической мѣрой грозящую государству опасность. Вездѣ, гдѣ требуется быстрота и единство дѣйствія, власть князя необходима, столько же въ республикѣ, сколько и въ княжествѣ. Но дабы власть князя была дѣйствительно полезной общежитію, необходимо, чтобы носитель ея былъ человѣкъ, одаренный энергіей и силою воли. Этими же качествами можетъ обладать лишь человѣкъ, который или возведенъ на княжескій престолъ волею народа, или личной энергіей и ловкостью добился власти. Если князь и способенъ организовать государство и руководить имъ въ моменты опасности и общественныхъ кризисовъ, то ему не по силамъ поддерживать установленный имъ строй и управлять общежитіемъ, когда государственная жизнь снова потекла своимъ нормальнымъ теченіемъ. И интересы общежитія требуютъ, чтобы онъ возвратилъ власть въ руки народа, когда дѣло переустройства государства окончено или опасность, грозившая государству, миновала.

Если, такимъ образомъ, дѣятельность князя обязана высокимъ положеніемъ своимъ заслугамъ и бываетъ иногда полезной государству, а въ извѣстныхъ случаяхъ и безусловно необходимой, то наслѣдственный князь, по воззрѣнію Макіавелли, не способенъ руководить здоровымъ государственнымъ строемъ. Ибо положеніе наслѣдственнаго князя не побуждаетъ его дѣйствовать въ интересахъ цѣлаго: онъ обязанъ своею властью не народу и управляетъ имъ помимо его воли, ему поэтому совершенно безразлично, благоденствуетъ-ли этотъ народъ, или нищенствуетъ.

Наслѣдственный князь не обставленъ условіями, которыя сдерживали бы и дисциплинировали его влеченія; напротивъ, онъ выросъ и вращается въ обстановкѣ, которая даетъ перевѣсъ дурнымъ наклонностямъ человѣческой природы, гдѣ полное отсутствіе труда, жизнь въ довольствѣ и роскоши.

§ 23. **Республика—наилучшая государственная форма.** Познакомившись съ воззрѣніями Макіавелли на цѣль государства и на природу отдѣльныхъ общественныхъ элементовъ, разсмотрѣвши условія, которыя вліяютъ на государственную жизнь, мы можемъ теперь приступить къ разрѣшенію вопроса, какую государственную форму Макіавелли считаетъ наилучшей, т.-е. какая, по его воззрѣнію, наиспособнѣе осуществить цѣль государственнаго общежитія?

Ни княжество, ни аристократія, ни демократія не удовлетворяютъ требованіямъ общежитія. И послѣ всего изложеннаго нами выше, не трудно понять почему. Въ княжествѣ власть покоится исключительно

въ рукахъ князя, въ аристократіи—въ рукахъ вельможъ, въ демократіи—въ рукахъ народа. Каждая изъ этихъ государственныхъ формъ основывается, такимъ образомъ, лишь на одномъ изъ трехъ общественныхъ элементовъ, между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ, какъ мы видѣли выше, не способенъ быть исключительнымъ носителемъ государственной власти. Кромѣ того, всѣ эти три государственныя формы, сосредоточивая всю власть въ рукахъ или князя, или вельможъ, или народа, не обставляютъ правительствующій классъ условіями, которыя обуздывали бы страсти правителей. А мы знаемъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ условій, люди постепенно приближаются къ нравственному упадку, который не только лишаетъ ихъ добродѣтелей, безъ которыхъ правители не могутъ удержать въ своихъ рукахъ власти, но и дѣлаетъ ихъ вообще неспособными ко всякой благоустроенной государственной жизни.

Если причины неудовлетворительности княжества, аристократіи и демократіи заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ основываются лишь на одномъ изъ общественныхъ элементовъ, во-вторыхъ, въ томъ, что онѣ своимъ устройствомъ не предупреждаютъ нравственнаго упадка правителей, то наилучшей формой общежитія должно считать тотъ государственный строй, который основывается на всѣхъ общественныхъ элементахъ и обставляетъ правителей и гражданъ условіями, сдерживающими ихъ влеченія и обуздывающими ихъ страсти. Такой государственной формой является, по воззрѣнію Макіавелли, республика. Подъ республикой Макіавелли подразумѣваетъ не народное правленіе, а смѣшанную государственную форму, въ которой власть покоится въ рукахъ выборнаго князя, вельможъ и правителей народа. Въ республикѣ отдѣльныя функціи государственной власти распредѣляются между общественными элементами сообразно ихъ наклонностямъ и способностямъ, и эти отдѣльные общественные элементы, участвуя въ управленіи государствомъ, дополняютъ и контролируютъ другъ друга. Недостатки народа не выступаютъ такъ рѣзко въ республикѣ, ибо народъ участвуетъ въ управленіи лишь настолько, насколько то позволяютъ ему способности: онъ лишь выбираетъ главу государства и должностныхъ лицъ и контролируетъ ихъ дѣйствія; тамъ же, гдѣ требуется энергія и быстрота дѣйствія, онъ предоставляетъ кормило правленія своему выборному главѣ, гдѣ требуется разсудительность и осмотрительность, онъ поручаетъ именитымъ гражданамъ завѣдываніе государственными дѣлами. Но и недостатки единоличной власти смягчаются въ республикѣ тѣмъ, что народъ избираетъ главу государства лишь на короткій срокъ и обставляетъ его условіями, предупреждающими злоупотребленія княземъ властью. Властолюбіе вельможъ не опасно республикѣ, если только народъ контролируетъ ихъ дѣятельность и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы она оставалась въ предѣлахъ законнаго порядка. Республика болѣе другихъ государственныхъ формъ удовлетворяетъ первому условію всякаго общежитія—прочности. Государственная власть обнимаетъ всѣ общественные элементы, и нѣтъ въ республикѣ класса, который былъ бы исключенъ отъ участія въ управленіи, неудовольствіе котораго могло бы послужить причиною переворотовъ. Всѣ законныя желанія находятъ себѣ полное удовлетвореніе въ республикѣ. Тѣ блага, которыми всего болѣе дорожитъ народъ, обезпечены въ свободномъ государствѣ. Властолюбіе и честолюбіе сильныхъ людей находятъ себѣ законный исходъ: всѣмъ способнымъ и заслуженнымъ гражданамъ рас-

крытъ широкій путь къ почестямъ и отличіямъ. Въ республикѣ осуществляется цѣль общежитія, ибо въ свободномъ государствѣ власть покоится въ рукахъ всѣхъ и служитъ не интересамъ не многихъ лицъ одной партіи, а интересамъ цѣлаго. Только въ республикѣ могутъ процвѣтать гражданскія добродѣтели. Свободное государство надѣляетъ людей тѣми благодѣяніями, которыя только и могутъ заставить ихъ любить свою родину, дорожить ея честью и благоденствіемъ. Граждане республики участвуютъ въ управленіи государствомъ, имѣютъ не только частные, но и общественные интересы. Услуги государству вознаграждаются въ республикѣ, и граждане, побуждаемые личной выгодой, стремятся на поприще общественной службы, научаются служить общему благу, любить его и дорожить имъ. Лесть и низкопоклонство въ свободномъ государствѣ никому впрокъ не идутъ, каждый чувствуетъ себя самостоятельнымъ и независимымъ и, если и получаетъ вознагражденіе за свои труды и заслуги, то никому не считаетъ себя обязаннымъ, кромѣ какъ себѣ и государству; чувство собственнаго достоинства можетъ окрѣпнуть только въ республикѣ. Въ свободномъ государствѣ развивается все богатство и разнообразіе народныхъ силъ. Трудящійся людъ можетъ спокойно и мирно работать, увѣренный, что его трудъ не пропадаетъ даромъ; таланты людей не остаются подъ спудомъ; имъ раскрытъ широкій путь развиваться и крѣпнуть. Ни бѣдность, ни происхожденіе не закрываютъ людямъ доступа къ почестямъ: республика отыскиваетъ добродѣтель, гдѣ бы она ни находилась. Жизнь народныхъ силъ течетъ въ свободномъ государствѣ широкимъ русломъ, и все, что способно жить, живетъ полной и цѣльной жизнью.

§ 24. **Условія и средства введенія и поддержанія республики.** Основаніе государства есть творческій актъ свободной воли людей, дѣйствующихъ въ сознаніи своихъ интересовъ. Чѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе основатель республики въ своей организаторской дѣятельности, тѣмъ совершеннѣе созданное имъ дѣло.

Наибольшею самостоятельностью пользуется основатель республики, вводящій государственныя учрежденія у народа, котораго еще не коснулась испорченность. Человѣку же, вводящему республиканскій строй у народа, не впервые вступающаго въ гражданскую жизнь, приходится бороться съ привязанностью народа къ старымъ учрежденіямъ и съ враждою людей, извлекающихъ выгоду изъ разрушаемаго строя. И нѣтъ другого средства устранить послѣднее препятствіе, какъ сдѣлать этихъ людей неспособными вредить дѣлу свободы. Еще труднѣе основать республику у народа, въ который проникла испорченность, обусловливающаяся экономическимъ и общественнымъ неравенствомъ. Въ странѣ, въ которой существуетъ дворянство, республиканскій строй не можетъ упрочиться, ибо дворяне, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, желаютъ лишь одного—властвовать надъ народомъ, дабы угнетать его. Основатель республики, желающій ввести въ такой странѣ свободный строй, долженъ прежде всего устранить эти вредные всякому здоровому общежитію элементы. Ввести республику у народа, извращеннаго жизнью подъ властью князя, по силамъ лишь тирану. Народъ, который былъ устраненъ отъ всякаго участія въ общественной жизни, за котораго мыслилъ и дѣйствовалъ князь, такой народъ, стряхнувъ съ себя ярмо

княжеской власти, превращается въ дикаго звѣря, укротить котораго можетъ лишь человѣкъ, облеченный неограниченной властью.

Республика держится добродѣтелью гражданъ; тамъ, гдѣ эта добродѣтель исчезла, свободный строй долженъ рушиться. Вотъ почему всѣ мудрые законодатели республикъ заботились прежде всего о созданіи и поддержаніи тѣхъ условій, которыя благопріятствуютъ развитію гражданскихъ добродѣтелей. Мы знаемъ изъ предыдущаго, что эти условія заключаются главнымъ образомъ въ равномѣрномъ распредѣленіи экономическихъ богатствъ и въ равенствѣ гражданъ предъ закономъ.

Равномѣрное распредѣленіе имущества установляется законами, предупреждающими накопленіе богатствъ въ рукахъ немногихъ. Образцами такихъ законовъ Макіавелли выставляетъ законы Ликурга. Равенство гражданъ обезпечено тамъ, гдѣ ни бѣдность, ни происхожденіе не закрываютъ людямъ доступа къ должностямъ и почестямъ.

Законъ, по выраженію Макіавелли,—нервъ политической свободы, и тотъ республиканскій строй проченъ, который кладетъ законъ въ основаніе государственной жизни и который обставляетъ дѣятельность правителей и гражданъ законными нормами, исключающими всякій произволъ.

Государственныя учрежденія и законы должны предусматривать событія и на случай ихъ наступленія установлять правила, которыя бы сдѣлали личную дѣятельность гражданъ, не связанную законами, излишней. Государственные законы не должны оставлять ни одной лазейки, чрезъ которую могъ бы проскользнуть властолюбивый человѣкъ и, подъ предлогомъ служить общему благу, воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ ради личныхъ интересовъ.

Законы и учрежденія не должны раздражать народа и сдерживать страсти людей одной внѣшней силой. Граждане должны видѣть въ законѣ не пугало, а своего защитника и покровителя. Повиновеніе законамъ и уваженіе къ существующимъ учрежденіямъ поддерживаются не репрессивными мѣрами, а вниманіемъ къ интересамъ народа. Не заглушать должно голосъ народа, а давать ему полный просторъ высказаться, прислушиваться къ нему и слѣдовать ему. Макіавелли требуетъ, чтобы народу было дано право обвинять общественныхъ дѣятелей, которые кажутся ему опасными. Это учрежденіе предупреждаетъ насильственные перевороты, которые наступаютъ тамъ, гдѣ народное неудовольствіе, не находя законнаго исхода, ищетъ незаконныхъ путей.

Макіавелли различаетъ три функціи государственной власти,—власть исполнительную, власть совѣщательную и власть контролирующую. Эти три функціи государственной власти должны быть распредѣлены между отдѣльными общественными элементами, сообразно ихъ наклонностямъ и способностямъ. Исполнительная власть покоится въ рукахъ одного лица, совѣщательная—въ рукахъ лучшихъ людей, контролирующая—въ рукахъ народа.

Государственная власть должна, съ одной стороны, пользоваться авторитетомъ, съ другой стороны, носители ея должны быть обставлены условіями, которыя не позволяли бы имъ злоупотреблять предоставленной имъ властью.

Государственная власть пользуется авторитетомъ лишь тамъ, гдѣ носителями ея являются достойнѣйшіе граждане республики, облеченные широкими полномочіями. Достойнѣйшіе же граждане будутъ стоять

во главѣ республики лишь въ томъ случаѣ, если занятіе высшихъ должностей предоставитъ имъ дѣйствительныя выгоды. Лишь личный интересъ можетъ заставить людей промѣнять частную жизнь на служеніе общественному дѣлу. Гдѣ это служеніе не представляетъ выгодъ, которыя могли бы соблазнить знатнѣйшихъ гражданъ, тамъ искать его будутъ лишь ничтожные люди, несумѣвшіе создать себѣ положенія въ обществѣ и видящіе въ государственной службѣ доходную статью. Вотъ почему необходимо, во-первыхъ, чтобы носители государственной власти получали высокое вознагражденіе, во вторыхъ, чтобы срокъ службы не былъ слишкомъ коротокъ, въ-третьихъ, чтобы они были надѣлены дѣйствительной властью.

Такъ какъ государственный механизмъ республики очень сложенъ, то необходимо его организовать такимъ образомъ, чтобы ни одно учрежденіе не могло задерживать обыкновеннаго теченія государственныхъ дѣлъ.

Эта сложность затрудняетъ и быстроту рѣшеній, которая бываетъ необходимой въ моменты опасности и общественныхъ кризисовъ. Въ этихъ случаяхъ необходимо облечь одно лицо широкими полномочіями, но обставить его условіями, которыя не позволили бы ему злоупотребить предоставленной ему властью.

§ 25. **Условія и средства введенія княжества.** Княжество держится исключительно властью князя, и чѣмъ неограниченнѣе эта власть, тѣмъ прочнѣе княжество. Власть же князя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она обладаетъ средствами для удержанія народа въ повиновеніи. Этими средствами не могутъ быть законы, ибо законы соблюдаются лишь добродѣтельными гражданами, подданные же князя извращены политическимъ рабствомъ. Военная сила замѣняетъ собою въ княжествѣ силу закона. Если республика есть царство законнаго порядка, то тиранія—господство личнаго произвола, основывающагося на военной силѣ. Власть князя тѣмъ прочнѣе, чѣмъ она сосредоточеннѣе. Если князь нуждается въ помощникахъ при управленіи государствомъ, то эти помощники не должностныя лица, пользующіяся самостоятельностью въ предоставленной имъ сферѣ дѣятельности, а ничто иное, какъ личные слуги князя. Но эти помощники недостаточны. Если князь хочетъ упрочить свою власть, то онъ долженъ найти себѣ пособниковъ въ дѣлѣ угнетенія народа. А мы знаемъ, что дворяне стремятся лишь къ одному—властвовать надъ народомъ, дабы угнетать его. Услугами дворянъ и долженъ поэтому воспользоваться князь. Если республика управляется лучшими людьми, то княжество можетъ удержаться лишь съ помощью наиболѣе вредныхъ элементовъ общежитія. Очевидно, что при такихъ условіяхъ государственной жизни благосостояніе народа не можетъ процвѣтать, но должно постепенно приближаться къ упадку.

Макіавелли смотритъ, такимъ образомъ, на княжество, какъ на ненормальный государственный строй. Но эта государственная форма существуетъ и встрѣчается чаще, чѣмъ республика, и причина тому—природа людей, которые болѣе склонны ко злу, чѣмъ къ добру. Княжество есть фактъ, съ которымъ приходится считаться политику; и его несовершенство не можетъ освободить послѣдняго отъ необходимости изслѣдовать природу княжества, изучить тѣ условія, при которыхъ оно возникаетъ, и тѣ средства, съ помощью которыхъ оно поддерживается.

Средства, съ помощью которыхъ вводится княжество, не могутъ сыть иными, какъ крайне суровыми и жестокими, и добродѣтельному человѣку они не по силамъ. Необходимость прибѣгать къ такимъ мѣрамъ объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что онѣ приводятся въ исполненіе княземъ, съ природою котораго мы познакомились выше, во-вторыхъ, тѣми условіями, которыми сопровождается основаніе княжества у свободнаго или испорченнаго народа. Но князь долженъ помнить, что суровыя мѣры—двуострый мечъ. Ими должно пользоваться съ крайней осторожностью и не забывать, что онѣ легко могутъ возбудить ярость народа. Князь не долженъ понапрасну раздражать народъ и, вынужденный прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, князь долженъ стараться быстро покончить съ ними и потомъ обратить ихъ на пользу народа. Если же это невозможно, то суровость этихъ мѣръ должна быть настолько дѣйствительной, чтобы лишала народъ возможности мстить князю за нанесенныя ему оскорбленія. Князь долженъ избѣгать полумѣръ, ибо чѣмъ рѣшительнѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ меньше ему приходится опасаться народной ненависти. Дѣйствовать же энергически и рѣшительно можетъ лишь тотъ князь, который пользуется независимостью и свободой дѣйствій.

Препятствія, которыя встрѣчаетъ князь, подчиняющій своей власти новую область и присоединяющій ее къ своему государству, лежатъ или въ нравахъ и обычаяхъ завоеванной страны, или въ ея государственномъ устройствѣ. Всего легче завоевать страну, которая имѣетъ одинаковые нравы съ государствомъ завоевателя: князю не приходится здѣсь разрушать старыхъ учрежденій, онъ вынужденъ лишь устранить князя этой страны и уничтожить его династію. И народъ, оставаясь при своихъ обычаяхъ, спокойно переноситъ власть новаго владыки и забываетъ своего стараго князя, ибо привязанность къ нему сдѣлалась безпредметной, а мы знаемъ, что люди живутъ лишь настоящимъ, и что прошедшее для нихъ не существуетъ. Въ странѣ же, нравы, языкъ и учрежденія которой отличаются отъ существующихъ въ государствѣ завоевателя, князь вынужденъ не только устранить прежняго владыку и его династію, но и разрушить весь старый строй и замѣнить его новымъ. Самое лучшее средство упрочить свою власть въ такой странѣ это самому поселиться въ ней. Князь, поселившійся въ завоеванной странѣ, увидитъ возникающіе безпорядки въ самомъ зачаткѣ и сумѣетъ предупредить ихъ своевременно: чиновники не будутъ грабить жителей, и народъ, имѣя убѣжище въ князѣ, будетъ чувствовать успокоеніе. Другимъ средствомъ къ упорядоченію власти въ завоеванвой странѣ является основаніе въ ней военныхъ колоній. Военныя колоніи обходятся дешевле содержанія большого войска и оскорбляютъ меньшее число жителей, а именно лишь тѣхъ, у которыхъ отняты дома и пашни и переданы колонистамъ, да и эти немногіе не опасны: они живутъ въ бѣдности и разрозненно. Остальная же большая часть жителей пользуется неприкосновенностью своего имущества, живетъ спокойно, опасаясь участи, постигшей ограбленныхъ жителей. Что же касается до препятствій, которыя встрѣчаетъ князь въ государственномъ устройствѣ завоеванной страны, то они зависятъ отъ того, кто управляетъ завоеванной страной, неограниченный ли властитель и его слуги, какъ въ Турціи, или князь и дворяне, какъ во Франціи. Страну, какъ Турція, труднѣе завоевать, но легче удержать въ своей власти, ибо завое-

ватель не находитъ себѣ союзниковъ въ странѣ, населенной рабами, слѣпо преданными своему владыкѣ. Завоевавъ же разъ страну, легко удержать ее въ своей власти,—стоитъ только уничтожить властителя и его династію и занять его мѣсто: рабское населеніе будетъ такъ же крѣпко держаться новаго властителя, какъ оно рабски повиновалось своему прежнему владыкѣ. Государство же, которое управляется княземъ или вельможами, не трудно завоевать, ибо среди дворянъ всегда найдутся недовольные. Удержаться же въ такой странѣ не легко, ибо тѣ же самые дворяне, которые раскрыли завоевателю двери въ свое отечество, легко могутъ сдѣлаться орудіями погибели новаго князя, какъ только представится къ тому удобный случай. Трудная задача выпадаетъ на долю князя, дѣлающагося тираномъ свободнаго города. Такому князю приходится бороться не только съ привязанностями народа къ старымъ учрежденіямъ, но и съ любовью народа къ свободѣ. А мы знаемъ, что если народъ дорожитъ чѣмъ-нибудь, то это своей свободой, и если что можетъ разжечь его страсти, то это—лишеніе свободы. Князю, который хочетъ основать тиранію въ своемъ городѣ, ничего другого не останется, какъ или разрушить его, или самому поселиться въ немъ.

Частное лицо, которое дѣлается тираномъ города, обязано своимъ возвышеніемъ или стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, или своей собственной энергіи. Тому, кто ничѣмъ не обязанъ счастью, труднѣе достигнуть власти, но легче удержать ее. Труднѣе стать ему во главѣ княжества, потому что не счастье, а онъ самъ расчищаетъ себѣ путь къ власти. А нѣтъ ничего труднѣе, какъ замѣнить старый строй новымъ, ибо вводящій новые порядки имѣетъ своими врагами всѣхъ тѣхъ, которые извлекали выгоду изъ стараго порядка, и вялыми защитниками тѣхъ, которые надѣются извлечь выгоду изъ новаго порядка; вялость же эта проистекаетъ, во-первыхъ, изъ боязни противниковъ, на сторонѣ которыхъ законъ, во-вторыхъ, изъ невѣрія людей, которые не довѣряютъ нововведеніямъ, пока опытъ не доказалъ имъ ихъ пригодности. Легче же удержать такому князю власть потому, что онъ обязанъ своимъ положеніемъ не слѣпому случаю, а собственнымъ усиліямъ: не имъ руководятъ обстоятельства, а онъ управляетъ ими; такой князь, кромѣ того, не избалованъ счастьемъ и прошелъ школу, которая закалила его силы. И положеніе такого князя тѣмъ прочнѣе, чѣмъ онъ самостоятельнѣе, чѣмъ менѣе ему приходится принимать во вниманіе чужіе интересы и желанія, чѣмъ свободнѣе онъ можетъ распоряжаться своими средствами и чѣмъ эти средства способнѣе подчинять его волѣ обстоятельства и людей. Князь же, который обязанъ своимъ положеніемъ счастливому стеченію обстоятельствъ и чужой помощи, долженъ прежде всего стремиться къ тому, чтобы стать самостоятельнымъ и сдѣлать чужую помощь излишней. Такъ именно поступалъ Цезарь Борджіа. Онъ достигъ власти благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ и сдѣлался княземъ Романьи съ помощью французскаго короля, Орсини и Колонна. Но онъ зналъ, что французскій король ненадежный союзникъ и что Колонна и Орсини его скрытые враги. Вотъ почему всѣ его стремленія были направлены къ одному—сдѣлаться самостоятельнымъ и независимымъ. Съ этой цѣлью онъ прежде всего позаботился о хорошемъ войскѣ; потомъ онъ заручился союзомъ съ испанцами, врагами французовъ, ослабилъ партію Орсини въ Римѣ и, завлекши ихъ хи-

тростью въ Сенегалію, уничтожилъ тѣхъ, которые искали лишь удобнаго случая, чтобы погубить его. Зная, что власть крѣпка лишь привязанностью къ нему народа, Цезарь поспѣшилъ надѣлить Романью хорошимъ управленіемъ. Но это была задача нелегкая, такъ какъ въ Романьи господствовала анархія. Нельзя было иначе внести порядокъ въ эту страну, какъ цѣною жестокихъ мѣръ. Дабы не сдѣлаться жертвою народнаго неудовольствія, онъ велѣлъ казнить одного изъ своихъ слугъ и выставить его изуродованное тѣло на поруганіе народа.

Тотъ, кто съ помощью преступленій сдѣлался тираномъ свободнаго города, долженъ, рѣшившись разъ вступить на этотъ путь, не останавливаться на полдорогѣ, а рѣшительными и быстрыми ударами устранить своихъ враговъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ раздражилъ своими жестокостями или которые, такъ или иначе, могутъ сдѣлаться ему опасными. Такъ именно поступилъ Агаѳоклъ, и если онъ достигъ цѣли, то былъ обязанъ своимъ успѣхомъ тому, что сумѣлъ покончить съ жестокостями сразу, а обезопасивъ себя со стороны своихъ враговъ, не имѣлъ болѣе повода жестокими мѣрами возбуждать народное неудовольствіе.

Князю, который дѣлается тираномъ города, пользуясь смутами, возбужденными борьбою партій, не приходится прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, къ огню и мечу: его сила заключается въ хитрости, въ умѣньи пользоваться слабостями партій. Такой князь обязанъ своимъ положеніемъ или вельможамъ, которые надѣляютъ авторитетомъ одного изъ своей среды, когда чувствуютъ свое безсиліе совладать съ народомъ, или народу, который облекаетъ властью одного человѣка, дабы имѣть вождя и защитника въ борьбѣ съ дворянами. Князю, достигшему власти съ помощью дворянъ, трудно удержаться, ибо онъ окруженъ людьми, считающими себя равными и которыми поэтому труднѣе повелѣвать; кромѣ того, нельзя удовлетворить желаніямъ дворянъ, не нарушая интересовъ другихъ, ибо они не только стремятся властвовать и угнетать, но, обладая дальновидностью и хитростью, умѣютъ настаивать на своихъ требованіяхъ. Власть же князя, основывающаяся на народѣ, прочнѣе. Стремленія народа желающаго лишь одного—не быть угнетеннымъ, честнѣе и ихъ легче удовлетворить. Кромѣ того, князь никогда не можетъ обезопасить себя со стороны враждебнаго народа, который своею многочисленностью всегда опасенъ князю; вельможъ же немного, и ихъ не трудно обезоружить.

§ 26. **Средства поддержанія княжества.** Княжество есть господство личнаго произвола. Оно управляется не законами, а личною волею князя, который сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полноту государственной власти.

Власть князя, во-первыхъ, тѣмъ прочнѣе, чѣмъ большими средствами онъ обладаетъ для удержанія народа въ повиновеніи. Этими средствами можетъ быть лишь внѣшняя сила—сила войска. „Власть того князя прочна;—говоритъ Макіавелли,—который своимъ богатствомъ или деньгами, или людьми можетъ выставить многочисленное и хорошо организованное войско“. Князь не долженъ имѣть другого занятія, другой мысли, другого искусства, кромѣ войны, ибо только военное искусство приличествуютъ тому, кто повелѣваетъ. Управляя развращеннымъ народомъ, князь можетъ удержать его въ повиновеніи лишь страхомъ наказанія и не долженъ смущаться прозваніемъ грознаго. Ибо, прибѣ-

гая къ немногимъ устрашительнымъ мѣрамъ, онъ окажется милосерднѣе тѣхъ, которые изъ лишняго мягкосердечія даютъ волю безпорядкамъ, порождаютъ грабежи и убійства; эти безпорядки поражаютъ все общежитіе, наказанія же, исходящія отъ князя,—лишь немногихъ.

Власть князя, во-вторыхъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ она сосредоточеннѣе. Князь долженъ держать всѣ нити управленія въ своихъ рукахъ и не терпѣть въ государствѣ самостоятельныхъ властей. Его помощники при управленіи государствомъ должны быть его личными слугами и въ своей дѣятельности руководствоваться исключительно волею своего повелителя. Князь долженъ щедро вознаграждать своихъ слугъ и обставлять условіями, которыя заставляли бы ихъ изъ личной выгоды вѣрно и преданно служить своему владыкѣ. Князь долженъ связать ихъ судьбу со своей судьбою, долженъ дѣлиться съ ними почестями и упреками, выгодами и невыгодами своего положенія, дабы его интересы были бы ихъ интересами. Князь, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, легко доступенъ лести. Лесть же ловкихъ придворныхъ можетъ сдѣлаться очень опасной князю: она можетъ лишить его самостоятельности. Князь долженъ поэтому остерегаться льстецовъ, и самое дѣйствительное средство обезоружить ихъ—это окружить себя мудрыми совѣтниками и позволить имъ говорить князю правду въ лицо. Но князь долженъ принимать во вниманіе лишь мудрые совѣты и, выслушавъ ихъ, дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

Княжеская власть, въ-третьихъ, тѣмъ прочнѣе, чѣмъ безропотнѣе народъ подчиняется ей. Ярмо княжеской власти должно, съ одной стороны, держать народъ въ повиновеніи, съ другой, оно должно быть наложено осторожной и предусмотрительной рукой. Одна внѣшняя сила не можетъ удержать народъ въ повиновеніи. Какъ республика держится не одними законами, а и добродѣтелью гражданъ, такъ и княжество нуждается въ подданныхъ, которые повиновались бы не только изъ страха наказанія, но и изъ уваженія и привязанности къ князю. Въ республикѣ гражданская добродѣтель—любовь общаго блага—возбуждается тѣмъ, что государство надѣляетъ гражданъ благодѣяніями и, привлекая ихъ къ участію въ политической жизни, заставляетъ ихъ принимать близко къ сердцу общественные интересы. Князь къ такимъ средствамъ прибѣгать не можетъ, ибо тѣ качества, которыя онъ долженъ привить своимъ подданнымъ, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми добродѣтелями, въ которыхъ нуждается республика. Качества эти не любовь общаго блага, а привязанность къ князю. Въ республикѣ граждане должны любить государство, въ княжествѣ—князя. Первое условіе привязанности—отсутствіе ненависти, какъ нарушеніе неприкосновенности имущества и чести гражданъ. Князь, который хочетъ пріобрѣсти расположеніе народа, долженъ прежде всего не касаться тѣхъ благъ, которыми болѣе всего дорожатъ люди. Князь долженъ только не раздражать народа, но и стараться заслужить его расположеніе. Онъ не можетъ пріобрѣсти расположеніе народа дѣйствительными добродѣтелями. Добродѣтели цѣнятся лишь добродѣтельными людьми, народъ же, которымъ управляетъ князь, развращенъ политическимъ рабствомъ, и какими бы добродѣтелями князь разукрашенъ ни былъ, онъ этими добродѣтелями на испорченный народъ никакого впечатлѣнія не произведетъ. Живя среди волковъ, князь долженъ умѣть и выть по-волчьи. „Человѣкъ,—говоритъ Макіавелли,—который при всѣхъ обстоятель-

ствахъ видитъ въ добродѣтельныхъ поступкахъ свое назначеніе, долженъ необходимо погибнуть среди злыхъ людей. Поэтому князь, который хочетъ удержаться, долженъ научиться быть злымъ, дабы въ случаѣ необходимости воспользоваться этимъ умѣньемъ". „Какъ похвально,— говоритъ Макіавелли въ другомъ мѣстѣ,— соблюдать вѣрность слову и жить честно, очевидно всякому. Тѣмъ не менѣе опытъ нашего времени показываетъ, что тѣ князья совершали великія дѣла, которые не дорожили этой честностью и вѣроломствомъ завлекали людей въ свои сѣти и въ концѣ-концовъ, брали верхъ надъ тѣми, которые полагались на свою честность. Умный властитель не долженъ поэтому соблюдать вѣрность слову, если эта вѣрность можетъ ему принести вредъ и если исчезли причины, побудившія его связать себя словомъ. Если бы всѣ люди были хороши, то это правило было бы не хорошо, но такъ какъ люди злы и не держатъ своего слова, то и князя ничто не обязываетъ считать себя связаннымъ даннымъ обѣщаніемъ".

Итакъ, князь не можетъ заслужить уваженіе народа, воздѣйствуя на хорошую сторону человѣческой природы, такъ какъ хорошую сторону заглушило политическое рабство. Князю ничего другого не остается какъ воспользоваться слабостями людей. Мы знаемъ, что народъ увлекается внѣшностью, что на него производятъ сильное впечатлѣніе, блестящія предпріятія, красивыя рѣчи, отважные подвиги, все то, что имѣетъ оболочку, ослѣпляющую его чувства. Этой-то стороной человѣческой природы и долженъ воспользоваться князь. „Князь,—говоритъ Макіавелли,—долженъ производить на людей впечатлѣніе великаго, изъ ряда вонъ выходящаго человѣка. Ничто такъ не возвеличиваетъ авторитетъ князя, какъ блестящіе подвиги и личные примѣры мужества. Князь долженъ казаться поощрителемъ заслугъ и чтить всѣхъ отличающихся въ своей области.., Онъ долженъ въ извѣстные промежутки времени устраивать для народа празднества и зрѣлища".

Князь долженъ отличаться лишь такими качествами, которыя умѣетъ цѣнить испорченный народъ. Но такой народъ не въ состояніи отличать дѣйствительно полезное отъ вреднаго. Что же, спрашивается, опредѣляетъ его сужденіе? Ходячая уличная мораль, отвѣчаетъ Макіавелли. Людямъ, говоритъ Макіавелли, приписываютъ извѣстныя качества, ради которыхъ ихъ или хвалятъ, или хулятъ: одного считаютъ щедрымъ, другого скупымъ, одного жестокимъ, другого милосердымъ, одного вѣроломнымъ, другого воздержнымъ и тому подобное. Вотъ съ этими ходячими воззрѣніями и долженъ считаться князь и производить своимъ поведеніемъ впечатлѣніе человѣка, обладающаго всѣми тѣми качествами, которымъ рукоплещетъ толпа, въ своихъ же дѣйствіяхъ руководствоваться исключительно тѣмъ, что содѣйствуетъ упроченію власти, и помнить, что успѣхъ въ глазахъ толпы оправдываетъ всякое средство. „Всякій скажетъ,—говоритъ Макіавелли,—что было бы похвально, если бы князь былъ разукрашенъ добродѣтелями, но такъ какъ обладать ими и вмѣстѣ съ тѣмъ остаться неприкосновеннымъ не допускаютъ людскія отношенія, то князь долженъ умѣть избѣгать упрековъ въ недостаткахъ, которые лишаютъ его власти". „Князю необходимо не обладать всѣми добродѣтелями, а производить на людей впечатлѣніе человѣка, обладающаго ими. Да, я рѣшаюсь утверждать, что если онъ въ дѣйствительности обладаетъ ими, то онѣ опасны, если же онѣ лишь кажущіяся добродѣтели, то онѣ полезны. Князь, въ особен-

ности новый, не можетъ соблюдать всего того, что люди называютъ хорошимъ: такъ какъ онъ часто для удержанія власти вынужденъ дѣйствовать наперекоръ благочестію, честности, любви къ ближнему, человѣчности. Поэтому онъ долженъ обладать гибкостью и умѣть сообразоваться съ обстоятельствами и колебаніями судьбы. Онъ не долженъ покидать пути добра, если этотъ путь лежитъ въ предѣлахъ возможнаго, но долженъ и умѣть дѣлать зло, когда его къ тому вынуждаютъ обстоятельства. Князь долженъ крайне остерегаться проронить слово, которое противорѣчило бы выше перечисленнымъ качествамъ. Въ особенности князь долженъ казаться благочестивымъ, ибо люди судятъ болѣе по глазамъ, чѣмъ по рукамъ: видѣть могутъ всѣ. проникать же вглубь—удѣлъ немногихъ".

Итакъ, если въ республикѣ добродѣтель служитъ основаніемъ общежитія, то въ княжествѣ ей нѣтъ мѣста, и князь долженъ обладать лишь призрачными добродѣтелями, вводящими въ заблужденіе народъ, извращенный политическимъ рабствомъ и утратившій способность отличать дѣйствительное добро отъ дѣйствительнаго зла. Эти „добродѣтели" князя должны служить лишь блестящей вывѣской, ослѣпляющей толпу и прикрывающей нравственную наготу тирана.

§ 27. **Задача Макіавелли.** Макіавелли провелъ лучшую пору своей жизни на государственной службѣ. *). И когда возвращеніе Медичи во Флоренцію заставило его покинуть общественную дѣятельность, онъ не переставъ трудиться на пользу своего отечества: его помыслы попрежнему вращаются въ области, къ которой онъ приросъ душою, судьба родного города попрежнему волнуетъ его и составляетъ предметъ его постоянныхъ думъ и заботъ. Уединившись въ кругу своей семьи, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за теченіемъ государственныхъ дѣлъ въ своемъ отечествѣ, переписывается съ друзьями, надѣляетъ ихъ совѣтами, дѣлится съ ними своимъ опытомъ и глубокимъ знаніемъ политическихъ отношеній. Но эта переписка съ друзьями не удовлетворяетъ его. Привыкши къ общественной дѣятельности и полюбивши ее, онъ тяготится досугомъ. „Долго такъ продолжаться не можетъ,—восклицаетъ онъ,—такая бездѣятельная жизнь подтачиваетъ мое существованіе, и если Богъ не сжалится надо мною, то я въ одинъ прекрасный день покину мой домъ и сдѣлаюсь репетиторомъ или писаремъ у какого-нибудь вельможи". Онъ неоднократно выражаетъ желаніе покинуть свое убогое убѣжище, возвратиться во Флоренцію и снова вступить на службу. „Я былъ бы счастливъ,—пишетъ онъ къ Веттори,—если бы Медичи воспользовались моими услугами и дали бы мнѣ какое-нибудь порученіе во Флоренцію или внѣ города". Его желанію не суждено было исполниться. Но и вдали отъ государ-

*) Макіавелли родился въ 1469 г. во Флоренціи и происходилъ изъ хорошей дворянской, но обѣднѣвшей фамиліи. Будучи 29 лѣтъ, онъ былъ назначенъ секретаремъ Совѣта десяти и исправлялъ эту должность до 1512 г., года паденія республиканскаго правленія во Флоренціи и возвращенія Медичи. При новомъ правленіи Макіавелли былъ лишенъ должности, заключенъ въ тюрьму и даже подвергнутъ пыткамъ, которыя онъ перенесъ съ такимъ мужествомъ, что никакими мученіями не могли добиться у него тѣхъ словъ, которыхъ желали палачи. Благодаря заступничеству папы Льва X, ему была возвращена свобода, и съ этого времени онъ жилъ въ своей усадьбѣ недалеко отъ Флоренціи, гдѣ и написалъ свои главныя сочиненія: Il principe, Discorsi, Storie, Florentine. Эта деревенская жизнь продолжалась до 1521 года, когда онъ снова, возвратившись во Флоренцію, поступилъ на службу. Умеръ онъ въ 1527 году.

ственныхъ дѣлъ его помыслы постоянно заняты ими. Вотъ какъ онъ намъ описываетъ свою жизнь въ деревнѣ: „Я встаю въ восходомъ солнца и иду въ рощу присмотрѣть за работою дровосѣковъ, вырубающихъ мой лѣсъ, изъ рощи я направляюсь къ ручью, а оттуда къ птицеловному току съ книгою въ карманѣ или съ Данте и Петраркою, или съ Тибулломъ и Овидіемъ. Я читаю ихъ любовныя интриги и похожденія, вспоминаю пережитое мною и нѣкоторое время наслаждаюсь этими думами. Потомъ захожу въ харчевню, что на большой дорогѣ, говорю съ проѣзжающими, спрашиваю о новостяхъ съ родины, прислушиваюсь къ ихъ разговорамъ и присматриваюсь къ различнымъ вкусамъ и фантазіямъ людей. Къ тому времени наступаетъ обѣденный часъ, и я сажусь со своей семьей за скромную трапезу... Послѣ обѣда я возвращаюсь снова въ харчевню; тамъ обыкновенно уже возсѣдаютъ хозяинъ, мясникъ, мельникъ и два кирпичника. И съ ними я провожу остальную часть дня, играя въ карты... Когда наступитъ вечеръ, я возвращаюсь домой и иду въ свою рабочую комнату. На порогѣ я сбрасываю свое крестьянское платье, все въ грязи, облачаюсь въ роскошную придворную одежду и отправляюсь къ дворамъ великихъ мужей древности. Привѣтливо ими встрѣченный, я питаюсь пищею, которая одна мнѣ приличествуетъ и для которой я рожденъ. И тогда стыдъ меня не удерживаетъ разговаривать съ ними, спрашивать о причинахъ ихъ поступковъ, и они охотно отвѣчаютъ мнѣ. И четыре часа я не чувствую усталости, забываю всѣ страданія, не боюсь бѣдности, меня не пугаетъ смерть, и я весь погружаюсь въ этотъ забытый міръ“. И вотъ въ эти вечерніе часы Макіавелли пишетъ свои сочиненія, сдѣлавшія его имя безсмертнымъ, и этотъ простой разсказъ о томъ, какъ онъ писалъ ихъ, какъ нельзя лучше характеризуетъ мотивы и цѣли его литературной дѣятельности. Его перомъ руководятъ не тщеславіе, не жажда славы, не склонность къ теоретическимъ изслѣдованіямъ, а желаніе надѣлить соотечественниковъ полезными совѣтами, подѣлиться своимъ опытомъ, воодушевить подростающее поколѣніе любовью къ родинѣ и научить его дорожить общественной дѣятельностью. Въ своемъ введеніи къ „Discorsi“ онъ въ слѣдующихъ словахъ объясняетъ намъ цѣль своихъ разсужденій о первыхъ трехъ книгахъ Тита Ливія: „Я выскажу прямо и смѣло все то, что я знаю о новыхъ и древнихъ временахъ, дабы сердца юношей, которыя прочтутъ мою книгу, отвернулись бы отъ первыхъ и научились бы подражать послѣднимъ. На каждомъ честномъ человѣкѣ лежитъ обязанность учить другихъ тому добру, которое ему не удалось примѣнить въ жизни, въ надеждѣ, что между ними найдутся люди, которые воспользуются даннымъ урокомъ“.

Макіавелли не является въ своихъ политическихъ трактатахъ ученымъ, изучающимъ политическую жизнь независимо отъ какихъ бы то ни было практическихъ задачъ; онъ выступаетъ въ нихъ гражданиномъ и патріотомъ, пишущимъ свои трактаты въ виду тѣхъ вопросовъ, которые волновали современную ему политическую жизнь Италіи; потребность его ума, — думать и писать о государственныхъ дѣлахъ, натолкнула его на путь политическихъ изслѣдованій, цѣль же этихъ изслѣдованій — выяснить причины тѣхъ недуговъ, которыми страдало его отечество, и отыскать тѣ средства, съ помощью которыхъ они могли бы быть устранены. Потребности политической жизни Италіи

вообще и Флоренціи въ особенности были для Макіавелли исходными точками его теоретическихъ изслѣдованій, и эти потребности опредѣляютъ задачу его политическаго трактата.

Чѣмъ, спрашивается теперь, страдала современная ему Италія и въ чемъ заключались тѣ недуги, которые нуждались во врачеваніи?

Причина всѣхъ золъ, преслѣдующихъ Италію, по воззрѣнію Макіавелли,—ея безсиліе. Италія раздроблена на мелкія государства, ея правители не имѣютъ собственнаго оружія и не въ состояніи оказывать сопротивленія тѣмъ иноземнымъ полчищамъ, которыя то и дѣло врываются въ ея предѣлы. Но разъединеніе Италіи интересуетъ Макіавелли лишь настолько, насколько оно отражается на отношеніяхъ ея къ „варварамъ“. Онъ нигдѣ не указываетъ намъ на раздробленность Италіи, какъ на причину ея внутреннихъ безурядицъ, нигдѣ не требуетъ, чтобы отдѣльныя итальянскія государства отказались отъ своей самостоятельности, слились въ одно политическое тѣло и образовали государство на подобіе Франціи и Испаніи. Внутреннее государственное устройство Италіи—вопросъ, котораго Макіавелли не касается вовсе. Но Макіавелли былъ не только итальянцемъ, но и флорентинцемъ, и мы утверждаемъ наперекоръ господствующему мнѣнію, что онъ принималъ ближе къ сердцу интересы Флоренціи, чѣмъ интересы Италіи. Макіавелли провелъ лучшую пору своей жизни на службѣ Флорентинской республики; тѣ пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ состоялъ секретаремъ Совѣта десяти, были не только самымъ счастливымъ, но и самымъ плодотворнымъ временемъ его жизни. Онъ былъ въ это время поглощенъ государственными дѣлами, которыя, по его собственному сознанію, были той областью, которая всего болѣе соотвѣтствовала его наклонностямъ и, вращаясь въ которой, онъ только и чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. И эта-то его дѣятельность, посвященная Флорентинской республикѣ, и опредѣлила образъ его мыслей и его политическія убѣжденія, которымъ онъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Не удивительно поэтому, что онъ разсуждалъ о политическихъ вопросахъ не столько, какъ итальянскій патріотъ, сколько какъ гражданинъ свободной Флоренціи. Флоренція, по Макіавелли, страдаетъ общимъ всѣмъ итальянскимъ государствамъ недугомъ: она не имѣетъ собственнаго оружія. Другой источникъ постигшихъ ее несчастій—борьба партій. Внутреннія безурядицы, истощившія Флоренцію, Макіавелли объясняетъ тѣмъ, что государственныя устройства то и дѣло смѣнявшія другъ друга, были правительствами партій, эксплуатировавшихъ власть въ своихъ интересахъ и пренебрегавшихъ интересами остального населенія. Исходя изъ этого наблюденія, Макіавелли требуетъ, чтобы государственная власть не находилась въ рукахъ того или другого класса, а обнимала всѣ тѣ общественные элементы, изъ которыхъ слагается государственное устройство; оно, во первыхъ, прочно, ибо принимаетъ во вниманіе интересы отдѣльныхъ партій, старается примирить ихъ между собою и не даетъ повода къ недовольству, являющемуся причиною переворотовъ; оно, во-вторыхъ, справедливо, ибо предоставляетъ каждому общественному классу подобающее ему участіе въ государственномъ управленіи; оно, въ-третьихъ, имѣетъ самое благотворное вліяніе на народные нравы, ибо развиваетъ въ народѣ уваженіе къ законному порядку, любовь общаго блага и преданность государству.

Къ этимъ основнымъ положеніямъ сводится ученіе Макіавелли о государственномъ устройствѣ. Мы видимъ, что они были навѣяны политическимъ бытомъ Флоренціи и служили лишь отвѣтомъ на тѣ вопросы, которые долженъ былъ задавать себѣ Макіавелли, вдумываясь въ причины тѣхъ недуговъ, которыми страдало его отечество.

§ 28. **Условія образованія взглядовъ Макіавелли.** Макіавелли жилъ и мыслилъ въ самомъ круговоротѣ итальянской политики, онъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ катастрофъ, которыя разразились надъ Италіей и сдѣлали изъ нея добычу варваровъ. Онъ пережилъ тѣ тяжелыя времена, когда правители Флоренціи извивались передъ высокомѣрной Франціей и завистливой, но безсильной Имперіей и деньгами и подарками задобривали Людовика XII и Максимиліана; онъ былъ посланникомъ при французскомъ дворѣ и самъ разсказываетъ намъ, съ какимъ презрѣніемъ смотрѣли на его отечество и какъ нагло издѣвались надъ его безсиліемъ; онъ игралъ активную роль въ той несчастной войнѣ съ Пизой, которая обнаружила всю безсовѣстность и продажность кондотьери, этой язвы современной ему Италіи; онъ долженъ былъ отъ лица когда-то могущественной Флоренціи вести переговоры съ мелкими тиранами, съ такими извергами рода человѣческаго, какъ Пандольфо Петруччи и Паоло Больони, увѣрять ихъ въ дружбѣ своего правительства, восхвалять ихъ мудрость, какъ милости испрашивать у нихъ помощи, унижаться и раболѣпствовать передъ ними; онъ сопровождалъ Цезаря Борджіа въ его походѣ на Романью и могъ собственными глазами видѣть, къ какимъ средствамъ должны были прибѣгать государственные мужи Италіи, чтобы не сдѣлать сяжертвою тѣхъ подпольныхъ интригъ и недостойныхъ ухищреній, къ которымъ сводилась вся политическая мудрость того времени; онъ состоялъ посланникомъ при римскомъ дворѣ и разсказываетъ намъ о продажности кардиналовъ и о томъ золотѣ и о тѣхъ обѣщаніяхъ, цѣною которыхъ Юлій II сдѣлался намѣстникомъ Христа; онъ долженъ былъ терпѣть личныя обиды и оскорбленія и сказать себѣ, что онѣ наносятся ему не какъ частному лицу, а какъ представителю Флоренціи. Макіавелли, такимъ образомъ, пережилъ и перестрадалъ все то, что пережило и перестрадало его отечество. Что жъ удивительнаго, если онъ, сынъ того вѣка, въ которомъ человѣческая мысль эманципируется отъ средневѣковыхъ предразсудковъ и въ которомъ зарождается духъ свободнаго изслѣдованія, сынъ той страны, которая воспитала Галилея, если онъ, говоримъ мы, своимъ трезвымъ умомъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы несчастія и бѣдствія, постигшія его отечество, были ниспосланы любящимъ Творцомъ? Что жъ удивительнаго, если этотъ міръ представлялся ему не цѣлесообразнымъ порядкомъ, которымъ управляетъ высшій разумъ или благое Провидѣніе, а темнымъ царствомъ, въ которомъ хозяйничаетъ злая судьба? Макіавелли пережилъ знаменательную эпоху въ исторіи родного города. На его глазахъ рушилось владычество Медичи, онъ присутствовалъ при возстановленіи демократическаго строя, во главѣ котораго сталъ Савонаролла, онъ былъ свидѣтелемъ его смерти на кострѣ и видѣлъ, какъ созданное имъ дѣло погибло, онъ игралъ активную роль въ реорганизаціи республиканскихъ учрежденій и былъ достойнымъ сподвижникомъ Содерини. Онъ съ болью въ сердцѣ долженъ былъ покинуть свой городъ, когда эти учрежденія пали, и Медичи занялъ свое прежнее мѣсто. На его глазахъ совершился цѣлый рядъ переворотовъ, которые

стерли съ лица земли старыя учрежденія и создали новыя. Демократія вытѣснила тиранію, умѣренная республика—народное правленіе, пока, наконецъ, не восторжествовала снова тиранія. И всѣ эти перевороты были связаны съ именемъ той или другой личности. И въ остальной Италіи Макіавелли могъ наблюдать ту же неустойчивость политическаго строя и слѣдить за дѣятельностью отдѣльныхъ государственныхъ мужей, уничтожавшихъ старыя учрежденія и вводившихъ новыя, разрушавшихъ государства и созидавшихъ новыя. Карта Италіи на глазахъ Макіавелли нѣсколько разъ мѣняла свои очертанія. Всѣ мелкія государства Италіи были или республиками, такъ же быстро мѣнявшими свое устройство, какъ Флоренція, или государствами, во главѣ которыхъ стояли тираны-узурпаторы. Большинство этихъ тирановъ были когда-то кондотьери и насиліями захватили государственную власть въ свои руки. Они могли удержаться лишь прибѣгая къ тѣмъ средствамъ, которымъ они были обязаны своимъ возвышеніемъ. Они жили въ постоянномъ страхѣ за свой престолъ, за свою жизнь. Хитрость и преступленія были ихъ политическими орудіями, огонь и мечъ замѣняли имъ государственные законы и учрежденія. Эти тиранніи держались властью одного лица, онѣ покоились исключительно на плечахъ тирана. Чѣмъ онъ былъ хитрѣе, предусмотрительнѣе, рѣшительнѣе, энергичнѣе, тѣмъ прочнѣе и устойчивѣе было его государство; малѣйшая ошибка, малѣйшій недосмотръ, неловкій расчетъ могли лишить его власти, а государство—единственной опоры. Личный произволъ замѣнялъ въ этихъ тираніяхъ государственное устройство, къ личной дѣятельности тирана и его слугъ сводилось все государственное управленіе. Макіавелли былъ неоднократно при дворахъ этихъ тирановъ. Онъ состоялъ посланникомъ при Цезарѣ Борджіа въ Романьѣ, Пандольфо Петруччи въ Сіенѣ, Паоло Больони въ Перуджіѣ, Екатеринѣ Сфорца въ Форли. А Цезарь, Пандольфо и Паоло были типами итальянскихъ тирановъ того времени, а ихъ государства—тѣми тираніями, которыя создавались и поддерживались дѣятельностью одного лица. На его глазахъ Цезарь очистилъ Романью отъ мелкихъ тирановъ и объединилъ ее въ одно политическое тѣло. Но Макіавелли былъ свидѣтелемъ и тому, какъ это вновь созданное государство просуществовало лишь нѣсколько мѣсяцевъ и снова распалось на свои составныя части. Не изученіе исторіи и не знакомство съ политическимъ бытомъ другихъ государствъ опредѣлило воззрѣнія Макіавелли, а исключительно наблюденія надъ политической жизнью Италіи. Эта же политическая жизнь, какъ мы сейчасъ показали, должна была поразить его своей неустойчивостью и тѣми постоянными переворотами, во главѣ которыхъ стояли отдѣльныя личности. Не удивительно поэтому, что онъ сводилъ всѣ явленія общественной жизни къ свободной дѣятельности людей, т.-е. къ такому фактору, который бросался ему всего рѣзче въ глаза и вліяніе котораго на государственную жизнь было для него всего яснѣе, всего осязательнѣе. И разсуждая объ отдаленныхъ эпохахъ, о возникновеніи государствъ и религій, Макіавелли объясняетъ всѣ эти явленія тѣми причинами, которыя на его глазахъ обусловливали собой перевороты въ государственной и религіозной жизни Италіи. Разсуждая о Нумѣ, въ которомъ видитъ основателя римской религіи, онъ вспоминаетъ Савонароллу, говоря объ основателяхъ государствъ, о Моисеѣ, Тезеѣ, Кирѣ, Ромулѣ, онъ думаетъ о Цезарѣ Борджіа, Франческо Сфорца. Онъ не замѣчаетъ раз-

личія въ историческихъ условіяхъ и убѣжденъ, что люди древности дѣйствовали точно такъ же, какъ и тѣ государственные мужи, мотивы и цѣли, дѣятельность которыхъ онъ изучилъ вблизи. Какъ Миланское герцогство и княжество въ Романьѣ были твореніями Франческо Сфорца и Цезаря, такъ и Римское государство, по воззрѣнію Макіавелли, ни что иное, какъ искусственное учрежденіе, созданное личной дѣятельностью Ромула. Какъ Савонароллѣ удалось воодушевить флорентинцевъ своею проповѣдью и сдѣлать ихъ послушными орудіями своихъ реформаторскихъ начинаній, такъ точно и Нума ввелъ религіозные обряды, дисциплинировавшіе римлянъ и положившіе основаніе тѣмъ добрымъ нравамъ, которые послужили твердой опорой Римскому государству. Все различіе между организаторской дѣятельностью Ромула и Цезаря сводится лишь къ тому, что первый дѣйствовалъ самостоятельно, второй же былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ чужому оружію и счастливому стеченію обстоятельствъ. Различіе же между Нумою и Савонароллою заключается лишь въ томъ, что первый взялся за свое дѣло умнѣе и опирался на военную силу, созданную Ромуломъ, второй же выступилъ невооруженнымъ пророкомъ и хотѣлъ воздѣйствовать на людей не силою оружія, а силою убѣжденія. Итакъ, Макіавелли, разсуждая о государствѣ и религіи, имѣетъ въ виду политическія условія своего времени и объясняетъ происхожденіе государствъ тѣми же самыми причинами, которыя на его глазахъ обусловливали собою возникновеніе политическихъ тѣлъ, т.-е. дѣятельностью отдѣльныхъ передовыхъ людей. Такъ складывается основное положеніе его ученія, которое гласитъ: свободная дѣятельность людей создаетъ государства и религіи, ею держатся всѣ государственныя и религіозныя учрежденія, она направляетъ общественную жизнь и является причиною всего того, что не физическая природа. Если свободная дѣятельность людей,—по Макіавелли,—главный факторъ государственной жизни, то его взглядъ на природу человѣка долженъ былъ имѣть рѣшающее вліяніе на его философскую доктрину. Мы показали выше, что этотъ взглядъ сложился у него еще тогда, когда онъ былъ всецѣло поглощенъ практической дѣятельностью. Въ своихъ посольскихъ донесеніяхъ онъ неоднократно повторяетъ, что люди дѣйствуютъ не иначе, какъ подъ напоромъ своекорыстныхъ влеченій, что они лишены всякаго нравственнаго чутья, и что единственнымъ мотивомъ ихъ дѣятельности служитъ личная выгода. Если же такова,—по воззрѣнію Макіавелли,—природа человѣка, то онъ не могъ вѣрить въ самобытность нравственныхъ началъ и долженъ былъ объяснять возникновеніе нравственныхъ понятій и качествъ людей вліяніемъ внѣшней обстановки.

Для насъ эпоха Возрожденія въ Италіи — то богатое талантами время, когда впервые зарождается современный человѣкъ, когда свободное изслѣдованіе разсѣеваетъ мракъ средневѣкового невѣжества, когда писали и создавали свои безсмертныя творенія Петрарка, Буоналекки, Рафаэль, Леонардо да-Винчи, Микель Анджело, Тиціанъ, Макіавелли, Гвичардини. И мы признаемъ во всестороннемъ развитіи личности источникъ той богатой и разнообразной культуры, плодами которой мы не перестаемъ наслаждаться. Темныя же стороны индивидуализма, которыя отразились на общественномъ и политическомъ бытѣ того времени, отступаютъ для насъ на второй планъ. Макіавелли же относится къ послѣдствіямъ индивидуализма совершенно наоборотъ.

Наука и искусство процвѣтали при дворахъ тѣхъ тирановъ, въ которыхъ Макіавелли видѣлъ угнетателей итальянскаго народа; ихъ умѣли цѣнить кондотьеры, эти апостолы политическаго коварства; имъ покровительствовали Козьма и Лаврентій Медичи, виновники политическаго рабства Флоренціи; они служили утѣхою папамъ, которые внесли смуты и раздоры въ Италію; ими гордились тѣ богачи и вельможи, про которыхъ Макіавелли говоритъ, что въ нихъ не было и искры любви къ отечеству. И поэты, и художники были плохими патріотами, равнодушными къ судьбамъ своего отечества: они льстили сильнымъ міра сего, потакали ихъ прихотямъ, развлекали ихъ въ часы досуга. Макіавелли, вниманіе котораго всецѣло поглощено политическими судьбами отечества, признавалъ добромъ лишь то, что содѣйствуетъ государственному благу, и зломъ все то, что ому противорѣчитъ. Неудивительно поэтому, что наука и искусство въ его глазахъ высокой цѣны не имѣли.

Говоря о людяхъ, заслуживающихъ похвалы, онъ ставитъ не первое мѣсто учредителей религіи, на второе — основателей республикъ и королевствъ, на третье—полководцевъ, послѣднее же мѣсто занимаютъ люди науки. Въ своей „Исторіи Флоренціи“ Макіавелли говоритъ: „Мудрецъ замѣтилъ, что науки слѣдуютъ за военными успѣхами, и что полководцы предшествуютъ философамъ. Когда хорошо организованное войско одержало побѣду, и побѣды обезпечили миръ и покой, тогда наступитъ благородная праздность, и нѣтъ праздности, которая могла бы ослабить воинственный духъ подъ болѣе благовиднымъ предлогомъ, какъ та праздность, которая состоитъ въ занятіяхъ науками. Это понялъ Катонъ, когда аѳиняне отрядили въ Римъ въ качествѣ посланниковъ философовъ Діогена и Карнеада. Замѣтивъ, что римское юношество съ удивленіемъ стало прислушиваться къ ихъ рѣчамъ, и понявъ то зло, которое могла породить эта благородная праздность, Катонъ распорядился, чтобы ни одинъ философъ не имѣлъ доступа въ Римъ“. Если Макіавелли не умѣетъ цѣнить значенія наукъ и искусствъ и если онъ разсматриваетъ вліяніе индивидуализма лишь настолько, насколько онъ отразился на политическомъ и общественномъ бытѣ его отечества, то не удивительно, что онъ замѣтилъ лишь дурныя послѣдствія эмансипаціи личности и видѣлъ въ отсутствіи всякихъ объективныхъ началъ, которыя сдерживали бы свободу сужденій и дѣйствія, источникъ всѣхъ тѣхъ пороковъ, которые истощили его отечество. Выходя изъ этого убѣжденія, онъ развиваетъ въ своихъ сочиненіяхъ мысль, что лишь то государство прочно и счастливо, въ которомъ эгоизмъ и личный произволъ отдѣльныхъ гражданъ сдержаны условіями государственной жизни, воспитавшими въ людяхъ страхъ Божій, уваженіе къ законному порядку, преданность государству и любовь къ отечеству.

Итакъ, основныя положенія Макіавелли, выясняющія намъ его воззрѣнія на происхожденіе и сущность морали, на воспитательную задачу государства и на тѣ условія, которыя благопріятствуютъ развитію гражданскихъ добродѣтелей, суть, во-первыхъ, послѣдствія его взгляда на природу человѣка, сложившагося въ теченіе его долголѣтней общественной дѣятельности, во-вторыхъ, результатъ его наблюденій надъ испорченностью итальянскаго народа и его размышленій надъ причинами этой испорченности.

§ 29. **Отношеніе политики къ нравственности.** Сопоставляя мѣста, въ которыхъ Макіавелли одобряетъ жестокія и суровыя политическія средства въ виду той полезной цѣли, которой они служатъ, мы приходимъ къ заключенію, что онъ считалъ необходимымъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ или въ тираніи, или при основаніи и переустройствѣ государствъ, или при подавленіи мятежей и возстаній, или, наконецъ, на войнѣ. Такимъ образомъ, только тамъ, гдѣ не существуетъ законнаго порядка, т.-е. гдѣ цѣль не можетъ быть достигнута законными средствами или потому, что этихъ средствъ еще не успѣла выработать общественная жизнь, или потому, что они обветшали, а новыя не успѣли еще народиться, только тамъ Макіавелли совѣтуетъ политикамъ слѣдовать правилу „цѣль освящаетъ средства". Ограничивая примѣненіе этого правила перечисленными случаями, Макіавелли этимъ самымъ выясняетъ намъ свое воззрѣніе на отношеніе политики къ нравственности. Мы знаемъ изъ предыдущаго, что міръ, по воззрѣнію Макіавелли, не цѣлесообразный порядокъ, а хаосъ силъ, враждующихъ съ человѣкомъ. Природа ничего человѣку даромъ не уступаетъ, и онъ вынужденъ отвоевать каждую пядь земли, каждый кусокъ хлѣба, вести неустанную и отчаянную борьбу съ природой и съ себѣ подобными. Лишь цѣною такой борьбы онъ можетъ достигнуть цѣли своего существованія и удовлетворить своимъ потребностямъ. Въ государственномъ быту человѣкъ слѣдуетъ правилу „цѣль освящаетъ средства". Но человѣкъ постепенно преодолѣваетъ сопротивленіе, оказываемое ему природой, и заставляетъ ее служить своимъ интересамъ. За борьбою съ природою слѣдуетъ миръ, и тогда человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ внѣшней природѣ перестаетъ слѣдовать правилу „цѣль освящаетъ средства". Онъ не проводитъ болѣе дней и ночей въ безпорядочной погонѣ за добычей, не топчетъ луговъ, не убиваетъ перваго попавшагося ему звѣря, не опустошаетъ лѣсовъ и полей, а удобряетъ пашни, приручаетъ звѣрей, бережетъ лѣсъ, орошаетъ луга и собираетъ жатву; человѣкъ лелѣетъ природу, природа кормитъ человѣка. Миръ съ природою научаетъ человѣка дорожить и миромъ съ себѣ подобными. Соединившись въ общежитіе, люди создаютъ средства, которыя позволяютъ имъ достигать цѣлей общежитія съ наименьшей тратой времени и труда, не прибѣгая къ дѣйствіямъ, противорѣчащимъ интересамъ отдѣльныхъ членовъ союза.

Они вводятъ законы и учрежденія, которые освящаютъ эти средства и грозятъ наказаніемъ всякому, пользующемуся иными средствами. Эти законы и учрежденія устанавливаютъ такой общественный порядокъ, который дѣлаетъ излишнимъ прибѣгать къ суровымъ и жестокимъ мѣрамъ, и позволяютъ ,каждому удовлетворять своимъ интересамъ, не мѣшая и другимъ достигать тото же. Люди создаютъ такимъ образомъ среди внѣшняго нецѣлесообразнаго міра искуственный цѣлесообразный. Въ такомъ цѣлесообразномъ порядкѣ правило „цѣль освящаетъ средства" не приложимо, ибо тутъ цѣлямъ общежитія соотвѣтствуютъ законныя средства. Но съ теченіемъ времени это соотвѣтствіе между цѣлями и средствамп нарушается. Потребности и вмѣстѣ съ ними цѣли общежитія измѣняются, средства же, воплотившись въ форму законовъ, учрежденій, нравственныхъ правилъ, религіозныхъ вѣрованій, остаются безъ измѣненія· Общественный порядокъ перестаетъ быть цѣлесообразнымъ, правители и граждане для удовлетворенія вновь воз-

никшихъ потребностей вынуждены нарушить освященныя временемъ правила. Въ такія эпохи революцій безнравственныя дѣйствія неизбѣжны, ибо лишь цѣною суровыхъ и жестокихъ мѣръ, нарушающихъ интересы отдѣльныхъ лицъ, можетъ быть введенъ новый цѣлесообразный порядокъ. Въ такія эпохи общественныхъ кризисовъ правило „цѣль освящаетъ средства“ снова вступаетъ въ силу, ибо нравы извѣстной страны могутъ быть до такой степени испорчены, что исключаютъ возможность введенія цѣлесообразнаго порядка, и тиранъ, поддерживающій порядокъ въ такой странѣ, вынужденъ руководствоваться правиломъ „цѣль освящаетъ средства“. Но если Макіавелли и считалъ дозволеннымъ въ эпохи общественныхъ кризисовъ прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ, то при нормальномъ теченіи общественной жизни онъ считалъ внѣзаконную дѣятельность опасной и предостерегалъ государственныхъ дѣятелей при такихъ условіяхъ слѣдовать правилу „цѣль освящаетъ средства“. Макіавелли въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ развиваетъ мысль, что въ благоустроенной и неиспорченной республикѣ правители не имѣютъ ни повода, ни возможности творить зло, что всѣ цѣли общежитія могутъ быть достигнуты законными средствами и что безнравственный поступокъ, могущій оказаться полезнымъ въ тираніи, самъ себя наказуетъ въ неиспорченной республикѣ. Если въ тираніи злыя сѣмена быстро всходятъ на пропитанной испорченностью почвѣ, то въ республикѣ общественная совѣсть возмущается всякимъ безнравственнымъ поступкомъ. Въ 9-й главѣ „Князя“ Макіавелли говоритъ: „Князь, желающій удержаться, вынужденъ быть злымъ: если народная масса, будь то войско, народъ или вельможи, испорчена, то князь долженъ умѣть приноравливаться къ ея дурнымъ наклонностямъ, и при такихъ наклонностяхъ, и при такихъ условіяхъ государственной жизни добрыя дѣла пагубны“. Въ 6-й же главѣ III книги „Discorsi“ Макіавелли говоритъ, что мысль объ измѣнѣ и не можетъ прійти въ голову гражданамъ неиспорченной республики, гдѣ безнравственныя правила вообще неприложимы. Мысль, что злые поступки сами себя наказуютъ въ республикѣ, Макіавелли очень подробно развиваетъ въ 9-й гл. III кн. „Discorsi“, гдѣ онъ подтверждаетъ эту мысль цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ римской исторіи. „Злой гражданинъ — говоритъ онъ въ этой главѣ,—не можетъ творить зла въ неиспорченной республикѣ... И если бы Манлій жилъ во время Маріи и Суллы, когда общество было уже испорчено, и могъ придать ему форму, наиболѣе соотвѣтствовавшую его тщеславію, то онъ достигъ бы тѣхъ же самыхъ результатовъ, какъ Маріи и Сулла. И наоборотъ, если бы Маріи и Сулла жили во времена Манлія, то ихъ замыслы въ самомъ зачаткѣ встрѣтили бы непреодолимыя препятствія“. Въ неиспорченной республикѣ нѣтъ, такимъ образомъ, не только повода прибѣгать къ безнравственнымъ средствамъ, но и самая возможность ихъ исключена условіями общественной жизни. Правило „цѣль освящаетъ средства“ неприложимо въ такомъ благоустроенномъ государствѣ, и политикъ, слѣдующій этому правилу, поступаетъ не только безнравственно, но и неблагоразумно. Если въ эпохѣ общественныхъ кризисовъ государственные люди вынуждены дѣйствовать по этому правилу, то при нормальномъ теченіи общественной жизни всякій внѣзаконный поступокъ, если онъ даже предпринимается во имя общаго блага, можетъ нанести неисцѣлимый вредъ государству. „Между установленіями республики,—говоритъ Макіавелли,—

должно быть и такое учрежденіе, которое слѣдило бы за тѣмъ, чтобы граждане подъ предлогомъ добра не могли творить зла и чтобы они пользовались лишь такою степенью авторитета, который былъ бы полезенъ, а не вреденъ свободѣ". „Республика, — говоритъ Макіавелли въ другомъ мѣстѣ, — должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы исключала необходимость въ исключительныхъ мѣрахъ. Если исключительная мѣра и принесла бы временную пользу, то примѣръ подѣйствовалъ бы дурно, ибо былъ бы введенъ обычай для хорошей цѣли нарушать учрежденія, которыя могли бы подъ тѣмъ же предлогомъ быть нарушены ради дурной цѣли".

§ 30. **Макіавелли, защитникъ политической свободы.** Къ этимъ положеніямъ сводятся политическія убѣжденія Макіавелли, и мы можемъ теперь, познакомившись въ предшествующихъ отдѣлахъ съ задачею его политическихъ трактатовъ, приступить къ разрѣшенію вопроса объ отношеніи „Discorsi" къ „Il principe", вопроса, изслѣдованіе котораго покажетъ, что авторъ „Князя" и въ книгѣ, посвященной тираніи, остается вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. При сравненіи этихъ двухъ трактатовъ, прежде всего бросается въ глаза ихъ различіе по содержанію и распредѣленію матеріала. „Il principe"—трактатъ о тираніи, написанный по заранѣе обдуманному плану въ строгомъ, систематическомъ порядкѣ. „Discorsi" же ни что иное, какъ рядъ размышленій о различныхъ вопросахъ политики по поводу отдѣльныхъ мѣстъ изъ первыхъ трехъ книгъ Тита Ливія. „Il principe"—монографія, изслѣдующая частный вопросъ, „Discorsi"—сочиненіе, въ которомъ Макіавелли изучаетъ всѣ явленія политической жизни, доступныя его наблюденію. Другое важное различіе между этими двумя политическими трактатами заключается въ томъ, что въ „Il principe" личность Макіавелли скрывается за объективнымъ изслѣдованіемъ политическаго вопроса, между тѣмъ какъ въ „Discorsi" эта личность выступаетъ передъ нами во весь ростъ. Изслѣдуя въ „Князѣ" тиранію, Макіавелли воздерживается отъ всякой оцѣнки ея достоинствъ и недостатковъ. Если въ „Разсужденіяхъ" онъ опредѣляетъ тѣ случаи, въ которыхъ тиранія необходима, и указываетъ на тѣ условія, которыми она вызывается, на то вліяніе, которое она оказываетъ на политическую и нравственную жизнь народовъ, то въ „Князѣ" онъ не касается этихъ вопросовъ, которые могли бы выяснить его субъективное отношеніе къ тираніи, а изслѣдуетъ лишь, какими средствами вводится и поддерживается тиранія. Въ „Il principe" Макіавелли изучаетъ, а не проповѣдуетъ, онъ нигдѣ не высказываетъ своихъ политическихъ убѣжденій, и его субъективное отношеніе къ выставляемымъ имъ правиламъ остается скрытымъ. Лишь въ послѣдней главѣ онъ выступаетъ изъ роли безпристрастнаго изслѣдователя и разражается великолѣпнымъ воззваніемъ, обращеннымъ къ Лаврентію Медичи,— изгнать варваровъ изъ Италіи. Не справедливо поэтому мнѣніе ученыхъ, утверждающихъ, будто Макіавелли измѣняетъ въ „Князѣ" своему республиканскому образу мыслей и является защитникомъ тираніи. Въ книгѣ, посвященной Лаврентію Медичи, онъ не могъ измѣнять своимъ политическимъ убѣжденіямъ уже по той простой причинѣ, что онъ въ этомъ политическомъ трактатѣ никакихъ политическихъ убѣжденій не высказываетъ, а выставляетъ лишь правила, которыми долженъ руководствоваться тиранъ, воздерживаясь отъ всякой оцѣнки этихъ правилъ. Но Макіавелли въ „Князѣ" не только не измѣняетъ политическимъ

убѣжденіямъ, выраженнымъ въ „Разсужденіяхъ“, но и излагаетъ тѣ же самыя правила, которыя онъ предлагаетъ въ „Discorsi“, разсуждая о тираніи. Макіавелли выставляетъ въ „Il principe“ общее правило, что князь, вынужденный прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, долженъ стараться покончить съ ними сразу. То же самое правило мы встрѣчаемъ и въ 45-й гл. I кн. „Discorsi“. Жестокія мѣры, которыя Макіавелли совѣтуетъ въ „Il principe“ новому князю, подчиняющему своей власти свободный городъ, мы находимъ перечисленными цѣликомъ и въ не менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ въ 26-й гл. I кн. „Discorsi“ и т. п. Всѣ тѣ политическіе совѣты, которые Макіавелли предлагаетъ въ „Князѣ, мы встрѣчаемъ и въ тѣхъ мѣстахъ „Discorsi“, которыя посвящены тираніи. Если Макіавелли въ „Il principe“ развиваетъ лишь подробнѣе взгляды, изложенные въ „Discorsi“, и въ книгѣ, посвященной тираніи, не измѣняетъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ, то, тѣмъ не менѣе, остается необъяснимымъ тотъ фактъ, что писатель, державшійся республиканскаго образа мыслей и всей душой преданный политической свободѣ, написалъ книгу о тираніи. Объяснить этотъ фактъ—задача послѣдующаго изложенія.

Въ новѣйшей литературѣ о Макіавелли можно считать установившимся слѣдующее воззрѣніе на отношеніе „Discorsi“ къ Il principe“ и на тѣ цѣли, которыя преслѣдовалъ Макіавелли въ этихъ двухъ сочиненіяхъ. Макіавелли былъ искреннимъ республиканцемъ, но, видя, что свободный государственный строй неосуществимъ въ современной ему Италіи, пришелъ къ убѣжденію, что единственное средство спасти Италію отъ конечной гибели—неограниченная власть абсолютнаго монарха. И вотъ, дабы указать этому тирану путь, слѣдуя по которому онъ могъ бы упрочить свою власть на твердыхъ основаніяхъ, объединить Италію въ одно крѣпкое государство и изгнать иноземцевъ изъ ея предѣловъ, Макіавелли пишетъ своего „Князя“—руководство тирану, будущему спасителю Италіи. Но абсолютная монархія, объединившая Италію, не есть конечная цѣль Макіавелли. Тиранъ уготовляетъ лишь почву, на которой долженъ возрасти новый, свободный государственный строй—республика. И для грядущихъ поколѣній, которымъ выпадетъ счастливая доля—собирать жатву, посѣянную тираномъ, и пользоваться выгодами республиканскаго строя, Макіавелли пишетъ свои „Разсужденія“ на первыя три книги Тита Ливія. И тотъ, и другой трактатъ преслѣдуетъ практическія цѣли, но цѣли, которыя могутъ быть осуществлены лишь одна за другою.

Это воззрѣніе на отношеніе „Discorsi“ къ „Il principe“ покоится на томъ ложномъ предположеніи, будто Макіавелли выставляетъ въ своихъ политическихъ трактатахъ лишь правила, непосредственно приложимыя къ жизни и приспособленныя къ особеннымъ условіямъ политической жизни Италіи, и что онъ будто преслѣдуетъ ими лишь практическія цѣли. Мы же показали, что Макіавелли на ряду съ практическими правилами выставляетъ и чисто тереотическія положенія и что онъ не только предлагаетъ совѣты своимъ соотечественникамъ, но и изслѣдуетъ государственную жизнь вообще. Это вытекаетъ какъ нельзя яснѣе изъ изученія его „Discorsi“, теоретическій характеръ которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но что и „Князь“ не есть практическое руководство, а теоретическое изслѣдованіе, въ этомъ убѣждаетъ насъ сравненіе „Il principe“ съ „Discorsi sopra il riformar lo stato di Firenze“. Этотъ послѣдній трактатъ имѣетъ цѣлью

указать папѣ Льву на тѣ средства, съ помощью которыхъ онъ могъ бы ввести во Флоренціи устойчивый государственный порядокъ. Макіавелли начертываетъ здѣсь проектъ конституціи, которая, по его воззрѣнію, всего болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ политическаго быта Флоренціи. Этотъ трактатъ показываетъ намъ, какъ Макіавелли писалъ сочиненіе, въ которомъ не изслѣдовалъ теоретическихъ вопросовъ, а предлагалъ практическіе совѣты. Макіавелли начинаетъ „Discorsi sopra il riformar lo stato di Firenze“ съ изслѣдованія причинъ недолговѣчности конституцій, смѣнявшихся во Флоренціи въ короткій промежутокъ времени. Затѣмъ онъ задается вопросомъ, какія изъ государственныхъ формъ всего болѣе соотвѣтствуютъ данному состоянію Флоренціи, и отвѣчаетъ, что условія ея общественнаго и политическаго быта таковы, что одна республика способна успокоить умы, удовлетворить потребностямъ и желаніямъ народа и обезпечить порядокъ въ городѣ. Въ послѣдней части трактата онъ подробно объясняетъ намъ, какъ должна быть устроена эта республика, и излагаетъ самый обстоятельный и подробный проектъ республиканской конституціи. Макіавелли остается здѣсь въ предѣлахъ своей задачи: онъ не пускается въ разсужденіе объ общихъ вопросахъ политики и не изслѣдуетъ государственныхъ учрежденій другихъ странъ, а говоритъ лишь о государственномъ бытѣ своего роднаго города и постоянно имѣетъ въ виду особенныя условія политической жизни Флоренціи. Если бы Макіавелли преслѣдовалъ въ „Il principe“ такую же практическую цѣль, если бы онъ въ этомъ трактатѣ поставилъ себѣ задачею снабдить совѣтами будущаго властителя Италіи, то онъ слѣдовалъ бы той же системѣ изложенія и той же методѣ, т.-е. ограничился бы изслѣдованіемъ политической жизни своего отечества и указалъ бы, къ какимъ средствамъ долженъ прибѣгнуть князь, намѣревающійся объединить Италію и, говоря объ этихъ средствахъ, принялъ бы во вниманіе данное политическое состояніе своего отечества. Между тѣмъ мы въ „Il principe“ ничего подобнаго не видимъ. Макіавелли разсуждаетъ здѣсь о всѣхъ видахъ княжества, доступныхъ его наблюденію, ни одному изъ нихъ не даетъ предпочтенія и, говоря о тѣхъ разнообразныхъ политическихъ средствахъ, которыми вводятся княжества, указываетъ и на такія, которыя не могли имѣть никакого практическаго значенія для Италіи. До насъ дошло, кромѣ того, прямое свидѣтельство, не оставляющее никакого сомнѣнія въ томъ, что „Il principe“ есть теоретическое изслѣдованіе, а не практическое руководство будущему владыкѣ Италіи. Въ письмѣ къ Веттори мы читаемъ слѣдующее: „Помня слова Данте, что не было бы знанія, если бы слышанное не запоминалось, я записалъ все то, чему научился въ бесѣдѣ съ древними, и составилъ маленькое сочиненіе „De principatibus“, гдѣ я изслѣдую эту матерію и разсматриваю, что такое княжество, какими средствами они пріобрѣтаются и поддерживаются и вслѣдствіе какихъ причинъ ихъ теряютъ“. Изъ этихъ словъ, которыми Макіавелли опредѣляетъ цѣль, преслѣдуемую имъ въ „Il principe“, какъ нельзя яснѣе вытекаетъ, что задача „Князя“ не предлагать практическіе совѣты кому бы то ни было, а изслѣдовать природу княжества и выставить общія правила, примѣнимыя не только въ Италіи, но вездѣ, гдѣ существуютъ княжества. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что „Il principe“ не практическое руководство, а теоретическое изслѣдованіе. Но господствующее въ новѣйшей литературѣ воззрѣніе на отно-

шеніе „Discorsi“ къ „Il principe“ не только покоится на ложномъ предположеніи, будто „Il principe“ написанъ въ назиданіе Лаврентію Медичи, но и противорѣчитъ всему тому, что Макіавелли говоритъ о тираніи и о ея вліяніи на народные нравы.

Макіавелли видитъ въ тираніи ненормальный политическій строй, но тѣмъ не менѣе, считаетъ эту государственную форму необходимой при извѣстныхъ условіяхъ. И важнѣйшее изъ этихъ условій—испорченность нравовъ; разъ эта испорченность проникла въ страну, послѣдняя дѣлается жертвой анархіи, и лишь желѣзная рука тирана можетъ спасти ее отъ конечной гибели. Тиранъ возстановляетъ порядокъ тѣмъ, что подавляетъ силою всѣ анархическія стремленія, которыя грозятъ государству разрушеніемъ. Если у народа неиспорченнаго порядокъ поддерживается страхомъ Божіимъ, уваженіе къ закону сознаніемъ гражданскихъ обязанностей, то у народа испорченнаго, подпавшаго подъ власть тирана, этотъ порядокъ поддерживается желѣзной волей тирана и его неумолимымъ мечомъ. „Тамъ, гдѣ нѣтъ страха Божія,—говоритъ Макіавелли,—тамъ государство должно или пасть, или быть поддерживаемо княземъ, который замѣняетъ собою недостатокъ религіи“. „По всѣмъ этимъ причинамъ,—говоритъ Макіавелли въ другомъ мѣстѣ,—возникаетъ трудность или невозможность поддерживать или вновь основать республику въ испорченныхъ городахъ. И если, тѣмъ не менѣе, представляется необходимость основать или поддерживать въ нихъ республику, то нужно приблизить ее скорѣе къ королевству, чѣмъ къ народоправству, дабы люди, которые, благодаря высокомѣрію, не могутъ быть улучшены закономъ, были бы по крайней мѣрѣ сдерживаемы королевской властью“. „Гдѣ нѣтъ честности,—замѣчаетъ Макіавелли,—тамъ ничего хорошаго ожидать нельзя, какъ нельзя ожидать его въ странахъ, въ которыя въ наше время проникла испорченность. И къ такимъ странамъ принадлежитъ прежде всего Италія,—но и Франція и Испанія уже заражены испорченностью и если въ этихъ двухъ послѣднихъ странахъ мы не замѣчаемъ безпорядковъ, то и дѣло возникающихъ въ Италіи, то объясняется это тѣмъ, что онѣ имѣютъ короля, который поддерживаетъ въ нихъ единеніе не только своей личной энергіей, но и учрежденіями еще неиспорченнаго правительства“. Итакъ, князь въ испорченномъ государствѣ не возстановляетъ чистоты нравовъ, не оживляетъ гражданскихъ добродѣтелей, не возвращаетъ народу той нравственной силы, безъ которой, по воззрѣнію Макіавелли, свободный строй не можетъ удержаться, а поддерживаетъ лишь единеніе и внѣшній порядокъ. Народъ остается все тотъ же, князь не возстановляетъ чистоты нравовъ, а лишь предупреждаетъ и пресѣкаетъ тѣ послѣдствія нравственной испорченности, которыя расшатываютъ внѣшній порядокъ. Но нравы подъ властью князя, не только не улучшаются, но еще болѣе развращаются. Народъ, говоритъ Макіавелли, который долгое время жилъ подъ властью князя, обращается въ дикаго звѣря, котораго можетъ укротить лишь новое ярмо. Тиранія, по воззрѣнію Макіавелли, не предверіе свободы, а могила свободы. И Макіавелли выражаетъ эту мысль въ очень опредѣленныхъ выраженіяхъ. Онъ говоритъ: „Народъ, въ который проникла испорченность, не можетъ не только короткаго времени, но и одного мгновенія прожить на свободѣ“. „Нужно считать несомнѣнной истиной, что народъ, живущій подъ властью

князя, если даже этотъ князь будетъ уничтоженъ со всѣмъ своимъ потомствомъ, никогда не можетъ возвратиться къ свободѣ, а одинъ князь будетъ вытѣснять другого; безъ избранія же новаго князя такой народъ никогда не успокоится, если только не выступитъ князь, добродѣтель котораго, соединенная съ силою, не поддержитъ въ немъ свободы, но эта свобода будетъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока живъ этотъ человѣкъ". Если, такимъ образомъ, испорченный народъ, подпавшій подъ власть князя, не можетъ, по воззрѣнію Макіавелли, возвратиться къ свободѣ, а авторъ „Князя" считалъ итальянскій народъ такимъ именно испорченнымъ народомъ, то Макіавелли и не могъ видѣть въ объединеніи Италіи подъ властью князя пути къ свободѣ и къ возрожденію своего отечества. Но Макіавелли и не считалъ такое объединеніе Италіи возможнымъ и вовсе не мечталъ объ итальянской монархіи. Въ 55-й гл. I кн. „Discorsi" Макіавелли прямо заявляетъ, что въ Римской области, въ Неаполѣ, Ломбардіи и Романьѣ существуютъ совершенно иныя условія, чѣмъ въ Тосканѣ, что въ первыхъ странахъ, кишащихъ дворянами, порядокъ можетъ быть поддержанъ лишь королевскою властью, между тѣмъ какъ во Флоренціи, Сіенѣ и Луккѣ республика— единственно возможная государственная форма. Въ другихъ мѣстахъ Макіавелли выражаетъ убѣжденіе, что республика всего болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ политическаго быта Флоренціи. Мы имѣемъ, наконецъ, трактатъ, который всецѣло посвященъ доказательству того, что одна республика можетъ осчастливить Флоренцію, внести устойчивость въ ея государственный строй, обезпечить ей покой и благоденствіе. А мы показали выше, что Макіавелли интересуютъ не столько судьбы Италіи, сколько интересы Флоренціи, и что онъ обсуждалъ обще-итальянскую политику лишь съ точки зрѣнія этихъ интересовъ. Если же это такъ, то Макіавелли и не могъ желать объединенія Италіи подъ властью князя, ибо это объединеніе уничтожило бы самостоятельность Флоренціи и ея политическую свободу, которой Макіавелли дорожилъ всего болѣе. Писатели, утверждающіе, что Макіавелли желалъ объединенія Италіи подъ властью князя, ссылаются на послѣднюю главу „Il principe". Въ этой заключительной главѣ авторъ „Князя" говоритъ, что Лаврентія Медичи ждетъ великій подвигъ, если только онъ сумѣетъ стать на высоту своей задачи. Лаврентій Медичи долженъ создать итальянское національное войско, стать во главѣ его и изгнать варваровъ изъ Италіи.—Если бы Макіавелли мечталъ объ объединеніи Италіи, то онъ въ этой главѣ объяснилъ бы намъ, какими средствами можетъ быть введена монархія и въ чемъ должно заключаться ея устройство. Между тѣмъ онъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о политическомъ объединеніи Италіи, а говоритъ лишь о реорганизаціи ея военныхъ силъ. Очевидно, что Макіавелли считалъ ближайшей задачей итальянской политики изгнаніе иностранцевъ, что онъ считалъ такую задачу лишь по силамъ князю, который объединилъ бы военныя силы Италіи, организовалъ бы національное войско и съ его помощью очистилъ бы родную почву отъ иноземныхъ полчищъ. Князь, о которомъ идетъ рѣчь въ послѣдней главѣ „Il principe", не монархъ единой Италіи, не реформаторъ ея государственнаго быта, а военный диктаторъ.

Если Макіавелли не мечталъ объ единой итальянской монархіи, то что могло побудить его написать книгу, посвященную изслѣдованію княжества?

Познакомившійся съ нашимъ изложеніемъ политическаго ученія флорентинскаго секретаря знаетъ, что князь, по воззрѣнію Макіавелли, необходимый элементъ во всякомъ общежитіи, не исключая и республики. Кромѣ того, князю, по воззрѣнію Макіавелли, было открыто широкое поле дѣятельности въ Италіи: онъ долженъ былъ организовать государственныя учрежденія Флоренціи, очистить Романью отъ мелкихъ тирановъ, внести порядокъ въ Ломбардію, Неаполь, Римскую область. Политическая жизнь Италіи нуждалась, такимъ образомъ, не только въ республиканскихъ, но и въ монархическихъ учрежденіяхъ, и вотъ почему Макіавелли изслѣдуетъ не только государственное устройство республикъ, но и пишетъ книгу, всецѣло посвященную изученію княжества, вотъ почему онъ предлагаетъ совѣты не только республиканцамъ, но и князьямъ. Всѣ правила, изложенныя въ „Il principe", сложились у Макіавелли еще тогда, когда онъ слѣдилъ за дѣятельностью Людовика XII и императора Максимиліана, Цезаря Борджіа, Пандольфо Петруччи и Паоло Больони. Въ письмѣ же къ Веттори онъ говоритъ, что его „Il principe" можетъ служить доказательствомъ того, что тѣ 15 лѣтъ, которыя онъ провелъ на государственной службѣ, не пропали даромъ. Макіавелли подводитъ, слѣдовательно, въ „Il principe" лишь итогъ своимъ наблюденіямъ надъ политическимъ бытомъ тѣхъ княжествъ, который онъ изучилъ, еще будучи посланникомъ. Итакъ, Макіавелли пишетъ „Il principe" съ цѣлью, во-первыхъ, подѣлиться своими личными наблюденіями надъ политикою тѣхъ князей, съ которыми онъ сталкивался на пути своей служебной дѣятельности, во-вторыхъ, съ цѣлью изслѣдовать ту государственную форму, которая, въ виду политическаго состоянія Италіи, имѣла для него особый интересъ.

Макіавелли, такимъ образомъ, своею книгою, посвященной изслѣдованію княжествъ, платитъ дань своему вѣку. Но что онъ не сочувствовалъ этой государственной формѣ, видно уже изъ того, что онъ, такъ краснорѣчиво распространяющійся въ „Discorsi" о преимуществахъ свободнаго строя, въ „Il principe" ни единымъ словомъ не упоминаетъ о достоинствахъ единовластія. Очевидно, что княжество никакихъ достоинствъ въ его глазахъ не имѣетъ и что онъ видитъ въ немъ лишь неизбѣжное средство, спасающее народъ отъ политической смерти. И всякому изучившему со вниманіемъ сочиненія флорентинскаго секретаря не трудно замѣтить, что онъ говоритъ въ „Il principe" о тираніи съ внутреннимъ омерзѣніемъ. Онъ съ какимъ-то злорадствомъ указываетъ на всѣ тѣ жестокія мѣры, которыми поддерживается эта ненавистная ему государственная форма. И доказывая, что князь силою вещей принужденъ прибѣгать къ обману, къ огню и мечу для упроченія своей власти, что онъ лишь тогда спокойно владѣетъ престоломъ, когда граждане утратили всѣ тѣ качества, которыми дорожитъ нравственно развитой человѣкъ, что князь, воодушевленный и наилучшими намѣреніями, превращается на княжескомъ престолѣ, воздвигнутомъ на развалинахъ свободнаго строя, въ изверга, а народъ, подпавшій подъ иго тирана, — въ безсловесное стадо. Раскрывая всѣ эти неизбѣжныя послѣдствія деспотизма, Макіавелли выставляетъ на позоръ всему грядущему человѣчеству тирановъ, пользующихся этими орудіями зла не ради спасенія народа отъ политической смерти, а изъ тщеславія и любви къ власти. И какія чувства воодушевляли Макіавелли, когда онъ писалъ свою книгу, видно изъ того мѣста его „Исто-

ріи Флоренція", въ которомъ онъ повѣдалъ намъ тайну своего сердца, восклицая: „Можетъ ли существовать для государства болѣзнь болѣе пагубная, чѣмъ политическое рабство? И какое лѣкарство необходимѣе излѣчивающаго государство отъ политическаго рабства? Лишь тѣ войны справедливы, которыя необходимы, лишь то оружіе священно, на которомъ покоится послѣдняя надежда. А что можетъ быть для насъ необходимѣе свободы, и какое оружіе священнѣе разрывающаго цѣпи политическаго рабства?"

---

## ГЛАВА III.

### Политическое ученіе Бодена.

§ 31. **Макіавелли и Боденъ.** Слѣдующимъ этапомъ въ развитіи политической мысли является политическое ученіе Бодена. Своей книгой „De la république", вышедшей въ 1576 г., онъ является достойнымъ предшественникомъ Монтескье, автора „Esprit des lois".

Книга Бодена это политическій трактатъ, который написанъ по такой же широкой программѣ, какъ и „Политика" Аристотеля, и въ отличіе отъ трактатовъ Макіавелли, представляетъ собою систематическое ученіе о государствѣ. Боденъ рѣзко отличается отъ Макіавелли и исповѣдуемыми имъ философскими и политическими принципами.

Различіе въ воззрѣніяхъ Макіавелли и Бодена объясняется различіемъ тѣхъ политическихъ условій, среди которыхъ жили и дѣйствовали эти писатели. Первый писалъ въ первой половинѣ XVI в. и былъ гражданиномъ Флорентинской республики, второй писалъ въ эпоху религіозныхъ войнъ и былъ подданнымъ французскаго короля. Италія временъ Макіавелли и Франція временъ Бодена—два совершенно различныхъ міра. Итальянцы эпохи Возрожденія имѣютъ передъ глазами образцы различныхъ конституцій; мы не знаемъ страны, которая, за исключеніемъ развѣ древней Греціи, обнимала бы на небольшомъ пространствѣ такое разнообразіе государственныхъ формъ. Каждый городъ имѣлъ свою конституцію, и нерѣдко одно и то же государство въ небольшой промежутокъ времени нѣсколько разъ мѣняло свое устройство. Эта пестрая, подвижная картина должна была невольно наводить на размышленія о достоинствахъ и недостаткахъ различныхъ государственныхъ формъ, о причинахъ государственныхъ переворотовъ и о тѣхъ средствахъ, которыми вводятся и поддерживаются политическія учрежденія. Но это разнообразіе и измѣнчивость государственнаго была должны были, съ другой стороны, поколебать вѣру въ устойчивость политическихъ формъ, въ преемственность историческаго развитія, въ возможность найти государственное устройство, которое представляло бы собой гарантіи прочности и долговѣчности и было бы примѣнимо у всѣхъ народовъ и во всѣ времена.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ политической жизни находился Боденъ. Онъ жилъ въ то время, когда борьба феодализма съ королевскою властью была уже рѣшена въ пользу послѣдней. Французская монархія покоилась на твердыхъ основаніяхъ, она имѣла глубокіе корни въ прошедшемъ, съ нею были связаны славныя историческія воспо-

минанія, и ея дальнѣйшій ростъ былъ неотразимымъ требованіемъ всего предшествующаго политическаго развитія; французскіе политики, не зараженные духомъ борющихся партій и не ослѣпленные религіознымъ фанатизмомъ, уважали въ монархіи національное учрежденіе, съ которымъ связаны судьбы французскаго народа, и видѣли въ усиленіи королевской власти и въ упроченіи монархическихъ учрежденій единственное средство положить конецъ междоусобіямъ, раздиравшимъ Францію, и возстановить въ странѣ порядокъ и покой. Цѣль ихъ политическихъ стремленій была имъ, такимъ образомъ, вполнѣ ясна, и они имѣли политическій идеалъ, который совпадалъ съ тѣмъ государственнымъ порядкомъ, дальнѣйшій ростъ котораго былъ на время прерванъ междоусобіями и религіозными смутами. Если они въ этомъ отношеніи имѣли важное преимущество надъ итальянскими политиками, то они не могли похвалиться тѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ матеріала для сравительныхъ наблюденій надъ политическимъ бытомъ различныхъ государствъ, которое изощрило политическое мышленіе итальянцевъ. Этимъ различіемъ въ политическихъ условіяхъ Италіи и Франціи объясняется и различіе въ воззрѣніяхъ Макіавелли и Бодена.

Макіавелли не столько говоритъ о государственныхъ учрежденіяхъ и законахъ, сколько о государственныхъ переворотахъ и о тѣхъ средствахъ, съ помощью которыхъ вводятся и поддерживаются государственныя учрежденія. Боденъ же обращаетъ по преимуществу вниманіе на государственное устройство, политическаго искусства не касается вовсе, и его ученіе о государственныхъ переворотахъ лишено всякой оригинальности. Макіавелли не знаетъ совершеннаго государственнаго устройства, годнаго для всѣхъ временъ и народовъ: онъ съ одинаковымъ интересомъ и вниманіемъ изслѣдуетъ тиранію, аристократію, демократію и умѣетъ цѣнить ихъ относительные достоинства и недостатки. Боденъ также разсматриваетъ достоинства и недостатки отдѣльныхъ государственныхъ формъ, но, читая эти его разсужденія, чувствуешь, что онъ говоритъ о нихъ лишь для того, чтобы обосновать свой взглядъ на абсолютную монархію, какъ на лучшую государственную форму. Благоговѣніемъ Бодена передъ исторически сложившимися формами государственнаго строя Франціи объясняется и его уваженіе къ преданіямъ, его нелюбовь къ переворотамъ и радикальнымъ преобразованіямъ. Онъ не врагъ реформъ, но онъ требуетъ, чтобы эти преобразованія совершались медленно и постепенно, чтобы они не прерывали исторической преемственности, чтобы реформаторы не прибѣгали къ тѣмъ суровымъ и жестокимъ мѣрамъ, о которыхъ говоритъ Макіавелли.

Между эпохою Макіавелли и временемъ Бодена лежитъ реформація. Она снова выдвинула на первый планъ вопросы религіи и морали. Вѣра въ любящаго Творца, создавшаго міръ на благо человѣчества, получила новую пищу. Религіозный индифферентизмъ Макіавелли и его матеріалистическое міросозерцаніе потеряли подъ собой почву. Вѣра Бодена въ цѣлесообразность мірового порядка, въ вѣчныя начала добра и справедливости объясняется, во-первыхъ, этимъ новымъ вѣяніемъ времени, во-вторыхъ, тѣмъ, что авторъ „Республики“, считая абсолютную монархію наилучшей государственной формой, нуждался для обоснованія своего ученія въ карающемъ Богѣ, который служилъ бы прототипомъ абсолютному монарху. Боденъ нуждался въ благоустро-

енной вселенной, въ которой бы правилъ Богъ на подобіе тому, какъ монархъ правитъ благоустроеннымъ государствомъ.

И мотивы, и цѣли ученія Бодена сдѣлаются для насъ еще яснѣе, когда мы познакомимся съ его жизнью.

§ 32. **Біографія Бодена.** Боденъ родился въ Анжерѣ въ 1520 г. Его отецъ, какъ и его дѣдъ, былъ юристомъ и занималъ почетное мѣсто въ судебномъ сословіи своего города. Мать Бодена была еврейкой и принадлежала къ одному изъ тѣхъ несчастныхъ семействъ, которыя въ 1492 году были изгнаны изъ Испаніи слѣпымъ фанатизмомъ Фердинанда и Изабеллы. Какъ занятіе и положеніе отца опредѣлили судьбу и карьеру Бодена, возбудивъ въ немъ любовь къ юридическимъ наукамъ и натолкнувъ его на тотъ родъ занятій, въ которомъ отличался его отецъ, такъ и происхожденіе его матери объясняетъ многое въ его симпатіяхъ и въ его литературной дѣятельности. Въ сочиненіяхъ Бодена сказывается нескрываемая симпатія къ еврейству и очень основательное знакомство съ еврейской богословской литературой. Окончивъ среднее образованіе въ Анжерѣ, онъ поступилъ въ Тулузскій университетъ. Блистательныя способности, широкая эрудиція, любовь къ научнымъ занятіямъ обращаютъ на него вниманіе ученой коллегіи этого университета, и въ 1559 г. мы видимъ Бодена занимающимъ здѣсь каѳедру правовѣдѣнія. Но скромная дѣятельность профессора провинціальнаго университета не удовлетворяетъ его. Въ 1561 г. онъ переселяется въ Парижъ посвящаетъ себя адвокатской дѣятельности. Однако соперничество такихъ именитыхъ юристовъ, какими были де Ту, Дюмуленъ, братья Питу, не позволяетъ ему развернуть свои таланты на этомъ поприщѣ и занять то положеніе, котораго онъ желалъ. Уже въ 1562 г. мы застаемъ его занимающимъ мѣсто помощника королевскаго прокурора въ Пуатье.

Практическая дѣятельность не отвлекаетъ однако Бодена отъ теоретическихъ занятій. Въ 1566 г. появляется его сочиненіе: „Methodus ad facilem historiarum cognitionem“, сочиненіе, въ которомъ уже ярко выступаютъ его убѣжденія и очень рельефно рисуется направленіе его научной мысли. Онъ ратуетъ здѣсь противъ односторонняго изученія римскаго права, противъ тѣхъ юристовъ, которые берутся рѣшать сложныя соціальныя задачи при помощи догматическаго толкованія Юстиніанова Кодекса, Пандектовъ и Институцій, онъ выставляетъ требованіе, чтобы проблемы эти разрѣшались при помощи изученія исторіи, сравнительнаго законодательнаго изученія, которое принимаетъ во вниманіе различныя условія политической и религіозной жизни, языка, климата, нравовъ. Онъ остается въ этой книгѣ тонкимъ юристомъ, но онъ хочетъ подняться и на высоту философа, который, вооружившись широкими историческими свѣдѣніями, пытается проникнуть въ смыслъ историческихъ явленій, понять ихъ сочетаніе и освѣтить управляющіе ими законы. Въ этомъ новомъ направленіи, которое хочетъ оживить науку права изученіемъ исторіи, поставить ее въ связь съ другими областями знанія и приложить путь сравнительному изученію законодательствъ, великая заслуга этого выдающагося произведенія Бодена и если это произведеніе, сразу выдвинувшее его среди современниковъ, не читается теперь, то причина этому та, что Боденъ не умѣлъ писать тѣмъ простымъ и гибкимъ слогомъ, которымъ писалъ Макіавелли, что его грузная, пестрая и неразборчивая эрудиція заслоняетъ самостоятельность и ясность сужденія: цитаты изъ твореній отцовъ Церкви здѣсь стоятъ рядомъ съ

цитатами изъ произведеній ученыхъ раввиновъ, слова Евангелія—рядомъ съ изрѣченіями Талмуда, смѣлыя мысли—рядомъ съ утвержденіями, отъ которыхъ вѣетъ самыми затхлыми предразсудками Среднихъ вѣковъ.

Теперь Боденъ составилъ себѣ репутацію правовѣда и ученаго, и въ 1568 г. мы видимъ его депутатомъ отъ своего города въ генеральныхъ штатахъ Нарбонны. Въ 1571 г. онъ на службѣ у герцога Алансонскаго, четвертаго сына Генриха II, а по смерти Карла IX—при дворѣ Генриха III и пользуется его любовью и расположеніемъ (которыя выражаются между прочимъ въ томъ, что король заключаетъ въ темницу Michel de la Serre за рѣзкую брошюру, направленную противъ Бодена). Жизнь при дворѣ не дѣлаетъ однако Бодена царедворцемъ, онъ занимаетъ теперь видный постъ королевскаго прокурора въ Лаонѣ, но, не обращаясь въ чиновника, выступаетъ представителемъ третьяго сословія на генеральныхъ штатахъ въ Блуа (1576—1577). И на томъ, и на другомъ посту онъ является стойкимъ носителемъ исповѣдуемыхъ имъ политическихъ принциповъ. Убѣжденный защитникъ монархіи, онъ противится распоряженію короля добыть деньги продажею королевскихъ доменовъ, видя въ нихъ неприкосновенный фондъ, служащій для обезпеченія королевской казны. Въ этомъ протестѣ, на которомъ сумѣлъ настоять Боденъ, сказывается однако не только политикъ, принимающій близко къ сердцу интересы монархіи, но и государственный человѣкъ, стоящій на стражѣ религіознаго мира и желавшій предупрежденіемъ этой продажи лишить короля средствъ для веденія войны противъ протестантской партіи. Такимъ охранителемъ религіознаго мира выказалъ себя Боденъ и въ другомъ дѣлѣ. Въ самый разгаръ религіозной борьбы нѣсколько жителей Лаона, не хотѣвшихъ принять участіе въ безчинствахъ фанатически настроенной толпы, были заподозрѣны въ политической неблагонадежности и брошены въ тюрьму. Толпа, жаждавшая крови, пытается ворваться въ темницу и совершить здѣсь кровавую расправу надъ своими согражданами, но Боденъ въ качествѣ королевскаго прокурора удерживаетъ толпу, дѣйствуетъ наперекоръ правительственнымъ комиссарамъ, присланнымъ изъ столицы для возбужденія политическихъ страстей, и даже рѣшается назначить слѣдствіе противъ зачинщиковъ безпорядка и раскрыть этимъ тѣ пружины, которыя приводились въ дѣйствіе въ Парижѣ. Еще сильнѣе и плодотворнѣе была его дѣятельность въ качествѣ вожака третьяго сословія въ генеральныхъ штатахъ Блуа. Защитникъ религіознаго мира, врагъ фанатизма, сторонникъ свободы совѣсти, онъ сумѣлъ побороть обращенную къ королю петицію, требовавшую религіознаго объединенія всѣхъ подданныхъ доброй волей или силою, другими словами, насильственнаго искорененія протестантизма. На этихъ же генеральныхъ штатахъ, Боденъ своей дѣятельностью показалъ, что онъ не только убѣжденный защитникъ монархической власти, но и сторонникъ тѣхъ учрежденій, которыя умѣряютъ эту власть, что онъ въ той же мѣрѣ сторонникъ монархіи, въ какой врагъ деспотизма. Королевское правительство, поддерживаемое аристократіей и духовенствомъ, носилось съ планомъ замѣнить представительство сословій послушными комитетами, т.-е. немногочисленными комиссіями изъ среды генеральныхъ штатовъ. Этотъ планъ нашелъ себѣ сторонниковъ и въ Блуа, и Бодену стоило много энергіи, чтобы противостать этой агитаціи и сохранить права сословнаго представительства.

Страсти, разнузданныя религіозными войнами не могли не задѣть Бодена, и онъ испыталъ на себѣ тѣ безчинства, которыя являются послѣдствіями религіознаго фанатизма. Католическая партія, организовавшаяся въ боевую силу въ лицѣ Лиги, не могла не обрушиться на Бодена, не могла простить ему его проповѣди вѣротерпимости: въ кровавую Варѳоломеевскую ночь онъ едва не былъ убитъ наравнѣ съ гугенотами и спасся отъ убійцъ лишь удачнымъ прыжкомъ изъ окна своего дома.

Вступленіе на престолъ Генриха IV знаменовало для Франціи новую эру, эру порядка и религіознаго мира, ту эру, которой такъ жаждалъ Боденъ для своего отечества, истерзаннаго религіозными распрями и политическими безурядицами. И вотъ, когда еще все населеніе Лаона было на сторонѣ Лиги, Боденъ въ 1593 г. высказывается за Генриха IV. Но ему не долго пришлось быть свидѣтелемъ того режима, который всего болѣе соотвѣтствовалъ его принципамъ. Въ 1596 г. онъ дѣлается жертвою страшной болѣзни и на 76 г. жизни умираетъ отъ моровой язвы.

§ 33. Цѣль трактата „De la république". Главнымъ сочиненіемъ Бодена, какъ уже сказано, является его трактатъ „De la rèpuBlique". Мотивы и цѣль этого своего политическаго трактата Боденъ ясно и опредѣленно излагаетъ во введеніи, которое онъ предпослалъ ему. Эта цѣль практическая и теоретическая. Онъ хочетъ 1) выяснить своимъ читателямъ, что главное условіе всякой благоустроенной жизни — недосягаемость и прочность авторитета верховной власти, 2) изслѣдовать государственную жизнь вообще, прослѣдить всѣ ея разнообразныя проявленія и раскрыть тѣ законы, которые управляютъ ею. „Сознавая свою немощь,— говоритъ Боденъ,—быть полезнымъ отечеству на иномъ поприщѣ, я рѣшился посвятить мое время и мой трудъ предлагаемому трактату и написалъ его на родномъ языкѣ, дабы его могли понять всѣ принимающіе близко къ сердцу судьбы своего отечества. Чѣмъ болѣе будетъ проникать въ народъ свѣтъ науки и знаніе политическихъ отношеній, тѣмъ нормальнѣе и спокойнѣе будетъ течь политическая жизнь по своему естественному руслу, тѣмъ менѣе она будетъ встрѣчать на своемъ пути тѣ шероховатости, которыя вызываютъ волненія и перевороты. А нѣтъ ничего опаснѣе для государства революцій и переворотовъ. Если уже перемѣны въ государствѣ необходимы, то эти перемѣны должны совершаться медленно и постепенно, а не путемъ кровавыхъ и насильственныхъ переворотовъ".

Въ этомъ же введеніи Боденъ опредѣляетъ отношеніе своего труда къ трудамъ своихъ наиболѣе выдающихся предшественниковъ: Платона, Аристотеля и Макіавелли.

Платонъ и Аристотель, по мнѣнію Бодена, далеко не исчерпали политической науки. Онъ хочетъ идти по стопамъ этихъ великихъ умовъ, но онъ хочетъ пополнить и пробѣлы въ ихъ трудахъ. Онъ хочетъ въ программу, начертанную этими мыслителями, не только влить новое содержаніе, вытекающее изъ накопившагося матеріала, но и расширить эту программу, раскрыть изслѣдующей мысли новые пути. Но если въ Платонѣ и Аристотелѣ онъ чтилъ своихъ учителей, хотя ихъ труды и устарѣли и не удовлетворяютъ болѣе требованіямъ времени, то противъ Макіавелли онъ вооружается съ пѣной у рта, видитъ въ немъ писателя, у котораго ничего нельзя заимствовать, противъ ученія кото-

раго долженъ бороться всякій честный человѣкъ, доктрины котораго должно бояться какъ язвы, какъ чумы. Въ Макіавелли Боденъ видитъ атеиста, безбожника, мало того, невѣжду, ничего не смыслящаго въ политической наукѣ, ибо онъ черпалъ свои политическія правила на заднихъ дворахъ мелкихъ тирановъ Италіи, у которыхъ ничему путному научиться не могъ. Политикѣ Макіавелли, признающей въ государственномъ интересѣ высшее руководящее начало, Боденъ противопоставляетъ политику, основанную на вѣчныхъ началахъ добра и справедливости. Онъ вѣритъ въ цѣлесообразность мірового порядка, вѣритъ въ Провидѣніе, руководящее судьбами народовъ, вѣритъ въ Бога, карающаго злыхъ и награждающаго добрыхъ, вложившаго въ сердца людей способность къ отличенію добра отъ зла, влившаго въ нихъ стремленіе искать и желать перваго и избѣгать второго. И если люди, тѣмъ не менѣе, нерѣдко сворачиваютъ съ пути истиннаго, то этимъ справедливость, господствующая въ мірѣ, не нарушается, ибо на стражѣ этого порядка стоитъ всезнающій, всеблагой и всемогущій Богъ. Возставая противъ фаланги политиковъ, попирающихъ нравственный законъ и вѣчныя начала добра и справедливости, Боденъ съ особенной настойчивостью нападаетъ на тѣхъ, которые вооружаютъ тирановъ орудіями зла для угнетенія народа. Но онъ не становится и на сторону тѣхъ, которые проповѣдуютъ походъ противъ тирановъ и, ратуя за свободу, предлагаютъ народу тѣ же гнусныя средства, которыя возмущаютъ ихъ, какъ скоро ими пользуются тираны. Эти двѣ категоріи политическихъ писателей, изъ которыхъ одни служатъ тиранамъ, а другіе льстятъ народу и проповѣдуютъ революцію, въ одинаковой степени опасны и вредны; они лишь различными путями идутъ къ одной цѣли — расшатать государственный порядокъ, поколебать авторитетъ законной власти, расчистить путь беззаконію, исторгнуть изъ людей вѣру въ Бога и вѣчныя начала добра и справедливости.

§ 34. **Понятіе государства, семьи и подданнаго.** Боденъ опредѣляетъ государство, какъ правое управленіе нѣсколькими семействами и тѣмъ, что у нихъ есть общаго съ верховной властью. Онъ называетъ государство правымъ управленіемъ, дабы отличить его отъ случайныхъ и переходящихъ союзовъ, отъ шайки разбойниковъ, наприм., которые ставятъ себя внѣ правового порядка и не признаютъ справедливости своимъ основаніемъ. Разсуждая о цѣли государства, Боденъ говоритъ, что она совпадаетъ съ цѣлями отдѣльныхъ лицъ: высшее благо, къ которому стремятся люди, должно быть и цѣлью государства. Высшее благо для человѣка Боденъ видитъ въ жизни созерцательной и дѣятельной, и эта двоякая цѣль соотвѣтствуетъ двумъ сторонамъ человѣческой природы: душевной и тѣлесной. Тѣлесное благо заключается въ здоровьѣ, въ силѣ, въ красотѣ, въ гармоніи и пропорціональности членовъ, душевное благо—въ добродѣтеляхъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ, т.-е. въ подчиненіи страстей разсудку, въ мудрости, въ знаніи, въ истинной религіи. Душевное благо стоитъ выше тѣлеснаго, но не можетъ существовать безъ послѣдняго, и здоровье тѣла есть необходимое условіе здоровья душевнаго. Какъ человѣкъ, такъ и государство имѣетъ душу и тѣло, отсюда — оно имѣетъ цѣль нравственную и цѣль матеріальную. Та цѣль, которая обусловливается матеріальной стороной государственнаго организма, заключается въ благопріятныхъ территоріальныхъ и климатическихъ условіяхъ, во

внѣшней безопасности и внутреннемъ мірѣ, въ охраненіи законнаго порядка и внѣшняго благосостоянія. Но стремленіемъ къ этой цѣли не ограничивается дѣятельность государства, какъ и здоровье не есть высшее благо для человѣка; развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ— вотъ конечная цѣль какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и того сложнаго организма, который зовется государствомъ.

Опредѣливши цѣль государства, Боденъ переходитъ къ характеристикѣ той роли, которую должна играть въ государствѣ семья. Мы знаемъ, что одинъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ ученія Бодена — борьба противъ анархическихъ стремленій его времени, что его цѣль—указать на тѣ средства, съ помощью которыхъ могъ бы быть возстановленъ и упроченъ порядокъ и покой въ общественныхъ отношеніяхъ, и что важнѣйшее изъ этихъ средствъ — возстановленіе уваженія къ началу авторитета: это начало должно проникать во всѣ общественныя отношенія и прежде всего въ семью, ибо семья — главное основаніе государства. Пока въ государствѣ будетъ существовать распущенность семейныхъ нравовъ, до тѣхъ поръ никакая государственная власть не въ состояніи будетъ внести порядокъ въ общество; человѣкъ, не научившійся въ семьѣ преклоняться предъ авторитетомъ, будетъ плохимъ подданнымъ и не сумѣетъ повиноваться власти государственной. Семья, такимъ образомъ, должна быть школой, прививающей подданнымъ ту выдержку и дисциплину, безъ которыхъ ни одинъ существующій порядокъ немыслимъ. Она является прототипомъ государства, государственнымъ союзомъ въ маломъ видѣ, и тѣ начала, на которыхъ должно покоиться государство, должны лечь и въ основаніе семьи. Какъ государство должно быть едино и сильно единствомъ и силою государственной власти, такъ и семья сумѣетъ удовлетворить своему назначенію лишь въ томъ случаѣ, если власть отца будетъ властью абсолютной, передъ которой безпрекословно преклоняются и жена, и дѣти. Эта абсолютная власть должна быть единой и сосредоточиваться въ рукахъ отца семейства. Онъ распоряжается имуществомъ жены, которая безусловно подчиняется покровительству и руководству своего мужа. Еще шире права отца по отношенію къ дѣтямъ: надъ ними онъ имѣетъ право жизни и смерти. Боденъ требуетъ, чтобы семья была замкнутымъ царствомъ, въ которомъ власть отца не знала бы другихъ властей и въ область котораго не вмѣшивался бы даже и законъ. Дѣти и жена подчинены лишь отцу и не стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ власти государственной: ей подчинены отцы семейства. Но если отецъ семейства властвуетъ въ своей семьѣ, то внѣ семьи его роль измѣняется, и онъ склоняется передъ государственной властью, какъ передъ высшимъ авторитетомъ; если по отношенію къ семьѣ онъ владыка, то по отношенію къ власти государственной онъ подвластный, подданный, главная и первѣйшая обязанность котораго заключается въ повиновеніи.

Отвѣчая на вопросъ, что такое подданный, Боденъ выставляетъ положеніе, что существеннымъ признакомъ гражданина должно считать подчиненіе верховной власти. Это подчиненіе должно быть полное и исключительное; подчиненіе одной верховной власти исключаетъ подчиненіе другой, а такъ какъ верховная власть въ государствѣ едина и нераздѣльна, то подданный одного государства не можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ подданнымъ другого. Подданство обнимаетъ все существо граж-

данина; его обязанности не могутъ быть точно опредѣлены, онѣ вытекаютъ изъ его принадлежности къ политическому союзу и подчиненія государственной власти. Опредѣляя такимъ образомъ подданство, Боденъ съ одной стороны, отступаетъ отъ воззрѣній древнихъ, а съ другой стоитъ въ оппозиціи къ Среднимъ вѣкамъ, которые не знали подданства, а лишь договорныя отношенія.

§ 35. **Сущность и природа верховной власти.** Еще рѣзче выступаетъ это отклоненіе отъ средневѣковыхъ взглядовъ у Бодена тамъ, гдѣ онъ опредѣляетъ сущность и природу верховной власти. Верховная власть, суверенитетъ, по Бодену, есть власть единая, постоянная, абсолютная. Она едина, ибо если бы на ряду съ ней существовала другая, то она могла бы быть лишь или властью высшею, или низшею: въ первомъ случаѣ эта высшая власть и была бы верховной, во второмъ она, какъ низшая, перестала бы быть верховной: если же признать существованіе въ государствѣ нѣсколькихъ конкурирующихъ властей, то онѣ образовали бы съ подчиненными имъ вѣдомствами государства въ государствѣ,—и мы имѣли бы не одно государство, а нѣсколько. Самое понятіе государства, какъ единаго политическаго союза, уже включаетъ въ себѣ понятіе единства государственной власти. Боденъ выступаетъ здѣсь противникомъ тѣхъ писателей, которые хотятъ распредѣлять верховную власть между различными элементами и стоятъ за тѣ государственныя формы, въ которыхъ верховная власть принадлежитъ князю, вельможамъ и народу. Такое распредѣленіе невозможно, ибо какому-нибудь изъ этихъ элементовъ должно принадлежать послѣднее слово въ могущихъ возникнуть между ними столкновеніяхъ, въ противномъ случаѣ нѣтъ возможности уладить споры и препирательства, и общая безурядица и полная анархія должны явиться необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей; кто-нибудь изъ нихъ долженъ имѣть право выступить судьей, служить высшей инстанціей, передъ приговоромъ которой склонялись бы всѣ остальные. А если одинъ изъ элементовъ явится такой инстанціей, то онъ и будетъ верховной властью въ государствѣ; если ни одинъ изъ нихъ не облеченъ такой властью, то въ такомъ общественномъ союзѣ и не существуетъ верховной власти, и такой союзъ и не заслуживаетъ названія государства.

Верховная власть, во-вторыхъ, постоянна и неотчуждаема, и въ этомъ отношеніи она отличается отъ правительства. Правительство можетъ имѣть власть ограниченную, временную, и эта правительственная власть не есть власть верховная, ибо эта ограниченность и срочность власти предполагаютъ существованіе другой власти, которая ограничиваетъ ее во времени, и эта другая власть есть верховная. Правительственная власть отправляетъ правительственныя функціи по уполномочію отъ власти верховной. Верховная власть правитъ въ силу самостоятельнаго права и ни отъ кого не получаетъ своей власти и никому не можетъ отчуждать ее; правительство отправляетъ различныя функціи государственной власти по полномочію, оно связано тѣми условіями, на которыхъ получило власть. Правительственная власть по истеченіи условленнаго срока прекращается и дѣйствуетъ лишь въ условленныхъ границахъ, верховная же власть, именно въ силу того, что она верховная, не можетъ быть ограничена ни по времени, ни по объему, ибо всякое ограниченіе предполагаетъ власть ограничивающую.

Изъ разсмотрѣнныхъ признаковъ верховной власти вытекаетъ и третій, важнѣйшій и существеннѣйшій,—неограниченность. Верховная власть у Бодена абсолютна, неограниченна, безотвѣтственна. Монархъ связанъ лишь естественнымъ закономъ, правилами нравственности и Божественными заповѣдями, онъ не имѣетъ на землѣ иного судьи, кромѣ своей совѣсти, и не признаетъ надъ собой высшаго авторитета, кромѣ Бога, который караетъ злыхъ князей и вознаграждаетъ добрыхъ, предъ людьми онъ никакой отвѣтственности не несетъ и отдаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ лишь Богу и своей совѣсти. Онъ издаетъ законы, но не связанъ ими, ибо всякое выраженіе его воли—законъ; онъ не связанъ и законами своихъ предшественниковъ, ибо его свобода дѣйствія ничѣмъ не можетъ быть стѣснена, и его воля должна оставаться высшей инстанціей. Собственныя обѣщанія монарха хранить законы также не могутъ быть для него обязательными, ибо они ограничивали бы его свободу дѣйствія и лишали бы его возможности принимать необходимыя въ интересахъ государства мѣры. Онъ не можетъ связать себя обѣщаніемъ хранить законы, потому что эти законы изданы или имъ же, или народомъ; въ первомъ случаѣ онъ, издавшій ихъ въ силу предоставленной ему власти, имѣетъ право въ силу той же власти измѣнять ихъ, во второмъ онъ уже перестаетъ быть монархомъ, и верховная власть принадлежитъ уже не ему, а народу. Боденъ не признаетъ ограниченной монархіи и объявляетъ абсурдомъ связывать дѣятельность монарха согласіемъ чиновъ. Они могутъ совѣщаться съ чинами, но эти чины могутъ лишь дѣлать предложенія, подавать просьбы, заявлять о своихъ нуждахъ, но не имѣютъ права принимать рѣшенія, обязательныя для князя. Тѣ, которые утверждаютъ, что народное собраніе имѣетъ большую власть, чѣмъ монархъ, проповѣдуютъ возстаніе и потакаютъ неповиновенію подданныхъ своему законному государю. Если монархъ долженъ подчиняться чинамъ, то онъ перестаетъ быть монархомъ, сувереномъ, носителемъ и источникомъ верховной власти, и государство не есть болѣе монархія, а аристократія или демократія, т.-е. правленіе меньшинства или большинства. Боденъ не смущается примѣромъ Англіи, а напротивъ ея государственный строй приводитъ въ подтвержденіе своей мысли: „Хотя англійскій парламентъ и пользуется большой свободой,—говоритъ Боденъ,—тѣмъ не менѣе онъ дѣйствуетъ лишь въ качествѣ совѣщательнаго собранія“. Онъ не имѣетъ права собираться и расходиться безъ согласія короля, король издаетъ законы и распоряженія помимо парламента и противъ его воли, и мы имѣемъ примѣры Генриха VIII, пользовавшагося своей суверенной властью во всемъ ея объемѣ. Но Боденъ не могъ игнорировать правъ англійскаго парламента и французскихъ генеральныхъ штатовъ разрѣшать и не разрѣшать налоги и подати. Онъ и не отрицаетъ этого права, напротивъ онъ утверждаетъ, что король не можетъ облагать подданныхъ податями безъ ихъ согласія. Дабы обосновать это право чиновъ, которое казалось бы противорѣчащимъ его теоріи суверенитета и весьма существенно ограничивающимъ власть короля, Боденъ прибѣгаетъ къ слѣдующей уловкѣ. Онъ говоритъ, что власть монарха не можетъ и не должна касаться правъ третьихъ лицъ, а такимъ правомъ является право собственности, которое защищаетъ частное достояніе отдѣльныхъ лицъ, Это право долженъ уважать и монархъ, а такъ какъ взиманіе податей прямо обращено на имущество частныхъ

лицъ, то онѣ и не могутъ быть наложены безъ согласія этихъ лицъ. Несостоятельность этой аргументаціи очевидна. Право собственности защищается законами и стоитъ подъ охраною этихъ законовъ; законы же издаются монархомъ, который, по Бодену, можетъ видоизмѣнять ихъ, а слѣдовательно и узаконять ограниченія и изъятія изъ общаго правила, объявляющаго неприкосиовенность частной собственности. Если всякое выраженіе воли монарха — законъ, и онъ не связанъ государственными законами, то онъ, издающій законы о неприкосновенности частной собственности, имѣетъ право взимать подати и налоги. Для этого не требуется даже закона, а достаточно простого административнаго распоряженія. Это логически вытекаетъ изъ ученія Бодена о верховной власти, такъ какъ онъ признаетъ за монархомъ право издавать законы безъ согласія чиновъ и не дѣлаетъ различія между законами и административнымъ распоряженіемъ. И дѣйствительно, Боденъ — какъ при его воззрѣніи на всемогущество монарха иначе и быть не могло— предоставляетъ ему право въ случаѣ нужды налагать подати и налоги, не спрашивая согласія чиновъ. Это исключеніе изъ правила дѣлаетъ самое правило иллюзорнымъ и показываетъ, что Боденъ, ограничивая финансовое верховенство контролемъ чиновъ, дѣлаетъ уступку традиціямъ, издавна существовавшимъ въ сословной монархіи и сохранившимся въ Англіи, несмотря на абсолютныя замашки Генриха VIII, котораго Боденъ такъ любитъ приводить въ примѣръ для подтвержденія своей теоріи, проникнутой антипатіей къ конституціоннымъ учрежденіямъ. Боденъ, требуя согласія чиновъ при наложеніи новыхъ податей и налоговъ, какъ бы и не подозрѣваетъ того, что финансовый контроль народнаго представительства—самое важное ограниченіе королевской власти, изъ котораго выработались всѣ дальнѣйшія права парламентовъ.

Опредѣливши сущность и природу верховной власти, Боденъ перечисляетъ тѣ функціи, которыя составляютъ ея содержаніе. Эти функціи слѣдующія: 1) власть издавать законы и отмѣнять ихъ, 2) объявлять войну и заключать миръ, 3) быть послѣдней судебной инстанціей, 4) право помилованія и 5) право чеканки монеты и установленія мѣръ и вѣсовъ.

§ 36. **Ученіе о государственныхъ формахъ.** Уже изъ предшествующаго ясно, что Боденъ, по ученію котораго суверенная власть не можетъ быть распредѣлена между различными общественными элементами, не могъ признавать смѣшанныхъ правленій. Полемизируя съ Аристотелемъ, онъ и не признаетъ извращенныхъ государственныхъ формъ, видя въ нихъ лишь видоизмѣненія простыхъ, не могущія по этому и служить основаніемъ для классификаціи. Онъ подводитъ поэтому всѣ государственныя формы подъ три категоріи: монархію, аристократію и демократію.

Подъ монархіей Боденъ понимаетъ такую государственную форму, въ которой верховная власть сосредоточивается въ рукахъ одного лица— монарха. Государство, во главѣ котораго стоитъ монархъ, отправляющій законодательную власть при участіи народнаго представительства, по Бодену, не есть монархія, это или аристократія, или демократія, смотря по тому, на какихъ началахъ основывается система выборовъ въ народное собраніе. Главный признакъ монархіи — сосредоточеніе власти въ рукахъ одного лица; поэтому двоевластіе, существовавшее въ эпоху Каролинговъ, противорѣчитъ основному принципу монархіи и безусловно

осуждается Боденомъ, какъ аномалія. Характеръ управленія въ монархіи можетъ быть различенъ; онъ аристократическій, когда должности и почести распредѣляются лишь между дворянами или между мудрѣйшими и добродѣтельнѣйшими гражданами, или между богатѣйшими; онъ демократическій, если почести и награды распредѣляются между всѣми. Боденъ различаетъ три вида монархіи: законную, господскую и тираническую. Законная монархія, по опредѣленію Бодена, есть та, въ которой подданные подчиняются законамъ монарховъ, а послѣдніе повинуются естественному закону, уважая неприкосновенность личной свободы и имущества гражданъ. Господская монархія есть та, которая основывается на завоеваніи и въ которой монархъ является собственникомъ личности и имущества подданныхъ. Третій же видъ монархіи есть тиранія, въ которой монархъ пренебрегаетъ законами природы, обращается съ подданными, какъ съ рабами, и располагаетъ имуществомъ гражданъ, какъ своимъ собственнымъ. Тираномъ должно считать всякаго узурпатора, всякаго монарха, ставшаго во главѣ государства не по наслѣдству и не по избранію народа, а захватившаго въ свои руки власть насиліемъ. Суровость и строгость Боденъ не считаетъ признаками тираническаго правленія, напротивъ, хорошее правленіе для него идентично съ суровымъ, и мы встрѣчаемъ въ отдѣлѣ, посвященномъ монархіи, политическія правила, которыя могли бы найти себѣ мѣсто въ „Il principe“ Макіавелли. Онъ развиваетъ, наприм., цѣлый рядъ положеній на тему: méchant homme—bon roi, и прямо заявляетъ, что излагаемыя имъ правила не предназначаются для деликатныхъ ушей. Милосердіе и душевная доброта—качества, которыя могутъ лишь погубить монарха; князь, обладающій этими качествами, легко можетъ сдѣлаться жертвою обмана придворныхъ льстецовъ, и недостойнѣйшіе люди, пользуясь добродушіемъ его, захватятъ въ свои руки всѣ должности, теплыя и доходныя мѣстечки и истощатъ своими грабежами государственную казну. Излишнее мягкосердечіе будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ безнаказанность грабителей и убійцъ, ибо добрый государь и гуманный не поскупится на помилованія. Однимъ словомъ, при добродѣтельномъ монархѣ частные интересы заслоняютъ собою интересы государственные.

Разсуждая о монархіи, Боденъ сталкивается съ вопросомъ о тираноубійствѣ и при разрѣшеніи его имѣетъ въ виду установленное имъ различіе между законнымъ монархомъ и тираномъ. Надъ законнымъ монархомъ не существуетъ судьи, кромѣ Бога. Богъ одинъ караетъ злыхъ правителей, и подданные не имѣютъ права объявить его тираномъ и распоряжаться его жизнью: не народу судить его. Но если убійство законнаго короля, въ глазахъ Бодена,—преступленіе, то тираноубійство, по его воззрѣнію, нельзя не оправдать. Тиранъ въ силу того, что онъ тиранъ, не стоитъ подъ охраною ни Бога, ни закона. Тѣ соображенія, которыя осуждаютъ убійство законнаго монарха, къ нему неприложимы, ибо въ тираніи тиранъ захватилъ верховную власть насиліемъ, и судить его и осудить къ смерти не значитъ не повиноваться верховной власти, ибо въ тираніи эта власть бездѣйствуетъ. Тиранія является какъ бы междуцарствіемъ, и убійство тирана не есть преступленіе, направленное противъ законнаго главы государства, а просто устраненіе опаснаго претендента, который своимъ насиліемъ не поддерживаетъ, а напротивъ нарушаетъ и разрушаетъ законный порядокъ.

Опредѣливши аристократію и демократію, Боденъ, слѣдуя программѣ Аристотелевой „Политики“, переходитъ къ ученію о государственныхъ переворотахъ, которое лишено, однако, всякой оригинальности. Мы и не будемъ по этому излагать его, а остановимся лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ взглядахъ Бодена. Сюда, между прочимъ, принадлежитъ ученіе объ исторической преемственности государственныхъ формъ. Боденъ учитъ, что государства возникли изъ завоеванія, что и положило начало господскимъ монархіямъ. Возстанія вельможъ произвели перевороты въ этомъ патріархальномъ государственномъ бытѣ и положили основанія аристократіямъ. Впослѣдствіи очередь дошла до народа, и онъ, тяготясь владычествомъ вельможъ, свергнулъ ихъ иго и основалъ демократіи. Но постоянные раздоры и неурядицы, которые являются необходимымъ послѣдствіемъ народнаго правленія, привели къ убѣжденію, что абсолютная монархія — наилучшая и наипрочнѣйшая государственная форма. Послѣднее убѣжденіе все болѣе и болѣе проникаетъ въ современное политическое сознаніе: республика и народоправство исчезаютъ съ лица земли, и установляется законная наслѣдственная монархія. И здѣсь, такимъ образомъ, Боденъ проводитъ свою излюбленную мысль о преимуществѣ наслѣдственной абсолютной монархіи надъ всѣми остальными государственными формами и видитъ въ ней какъ бы послѣдній, конечный и желательнѣйшій результатъ всего предшествовавшаго политическаго развитія. Какъ Боденъ ратуетъ противъ народоправствъ, защищая абсолютную монархію, такъ онъ и врагъ всякихъ революцій, всякихъ насильственныхъ и радикальныхъ переворотовъ. Испытавъ ихъ вредное вліяніе на государственную жизнь своего отечества, онъ сдѣлалъ изъ этого частнаго явленія общій выводъ о безусловномъ вредѣ всякихъ радикальныхъ измѣненій въ государственномъ бытѣ. И вотъ онъ учитъ, что нѣтъ ничего опаснѣе для государства, какъ радикальныя реформы и нововведенія въ законодательствѣ, что если такія измѣненія необходимы, то они должны совершаться медленно и постепенно, не нарушая исторической правильности и естественнаго роста политическихъ учрежденій. Всякія крайности вредны, и измѣненія въ государствѣ должны совершаться такъ-же медленно и постепенно, какъ и измѣненія въ физической природѣ, въ которой правитъ мудрый Богъ и гдѣ мы не видимъ рѣзкихъ перемѣнъ и переворотовъ.

§ 37. **Отношеніе къ религіи.** Въ религіи Боденъ видитъ одну изъ важнѣйшихъ основъ государственной жизни, ибо страхъ Божій прививаетъ людямъ и страхъ передъ карающимъ мечомъ государства, а религіозное настроеніе развиваетъ въ нихъ уваженіе къ авторитету, т.-е. чувство, которымъ всего болѣе дорожитъ Боденъ. Но онъ, въ интересахъ порядка и мира, не совѣтуетъ государствамъ становиться на сторону той или другой религіи, ибо такое предпочтеніе, оказываемое одному вѣроисповѣданію, лишь разжигаетъ страсти и колеблетъ государственный порядокъ. Государство должно предоставлять свободу различнымъ вѣроисповѣданіямъ и лишь запрещать пренія и споры о религіи, которые только порождаютъ безпокойство въ умахъ, разжигаютъ фанатизмъ и вызываютъ раздоры. Существованіе нѣсколькихъ религій въ предѣлахъ государства не только не вредно, а напротивъ выгодно, ибо борьба между многими вѣроисповѣданіями по необходимости раздробляетъ силы и отсюда далеко не такъ опасна, какъ борьба между двумя рели-

гіями, раздѣляющая все населеніе на два враждебныхъ лагеря и легко принимающая острый характеръ.

§ 38. **Вліяніе мѣстности.** Аристотель и Макіавелли, какъ извѣстно, признаютъ важное вліяніе условій мѣстности и климата на государственный бытъ, на характеръ и нравы народа. Боденъ не хочетъ отстать отъ своихъ предшественниковъ и подробно распространяется объ этихъ вліяніяхъ на политическій бытъ. Онъ заимствуетъ у Аристотеля мысль о томъ, что южный климатъ содѣйствуетъ изощренію ума и отсюда развитію наукъ и искусствъ, сѣверный закаляетъ физическія силы, а жители средней полосы имѣютъ качества, примиряющія эти двѣ крайности, и наиболѣе способны къ благоустроенной государственной жизни. У Макіавелли онъ заимствуетъ воззрѣніе на различіе между горными жителями и жителями равнинъ, различіе, которое сводится къ тому, что горные жители, обрабатывая почву, вознаграждающую трудъ человѣка лишь цѣною продолжительныхъ и настойчивыхъ усилій, отличаются простотою нравовъ, ограниченностью и умѣренностью своихъ желаній. Жители же равнинъ, живущіе въ условіяхъ, не побуждающихъ къ настойчивому труду, имѣющіе много досуга, легко сталкивающіеся съ сосѣдними народами, отличаются изнѣженностью нравовъ и скорѣе заражаются нравственной испорченностью, имѣютъ больше потребностей и болѣе склонны къ досужей и роскошной жизни; общественныя отношенія ихъ болѣе сложны и запутаны. Если поэтому условія, въ которыхъ живутъ горные жители, болѣе благопріятствуютъ республикѣ, то равнина—родина монархіи.

§ 39. **Наилучшая форма государства.** Послѣдній отдѣлъ „Республики“ Бодена посвященъ изслѣдованію вопроса, какая государственная форма наилучшая. Послѣ всего сказаннаго объ основныхъ воззрѣніяхъ Бодена намъ не трудно угадать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Основное воззрѣніе Бодена заключается въ томъ, что главная задача государства—поддерживать внѣшній порядокъ и единство. Отсюда то государственное устройство наилучшее, которое обезпечиваетъ прочность государственнаго порядка, поддерживаетъ единеніе верховной власти и повиновеніе подданныхъ, предупреждаетъ раздоры и несогласія и охраняетъ въ государствѣ миръ и спокойствіе. При такомъ взглядѣ на цѣль государства Боденъ долженъ былъ неминуемо прійти къ выводу, который онъ развиваетъ въ послѣднихъ отдѣлахъ своей книги, доказывая, что абсолютная монархія—наилучшая государственная форма. И въ самомъ дѣлѣ, тѣ доводы, которыми онъ подкрѣпляетъ этотъ свой взглядъ на монархію, сводятся, во-первыхъ, къ тому, что въ монархіи государственная власть всего прочнѣе и наименѣе подвержена случайнымъ колебаніямъ, между тѣмъ какъ въ народоправствѣ, въ которомъ управляетъ стоглавая толпа, раздоры и борьба партій неизбѣжны; во-вторыхъ, къ тому, что въ монархіи власть всего сильнѣе, ибо она сосредоточивается въ лицѣ монарха, а не раздробляется между многими, какъ въ аристократіи и демократіи; въ-третьихъ, къ тому, что въ наслѣдственной монархіи раздоры и неурядицы не наступаютъ такъ часто, какъ въ государствахъ, въ основаніе которыхъ положено начало выбора и въ которыхъ при выборѣ главы государства обыкновенно возникаетъ борьба партій, нерѣдко погружающая государство въ полную анархію. Прочность государственнаго строя, незыблемость внѣшняго порядка, единеніе и миръ—вотъ, по Бодену, величайшія блага общежитія, ихъ

же всего лучше обезпечиваетъ абсолютная наслѣдственная монархія, которая и является въ его глазахъ наилучшей и наижелательнѣйшей государственной формой.

---

## ГЛАВА IV.

### Естественное право.

§ 40. **Сущность раціонализма.** Боденъ является защитникомъ и пестователемъ той государственной формы и тѣхъ политическихъ принциповъ, которые явились господствующими во весь послѣдующій періодъ на материкѣ Европы, вплоть до французской революціи. Эта государственная форма—неограниченная монархія, эти политическіе принципы сводятся подъ понятіе просвѣщеннаго абсолютизма. Являясь защитникомъ національной, свѣтской, законной, исторически сложившейся монархіи, онъ съ одной стороны, эманципируется отъ воззрѣній своего учителя Аристотеля, съ другой—отъ средневѣковой доктрины; отъ Аристотеля—тѣмъ, что выставляетъ своимъ политическимъ идеаломъ государственную форму, которая была невѣдома античному міру, отъ Среднихъ вѣковъ—тѣмъ, что настаиваетъ на свѣтскомъ характерѣ государственной власти, отрицаетъ безусловно всякую примѣсь теократическаго устройства, выдвигаетъ государственный интересъ на первый планъ и, ставъ на точку зрѣнія этого интереса, какъ высшаго и всеопредѣляющаго, ратуетъ за свободу совѣсти и свободу вѣроисповѣданія. Основной мотивъ умственнаго движенія новаго времени сказывается и у Бодена—стремленіе освободить личность отъ тяготѣвшихъ надъ ней авторитетовъ. Какъ доктрина протестантизма поставила человѣка въ непосредственное отношеніе къ Богу, такъ доктрина Бодена поставила его въ непосредственное отношеніе къ государству. Всѣ посредствующія власти, унаслѣдованныя отъ феодализма, должны быть уничтожены, и человѣкъ поставленъ лицомъ къ лицу съ государствомъ. Понятіе о подданномъ и понятіе о суверенитетѣ, чуждыя Среднимъ вѣкамъ, были впервые выставлены со всею своею ясностью и опредѣленностью Боденомъ: на нихъ онъ строитъ всю свою политическую теорію. Но всѣ эти выставленныя до сихъ поръ три доктрины, доктрина итальянскихъ мыслителей XVI в., доктрина реформаціи и доктрина Бодена, имѣя одинъ общій мотивъ—освобожденіе личности изъ-подъ авторитетовъ, стѣснявшихъ свободу мысли, чувствованій и движеній, страдаютъ и общими недостатками, которые заключаются въ томъ, что онѣ не сведены въ общую, цѣльную, законченную научную систему, что въ нихъ заключается отсутствіе одного общаго, объединяющаго начала, строго проведеннаго метода. Этотъ недостатокъ и опредѣляетъ задачу послѣдующаго умственнаго развитія. Необходимо было найти общій принципъ и научный методъ и съ помощью того и другого создать цѣльное философское ученіе, которое отвѣтило бы на всѣ вопросы, выдвинутые жизнью и теоріей. И эту задачу разрѣшилъ раціонализмъ.

Сущность этой новой абстрактной философіи заключается въ томъ, чтобы признавать лишь то, что слѣдуетъ изъ разума, что логически необходимо. Что нѣчто существуетъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно имѣетъ право на существованіе, что оно разумно, необходимо,

чтобы и противоположное ему было немыслимо. Разумъ является тутъ положительнымъ масштабомъ, признающимъ лишь то, что заключается въ его законахъ мышленія, а не то, что по этимъ законамъ можетъ быть и не быть. Разумъ не есть средство, органъ познанія внѣ его лежащаго содержанія, а источникъ самого познанія. Познаніе почерпается не посредствомъ разума, а изъ него самого. Помимо познанія внѣшняго міра разумъ можетъ и долженъ путемъ однихъ логическихъ выводовъ конструировать весь органическій и нравственный міръ. Онъ отвлекаетъ отъ всего во внѣ существующаго, отъ всего реальнаго бытія до тѣхъ поръ, пока это отвлеченіе возможно, то же начало, которое остается отъ этого отвлеченія и отъ котораго больше отвлекать нельзя, и является исходной точкой логической дедукціи. Изъ этого послѣдняго остатка отвлеченія, изъ этого простѣйшаго содержимаго должно быть выведено все реальное бытіе, и притомъ опять же лишь путемъ однихъ логическихъ выводовъ. Отсюда—раціонализмъ не хочетъ знать опыта и отворачивается отъ исторіи. Разумъ, какъ принципъ философіи, не терпитъ ничего совершающагося, ничего новаго, ничего вновь привходящаго, что уже изначала не было бы заложено въ немъ. Существуетъ только то, что вытекаетъ изъ этого разума, а то, что вытекаетъ изъ него, необходимо и никогда ничего другого быть не можетъ. И дѣйствительно, чрезъ все развитіе абстрактной философіи слышится лишь одно требованіе: нѣтъ перемѣны, нѣтъ движенія, нѣтъ исторіи. Въ области морали провозглашаются вѣчные принципы, заложенные въ самомъ разумѣ, который вездѣ одинъ и тотъ же, и остающіеся неизмѣнными во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Въ области политики выставляютъ политическіе идеалы, долженствующіе осчастливить все человѣчество, и малѣйшее отступленіе отъ которыхъ грозитъ народамъ гибелью и бѣдствіями. Нѣтъ ничего измѣняющагося, совершающагося, развивающагося: всѣ принципы и формы незыблемы, вѣчны и неизмѣнны, какъ незыблемъ, вѣченъ и неизмѣненъ человѣческій разумъ, изъ котораго эти принципы и формы вытекаютъ.

§ 41. **Ученіе раціоналистовъ о нравственности и государствѣ.** Разсмотримъ ближе, какъ эту новую методу примѣняли раціоналисты къ ученію о нравственности и государствѣ.

Первый вопросъ, которымъ задается всякое ученіе о нравственности, есть вопросъ о томъ, что справедливо и что несправедливо, что добро и что зло. Этотъ вопросъ предполагаетъ другой, высшій вопросъ, чѣмъ обусловливается различіе между добромъ и зломъ, и что обязываетъ насъ творить добро и избѣгать зла. Философія, которая признаетъ лишь то, что вытекаетъ съ логической необходимостью изъ разума, не можетъ признавать другого источника нравственности, кромѣ разума. Древнегреческая философія признавала объективный порядокъ надъ человѣческимъ разумомъ. По Платону, напр., источникъ нравственности внѣ нашего разума, этотъ источникъ—міръ идей, во главѣ которыхъ царитъ идея добра—Богъ; всѣ то, что согласно съ этой объективной, внѣ человѣка стоящей идеей, есть добро, что ей противорѣчитъ,—зло. Эта идея имѣетъ первоначальное, самостоятельное существованіе, имѣетъ свое послѣднее основаніе въ самой себѣ. Поэтому Платонъ и не могъ задаваться вопросомъ, почему именно добро—добро и почему оно для насъ обязательно. Иначе поступаютъ раціоналисты. Для нихъ не существуетъ готоваго нравственнаго порядка, независи-

маго отъ человѣческаго разума и парящаго надъ нимъ; они ничего не признавали, что не заключалось бы въ субъективномъ разумѣ и не вытекало бы изъ него съ логическою необходимостью.

Добро должно быть логически выведено изъ разума, и я его признаю лишь тогда, когда увижу его необходимымъ звеномъ въ логическомъ процессѣ моего мышленія. Итакъ, причина нравственности, ея послѣдній источникъ не внѣ человѣка, а въ человѣкѣ, въ его субъективномъ разумѣ. Это воззрѣніе впервые высказалъ во всей опредѣленности и ясности Гуго Гроцій, заявивъ, что нравственность существовала бы, если бы не было и Бога, и Лейбницъ, защищая это мнѣніе, поясняетъ слова Гроція, говоря: „Какъ законы геометріи могли бы быть раскрыты, когда бы и не существовало Бога, путемъ однихъ логическихъ выводовъ, такъ и законы этики могутъ быть выведены тѣмъ же путемъ. Источникъ ихъ, какъ и законовъ геометріи, не Богъ, а наше объективное мышленіе“. Но разумъ, изъ котораго должна вытекать вся нравственность, нуждается въ основномъ понятіи, изъ котораго можно было бы вывести всѣ нравственные законы, въ томъ послѣднемъ и простомъ понятіи, которое остается послѣ всякаго отвлеченія. Съ субъективно раціоналистической точки зрѣнія естественнаго права это понятіе—мыслящій субъектъ, природа человѣка. Въ дѣйствительной жизни эта природа всегда разнообразна и многосложна. Но раціонализмъ чуждается этой жизненной полноты, ибо она лишена логической необходимости, не терпящей разнообразія и измѣненія. Неразрывно съ понятіемъ человѣка связаны лишь два признака: его мышленіе и его чувственная природа. Человѣка нельзя мыслить не мыслящимъ и не чувствующимъ, между тѣмъ какъ всѣ индивидуальныя особенности, какъ данныя условіями извнѣ, логически не необходимы, и мы можемъ отвлекать отъ нихъ, и все-таки человѣкъ, какъ чистое понятіе, остается. Человѣкъ безъ нравственнаго чутья, если онъ и никогда не существовалъ, логически мыслимъ, между тѣмъ какъ человѣкъ безъ физическаго существованія и безъ мышленія есть логическое противорѣчіе. Чувственно-разумная, т. е. мыслящая природа человѣка и есть поэтому основное понятіе ученія о нравственности раціонализма. Его и предпосылаютъ своей системѣ всѣ учителя естественнаго права. Но они не могутъ справиться съ этимъ понятіемъ, сложность котораго смущаетъ ихъ. И вотъ они, ища логическаго единства, выхватываютъ наудачу изъ чувственно-разумной природы человѣка одно какое-нибудь влеченіе, напр. Гуго Гроцій—влеченіе къ общежитію, Гоббсъ—чувство страха и т. д., и эти отдѣльныя влеченія дѣлаютъ тѣмъ principium ex quo continuo rationationis filo deducuntur omnia. Изъ этого высшаго принципа и выводится путемъ однихъ логическихъ выводовъ все нравственное и политическое ученіе.

Нравственныя правила, вытекающія изъ чувственно-разумной природы человѣка, послѣдняго остатка, отвлеченія, существуютъ до всякаго союза, какъ до государства существуетъ та чувственно-разумная природа человѣка, изъ которой они вытекаютъ. Нравственныя правила, существующія до государства, предполагаютъ и догосударственное состояніе, въ которомъ люди жили бы изолированно, особнякомъ, такъ сказать, чистыми логическими понятіями, внѣ связи съ условіями реальнаго міра. И дѣйствительно, во всѣхъ системахъ естественнаго права это государственное или естественное состояніе и вводится какъ не-

обходимый элементъ всего ученія. Это естественное состояніе понимается различно. У Гоббса это—война всѣхъ противъ всѣхъ, у Гуго Гроція—райское состояніе, одинаково какъ и у Руссо, который видитъ въ естественномъ состояніи состояніе невинности и истинной свободы. Одни выставляютъ его какъ историческій фактъ, другіе—какъ предположеніе, какъ фикцію, третьи, понявшіе настоящій мотивъ своего ученія объ естественномъ состояніи,—какъ научно-необходимое отвлеченіе. Мотивъ этотъ слѣдующій: я могу мыслить себя внѣ и безъ государства, государство слѣдовательно первоначально логически не необходимо; я долженъ поэтому начать съ предположенія, что оно вовсе не существуетъ, а затѣмъ посмотрѣть, не приведетъ ли меня опять къ нему мое понятіе, какъ мыслящаго существа. И вотъ почему всѣ учителя естественнаго права начинаютъ свои изслѣдованія съ разсмотрѣнія человѣка въ естественномъ состояніи, т.-е. стоящимъ внѣ государства, изолированнымъ особнякомъ, и вотъ этому-то отдѣльному человѣку и предписываются правила.

Эти индивиды, мыслимые раціоналистами, какъ чувственно-разумныя существа, внѣ пространства и времени, должны быть свободны и равны между собой. Естественное состояніе, въ которое ихъ ставитъ раціонализмъ, не знаетъ тѣхъ реальныхъ условій, которыя ограничиваютъ свободу и равенство людей, оно не знаетъ и исторіи, которая создаетъ неравенство, оно игнорируетъ и индивидуальныя особенности отдѣльныхъ людей. Раціонализмъ исходитъ изъ понятія человѣка, какъ чувственно-разумнаго существа, и этотъ абстрактный человѣкъ вездѣ и при всѣхъ условіяхъ свободенъ и одинъ и тотъ же. Свобода и равенство вытекаютъ изъ самаго понятія человѣка, какъ его мыслитъ раціонализмъ.

Ученіе, которое выходитъ изъ понятій отдѣльнаго человѣка, не можетъ видѣть въ государствѣ не что иное, какъ учрежденіе, имѣющее цѣлью удовлетвореніе отдѣльныхъ лицъ. Оно не имѣетъ объективнаго, реальнаго существованія, оно есть союзъ, цѣль котораго совпадаетъ съ цѣлями отдѣльныхъ членовъ, составляющихъ этотъ союзъ. По воззрѣнію раціонализма, государство создано свободною волею людей и имѣетъ цѣлью гарантировать имъ благо или нравственное усовершенствованіе, или свободу всѣхъ. Понятіе государства добывалось раціоналистами слѣдующей дедукціей: безъ государства насиліе или различіе мнѣній разрушило бы тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ свободы всѣхъ; свобода требуетъ охраны вытекающихъ изъ нея послѣдствій, и эта охрана и есть государство. Понятіе государства заключается, такимъ образомъ, уже въ понятіи свободы всѣхъ. Но дабы государство, охраняя свободу, не разрушилось, необходимо, чтобы эта охрана не была насильно навязана людямъ. Поэтому свободная воля отдѣльныхъ людей, по воззрѣнію раціонализма, есть не только исключительная цѣль государства, но и его единственное правомѣрное основаніе. Вотъ почему государство можетъ возникнуть только изъ договора, т. е. свободнаго соглашенія отдѣльныхъ лицъ. Люди, разсуждаютъ раціоналисты, какъ существа свободныя и разумныя, могутъ соединиться въ государства не иначе, какъ по свободному соглашенію, т. е. по взаимному договору. Соглашеніе есть источникъ всякаго обязательства, а поэтому правомѣрность власти и подчиненія можетъ быть объяснена только договоромъ, происшедшимъ изъ воли отдѣльныхъ

лицъ. Тутъ сказывается во всей своей силѣ основной мотивъ всего разсматриваемаго нами направленія, оппозиція противъ всякой, исторически данной, независимой отъ воли отдѣльныхъ лицъ власти и подчиненіе лишь свободно избранной.

---

## ГЛАВА V.

## Гуго Гроцій.

§ 42. **Біографія Гуго Гроція.** „Великіе политическіе писатели были и великими людьми", сказали мы въ одной изъ своихъ брошюръ *). Эти слова вполнѣ оправдываются на Гуго Гроціѣ, изучая жизнь и сочиненія котораго, не знаешь, чему болѣе удивляться: силѣ-ли и оригинальности его мысли, стойкости-ли и благородству его характера. Жизнь Гуго Гроція—цѣля эпопея, которая переплетается съ исторіей его отечества и эволюціей обще-европейскихъ событій. Вездѣ, гдѣ выступаетъ Гроцій на сцену историческихъ событій, вездѣ онъ является защитникомъ праваго дѣла противъ узурпацій и насилія гуманныхъ началъ и прогрессивныхъ идей, вездѣ мы узнаемъ въ немъ непримиримаго врага фанатизма и грубой силы.

Гуго Гроцій родился въ Дельфтѣ (Голландія) 10 апрѣля 1583 года. Онъ происходилъ отъ именитаго рода, который выставилъ цѣлый рядъ ученыхъ. Его дѣдъ былъ ректоромъ Лейденскаго университета, его отецъ—попечителемъ того же университета и съ этой должностью соединялъ, кромѣ того, вліятельный постъ бургомистра. Молодой Гроцій наслѣдовалъ отъ своихъ именитыхъ предковъ рѣдкія умственныя способности и склонности къ научнымъ занятіямъ. И эти способности онъ обнаружилъ съ самаго ранняго возраста. Его отецъ былъ его учителемъ и направлялъ его, еще ребенска, на изученіе древнихъ языковъ. Восьми лѣтъ Гроній уже сочинялъ стихи на латинскомъ языкѣ, обращавшіе на себя всеобщее вниманіе; 12-ти лѣтъ онъ окончилъ свое классическое образованіе и поступилъ въ университетъ, 14-ти—онъ публично защищалъ передъ избранной и удивленной аудиторіей рядъ тезисовъ по математикѣ, философіи и правовѣдѣнію, а 16-ти лѣтъ онъ уже получилъ степень доктора въ Орлеанскомъ университетѣ (во Франціи). Слава этого удивительнаго ребенка, а затѣмъ поразительнаго юноши, распространилась далеко за предѣлы его отечества. Въ различныхъ концахъ Европы говорили о немъ, восхваляли въ прозѣ и стихахъ, не скупились на эпитеты. Про него говорили: „Grotius vir natus est,—Гроцій родился мужемъ (возмужалымъ)". Пятнадцати лѣтъ онъ получилъ уже дозволеніе состоять при посланникахъ, отправлявшихся во Францію. Онъ былъ здѣсь представленъ королю, и Генрихъ IV возложилъ на него золотую цѣпь съ словами: „Вотъ чудо Голландіи".

Возвратившись въ свое отечество уже докторомъ правъ, онъ скоро составилъ себѣ имя, какъ выдающійся юристъ. Но занятія адвоката не мѣшали ему заниматься литературными трудами. Молодой адвокатъ писалъ трагедіи, сочинилъ на латинскомъ языкѣ три драмы. Въ 1607 году его назначаютъ генералъ-адвокатомъ Голландіи (ему было тогда всего

*) „Задача и метода политическихъ ученій".

24 года!), а въ 1609 году онъ издаетъ свое знаменитое сочиненіе „Mare Liberum“, предвѣстникъ его главнаго трактата „De iure belli ac pacis“. Въ немъ онъ защищаетъ свободу морей противъ притязаній португальцевъ, которыхъ папа Александръ IV облекъ исключительнымъ правомъ на Индѣйскій океанъ. Его слава, какъ ученаго юриста, истиннаго патріота и государственнаго человѣка, все растетъ; его избираютъ синдикомъ города Роттердама, членомъ генеральныхъ штатовъ, посланникомъ и представителемъ Нидерландовъ при англійскомъ дворѣ.

Къ этому времени Нидерланды дѣлаются мѣстомъ ожесточенной религіозной распри. Партія арминіанъ, или ремонстрантовъ, не признававшихъ принципа предопредѣленія Кальвина во всей его строгости, учила, что люди, хотя и спасаются благодатью Божіей, свободны однако снискать ее или отринуть, заслужить ее или сдѣлаться недостойными ея. Партія же гоморіанъ, или контрремонстрантовъ, проповѣдывала, что человѣкъ безпомощенъ и безсиленъ, что только благодатью Божіей люди спасаются, что Божіимъ Провидѣніемъ предопредѣлено, кому спастись, кому погибнуть. На сторонѣ первой партіи стояло образованное меньшинство и во главѣ его Гроцій, масса же населенія слѣдовала ученію, которое всего послѣдовательнѣе и суровѣе проводило начало предопредѣленія. Мориц Оранскій, штатгальтеръ Голландіи, воспользовался всей этой распрей, чтобы провести свои честолюбивые планы и свои диктаторскіе замыслы. Онъ сталъ во главѣ черни и при помощи имѣвшейся въ его распоряженіи военной силы завладѣлъ властью, взялъ въ плѣнъ вожаковъ противной партіи и заключилъ ихъ въ тюрьму. Между послѣдними былъ и Гуго Гроцій, который въ этой борьбѣ не только защищалъ свободу религіозную и свободу совѣсти противъ ученія, отрицавшаго самоопредѣленіе человѣка и попиравшаго его свободу духа, но и ратовалъ за политическую свободу своего отечества противъ диктаторскихъ замысловъ вооруженнаго демагога. Гроцій былъ приговоренъ къ пожизненному тюремному заключенію. Хитрость жены, въ ящикѣ для книгъ вынесшей мужа изъ темницы, спасла Гроція отъ этой жалкой участи: онъ бѣжалъ во Францію, гдѣ его громкое имя обезпечило ему почетное мѣсто при дворѣ короля Людовика XIII. Не поладивши съ Ришелье, который хотѣлъ навязать Гроцію несимпатичную послѣднему дѣятельность, знаменитый ученый покидаетъ королевскую службу и принимаетъ предложенный ему de Mesmes пріютъ въ замкѣ Balagny, гдѣ и пишетъ свою книгу „De jure belli ac pacis“, увидавшую свѣтъ въ 1625 г. Эта книга имѣла громадный успѣхъ. Она была переведена на нѣмецкій, голландскій, шведскій, англійскій и французскій языки и послужила руководствомъ людямъ науки, учебной книгой въ университетахъ, любимымъ спутникомъ государственныхъ мужей. Ее нашли въ палаткѣ Густава Адольфа, когда онъ умиралъ послѣ сраженія при Люценѣ.

Имя Гроція было теперь однимъ изъ популярнѣйшихъ въ Европѣ. Со всѣхъ сторонъ онъ получалъ предложенія одно лестнѣе другого. Онъ отдалъ предпочтеніе шведскому королю, и въ 1635 гому мы видимъ его опять во Франціи въ качествѣ шведскаго посланника при французскомъ дворѣ. По возвращеніи въ Швецію, онъ хотѣлъ еще разъ повидать родину, гдѣ условія политической жизни измѣнились и гдѣ его ждалъ почетный пріемъ, но по дорогѣ въ Голландію онъ заболѣваетъ въ Ростокѣ и умираетъ 28 августа 1645 г.

§ 43. Ученіе Гроція о естественномъ и положительномъ правѣ. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „De jure belli ac pacis“ онъ поставилъ себѣ задачей доказать, что и въ отношеніяхъ между суверенными самостоятельными и независимыми другъ отъ друга государствами должны господствовать не одни только насилія и своекорыстные интересы, но и болѣе прочныя и опредѣленныя нормы права. Но нормы между суверенными государствами, не признающими надъ собой высшей власти, предполагаютъ существованіе права, обязательность котораго основывалась бы не на санкціи верховной власти, а была бы сильна своимъ внутреннимъ авторитетомъ. Отсюда самая задача Гуго Гроція вызвала для него необходимость признать существованіе естественнаго права, независимаго отъ внѣшняго авторитета и имѣющаго основаніе въ самомъ себѣ. Гуго Гроцій хотѣлъ основать право: 1) независимое отъ Божества, ибо предписанія св. писанія являются выраженіемъ свободной, измѣнчивой воли Божества, 2) независимое отъ положительнаго закона, ибо этотъ законъ есть не что иное, какъ добровольное соглашеніе, вызванное данными обстоятельствами и соображеніями пользы и измѣняющееся поэтому вмѣстѣ съ этими обстоятельствами и соображеніями. Онъ хотѣлъ создать право не случайное и измѣнчивое, а постоянное и необходимое, имѣющее обязательную силу для всѣхъ временъ и народовъ, право, которое не служило бы корыстнымъ и эгоистическимъ цѣлямъ, а имѣло бы этически-необходимое основаніе. Источникомъ такого права можетъ быть лишь разумъ: онъ одинъ способенъ дать вѣчныя, непреложныя нормы Это естественно право Гуго Гроцій выводитъ изъ стремленія человѣка къ общежитію, способному и сообразному съ разумомъ. Это и есть принципъ права. Все то, что вытекаетъ изъ стремленія человѣка къ общежитію и есть право. Нормы этого права, вытекая изъ самой природы человѣка, вѣчны, неизмѣнны, незыблемы. Измѣнить ихъ ее властенъ самъ Творецъ вселенной, ибо Онъ не можетъ вносить противорѣчій въ свое созданіе. Онъ—первая причина вселенной и въ этомъ смыслѣ и причина всего совершающагося въ ней. Но это совершающееся не есть актъ его свободной воли, а необходимое, неотразимое послѣдствіе законовъ, управляющихъ вселенной. Какъ скоро извѣстныя явленія существуютъ, то имъ присущи извѣстныя качества, извѣстныя свойства, неразлучныя съ самымъ бытіемъ этихъ явленій. И Богъ не можетъ стереть съ лица земли этихъ свойствъ, этихъ послѣдствій, не уничтоживши самыхъ явленій. Какъ Богъ не можетъ сдѣлать, чтобы 3 угла въ треугольникѣ не составляли двухъ прямыхъ угловъ, такъ Онъ не можетъ сдѣлать, чтобы $2\times2$ составляло 5, а не 4, такъ Онъ не можетъ предписанія естественнаго права сдѣлать запрещенными, ибо эти предписанія суть необходимыя, неотразимыя послѣдствія человѣческой природы, съ логической необходимостью вытекающія изъ человѣческаго разума. Богъ есть причина естественнаго права лишь въ томъ смыслѣ, что Онъ послѣдняя причина, Творецъ человѣческаго разума, изъ котораго это право вытекаетъ. *Естественное право*, по опредѣленію Гуго Гроція, *есть предписаніе правового разума, указывающее, что въ извѣстномъ дѣйствіи сообразно его согласію или несогласію съ разумной и общежительной природой человѣка, есть нравственная прочность или нравственная необходимость, а слѣдовательно оно или предписывается или запрещается Богомъ, какъ творцомъ природы.*

Въ этомъ естественномъ правѣ Гроцій различаетъ двѣ области. Первая область обнимаетъ тѣ нормы права, которыя вытекаютъ изъ стремленія человѣка къ общежитію и являются необходимымъ условіемъ послѣдняго. Всѣ онѣ сводятся къ одному общему правилу воздерживайся отъ чужого и имѣютъ цѣлью хранить тѣ блага, которыя принадлежатъ отдѣльному лицу, составляя ту сферу, гдѣ это лицо является полноправнымъ хозяиномъ. Эти блага двоякаго рода. Во-первыхъ, блага, данныя человѣку самой природой, какъ жизнь и свобода; права на эти блага суть права прирожденныя, принадлежащія каждому человѣку, какъ таковому, неотъемлемыя и незыблемыя, не зависящія отъ человѣческаго произвола, права, отъ которыхъ человѣкъ можетъ отказываться, только отказываясь быть человѣкомъ. Блага второго рода суть тѣ, которыя не даны природой непосредственно, а суть дѣло рукъ человѣческихъ и установлены въ силу взаимнаго соглашенія. До этого соглашенія эти блага не являются предметами индивидуальнаго обладанія, они дѣлаются таковыми лишь послѣ соглашенія, которое закрѣпляетъ ихъ за отдѣльными лицами,—такова, наприм., собственность. Всѣ эти нормы, размежевывающія блага между отдѣльными людьми и описывающія вокругъ нихъ кругъ, за предѣлы котораго не должна вторгаться чужая воля, и составляютъ область естественнаго права въ широмъ смыслѣ слово. Здѣсь господствуетъ правда уравнивающая всѣхъ людмй равными и дѣйствующая по геометрической пропорціи.

Вторая область обнимаетъ нормы, не вытекающія изъ стремленія человѣка къ общежитію, а изъ другой высшей способности; изъ способности обсуждать пользу и вредъ вещей. Польза, какъ ее понимаетъ здѣсь Гроній, не есть мѣрило софистовъ и утилитаристовъ, польза преходящая, зависящая отъ субъективнаго пониманія отдѣльныхъ лицъ и мѣняющаяся сообразно съ обстоятельствами, а польза какъ мѣрило постоянное, вытекающее изъ самой природы вещей, всегда неизмѣнной и неколеблющейся. Если нормы юридическія заключаются въ томъ, чтобы другому оставлять и отдавать то, что ему принадлежитъ, то эти нормы, скорѣе нравственныя, имѣютъ цѣлью распредѣлять блага между людьми сообразно съ особенностями каждаго или достоинствами и недостатками. Здѣсь, въ этой области господствуетъ правда распредѣляющая и она предполагаетъ въ людяхъ не только способность воздерживаться отъ чужого, уважать неприкосновенность чужого, но и высшую способность судить о пользѣ другихъ и дѣйствовать сообразно съ этимъ сужденіемъ. Въ этой области нравственныхъ правилъ господствуетъ не строгая только справедливость, но и высшая правда, требующая для своего осуществленія личныхъ добродѣтелей.

Отъ естественнаго права, обнимающаго эти двѣ области, Гроній отличаетъ положительное или добровольное—ius voluntarium, которое вытекаетъ изъ свободной воли лицъ и которое, въ свою очередь, распадается на Божественное и человѣческое. Положительное право устанавливается взаимнымъ соглашеніемъ, договоромъ.

§ 44. **Ученіе о государствѣ и верховной власти.** Государство устанавливается договоромъ. Тѣ, говоритъ Гроній, которые присоединяются къ какому-нибудь политическому союзу или подчиняются власти, вступаютъ въ отношенія подданныхъ не иначе, какъ на основаніи обѣщанія повиноваться власти извѣстнаго лица. Это обѣщаніе или высказывается въ формѣ договора, или подразумѣвается и тогда называется молчаливымъ.

Отдѣльныя лица могутъ создавать поэтому любую форму правленія, и любая форма правомѣрна, разъ она основана на добровольномъ соглашеніи.

Государство Гроцій опредѣляетъ какъ союзъ совершенный, союзъ свободныхъ людей для охраненія права и общей пользы. Народъ совпадаетъ у Гроція съ государствомъ, и субъектомъ верховной власти онъ считаетъ этотъ организованный въ государство народъ. Но рядомъ съ этимъ общимъ субъектомъ верховной власти, народомъ, онъ признаетъ еще особенный, а именно даннаго носителя верховной власти. Подобно тому какъ въ зрѣніи общій субъектъ есть тѣло, а особенный—глазъ, такъ и въ верховной власти, общій субъектъ есть государство, а особенный—лицо, облеченное властью. Боденъ, у котораго, какъ мы видѣли, впервые выставлено ученіе о верховной власти, смѣшиваетъ эти два понятія, и вотъ почему у него авторитетъ государства совпадаетъ съ авторитетомъ монарха, и онъ не умѣетъ иначе представить себѣ сильной государственной власти, какъ въ формѣ абсолютной власти монарха. Гроцій же, отдѣляющій суверенитетъ монарха отъ суверенитета государства, государственную власть отъ власти монарха, можетъ представить себѣ государство съ сильной и крѣпкой государственной властью и съ монархомъ, пользующимся лишь ограниченными правами. Онъ отдѣляетъ совокупность правъ, составляющихъ содержаніе государственной власти, отъ правъ монарха. Первыя вездѣ одни и тѣ же: права верховной власти, какъ высшей въ государствѣ, вездѣ одни и тѣ же, и въ республикѣ, и въ монархіи. Между тѣмъ, вторыя могутъ имѣть далеко не одинаковое содержаніе и зависятъ отъ той или другой конституціи, изъ которыхъ одна можетъ надѣлить главу государства широкими полномочіями, другая вооружить его ограниченными правами. Это различіе между правами государства и государя, которыя смѣшиваются Боденомъ, вполнѣ ясно сознается Гроціемъ. Настаивая на различіи между суверенитетомъ государства и суверенитетомъ государя, Гроцій выставляетъ положеніе, что государство остается одно и то же и при смѣнѣ правителей, и даже при измѣненіи образовъ правленія; Римское государство, прибавляетъ онъ въ поясненіе, оставалось Римскимъ государствомъ при царяхъ, при консулахъ, при императорахъ, и въ этомъ смыслѣ государство безсмертно. Вотъ почему обязательства государства не теряютъ своей силы со смертью правителей, взявшихъ на себя эти обязательства, и вотъ почему Гуго Гроцій отличаетъ дѣянія государя, какъ частнаго лица, отъ его публичныхъ актовъ, совершонныхъ имъ въ качествѣ главы государства. Частные долги государя переходятъ къ его гражданскимъ наслѣдникамъ, а не къ его преемнику, его публичныя обязательства возлагаются на послѣдняго, а не на первыхъ, и не потому, что этотъ преемникъ — гражданскій наслѣдникъ своего предшественника, а потому, что онъ сдѣлался главою государства, продолжающаго жизнь независимо отъ смерти его представителей.

Изъ этого положенія, что верховная власть принадлежитъ государству, т.-е. организованному въ политическій союзъ народу, Гроцій не дѣлаетъ тѣхъ послѣдствій, которыя вывели изъ него его преемники. Признавая, что государство возникло изъ договора, Гроцій долженъ былъ выставить народъ, отдѣльные члены котораго заключили между собою договоръ, соединившій ихъ въ политическій союзъ, первоначальнымъ субъектомъ и источникомъ верховной власти. Но онъ изъ этого

не выводитъ заключенія, что верховная власть остается всегда и при всѣхъ условіяхъ за народомъ и что этотъ народъ имѣетъ право смѣнить князя, требовать отъ него отчета и наказывать его въ случаѣ, если онъ будетъ злоупотреблять ввѣренной ему властью. Какъ отдѣльный человѣкъ воленъ избирать любой образъ жизни, такъ и народъ воленъ избирать любой образъ правленія и учредить у себя ту или другую государственную форму. Какъ, по Аристотелю, существуютъ люди, которые самой природой предназначены быть рабами, такъ и существуютъ народы, которые предпочитаютъ быть управляемыми, чѣмъ управлять, предпочитаютъ единовластіе народовластію. Народъ можетъ подчиниться королю и аристократіи, не оставляя за собою никакихъ политическихъ правъ. Тотъ договоръ, въ силу котораго учреждается государство, можетъ, такимъ образомъ, по Гроцію, привести ко всякой государственной формѣ. Такой выводъ Гроція объясняется тѣмъ, что онъ понимаетъ этотъ договоръ, въ смыслѣ гражданскаго права, могущимъ имѣть любое содержаніе. Отсюда Гроцій оправдываетъ и всевозможныя государственныя формы. Онъ различаетъ и государства, основанныя на правѣ частной собственности (патримоніальныя), отъ государствъ, въ которыхъ князь орудуетъ верховной властью на правѣ временнаго пользованія. Во первыхъ верховная власть устанавливается войной, молчаливымъ договоромъ между завоевателями и завоеванными, въ силу котораго власть переходитъ всецѣло въ руки князя, который можетъ располагать ею по произволу. Во вторыхъ верховная власть лишь поручается князю на извѣстныхъ условіяхъ, и онъ можетъ пользоваться ею лишь согласно съ волею народа. Признаніе законными государствъ, основанныхъ на правѣ частной собственности, было очевидной непослѣдовательностью со стороны Гроція, который въ другихъ частяхъ своего сочиненія такъ настаиваетъ на публичномъ характерѣ государственной власти. Утверждать, что договоръ, установляющій государство, можетъ имѣть любое содержаніе, значило стать въ прямое противорѣчіе съ основнымъ началомъ его системы, началомъ, которое признавало, что нормы права вытекаютъ изъ стремленія человѣка къ общежитію и имѣютъ цѣлью создать условія мирнаго и спокойнаго существованія людей. Правомъ, съ точки зрѣнія Гроція, должно признать лишь то, что удовлетворяетъ этому врожденному человѣку стремленію къ общежитію. А если это такъ, если правомѣрность всѣхъ общественныхъ отношеній основывается на ихъ способности удовлетворять этому стремленію, то нельзя признать имѣющимъ обязательную силу тотъ договоръ, по которому государственная власть можетъ эксплуатироваться княземъ въ его интересахъ, а не въ интересахъ мирнаго общежитія. Раскрытіе этой послѣдовательности и привело къ ученію послѣдующихъ политическихъ мыслителей, по ученію которыхъ лишь тотъ договоръ даетъ правомѣрное основаніе государству, который обезпечиваетъ за гражданами ихъ исконныя прирожденныя права—свободу и равенство.

§ 15. **Значеніе Гроція.** Не смотря, однако, на непослѣдовательность и шаткость нѣкоторыхъ положеній Гроція, его ученіе имѣетъ, тѣмъ не менѣе, громадное значеніе въ исторіи политическихъ ученій. Оно заключается въ томъ, что онъ положилъ основаніе естественному праву, тому праву, во имя основныхъ принциповъ котораго, не зависящихъ отъ Божьяго и людского произвола, лучшіе люди двухъ вѣковъ ратовали противъ беззаконій и насилій, внѣдрившихся въ исторически сло-

жившійся политическій строй. Мы съ высоты современной науки склонны слишкомъ строго относиться къ абстрактной философіи, выставившей естественное право, а между тѣмъ эта абстрактная философія, несмотря на ея явныя научныя заблужденія, имѣетъ величайшее значеніе въ исторіи человѣчества. Извѣстно, до какихъ крайностей въ Средніе вѣка доходило раздѣленіе на сословія: высшіе классы не признавали никакой связи, никакого родства съ низшими; всякое различіе религіозныхъ и даже научныхъ мнѣній и убѣжденій преслѣдовалось какъ преступленіе. Абстрактная философія, исходя изъ разума, присущаго всѣмъ людямъ, положила первое начало уравненію всѣхъ людей передъ закономъ. Отмѣна рабскаго и крѣпостного состоянія могла возникнуть не изъ положительнаго права, а лишь изъ раціонализма: рабство и крѣпостное состояніе положительнымъ правомъ признавались наравнѣ съ другими учрежденіями. Истинный источникъ отмѣны этихъ печальныхъ порядковъ есть именно раціонализмъ, который опредѣляетъ право, какъ совокупность условій, при существованіи которыхъ воля одного человѣка можетъ дѣйствовать согласно съ волею другихъ людей по закону свободы. А законъ свободы есть логическое слѣдствіе разумной природы человѣка. Тому же направленію надобно приписать и признаніе въ Европѣ терпимости вѣроученій и разномыслія. Благодаря раціонализму изъ уголовныхъ кодексовъ Европы вычеркнуто было разъ навсегда такъ называемое еретичество, подъ которое подводили даже научныя открытія (наприм., открытіе Галилея), уничтожены пытки и т. п. Съ этой точки зрѣнія понятіе „раціонализмъ“ тождественно съ понятіемъ „гуманизмъ“ въ лучшемъ значеніи этого слова. И этимъ духомъ гуманизма проникнуто все ученіе Гроція, и его имя останется безсмертнымъ на страницахъ исторіи политической мысли.

Значеніе Гроція выражается, во-вторыхъ, въ томъ, что онъ настаиваетъ на публичномъ характерѣ верховной власти и, признавая ея субъектомъ народъ, проводитъ ту мысль, что эта власть по самой природѣ своей должна служить интересамъ не властителя, даннаго носителя верховной власти, а интересамъ цѣлаго, органомъ и выразителемъ воли котораго онъ является.

Заслуга Гроція, въ-третьихъ, заключается въ томъ, что онъ первый далъ принципіальное обоснованіе тому взгляду на государство, который сдѣлался господствующимъ въ новое время. Уже у итальянскихъ политиковъ мы встрѣчаемся съ воззрѣніемъ на государство, какъ на искусственное учрежденіе, созданное свободною волею въ интересахъ отдѣльныхъ гражданъ. Но этому воззрѣнію они не даютъ философскаго обоснованія и не проводятъ его послѣдовательно черезъ свои политическіе трактаты, сторонясь принципіальныхъ изслѣдованій, а занимаясь болѣе разрѣшеніемъ вопросовъ практической политики. У Гроція же этотъ взглядъ на государство вытекаетъ изъ его ученія объ естественномъ правѣ. Исходной точкой его ученія являются отдѣльныя лица, стоящія изолированно, и государство является лишь союзомъ, долженствующимъ удовлетворить врожденной этимъ отдѣльнымъ лицамъ потребности въ мирномъ общежитіи. Государство является учрежденіемъ, долженствующимъ гарантировать тѣ права, которыя существовали и до государства, оно является охраною естественнаго права. Государство ничего новаго не создаетъ, а закрѣпляетъ лишь за индивидуумами права, которыя въ естественномъ состояніи не были гарантированы. Государ-

ство, по Гроцію, не имѣетъ авторитета въ самомъ себѣ; этимъ авторитетомъ вооружаютъ его отдѣльныя лица, которыя, въ силу свободнаго соглашенія, путемъ договора, учреждаютъ надъ собою власть. Оно не имѣетъ само по себѣ цѣли, а служитъ лишь цѣлямъ отдѣльныхъ лицъ. Государство является суммою отдѣльныхъ единицъ, которыхъ ничто другое не соединяетъ, какъ взаимное соглашеніе, договоръ. Оно не высшее единство, политическое цѣлое, народъ или общество, связанное единствомъ національности или единство историческихъ судебъ, а союзъ, связью котораго служитъ свободная воля отдѣльныхъ лицъ, заключившихъ между собою этотъ союзъ.

Въ этомъ воззрѣніи на государство, какъ на возникающее изъ договора, кроются зачатки всѣхъ послѣдующихъ ученій. И Локкъ, и Руссо, развивая положенія Гроція до ихъ крайнихъ послѣдствій, выставили политическія теоріи, которымъ было суждено разрушить абсолютное государство и обновить политическій строй одряхлѣвшей Европы.

---

## ГЛАВА VI.

### Политическое ученіе Гоббса и Локка.

§ 46. **Политическая жизнь Англіи въ XVII вѣкѣ.** Вся политическая жизнь въ XVII вѣкѣ была благопріятна развитію абсолютной монархіи. Власть феодальныхъ сословій была сломлена возрастающимъ авторитетомъ королевской власти. Эта власть разрушила средневѣковую сословную монархію, опираясь на низшіе классы, которые при феодальныхъ порядкахъ были осуждены на политическое ничтожество. Владѣтельные классы должны были утратить свои привилегіи, прежде всего благодаря своей неспособности понять и отвѣтить на потребности времени, которое клонилось къ всесословности. Они цѣпко держались своихъ привилегій, узаконявшихъ феодально-крѣпостной строй, а потому встрѣчали отпоръ не только въ королевской власти, но и въ низшихъ и въ среднихъ сословіяхъ, которыя, будучи устранены отъ участія въ мѣстномъ управленіи и не имѣя вліянія на центральную администрацію ,не могли разсчитывать на удовлетвореніе своихъ законныхъ требованій и потребностей Народное представительство сословной монархіи было представителемъ не народа, какъ цѣлаго, а лишь его меньшинства— привилегированныхъ классовъ. Это народное представительство не только стояло поперекъ дороги къ развитію и расширенію королевской власти, но и служило тормозомъ къ соціальнымъ и политическимъ реформамъ, которыя освободили бы низшіе классы отъ феодальной зависимости. Поэтому было вполнѣ естественно, что низшіе классы, тяготясь своею зависимостью, обращали свой взоръ къ королю и искали поддержки съ той стороны. И не напрасно. Въ эпоху послѣднихъ Тюдоровъ мы видимъ, что, между тѣмъ какъ парламентъ оказывается неспособнымъ разрѣшить вопросы, выдвинутые новыми условіями жизни, короли, какъ наприм., Ричардъ II, по собственному почину отмѣнившій крѣпостное право, умѣли, наперекоръ владѣльческимъ классамъ, отвѣчать на требованія низшихъ классовъ и удовлетворять имъ. Настроеніе этихъ послѣднихъ было поэтому благопріятно усиленію королевской власти, которая могла бороться съ дворянствомъ тѣмъ успѣшнѣе, что

это дворянство ослабѣло какъ количественно, такъ и качественно: количественно — благодаря войнамъ Бѣлой и Алой Розы, качественно — благодаря тому, что со временъ реформаціи были устранены изъ парламента аббаты упраздненныхъ монастырей, и парламентъ пополнился людьми, вполнѣ преданными королю и лишенными всякаго самостоятельнаго авторитета. Кромѣ того, реформація и обусловленная ею новая организація Церкви самымъ рѣшительнымъ образомъ повліяли на усиленіе королевской власти. Реформація самымъ кореннымъ образомъ измѣнила положеніе королевской власти, надѣливъ ее новыми широкими полномочіями; сдѣлавши короля главою Церкви, подчинивъ ему всю область церковнаго управленія, она расширила его верховныя права. И въ этой церковной области онъ былъ полноправнымъ владыкою, между тѣмъ какъ въ области гражданскаго управленія его власть ограничивалась парламентомъ. Естественно, что королевская власть, поддержанная въ своей тенденціи къ абсолютизму народнымъ движеніемъ, ослабившимъ значеніе дворянства, старалась и въ области гражданскаго управленія пріобрѣсти то же независимое положеніе, ту же неограниченную свободу дѣйствія, которой пользовалась въ области управленія церковнаго. Въ ней сказывается тенденція преобразовать государство въ административный порядокъ по образцу церковной организаціи, тенденція къ абсолютизму. И эта тенденція совпадала съ тѣмъ теченіемъ политической жизни, которое охватило развитіе государственнаго строя на материкѣ Европы и отъ котораго трудно было изолироваться государству, члену той же германо-романской семьи. Но если это теченіе политической жизни на материкѣ Европы привело къ окончательной побѣдѣ абсолютизма, между тѣмъ какъ въ Англіи оно не смыло свободныхъ учрежденій, то объясняется это тѣмъ, что какъ въ Германіи, такъ и во Франціи исторія и величіе королевства совпадали съ борьбой противъ политической власти владѣльческихъ классовъ, политической власти, которая въ Англіи была сломлена уже въ Норманскій періодъ. Во Франціи королевство должно было своей личной властью возсоздать и государство, и народъ; въ Германіи это королевство въ отдѣльныхъ земляхъ должно было объединить сословную разрозненность и тщедушное цѣлое; Англія также имѣла свой періодъ абсолютизма, но она переживала его въ XI и XII вѣкахъ. Усиленіе королевской власти въ Англіи при послѣднихъ Тюдорахъ было вызвано лишь волненіями и кризисомъ XV в., на который мы указали; оно было необходимо для проведенія реформаціи и новой организаціи Церкви. Это были причины временныя и притомъ такія, которыя не коренились въ самомъ остовѣ политическаго строя Англіи, какъ то было въ другихъ государствахъ, напротивъ, этотъ остовъ — мѣстное городское и сельское самоуправленіе — не далъ абсолютизму сломить свободныя учрежденія Англіи. Окрѣпшій духъ самоуправленія, который проникъ глубоко въ самый національный характеръ англійскаго народа, совокупность самостоятельныхъ, независимыхъ коммунальныхъ учрежденій, въ которыхъ этотъ духъ выражался, были тѣмъ оплотомъ, о который должны были разбиться стремленія королей къ абсолютной власти. И если въ эпоху Тюдоровъ эти стремленія вслѣдствіе выше указанныхъ условій и имѣли подъ собой почву, то въ эту же эпоху оказался цѣлый рядъ другихъ условій, которыя дали окрѣпнуть другому элементу англійской кон-

ституціи, а именно палатѣ общинъ. Возрастаніе значенія и авторитета палаты общинъ обусловливалось между прочимъ ослабленіемъ дворянства, которое, потерявъ своихъ лучшихъ сыновъ въ войнѣ Бѣлой и Алой Розы, должно было терпѣть на скамьѣ палаты лордовъ лицъ, назначенныхъ королемъ и вполнѣ отъ него зависимыхъ. Значеніе палаты общинъ возрастаетъ благодаря разоренію прежней военной баронiи и усиленію и обогащенію средняго, третьяго сословія, какъ въ графствахъ, такъ и въ городахъ. Это третье сословіе получаетъ все большее значеніе въ мѣстномъ управленіи и, имѣя въ своемъ распоряженіи богатые источники промышленнаго и земледѣльческаго труда, обновляясь распространеніемъ въ своей средѣ равномѣрнаго образованія, дѣлается важнымъ факторомъ въ экономической, умственной и политической жизни Англіи. Эта „джентри“ высылала въ палату общинъ выдающихся личностей по своему матеріальному богатству, юридическому и политическому образованію и по своему вѣсу въ мѣстномъ самоуправленіи. Эти вновь народившіеся элементы въ конституціонной жизни Англіи не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ въ дѣлѣ конституціонныхъ правъ англійскаго народа, а скорѣе были склонны истолковывать ихъ въ болѣе широкомъ смыслѣ. При Тюдорахъ эти двѣ силы—королевская власть со своей тенденціей къ абсолютизму и среднее сословіе съ тенденціей къ защитѣ и расширенію правъ парламента — должны были прійти въ столкновеніе, хотя эти столкновенія и не были еще достаточно заострены, чтобы вызвать кризисъ, который наступилъ лишь при Стюартахъ. При Елизаветѣ уже замѣчается натянутость отношеній, но разрыва еще нѣтъ. Елизавета дѣйствовала съ большимъ тактомъ и не давала заостряться недовольству. Во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ, въ вопросахъ о монополіяхъ, наприм., она всегда уступала и никогда не рѣшалась нарушать основное право парламента, право разрѣшать налоги и подати. Въ эту эпоху не являлось теоріи, которая объявляла бы парламентъ излишнимъ звеномъ въ политическомъ строѣ. Но и парламентъ обнаруживалъ пока большую сдержанность въ своихъ требованіяхъ. Терпѣлись распоряженія, если они и не оправдывались исключительными обстоятельствами, терпѣлись вынужденные займы, если они и наносили ущербъ личной свободѣ, смотрѣли сквозь пальцы на администрацію, если она въ отдѣльныхъ случаяхъ и нарушала гарантированныя права. Благодаря такимъ взаимнымъ уступкамъ, въ которыхъ проглядываютъ довѣріе и политическій тактъ и той, и другой стороны, установилась система, при которой административный произволъ уживался съ конституціоннымъ правленіемъ. Но эта система не могла быть долговѣчной. Когда чужеземный родъ Стюартовъ смѣнилъ туземный родъ Тюдоровъ, тогда естественно должна была увеличиться натянутость политическихъ и религіозныхъ отношеній и явственнѣе и рѣзче выступить разладъ между различными элементами государственной жизни. Когда религіозная оппозиція проникласъ идеалами оппозиціи политической, тогда притязанія парламента должны были получить новую силу и вѣсъ и должны были породить своихъ защитниковъ и истолкователей правъ англійскаго народа (Мильтонъ). Съ другой стороны, когда короли изъ чужеземнаго рода, Стюарты, соблазненные теологическими воззрѣніями преданнаго имъ духовенства, начали переносить принципы церковнаго управленія въ область государственнаго, тогда абсолютизмъ долженъ

былъ воплотиться и вылиться въ цѣльную систему и законченную теорію (Гоббсъ). Столкновенія между этими двумя системами были неизбѣжны. Англійскій парламентъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ королевскимъ „Божіею милостію“ Стюартовъ; должна была загорѣться революція, которая, однако, лишь на время помутила нормальное теченіе политической жизни Англіи. Эти два крайнихъ направленія выразились въ двухъ событіяхъ и въ двухъ теоріяхъ: въ революціи и реставраціи, въ теоріи Мильтона, защитника революціи и республики, и въ теоріи Гоббса, проповѣдника абсолютизма; какъ два направленія политической жизни были примирены новымъ событіемъ — компромиссомъ между англійскимъ парламентомъ и англійской короной, второй революціей, упроченіемъ конституціоннаго строя и воцареніемъ Вильгельма Оранскаго, такъ и противоположныя теоріи Мильтона и Гоббса нашли себѣ примиреніе въ новой теоріи Локка, защитника конституціонной монархіи.

§ 47. **Біографія Гоббса.** Гоббсъ былъ сыномъ сельскаго священника. Онъ родился въ Malmesbury въ 1588 г. и получилъ университетское образованіе въ Оксфордѣ, гдѣ изучалъ философскія и математическія науки. По окончаніи университетскаго образованія онъ поступилъ въ качествѣ домашняго учителя къ лорду Кавендишу, впослѣдствіи графу Девонширскому, и принималъ участіе въ его путешествіяхъ по Италіи и Франціи. Его политическія убѣжденія опредѣлились очень рано, и въ 1628 г. онъ переводитъ Ѳукидида на англійскій языкъ съ выраженнымъ намѣреніемъ возбудить отвращеніе къ демократическому правленію. Недовольство тѣмъ направленіемъ, которое получили политическія дѣла Англіи, побудило его покинуть отечество и переселиться въ Парижъ въ 1640 г. Здѣсь онъ познакомился съ Декартомъ и Гассенди, здѣсь окончилъ и напечаталъ свои важнѣйшія сочиненія: „Elementa philosophica de cive“ въ 1652 году „Leviathan sive de materia, forma et potestate civitatis ecclesiasticae et civilis“ („Leviathan or the matter, form and authority of government“) въ 1651 году.

Здѣсь онъ вращается въ придворныхъ сферахъ и въ обществѣ англійскихъ эмигрантовъ, приверженцевъ падшаго королевства, здѣсь онъ состоитъ учителемъ принца Вельскаго, будущаго короля Карла II. Придворныя интриги, желаніе увидать родину побуждаютъ его въ 1652 г. возвратиться въ Англію, гдѣ успѣли улечься политическія страсти, возбужденныя революціей, и гдѣ установился болѣе прочный порядокъ подъ суровымъ правленіемъ Кромвеля. Но этотъ порядокъ не соотвѣтствуетъ его политическимъ симпатіямъ и убѣжденіямъ; онъ, несмотря на сдѣланныя ему Кромвелемъ предложенія, остается въ сторонѣ отъ активной политической жизни и весь отдается исключительно научнымъ занятіямъ. Когда же произошелъ новый политическій переворотъ, наступила реставрація, и его прежній ученикъ Карлъ II вступилъ на престолъ, тогда ему, поборнику абсолютной власти, дается почетное служебное положеніе и назначается королемъ ежегодная пенсія. Онъ дожилъ до глубокой старости и умеръ 4 декабря 1679 г. на 91-мъ г. своей жизни.

§ 48. **Ученіе о государствѣ.** Государство, по Гоббсу, не есть нѣчто первоначальное, изначала данное, но искусственно созданное; данными являются лишь природа, человѣкъ въ естественномъ состояніи; изъ этого естественнаго состоянія должно возникнуть государство,

какъ продуктъ человѣческой дѣятельности, и притомъ возникнуть необходимымъ, неотразимымъ путемъ: status naturalis долженъ породить status civilis. Чтобы конструировать status civilis, нужно познакомиться съ естественнымъ состояніемъ, нужно изучить человѣка внѣ государства, нужно познакомиться съ природою человѣка внѣ вліянія на него условій общежитія.

Человѣку, говоритъ Гоббсъ, вовсе не свойственно какое-то безкорыстное влеченіе къ ближнему, къ обществу, онъ вовсе не есть по природѣ своей животное общежительное, animal sociale, какъ учили Аристотель, Цицеронъ и другіе; напротивъ, онъ существо эгоистическое, антисоціальное. Если бы человѣкъ по природѣ своей любилъ всѣхъ своихъ ближнихъ, онъ любилъ бы ихъ одинаково; но въ дѣйствительности мы видимъ, что онъ сближается только съ тѣми, отъ которыхъ онъ получаетъ пользу, выгоду, слѣдовательно, сближается изъ корыстныхъ, эгоистическихъ цѣлей. Вмѣсто положенія Аристотеля объ общежительной природѣ человѣка Гоббсъ выходитъ изъ положенія его антисоціальной природы: homo hominі lupus est. Если такова природа человѣка, то очевидно, что естественное состояніе человѣка есть состояніе всеобщей вражды и войны, это—bellum omniuм contra omnes. Люди въ этомъ естественномъ состояніи не что иное, какъ силы природы, изъ которыхъ каждая стремится къ сохраненію себя на счетъ другихъ; они ищутъ въ этомъ состояніи того, что имъ полезно, и избѣгаютъ того, что имъ вредно; все, что содѣйствуетъ первому, они называютъ добромъ, что содѣйствуетъ второму, — зломъ. Если же всякій вопросъ о добрѣ и злѣ рѣшается только своекорыстіемъ и эгоизмомъ каждаго, то само-собою понятно, что и самыя опредѣленія и пониманія добраго и злого столь же различны, какъ различны самые индивиды. Никакихъ сдерживающихъ правилъ нѣтъ, какъ нѣтъ, собственно, и никакого естественнаго права. Подъ jus naturale Гоббсъ понимаетъ право каждаго на все. Право, по его опредѣленію, ни что иное, какъ свобода употреблять свои силы сообразно со здравымъ разумомъ. Поэтому первое основаніе естественнаго права состоитъ въ томъ, чтобы каждый сохранялъ свою жизнь и члены настолько, насколько можетъ. Кто имѣетъ право на цѣль, тотъ имѣетъ права и на средства. Судьею этихъ средствъ въ естественномъ состояніи можетъ быть только отдѣльный человѣкъ. Каждый, слѣдовательно, имѣетъ право на все, что считаетъ для себя нужнымъ. Какъ скоро вещь принадлежитъ всѣмъ, она, очевидно, не можетъ принадлежать никому; какъ скоро всѣ имѣютъ право на все, нѣтъ права личнаго, частнаго; никто не можетъ сказать: „hoc meum est“, „это мое“; слѣдовательно, въ естественномъ состояніи нѣтъ права вообще, и jus naturale равняется собственно праву сильнаго, или, что то же,—полному безправію. Естественное состояніе есть, такимъ образомъ, война всѣхъ противъ всѣхъ, есть борьба во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни, борьба, угрожающая самому существованію отдѣльныхъ лицъ; оно противорѣчитъ самому естественному, элементарному стремленію человѣка — стремленію къ самосохраненію. Естественное состояніе не удовлетворяетъ этому стремленію и угрожаетъ самымъ существеннымъ интересамъ человѣка; оно противорѣчитъ поэтому самому основному закону природы. Этотъ законъ природы говоритъ: не воюйте между собою, а установите между собою согласіе ради собственнаго блага, ради безопасности. Для испол-

ленія этого закона природы существуетъ лишь одно средство: безусловный и добровольный выходъ изъ состоянія всеобщей войны, выходъ, которымъ каждый отказывается отъ всѣхъ принадлежащихъ ему въ естественномъ состояніи правъ и которымъ всѣ эти права переносятся на третью власть. Этотъ отказъ отъ всѣхъ своихъ естественныхъ правъ долженъ быть всестороннимъ, т.-е· всѣ должны отказаться отъ нихъ въ равной степени и притомъ взаимно, т.-е. каждый подъ тѣмъ условіемъ, чтобы и всѣ остальные сдѣлали то же самое (renuntiatio). Всѣ эти права должны быть вручены одной власти, — или одному лицу, или одному собранію, и притомъ вручены всецѣло, безусловно и навсегда. Эти два рода договора и образуютъ государство, установляя государственную власть, воля которой и дѣлается теперь волею всѣхъ. *Это государство,* по опредѣленію Гоббса, *есть единое лицо, верховный владыка, суверенъ, воля котораго вслѣдствіе договора многихъ лицъ считается волею всѣхъ, такъ что оно можетъ употреблять силы и способности каждаго для общаго мира и защиты.*

§ 49. **Ученіе о верховной власти и о государственныхъ формахъ.** Естественное состояніе, заключающееся въ bellum omnium contra omnes, должно быть уничтожено государствомъ разъ навсегда. Но дабы хаосъ естественнаго состоянія не могъ возвратиться, дабы прочный миръ не уступилъ мѣсто состоянію войны, необходимо, чтобы путемъ договора была учреждена власть, которая сосредоточивала бы въ своихъ рукахъ все могущество и все право, которая бы господствовала абсолютно и которой бы всѣ подчинялись безусловно. *Начало государства есть конецъ анархіи.* Государственная власть абсолютна, она абсолютна во всякой государственной формѣ. Раздѣлять эту власть или ограничивать ее значитъ дѣлать ее иллюзорной и открывать настежь двери анархіи, господствовавшей въ естественномъ состояніи. *Какова бы ни была форма правленія въ государствѣ, всякая возможность поколебать основы государственнаго строя должна быть исключена.* Не существуетъ права на революцію; признаніе такого права было бы отрицаніемъ высшаго принципа всякой политики, и это право такъ же безсмысленно, какъ отрицаніе пространства въ геометріи. Если же государственный порядокъ ни подъ какимъ видомъ и ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть поколебленъ, а тѣмъ болѣе разрушенъ, то изъ этого слѣдуетъ, что существующій порядокъ, по Гоббсу, и есть всегда правомѣрный порядокъ, и абсолютизмъ Гоббса не только консервативный, но и антиреволюціонный.

Status naturalis и status civilis относится, по Гоббсу, какъ хаосъ къ порядку; всякая анархія есть возвращеніе къ хаосу, всякая революція узаконяетъ анархію; вотъ почему лишь абсолютная власть, въ самомъ широкомъ и полномъ смыслѣ этого слова, способна преодолѣть, укротить прежній хаосъ и предупредить его возвращеніе. И чѣмъ единѣе, чѣмъ централизованнѣе, чѣмъ сосредоточеннѣе эта власть, тѣмъ она лучше организована, тѣмъ дѣйствительнѣе она достигаетъ своей цѣли, тѣмъ прочнѣе и незыблемѣе государственный порядокъ. Вотъ почему монархическая форма правленія и есть наилучшая, ибо въ этой государственной формѣ единство правителя всего болѣе соотвѣтствуетъ единству государства. Такимъ образомъ, Гоббсъ изъ законовъ природы выводитъ необходимость абсолютной монархіи: народъ — организованная и объединенная толпа; эта организованная и объединенная

толпа есть общежитіе, государство, а государство это государственная власть, суверенъ, король. Король это государство, народъ: онъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю общественную власть; поэтому было бы логическимъ противорѣчіемъ, если бы народъ возсталъ противъ короля, ибо никто не можетъ возставать противъ самого себя. Въ государствѣ, какъ его себѣ рисуетъ Гоббсъ, и которое онъ считаетъ единственно нормальнымъ, въ этомъ государствѣ осуществились бы въ буквальномъ смыслѣ слова могущественнѣйшаго монарха этого времени, слова Людовика XIV: „l'état c'est moi,—государство это я!"

Абсолютная монархія, требуемая непреложными законами природы, вотъ основная мысль Гоббса, владычествующая надъ всѣми его выводами.

Всякая государственная форма, за исключеніемъ абсолютной монархіи, ослабляетъ авторитетъ государства и его прочность. Абсолютной монархіи противопоставляется республиканская форма правленія, абсолютной государственной власти—ограниченная; эта ограниченность можетъ выражаться или въ томъ, что она подчиняется высшему закону, который не есть ея воля, или въ томъ, что на ряду съ ней признается другая власть, наприм., власть народа, или же въ томъ, что власть раздробляется между отдѣльными органами. Всѣ эти ограниченія власти суть принципіальныя погрѣшности, противорѣчащія самому существу верховной власти. Признавать надъ государственной властью высшій законъ, съ которымъ она должна была бы сообразоваться, значитъ забывать, что государственная власть есть высшая и единая въ государствѣ, воля которой и есть воля государства; признавать рядомъ съ верховной властью еще другую власть, власть народа или власть Церкви, есть также логическое противорѣчіе, ибо государство одно съ народомъ, съ Церковью, со всѣми союзами; они сливаются въ государство, воля котораго и есть для нихъ высшій законъ; абсолютность государственной власти исключаетъ всякія самостоятельныя права гражданъ, ибо въ государственной власти сосредоточены всѣ права; не можетъ быть ограничена государственная власть и раздѣленіемъ властей, ибо государственная власть едина и нераздѣльна. Итакъ, государственная власть по самому существу своему едина, нераздѣльна и неограниченна, и таковой абсолютной властью она должна быть во всѣхъ государствахъ, каково бы ихъ государственное устройство ни было. Несомнѣнно, что это требованіе абсолютности и единства государства всего легче и дѣйствительнѣе осуществляется въ неограниченной монархіи, которую поэтому и должно считать наилучшей государственной формой.

Неограниченная монархія не только имѣетъ принципіальное преимущество надъ всѣми остальными формами правленія, но за нее говорятъ и соображенія цѣлесообразности. Общій всѣмъ образамъ правленія недостатокъ заключается въ томъ, что правители склонны эксплуатировать власть въ своихъ личныхъ интересахъ, но этотъ недостатокъ всего менѣе чувствуется въ абсолютномъ государствѣ, въ которомъ монархъ, занимая высшую ступень на лѣстницѣ почестей, сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю власть, не имѣетъ повода никому завидовать и злоупотреблять своимъ положеніемъ ради личныхъ интересовъ и потребностей, которые всѣ удовлетворены и обезпечены; между тѣмъ какъ въ республикѣ лица, стоящія у кормила правленія, за-

видуютъ другъ другу, соперничаютъ другъ съ другомъ въ погонѣ за почестями и отличіями и, заботясь о своихъ личныхъ выгодахъ, теряютъ изъ виду благо цѣлаго. Кромѣ того, всѣ рѣшенія, принимаемыя въ абсолютной монархіи, исходя отъ единаго монарха, окруженнаго мудрыми совѣтниками, должны всегда отличаться большей зрѣлостью, обдуманностью и знаніемъ политическихъ отношеній, между тѣмъ какъ въ демократіи эти рѣшенія принимаются большинствомъ многочисленнаго собранія, большинствомъ, которое перекрикиваетъ болѣе благоразумныхъ и умѣренныхъ, подавляетъ болѣе интеллигентное меньшинство и руководствуется случайными соображеніями, навѣянными краснобайствомъ немногихъ крикуновъ, которые не столько заботятся о государственномъ благѣ, сколько о красотѣ той роли, которую они разыгрываютъ передъ толпой, столь легко поддающейся обаянію красиваго слова и вдохновенной рѣчи, какъ бы безсодержательна и пуста эта рѣчь ни была. Если обдуманность, послѣдовательность и устойчивость въ дѣлѣ правленія, покоющагося въ рукахъ свѣдущихъ и опытныхъ людей, составляютъ отличительныя качества монархіи, то постоянныя колебанія въ законодательной дѣятельности, поддающейся давленію то и дѣло мѣняющагося настроенія стоглавой толпы, отсутствіе опредѣленнаго и послѣдовательнаго плана дѣйствія въ дѣлѣ управленія, изъ-за преобладанія въ которомъ борются между собою враждующія партіи, непрочность государственнаго порядка, объясняющаяся отсутствіемъ дисциплины и уваженія передъ авторитетомъ, составляютъ отличительныя черты демократіи и вмѣстѣ съ тѣмъ ея темныя стороны, которыя неизбѣжны вездѣ, гдѣ авторитетъ государственной власти покоится въ рукахъ невѣжественной, недисциплинированной, измѣнчивой народной толпы. Аристократія, какъ государственная форма, занимающая середину между демократіей и монархіей, страдаетъ тѣми же недостатками демократіи, хотя и не въ такой степени, и не можетъ похвалиться всѣми тѣми преимуществами, которыя составляютъ отличительныя качества монархіи. Аристократія будетъ поэтому организована тѣмъ лучше, чѣмъ меньше ея строй будетъ напоминать демократію и чѣмъ болѣе она будетъ приближаться къ монархіи.

Гоббсъ признаетъ только эти три чистыя государственныя формы и совершенно послѣдовательно, ибо его ученіе объ единствѣ и неограниченности государственной власти, которая была у него тождественна съ единствомъ и неограниченностью власти ея носителя, не допускало признанія смѣшанныхъ и извращенныхъ формъ правленія. Считать возможнымъ распредѣленіе различныхъ функцій государственной власти между различными общественными группами онъ признаетъ мнѣніемъ анархическимъ и возстаетъ противъ ограниченной народнымъ представительствомъ монархіи, какъ противъ государственной формы, не удовлетворяющей самымъ элементарнымъ требованіямъ здравой политики.

Верховная власть, какъ высшая и единственная въ государствѣ, распространяется на всѣ сферы жизни и обнимаетъ всѣ тѣ функціи, которыя необходимы для поддержанія внѣшняго и внутренняго порядка въ государствѣ. Ей принадлежитъ отсюда: 1) мечъ правды, т.-е право наказывать нарушителей закона, 2) мечъ войны, необходимый для защиты отъ внѣшнихъ враговъ и для поддержанія мира, тишины и по-

рядка внутри государства, 3) право суда, т.-е. разсмотрѣніе тѣхъ случаевъ, глѣ нужно приложеніе меча, 4) право законодательства, т. е. установленіе общихъ правилъ для предупрежденія споровъ о томъ, что принадлежитъ каждому, 5) право учреждать подчиненныя власти, ибо верховная власть не можетъ сама за всѣмъ усмотрѣть, 6) право запрещать вредныя ученія, могущія повести къ нарушенію мира. Вооруженная этими правами власть абсолютна и неограниченна, она не признаетъ надъ собою высшей власти и не можетъ быть связана законами. Подданные по отношенію къ этой власти никакихъ правъ не имѣютъ, ибо всѣ права, которыми пользуются граждане, исходятъ отъ верховной власти, и эта власть, надѣливши ихъ этими правами, можетъ ихъ во всякое время у нихъ и отнять. Подданные не имѣютъ права собственности: это право, не существовавшее въ естественномъ состояніи, создано лишь государственной властью, и она, гарантировавши право собственности, можетъ во всякое время лишить его своей охраны. Подданные не имѣютъ и своей собственности и своего сужденія о добрѣ и злѣ: и въ этихъ сужденіяхъ они подчинены сужденію верховной власти, которая опредѣляетъ, что граждане должны считать добромъ и что зломъ, и вотъ почему, по Гоббсу, подданные никогда и ни въ чемъ не грѣшатъ, пока они подчиняются верховной власти. Мнѣніе, будто подданный имѣетъ самостоятельное сужденіе о добрѣ и злѣ и будто подданный можетъ грѣшить, исполняя предписаніе государственной власти, есть, по Гоббсу, революціонное, анархическое ученіе (seditiosa opinio). И ученіе Церкви, т.-е толкованіе священнаго писанія, должно исходить отъ государственной власти (хотя и при посредствѣ епископовъ), ибо отдѣльное лицо, если бы оно присвоило себѣ это толкованіе, само дало бы себѣ высшую норму дѣйствія, чѣмъ всякое повиновеніе и, слѣдовательно, всякое общежитіе было бы уничтожено. Церковь, по Гоббсу, совпадаетъ съ государствомъ; она, по его опредѣленію, не что иное, какъ собраніе вѣрующихъ во Христа, подчиненныхъ одной внѣшней власти. Внутренняя, незримая Церковь, по Гоббсу, есть лишь Церковь potentia, а не actu. Та же внѣшняя власть, которая соединяетъ христіанъ въ Церковь, не можетъ быть иною властью, какъ верховной государственной властью, которая рядомъ съ собою не терпитъ другихъ конкурирующихъ властей. Только единая воля, воплотившая въ единой государственной власти и по отношенію къ которой безсильны отдѣльныя, борющіяся между собою воли, только такая единая воля въ состояніи обезпечить и оградить миръ, охраненіе котораго есть высшій законъ природы. Своекорыстный эгоизмъ можетъ быть угомоненъ, укрощенъ только такой безграничной, абсолютной, неотразимой властью.

§ 50. **Значеніе Гоббса.** Гоббсъ въ своемъ ученіи выходитъ, такимъ образомъ, изъ тѣхъ же предположеній, которыя общи всѣмъ представителямъ естественной школы и которыя впервыя были установлены Гуго Гроціемъ. И онъ не признаетъ объективнаго нравственнаго порядка, который стоялъ бы надъ людьми и былъ бы независимъ отъ нихъ, а выводитъ весь общественный порядокъ изъ природы человѣка. И вотъ почему онъ основываетъ политическое общежитіе на свободномъ договорѣ отдѣльныхъ лицъ; но онъ не знаетъ другого понятія неправды, какъ нарушеніе договора, такъ что неправда возможна лишь по отношенію къ тѣмъ, съ которыми стоишь въ договорныхъ отноше-

ніяхъ. Шагъ впередъ, который обозначаетъ его ученіе сравнительно съ ученіемъ Гуго Гроція, заключается въ болѣе подробномъ развитіи ученіяобъ естественномъ состояніи, на которое Гроцій лишь намекаетъ,-объ естественномъ состояніи, въ которомъ законъ природы не можетъ быть осуществленъ и которое требуетъ поэтому установленія государства, и въ разработкѣ ученія о договорѣ, которымъ учреждается государство и которымъ разъ навсегда установляется политическій строй, нерушимый и неизмѣнный. Со временъ Гоббса эти три момента,— естественное состояніе, договоръ и незыблемый политическій строй, установляемый этимъ договоромъ,—сдѣлались необходимыми моментами во всѣхъ послѣдующихъ политическихъ ученіяхъ. Эти три момента проведены и развиты Гоббсомъ съ желѣзной послѣдовательностью и неустрашимой логикой.

Ни до, ни послѣ Гоббса абсолютная монархія не имѣла такого яраго, такого талантливаго, такого послѣдовательнаго защитника. Мы знаемъ, что греческіе писатели признавали въ свободномъ государственномъ порядкѣ свой политическій идеалъ, и объясняемъ это тѣмъ, что древніе видѣли въ государствѣ среду, облагораживающую человѣка, воспитывающую въ немъ всѣ тѣ высшія нравственныя и умственныя способности, которыя возвышаютъ его надъ остальною тварью, что они предоставляли государству широкую культурную задачу, которая могла быть разрѣшена лишь широкой самодѣятельностью всего общества, составляющаго государство. И всѣ тѣ политическіе писатели, которые приписываютъ государству воспитательную задачу, разсматриваютъ вліяніе государственной жизни на нравственный складъ народа и не ограничиваютъ цѣль государства поддержаніемъ внѣшняго порядка, приходятъ къ тому же выводу и выставляютъ свободный государственный строй, покоющійся на широкомъ основаніи народовластія, своимъ политическимъ идеаломъ. И если политическій идеалъ Гоббса иной, если онъ считаетъ лишь абсолютную монархію способной разрѣшить задачу общежитія, то объясняется это тѣмъ, что Гоббсъ видитъ въ государствѣ не облагораживающую и воспитывающую человѣка среду, а союзъ отдѣльныхъ лицъ, связанныхъ лишь чувствомъ самосохраненія, не союзъ высшаго порядка, имѣющій культурную миссію, а учрежденіе для поддержанія внѣшней тишины и спокойствія, въ человѣкѣ — не нравственную личность, способную къ высшимъ духовнымъ наслажденіямъ, а животное, обуреваемое страстями и довольствующееся удовлетвореніемъ своихъ ближайшихъ чувственныхъ потребностей. А политическая доктрина, которая выходитъ изъ такихъ предположеній, которая видитъ въ государствѣ механическое сплоченіе отдѣльныхъ единицъ и сводитъ всю дѣятельность государства къ дѣятельности полицейскаго и судьи, къ механическому давленію на безправную, безгласную и безсловесную толпу, умѣющую лишь трепетать и повиноваться, такая доктрина къ иному выводу прійти не можетъ.

§ 51. **Біографія Локка.** Джонъ Локкъ, сынъ ученаго правовѣда Джона Локка, родился въ Wrington (недалеко отъ Бристоля) въ 1632 г. Онъ, какъ и Гоббсъ, получилъ высшее образованіе въ Оксфордѣ, гдѣ съ особенной любовью занимался естественными и медицинскими науками. Въ 1664 г. онъ въ качествѣ совѣтника посольства сопровождаетъ англійскаго посланника Вильяма Свана къ бранденбургскому двору и цѣлый годъ проводитъ въ Берлинѣ. По возвращеніи въ Англію,

онъ продолжаетъ свои научныя занятія и, познакомившись съ лордомъ Aschley, впослѣдствіи earl of Shaftesbury, проводитъ нѣсколько счастливыхъ годовъ въ его домѣ въ качествѣ доктора и друга дома. Въ 1668 г. онъ съ лордомъ Northumberland путешествуетъ по Франціи и Италіи. Въ 1672 г. его покровитель и другъ Шефтсбери дѣлается лордомъ-канцлеромъ, и Локкъ поступаетъ на государственную службу, которую онъ однако опять покидаетъ, когда Шефтсбери попадаетъ въ немилость. Въ 1675—79 гг. мы застаемъ Локка во Франціи, въ Монпелье и Парижѣ, гдѣ онъ вращается среди ученыхъ и задумываетъ и обрабатываетъ свои философскія сочиненія. Судьба Локка тѣсно переплетается съ судьбою и его покровителя и друга Шефтсбери. Этотъ послѣдній въ 1679 году снова вступаетъ на службу и дѣлается министромъ-президентомъ; онъ призываетъ къ себѣ Локка, который покидаетъ Францію и возвращается въ Англію. Но Шефтсбери не долго остается на своемъ посту. Его оппозиція абсолютическимъ тенденціямъ короля вызываетъ гнѣвъ послѣдняго. Его заключаютъ въ Тоуэръ, но процессъ, возбужденный противъ него придворной партіей, оканчивается оправдательнымъ приговоромъ. Шефтсбери и вмѣстѣ съ нимъ Локкъ покидаютъ Англію и поселяются въ Голландіи, гдѣ штатгальтеръ Вильгельмъ Оранскій оказываетъ имъ самый радушный пріемъ. Вторая революція и воцареніе Вильгельма Оранскаго въ 1688 г. расчищаютъ Локку путь въ его отечество, гдѣ онъ снова поступаетъ на государственную службу. Послѣдніе годы своей жизни онъ проводитъ въ домѣ своего друга Francis Masham въ графствѣ Эссексъ, гдѣ умираетъ на 73-мъ г. своей жизни 28 окт. 1704 г.

§ 52. **Ученіе Локка о естественномъ правѣ.** „Чтобы опредѣлить въ чемъ заключается природа государственной власти“,—такъ начинаетъ Локкъ свой трактатъ о правительствѣ,—„необходимо изслѣдовать людей въ естественномъ состояніи“. Естественное состояніе есть прежде всего состояніе полнѣйшей свободы, т.-е. такое состояніе, въ которомъ человѣкъ, не испрашивая соизволенія другого и не завися отъ чужой воли, можетъ дѣлать то, что ему нравится, лишь держась въ предѣлахъ естественнаго закона, т.-е. того, что предписываетъ разумъ, спокойно, безстрастно и безпристрастно взвѣшивающій обстоятельства и отношенія. Свобода, другими словами, есть независимость отъ чужого произвола и соотвѣтствіе естественному закону. Не свободенъ какъ тотъ, кто въ своихъ дѣйствіяхъ подчиняется чужой волѣ, такъ и тотъ, кто дѣйствуютъ не по указанію разума, а подъ вліяніемъ страстей и минутныхъ увлеченій. Свободенъ лишь тотъ, кто не признаетъ надъ собою иного господина, кромѣ естественнаго закона, т.-е. тотъ, поведеніе котораго опредѣляется не чужою волею, а согласуется съ правилами, вытекающими изъ разума. Свободенъ тотъ, кто не преклоняется передъ произволомъ, а лишь передъ закономъ.

Естественное состояніе есть, во-вторыхъ, состояніе равенства, такъ что всякая власть и всякая юрисдикція взаимны, и ни одинъ не пользуется преимуществомъ надъ другими. И иначе быть не можетъ, ибо всѣ люди—твари одинаковой породы, развивающіяся и растущія по однимъ и тѣмъ же законамъ природы, всѣ одарены одинаковыми способностями пользоваться тѣми благами, которыя природа предоставила въ распоряженіе человѣка. Существуютъ лишь различія, установленныя самой природой, различія въ возрастѣ, въ физическихъ и умственныхъ

способностяхъ, но какъ эти различія не нарушаютъ равенства между животными, и всѣ звѣри одной породы равны, такъ точно и эти различія установленныя природой, не устанавливаютъ неравенство между людьми, которые всѣ имѣютъ одинаковое право на свободу, безъ всякаго подчиненія другому. Это равенство вытекаетъ уже изъ свободы. Какъ скоро всѣ люди свободны, т.-е. въ своихъ дѣйствіяхъ не зависятъ отъ чужой воли, то всѣ они въ одинаковой степени господа, не знающіе субординаціи и подчиненія. Свобода въ естественномъ состояніи знаетъ лишь одно ограниченіе, одну зависимость, а именно зависимость отъ разума, а предписанія этого разума обязательны для всѣхъ въ одинаковой степени. Люди въ естественномъ состояніи, не завися отъ чужой воли и подчиняясь лишь своему разуму, не знаютъ поэтому личной зависимости, подчиненія и субординаціи и, признавая лишь одного владыку—разумъ, очевидно, равны между собою.

На это естественное состояніе, въ которомъ всѣ равны и свободны не есть состояніе войны всѣхъ противъ всѣхъ, ибо свобода не ест, личный произволъ, не есть право сильнаго, и это равенство не обусловливаетъ собою права всѣхъ на все, т.-е. безправія. Естественное состояніе не есть только господство равенства и свободы, не естественнаго закона, закона, который научаетъ людей пользоваться этими двумя существеннѣйшими благами, научаетъ людей быть свободными и равными, не нарушая свободы и равенства другихъ. Разумъ, этотъ верховный законодатель и судья въ естественномъ состояніи, научаетъ людей разумно пользоваться своей свободой, т.-е. такъ, что это пользованіе не выражается въ злоупотребленіи свободой, въ злоупотребленіи, которое можетъ уничтожить собственную свободу лица и нарушить свободу другихъ. Разумъ научаетъ людей дѣлать изъ своей свободы наилучшее употребленіе, т.-е. такое, которое требуетъ отъ него его собственное самосохраненіе; человѣкъ не имѣетъ поэтому права лишать себя своей свободы, убивать себя, искалѣчивать, продавать себя въ рабство, ибо такое пониманіе свободы уничтожило бы самую свободу; это есть логическое противорѣчіе, это—отрицаніе свободы. Человѣкъ не имѣетъ, во-вторыхъ, въ естественномъ состояніи права лишать свободы другого, ибо естественный разумъ учитъ, что люди, будучи всѣ равны между собою и независимы другъ отъ друга, не имѣютъ права вредить чужому дѣлу, жизни, здоровью, свободѣ, имуществу. Такимъ образомъ, дабы свобода не была иллюзорна, не уничтожала самое себя, она должна быть ограниченной, она не должна быть произволомъ, а законом*ѣ*рностью, но это ограниченіе свободы есть необходимое условіе свободы, и это ограниченіе свободы не есть ограниченіе, налагаемое чужой волею, а разумомъ, который научаетъ человѣка, какъ онъ долженъ пользоваться своею свободой, чтобы оставаться свободнымъ и оставлять свободу за другими.

Итакъ, естественное состояніе есть не только состояніе свободы и равенства, но и господство естественнаго закона. Но дабы этотъ законъ осуществлялся, необходимо, чтобы на стражѣ его стояла власть, которая бы преслѣдовала и карала нарушителей его. Въ естественномъ состояніи, состояніи равенства и свободы, не существуетъ власти, которой были бы подчинены отдѣльныя лица. Если же такая власть необходима, то она можетъ принадлежать лишь каждому отдѣльному лицу. Въ естественномъ состояніи всякій является своимъ собственнымъ мсти-

телемъ и судьею и всякій призванъ исполнять естественный законъ, точно такъ, какъ поступаютъ еще теперь главы различныхъ государствъ въ международныхъ отношеніяхъ. Итакъ, естественное состояніе не есть состояніе войны, оно есть господство естественнаго закона, на стражѣ котораго стоятъ всѣ. Естественное состояніе есть не что иное, какъ недостатокъ общественной власти, отправляющей юрисдикцію, но оно не исключаетъ возможности мирнаго сожительства людей между собою. Состояніе войны есть тоже недостатокъ высшаго судьи, но оно предполагаетъ насиліе и неправду, которыя противны природѣ. Чтобы избѣгнуть этого состоянія войны, люди соединяются въ общество и покидаютъ состояніе природы, въ которомъ свобода и равенство, благодаря отсутствію общественной власти, лишены желательной и прочной гарантіи.

§ 53. **Ученіе Локка о государствѣ.** Люди переходятъ изъ естественнаго состоянія въ государственное тѣмъ, что отказываются отъ права самимъ защищать свое достояніе и наказывать нарушителей естественнаго закона, и предоставляютъ это право цѣлому обществу. Этотъ переходъ происходитъ путемъ свободнаго соглашенія, т.-е. договора. Этотъ договоръ не уничтожаетъ естественнаго права, а наоборотъ, служитъ къ его укрѣпленію, охраненію и обезпеченію. Этотъ договоръ установляетъ государственную власть, берущую на себя роль мстителя и судьи естественнаго закона, на стражѣ котораго въ состояніи природы стояли отдѣльныя лица. Если въ естественномъ состояніи господствовали частныя воли, то теперь господствуетъ общая воля—законъ. *Эта общая воля можетъ быть только выраженіемъ преобладающей силы, т.-е. большинства гражданъ, входящихъ въ составъ государства. Такимъ образомъ, единственнымъ правомѣрнымъ основаніемъ всякой государственной власти является согласіе свободныхъ лицъ подчинить свою волю волѣ большинства.* Эта власть строго отличается отъ власти отеческой и власти деспотической.

Отеческая власть, существовавшая уже въ состояніи природы, основывается не на договорѣ, а на естественномъ отношеніи и необходимомъ подчиненіи дѣтей родителямъ; деспотическая, или господская, основывается не на договорѣ, не на естественномъ отношеніи, а вытекаетъ изъ насильственнаго подчиненія; отеческой власти подчинены несовершеннолѣтніе, господской — рабы, государственной же власти — граждане. Отеческая власть существовала уже въ естественномъ состояніи, но она не нарушала ни равенства, ни свободы людей. „Мы рождаемся,— говоритъ Локкъ,—свободными въ томъ же смыслѣ, какъ мы рождаемся разумными существами; мы не пользуемся тотчасъ по рожденіи ни свободою, ни разумомъ. Но, становясь съ лѣтами разумными, мы становимся свободными. Дитя свободно въ томъ смыслѣ, что его лицо представляетъ и защищаетъ свободный отецъ, пока оно само не въ состояніи дѣйствовать по собственной волѣ. Когда же дитя приходитъ въ разумный возрастъ, оно становится столь же свободнымъ лицомъ, какъ прежде его отецъ. Возрастъ и воспитаніе дѣлаютъ излишней опеку отца, и даютъ способность сужденія и распоряженія самимъ собою. До того времени государство не возлагаетъ на дитя никакихъ общественныхъ обязанностей; съ этого же времени сынъ вступаетъ въ тотъ же союзъ и самостоятельно принимаетъ на себя тѣ обязанности, которыми связянъ его отецъ. Правда, отецъ имѣетъ постоянное право на уваженіе

и благодарность сына, но онъ имѣетъ надъ совершеннолѣтнимъ сыномъ столь же мало общественной власти, какъ и надъ всякимъ другимъ согражданиномъ. Ничто но были такъ нелѣпо, какъ дѣлать ложное заключеніе объ абсолютной власти отца надъ совершеннолѣтними дѣтьми по абсолютной власти правительства надъ подданными. Родительская и политическая власти имѣютъ различныя основанія и различныя цѣли".

§ 54. **Ученіе Локка о властяхъ.** Въ государствѣ, въ отличіе отъ естественнаго состоянія, господствуютъ не частныя воли, а общая воля, т.-е. законъ. Вотъ почему высшая власть есть власть законодательная, которая и есть суверенъ въ собственномъ смыслѣ; различіе въ организаціи этой власти обусловливаетъ собою и различіе въ государственныхъ формахъ: въ демократіи законодательства власть принадлежитъ большинству, въ олигархіи—меньшинству, въ монархіи—одному лицу, назначаемому или по праву наслѣдства, или по выбору. Законы не издаются постоянно, но они никогда не должны терять своей обязательной силы и постоянно должны быть исполняемы. Вотъ почему законодательная дѣятельность не должна быть постоянно въ дѣйствіи, между тѣмъ какъ государство нуждается въ постоянной власти, которая стояла бы на стражѣ законовъ, слѣдила бы за ихъ исполненіемъ, руководила внутреннимъ управленіемъ и завѣдывала бы внѣшними сношеніями. Рядомъ съ законодательной властью должна поэтому существовать власть исполнительная, которая распадается на двѣ отрасли, на власть исполнительную въ собственномъ смыслѣ, которая завѣдуетъ судомъ и управленіемъ внутри государства, и на власть федеративную, которая завѣдуетъ внѣшними сношеніями. Государственная власть, распадающаяся на эти три отрасли, не есть власть абсолютная. Она имѣетъ цѣлью ограждать прежде всего тѣ блага, которыя не были гарантированы въ естественномъ состояніи, и должна соблюдать естественный законъ. Предѣлы государственной власти опредѣляются тѣми прирожденными человѣку правами, которыми онъ пользовался въ естественномъ состояніи и ограждать которыя—ближайшая, естественнѣйшая, священнѣйшая задача государства. Свобода и равенство гражданъ, неприкосновенность ихъ имущества и личности—вотъ та грань, за которую не смѣетъ переступать государственная власть, вотъ тѣ права, которыя должны быть священны всякому, кто бы онъ ни былъ, на какой бы ступени общественной лѣстницы онъ ни стоялъ, какой бы властью онъ облеченъ ни былъ, вотъ тѣ блага, которыя должны быть священны и недосягаемы и для носителей государственной власти во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ и которыя не могутъ быть отняты и во имя общаго блага. Изъ этого общаго правила Локкъ выводитъ слѣдующія положенія, точнѣе опредѣляющія границы верховной власти.

*1. Законодательная власть не можетъ произвольно распоряжаться жизнью и имуществомъ гражданъ, такъ какъ никто не можетъ передать другому большую власть надъ собою, чѣмъ онъ самъ имѣетъ отъ природы, никто не имѣетъ ни надъ собою, ни надъ другими произвольной власти.* Государственная власть должна охранять естественныя права людей, которыми они пользовались уже въ состояніи природы, но которыя, благодаря отсутствію верховной общей власти, были лишены гарантіи и прочности: государственная власть установлена именно съ цѣлью обезпечить и укрѣпить эти естественныя права. Она дѣй-

ствовала бы вопреки своему назначенію, если бы не уважала личныхъ правъ, не охраняла бы неприкосновенности имущества и личности.

*2. Государственная власть дѣйствуетъ лишь въ предѣлахъ закона.* Исполнительная власть должна быть подчинена законодательной власти, а законодательная власть не можетъ дѣйствовать путемъ частныхъ и произвольныхъ рѣшеній, а лишь путемъ общихъ опредѣленій: Государственное состояніе отличается отъ естественнаго именно тѣмъ, что государственная власть изданіемъ общихъ правилъ дѣлаетъ невозможнымъ произвольное толкованіе естественнаго закона, какъ то было въ естественномъ состояніи, въ которомъ каждый интерпретируетъ естественный законъ по своему: государство учреждено именно для того, чтобы каждый былъ увѣренъ въ томъ, что его естественное право будетъ хорошо понято и съ большою силою защищено. Исполнительная власть дѣйствуетъ лишь въ предѣлахъ закона. и ея носителями являются органы и должностныя лица, установленные законодательной властью. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, наприм., въ Англіи, исполнительная власть вручается одному лицу, королю, и этотъ король является тогда и необходимымъ факторомъ законодательной власти, безъ согласія котораго ни одинъ законъ не можетъ получить обязательной силы. При такомъ устройствѣ этотъ глава исполнительной власти, участвующій и въ законодательствѣ, не есть верховная власть, ибо онъ, участвуя въ законодательствѣ, не одинъ издаетъ законы, а лишь съ согласія и при содѣйствіи законодательнаго собранія, и онъ не имѣетъ иной власти, кромѣ власти закона, и вся его сила заключается въ силѣ закона. Онъ не верховная власть, а лишь верховное лицо въ государствѣ. Такъ какъ законодательное собраніе 1) не всегда въ сборѣ, 2) не можетъ предусмотрѣть всѣхъ случаевъ, встрѣчающихся въ практической жизни и нуждающихся въ регулированіи закономъ, то онъ имѣетъ право: 1) созывать и распускать собранія, 2) издавать предписанія и распоряженія въ случаяхъ крайней нужды въ интересахъ общаго блага, и въ этомъ заключается прерогатива короля.

*3. Такъ какъ верховная власть учреждается для защиты имущества гражданъ, то она, естественно, и должна оберегать его и не имѣетъ права отнимать у кого бы то ни было часть его имущества безъ его согласія, и на этомъ основывается право народнаго представительства разрѣшать и запрещать наложеніе податей и налоговъ.*

Законодатель не въ правѣ передать свою власть другому: власть его дана ему народомъ и потому не можетъ быть передана другому иначе, какъ только съ согласія народа. Эта высшая законодательная власть есть власть, довѣренная народомъ для извѣстныхъ цѣлей; отсюда высшая учредительная власть остается всегда за народомъ, народъ можетъ измѣнять законодательное собраніе, если оно не дѣйствуетъ согласно съ тою цѣлью, ради которой ему была довѣрена эта власть. Дѣйствительнымъ и настоящимъ сувереномъ является поэтому народъ, но онъ пользуется своею властью въ исключительныхъ случаяхъ, когда обыкновенныя власти бездѣйствуютъ или оказываются не на высотѣ довѣренной имъ задачи. Если исполнительная власть короля нарушаетъ законъ, присвоивая себѣ власть, ей не принадлежащую, или злоупотребляетъ дарованной ей властью, то этимъ самымъ она уничтожаетъ тѣ условія, при существованіи которыхъ подданные обязаны ей повиновеніемъ, тогда возникаетъ споръ между законодательною властью

и властью исполнительною, между королемъ и народомъ,—споръ, разрѣшить который можетъ лишь Небо, т.-е. оружіе. Хотя народъ конституціей и не установленъ верховнымъ судьею, однако по естественному закону, предшествующему всякому положительному узаконенію, онъ сохраняетъ право судить о томъ, есть ли основаніе браться за оружіе, защищать неприкосновенность своихъ естественныхъ правъ. Съ этимъ правомъ народъ не можетъ разстаться, ибо никто не имѣетъ права отдавать свою жизнь и свободу въ чужія руки. Если законодательная власть отправляется лицами, которыя не назначены народомъ, то народъ освобождается отъ обязанности повиноваться имъ и выходитъ изъ всякаго къ нимъ подчиненія, возвращается въ состояніе первобытной свободы и въ правѣ установить себѣ новую законодательную власть по собственному усмотрѣнію.

Такъ какъ цѣль государства—устраненіе неудобствъ естественнаго состоянія, то абсолютная монархія не можетъ быть признана правомѣрной государственной формой, такъ какъ она этихъ неудобствъ не въ состояніи устранить, ибо абсолютный монархъ не имѣетъ надъ собою судьи; отличительной же чертой государственнаго состоянія является именно то, чтобы всѣ дѣйствовали въ предѣлахъ закона, въ своихъ дѣйствіяхъ сообразовались съ общимъ правиломъ и признавали надъ собою высшаго судью.

Не правомѣрны также всѣ тѣ государства, которыя возникаютъ изъ завоеванія, путемъ насильственнаго подчиненія. Война, даже справедливая, никогда не можетъ служить источникомъ власти, насиліе никогда не создаетъ права.

§ 55. **Значеніе Локка.** Локкъ является основателемъ конституціонной теоріи, онъ первый формулировалъ главное основаніе англійской конституціи, указалъ на раздѣленіе властей, какъ на важнѣйшее основаніе политической свободы, и въ этомъ отношеніи является предшественникомъ Монтескье. Господство закона во всѣхъ сферахъ государственной жизни, требованіе законномѣрной дѣятельности всѣхъ органовъ управленія, строгое разграниченіе между закономъ, съ одной стороны, и административнымъ распоряженіемъ, съ другой, требованіе, чтобы это послѣднее всегда оставалось въ предѣлахъ перваго, провозглашеніе неприкосновенности личности и имущества — вотъ тѣ принципы, которые. по Локку, должны лежать въ основаніи всякаго государственнаго порядка и при соблюденіи которыхъ этотъ порядокъ можетъ заявлять притязаніе на нормальный. Эти принципы легли въ основаніе современнаго правомѣрнаго государства.

Теорія Локка является первой попыткой систематическаго ученія о народномъ верховенствѣ: до него это ученіе болѣе высказывалось, чѣмъ доказывалось. У него, однако, верховная власть остается за народомъ лишь тогда, когда бездѣйствуютъ тѣ органы, на которые народъ переноситъ свою власть, — отсюда народъ является у Локка скорѣе источникомъ, чѣмъ постояннымъ носителемъ верховной власти. Этимъ постояннымъ носителемъ является народъ и у Руссо, но у него народъ никогда и ни при какихъ условіяхъ не отчуждаетъ своей верховной власти, а лишь учреждаетъ и назначаетъ слугъ, которые должны исполнять его волю.

# ГЛАВА VII.

## Политическое ученіе Руссо, Монтескье и Бенжамена Констана.

§ 56. **Исходные тезисы политическаго ученія Руссо.**

а. *Преимущества естественнаго состоянія и невыгоды общественнаго состоянія.*

Естественное состояніе, по воззрѣнію Руссо, относится къ той эпохѣ въ жизни человѣчества, когда люди жили разрозненно и изолированно другъ отъ друга и незнали никакихъ связей, ни семейныхъ, ни общественныхъ. Въ этомъ первобытномъ состояніи ничего не нарушало того равновѣсія физическихъ и нравственныхъ силъ, которыми природа надѣлила человѣка. Между потребностями человѣка и его силами существовало полное соотвѣтствіе и онъ могъ удовлетворять своимъ нуждамъ, не прибѣгая къ чужой помощи. И въ этой свободѣ и въ этой независимости отъ другихъ лежала причина физическаго и нравственнаго здоровья человѣка. „Пока люди", говоритъ Руссо „занимались работой, которая была подъ силу одному человѣку и такими искусствами, для которыхъ не требуется содѣйствія нѣсколькихъ лицъ, до тѣхъ поръ они жили здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько допускаетъ это ихъ природа и наслаждались выгодами взаимной независимости. Но съ тѣхъ, какъ одинъ человѣкъ сталъ нуждаться въ другомъ и люди замѣтили, что полезно одному имѣть запасъ для двоихъ, съ тѣхъ поръ исчезло безвозвратно равенство, возникла собственность, трудъ сталъ необходимостью и необъятные лѣса превратились въ улыбающіяся пашни, которыя нужно было орошать человѣческимъ потомъ и на которыхъ вмѣстѣ съ жатвой выростали рабство и нищета". Роковое зло, погубившее человѣка это—зависимость, человѣка отъ человѣка. Эта зависимость, усиливающаяся по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ неравенство между людьми, является источникомъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ и всѣхъ тѣхъ общественныхъ бѣдствій и неурядицъ, подъ гнетомъ которыхъ изнываетъ современный человѣкъ

b. *Невыгоды естественнаго состоянія и преимущества общественнаго состоянія.*

Слѣдуетъ-ли, однако, изъ этого, что люди должны вернуться къ естественному состоянію и, вмѣстѣ со свободою, возвратить себѣ утраченную невинность первобытнаго человѣка?

На этотъ вопросъ Руссо отвѣчаетъ отрицательно и этотъ отрицательный отвѣтъ онъ всего опредѣленнѣе формулируетъ во второй главѣ первой книги первональнаго текста „Общественнаго Договора". „Полная независимость", говоритъ тутъ Руссо, „и не сдержанная никакими правилами свобода, если бы онѣ и остались соединенными съ первобытной невинностью, страдяли бы существеннымъ недостаткомъ, который служилъ бы препятствіемъ развитію наиболѣе дорогихъ человѣку способностей: отсутствіемъ той связи между частями, которая объединяетъ ихъ въ одно цѣлое. Земля была бы покрыта людьми, между которыми не существовало бы никакихъ сношеній, мы соприкасались бы между собою случайно, не будучи связаны ни въ какомъ отношеніи, каждый оставался бы изолированнымъ среди другихъ и заботился бы только о самомъ себѣ; наше мышленіе не могло бы развиваться; мы умирали бы не сознавъ жизни; все счастіе наше заключалось бы только

въ томъ, что мы не уразумѣвали бы нашего убожества; чувство добра было бы невѣдомо нашему сердцу поступки наши были бы лишены всякой нравственной цѣны и мы не испытали бы никогда самого сладкаго изъ чувствъ — любви къ истинѣ". Только въ обществѣ съ себѣ подобными развивается мысль человѣка и только въ обществѣ человѣкъ возвышается до сознанія своихъ обязанностей къ Богу, и къ ближнему, только въ обществѣ, онъ вооружается тѣмъ мѣриломъ, который научаетъ его отличать добро отъ зла.

с. *Государственное состояніе, соединяющее выгоды естественнаго состоянія съ преимуществами общественнаго состоянія.*

Но если только въ обществѣ человѣкъ дѣлается способнымъ къ нравственному усовершенствованію, то въ обществѣ же онъ, какъ мы знаемъ, заразился всѣми тѣми порочными наклонностями, которыя исказили чистый образъ человѣка, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ природы.

Если бы эти наклонности были неотразимыми спутниками жизни человѣка въ обществѣ, то человѣчеству ничего другого бы не оставалось, какъ добродѣтель отдѣльнаго человѣка покупать цѣною нравственной испорченности всего общества. Но исторія неравенства между людьми показываетъ, что эти порочныя наклонности вовсе не кроятся въ природѣ человѣка, а являются лишь послѣдствіями ненормальныхъ общественныхъ условій, не природою уготовленныхъ, а искусственно созданныхъ людьми. „Гоббсъ не заблуждался", говоритъ Руссо „утверждая, что между людьми независимыми, вступившими въ общеніе другъ съ другомъ, господствовала война всѣхъ противъ всѣхъ; ошибка его заключалась въ томъ, что онъ эту войну всѣхъ противъ всѣхъ признавалъ присущей человѣческой природѣ и что онъ видѣлъ въ ней причину человѣческихъ пороковъ, между тѣмъ, какъ она является лишь ихъ послѣдствіемъ". Подводя въ предисловіи къ комедіи „Нарциссъ" итогъ своимъ нападкамъ на современный общественный строй, Руссо говоритъ: „Я знаю, что все это уже не разъ было сказано философами, но все это они только возглашали, я же это доказываю; они только указывали на зло, я же обнаружилъ его причины и раскрылъ очень утѣшительную и полезную истину, а именно ту, что *всѣ эти пороки не присущи человѣку какъ таковому, а человѣку, извращенному дурнымъ правительствомъ*". „Прежде чѣмъ были придуманы эти страшныя слова, научившія людей отличать мое отъ твоего" говоритъ Руссо въ другомъ мѣстѣ „прежде чѣмъ существовала та порода грубыхъ и жестокихъ людей, которыхъ называютъ господами и та другая порода подлыхъ трусовъ и лжецовъ, которыхъ называютъ рабами, прежде чѣмъ находились тѣ презрѣнные люди, у которыхъ хватаетъ духа жить въ изобиліи благъ земныхъ, между тѣмъ, какъ другіе умираютъ съ голоду, прежде чѣмъ взаимная зависимость сдѣлала ихъ плутами, завистниками и мошенниками, прежде чѣмъ накопилось все это зло, я желалъ бы знать, въ чемъ могли заключаться тѣ пороки, тѣ преступленія, которые съ такимъ паѳосомъ приписываютъ людямъ".

Если съ одной стороны человѣкъ не можетъ да и не долженъ вернуться къ естественному состоянію, которое исключаетъ для него возможность нравственнаго усовершенствованія и если съ другой стороны онъ хочетъ избѣгнуть той зависимости, которая въ общественномъ состояніи является причиною порочныхъ наклонностей и соціальныхъ бѣдствій, то ему ничего другого не остается, какъ создать искусствен-

ный союзъ—государство — который соединилъ бы преимущества естественнаго состоянія съ выгодами общественнаго состоянія, другими словами, въ которомъ люди, съ одной стороны, были бы свободны и равны, какъ въ естественномъ состояніи, т.-е. подчинялись бы не людямъ а законамъ, и въ которомъ, съ другой стороны, подчиненіе не было бы слѣпымъ подчиненіемъ, какъ въ естественномъ состояніи, а являлось бы, какъ въ общественномъ состояніи, повиновеніемъ мыслящаго человѣка, уразумѣвшаго свое отношеніе къ цѣлому и сознательно подчиняющаго свою частную волю волѣ общей. „Существуетъ", говоритъ Руссо, два рода зависимости: „зависимость отъ природы (celle des choses, qui est de la nature) и зависимость отъ людей (celle des hommes, qui est de la société). Зависимость отъ природы не нарушаетъ свободы и не порождаетъ пороковъ, зависимость же отъ людей, будучи безпорядочной, порождаетъ ихъ всѣ и ею взаимно извращаются рабъ и господинъ. Если существуетъ средство избѣгнуть этого зла въ обществѣ, то оно можетъ заключаться только въ томъ, чтобы *замѣнить зависимость человѣка отъ человѣка зависимостью человѣка отъ закона* и вооружить общія воли силой, превосходящей противодѣйствіе всякой частной воли. Если бы законы народовъ, могли, подобно законамъ природы обладать такой незыблемостью, что ни одна человѣческая сила не могла бы сокрушить ихъ, то зависимость отъ людей стала бы зависимостью отъ природы, выгоды гражданскаго состоянія въ государствѣ присоединились бы къ преимуществамъ естественнаго состоянія; и къ свободѣ, которая дѣлаетъ человѣка недоступнымъ порокамъ, присоединилась бы нравственность, которая возвышаетъ человѣка до добродѣтели".

Задача наилучшаго государственнаго устройства сводится, такимъ образомъ, къ тому, чтобы создать такой общественный союзъ, въ которомъ люди подчинялись бы не людямъ, а законамъ, и въ которомъ эти законы, какъ предписанія общей воли, обладали бы по отношенію къ частнымъ волямъ всею незыблемостью и несокрушимостью законовъ природы.

Основаніемъ такого государства, въ которомъ человѣкъ остается независимымъ отъ человѣка и подчиняется только закону, общей волѣ, можетъ быть лишь свободное соглашеніе всѣхъ со всѣми, другими словами, общественной договоръ, въ силу котораго всякій, входящій добровольно въ союзъ, отказывается отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу цѣлаго, и въ замѣно этого отказа преобрѣтаетъ какъ членъ этого цѣлаго, равноправный со всѣми остальными, власть надъ каждымъ и защиту и охрану всего того, что ему принадлежитъ. Всѣ въ этомъ союзѣ въ одинаковой степени подчинены, ибо всѣ повинуются общей волѣ, и всѣ въ одинаковой степени властвуютъ, ибо всѣ въ равной степени принимаютъ участіе въ образованіи этой общей воли.

§ 57. **Ученье Руссо о верховной власти.**

а. *Опредѣленіе верховной власти.*

Если въ государствѣ должны господствовать не люди а законы, а законы не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ предписаніями общей воли, то это общая воля и есть господствующая въ государствѣ воля; она и есть другими словами верховная власть—суверенитетъ.

„Какъ природа" говоритъ Руссо „даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ своими членами, такъ и общественный договоръ

даетъ политическому тѣлу абсолютную власть надъ своими членами, и *эту абсолютную власть политическаго тѣла направляемую общей волей, я и называю суверенитетомъ*". Верховная власть, по Руссо, есть такимъ образомъ сила государства, какъ цѣлаго, направляемая общей волей. Общая воля безъ этой силы не есть государственная власть, точно также какъ и эта сила, не направляемая общей волей, не есть государственная власть. Сила неотдѣлима отъ воли и ошибаются тѣ политики, которые раздѣляютъ суверенитетъ на силу и на волю, на законодательную власть и власть исполнительную. Заблужденіе этихъ писателей заключается въ томъ, что они принимаютъ за части суверенитета то, что является лишь его проявленіями. Какъ дѣйствія человѣка, суть проявленія его, какъ единаго существа, хотя и имѣютъ различныя причины, такъ и акты государства суть проявленія политическаго цѣлаго, какъ единства, хотя приводятся въ движеніе различными факторами. „Всякій свободный актъ", говоритъ Руссо, имѣетъ двѣ производящія его причины, одну—нравственную, а именно—волю, которая опредѣляетъ актъ, другую—физическую, а именно силу, которая приводитъ его въ исполненіе. Паралитикъ, который хотѣлъ бы пуститься въ бѣгъ, и ловкій человѣкъ, который не захотѣлъ бы этого, оба они не сдвинутся съ мѣста. Политическое тѣло имѣетъ такіе же двигатели: мы различаемъ въ немъ силу и волю, послѣднюю называемъ законодательной властью, первую—исполнительной. Безъ ихъ совмѣстнаго дѣйствія въ государствѣ ничего не творится или ничего не должно твориться". Верховная власть, какъ сила государства, направляемая одною волею, едина и нераздѣльна, но проявленія ея различны и тѣ акты этой власти, которыми государство выражаетъ свою волю, являются актами законодательной власти и называются законами, а тѣ акты, которыми эта власть настаиваетъ на исполненіи этихъ законовъ и примѣняетъ ихъ къ жизни, являются актами правительственной власти и называются административными распоряженіями.

Различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ имѣетъ въ ученьи Руссо важное значеніе и мы должны на немъ остановиться подробнѣе.

b. *Различные акты верховной власти, законы и административныя распоряженія.*

Законы, по опредѣленію Руссо, суть предписанія общей воли о предметахъ общаго интереса, административныя же распоряженія ничто иное какъ примѣненія этихъ предписаній къ отдѣльнымъ лицамъ и къ конкретнымъ случаямъ. „Акты суверена", говоритъ Руссо, „могутъ быть только актами общей воли, законами; далѣе должны быть акты, опредѣляющіе; актъ силы или правительства для исполненія этихъ законовъ и эти акты, наоборотъ, могутъ касаться только индивидуальныхъ предметовъ Такъ, напримѣръ, актъ, въ силу котораго суверенъ постановляетъ, что будетъ избранъ глава правительства есть законъ, актъ-же, въ силу котораго этотъ глава правительства избирается во исполненіе закона, есть только актъ правительства. Руссо, объясняя въ „Общественномъ Договорѣ" актъ, въ силу котораго учреждается правительство, говоритъ, что это сложный актъ, слагающійся изъ двухъ другихъ, а именно: изъ закона и изъ :его исполненія. Первымъ суверенъ постановляетъ, что будетъ правительство устроенное въ такой-то и такой-то формѣ и ясно, что этотъ актъ—законъ. Вторымъ народъ назначаетъ вождей, которымъ

поручается учрежденное правительство. Это назначеніе, будучи частнымъ актомъ, не есть второй законъ, а только послѣдствіе перваго и функція правительства. Предписанія суверена объ индивидуальномъ предметѣ, говоритъ Руссо въ другомъ мѣстѣ, не законъ, а декретъ, не актъ суверенитета, а актъ правительства. Когда аѳинскій народъ, напримѣръ, назначалъ или отставлялъ своихъ правителей, награждалъ почестями однихъ, налагалъ наказанія на другихъ и множествомъ частныхъ декретовъ отправлялъ безразлично всѣ функціи правительства тогда народъ, строго говоря, не выражалъ общей воли, онъ дѣйствовалъ не какъ суверенъ, а какъ правитель". Различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ (декретомъ) опредѣляется такимъ образомъ по Руссо не тѣмъ, отъ кого они исходятъ, а тѣмъ, что онъ содержитъ, разъ государственный актъ касается не предмета общаго интереса, а имѣетъ въ виду извѣстный фактъ, конкретный случай, отдѣльныхъ лицъ это будетъ не законъ, а правительственное распоряженіе, безразлично отъ кого бы онъ ни исходилъ, отъ суверена-ли законодателя, или отъ правительства. Актъ, которымъ избираются правители, акты, въ силу которыхъ даруется помилованіе преступникамъ, и. т. п. могутъ исходить только отъ суверена; но, исходя отъ суверена законодателя они этимъ самымъ же становятся законами, а касаясь извѣстныхъ лицъ, являются ничѣмъ инымъ какъ декретами.

Но если правительственныя распоряженія не всегда исходятъ отъ правительства, а могутъ исходить и отъ суверена-законодателя, то законы никогда не могутъ исходить отъ правительства, а всегда должны быть непосредственными предписаніями народа суверена.

Этотъ основной тезисъ Руссо получитъ свое обоснованіе въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

*c. Законодательная власть.*

Законъ можетъ быть только предписаніемъ общей воли о предметахъ общаго интереса т. е. исходить отъ народа, какъ цѣлаго и касаться народа, какъ цѣлаго: въ этомъ и заключается гарантія его справедливости и безпристрастія, а слѣдовательно и его прочности и устойчивости.

„Только общая воля" говоритъ Руссо, „можетъ направлять силы государства согласно той цѣли, ради которой учреждено государство т.-е. согласно общему благу: ибо если противоположность интересовъ сдѣлало необходимымъ учрежденіе общественныхъ союзовъ, то только общность интересовъ сдѣлало это учрежденіе возможнымъ. То, что есть общаго въ различныхъ интересахъ людей, только оно и образуетъ собою начало, связывающее людей въ общество; и если бы не было этой общности, не существовало бы и самого общества. И этотъ общій интересъ и долженъ быть исключительнымъ началомъ, согласно которому общество должно быть управляемо. Вотъ почему не частная, а только общая воля можетъ служить источникомъ закона; первая, естественно стремится къ частному интересу, между тѣмъ какъ вторая, по самой природѣ своей, можетъ хотѣть только общій интересъ. Законъ, исходя отъ всѣхъ и касаясь всѣхъ, не можетъ нарушать интересовъ того или другого члена, ибо онъ этихъ индивидуальныхъ интересовъ не касается, а опредѣляетъ только такіе интересы, которые общи всѣмъ; а эти общіе интересы не могутъ быть нарушены общей волей: цѣлое, судя объ интересахъ цѣлаго, не можетъ

очевидно, нарушать ихъ, ибо это значило бы нарушать свои собственные интересы, т.-е. творить зло самому себѣ. Если законъ для того чтобы быть справедливымъ можетъ быть только предписаніемъ общей воли о предметахъ общей воли, то онъ можетъ исходить только отъ народа въ цѣломъ, другими словами, законодательная власть можетъ принадлежать никому иному, какъ народу въ цѣломъ. Народъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ никому передать ее не можетъ, ибо власть не въ рукахъ цѣлаго перестаетъ быть общей волей, а дѣлается волей частной. „Законъ", говоритъ Руссо, „который не утвержденъ самимъ народомъ, ничтоженъ, это не законъ. Англійскій народъ думаетъ, что онъ свободенъ, онъ очень ошибается, онъ свободенъ только въ теченіи того времени, когда избираетъ депутатовъ въ парламентъ; какъ только они избраны—онъ становится рабомъ, онъ обращается въ ничто".

d. *Правительственная власть.*

Издатели законовъ, которые включаютъ въ себѣ лишь общія отвлеченныя правила и которыя касаются лишь предметовъ общаго интереса, не могутъ очевидно исчерпывать дѣятельность верховной власти. Законы должны быть примѣняемы къ индивидуальнымъ отношеніямъ, къ отдѣльнымъ случаямъ, къ отдѣльнымъ людямъ, къ конкретнымъ фактамъ. Отсюда возникаетъ потребность въ особомъ органѣ, который примѣнялъ бы общія правила, заключающіяся въ законѣ, къ отдѣльнымъ случаямъ, который, другими словами, издавалъ бы административныя распоряженія декреты. Этотъ подзаконный, подчиненный суверену органъ, призванный примѣнять общую волю закона къ отдѣльнымъ случаямъ и отношеніямъ, и есть правительство.

„Что такое правительство? Это", отвѣчаетъ Руссо, посредствующій органъ установленный между сувереномъ и подданными для ихъ взаимныхъ отношеній, органъ, на котораго возлагается исполненіе законовъ и поддержаніе гражданской и политической свободы". Это учрежденіе, чтобы мочь отправлять возложенныя на него функціи, должно имѣть свою организацію, которая связывала бы его членовъ въ одно цѣлое, сознающее свое особое существованіе и способное дѣйствовать, какъ одно политическое тѣло, эта организація предполагаетъ существованіе собраній, совѣтовъ. надѣленныхъ правомъ обсужденія и рѣшенія и извѣстными почестями и отличіями.

Эта организація дается правительству законами, которые, какъ всякіе законы, исходятъ отъ народа-суверена. Но этотъ народъ-суверенъ не только законами устанавливаетъ форму правительства, но и административными распоряженіями опредѣляетъ личный составъ правительства.

Различіемъ той организаціи, которую народъ суверенъ дастъ правительству обусловливается различіе между образами правленія. „Суверенъ можетъ, во-первыхъ, поручить правительство всему народу или большинству, такъ что лицъ, отправляющихъ правительственныя должности больше, чѣмъ простыхъ гражданъ. Эта форма правительства называется демократіей. Или же онъ можетъ передать правительство въ руки немногихъ, такъ что простыхъ гражданъ больше, чѣмъ должностныхъ лицъ; и эта форма носитъ названіе аристократіи. Наконецъ, онъ можетъ сосредоточить правительство въ рукахъ одного должностнаго лица, отъ котораго всѣ остальные заимствуютъ свою власть. Эта

третья форма самая обыденная она называется монархіей или королевскимъ правительствомъ.

Но какую бы форму народъ суверенъ не давалъ правительству, природа его отъ этого не мѣняется: оно не перестаетъ быть подчиненнымъ, подзаконнымъ учрежденіемъ, призваннымъ исполнять законъ и только законъ, другими словами волю народа суверена.

е. *Подчиненіе правительственной власти, какъ подзаконной власти законодательной, какъ верховной.*

Народъ-суверенъ, учреждая правительство, поручаетъ ему извѣстныя подчиненныя функціи, но никоимъ образомъ не отчуждаетъ ему части своего суверенитета: суверенитетъ единъ и нераздѣленъ, его нельзя расчленять, не разрушая его. Самое существенное различіе между суверономъ-законодателемъ и правителемъ заключается поэтому въ томъ, что суверенъ существуетъ самъ по себѣ (въ силу самостоятельнаго права, въ силу самаго общественнаго договора), а правитель лишь въ силу соизволенія суверена: онъ имѣетъ лишь подчиненное и заимствованное бытіе правитель не имѣетъ или не долженъ имѣть своей воли, онъ долженъ хотѣть только общую волю, законъ; онъ не имѣетъ и своей власти: его сила есть лишь сила общественная, въ немъ сосредоточенная. „Если бы случилось“ говоритъ Руссо, „что правитель имѣлъ бы частную волю, болѣе дѣятельную, чѣмъ воля суверена и если бы для того, чтобы заставить повиноваться этой своей частной воли, онъ воспользовался бы общественной силой, которая въ его рукахъ, такъ что существовало бы два суверена — одинъ по праву, другой фактически, то общественная связь немедленно исчезла бы и политическое тѣло распалась бы“. Подводя итогъ своимъ разсужденіямъ объ учрежденіи и природѣ правительства, Руссо выставляетъ слѣдующій рядъ тезисовъ, рѣзко подчеркивающихъ его взглядъ на подчиненность правительственной власти, власти законодателя. „Учрежденіе правительства не договоръ, а законъ; носители исполнительной власти не господа, властвующіе надъ народомъ а ничто иное, какъ его слуги; онъ можетъ ихъ назначать и отставлять когда ему заблагоразсудится; ихъ дѣло не договариваться, а лишь повиноваться; принимая на себя функціи, которыя налагаетъ на нихъ государство, они лишь исполняютъ обязанности гражданъ, отнюдь не имѣя права спорить объ условіяхъ, на которыхъ на нихъ возлагаются эти обязанности. Когда поэтому народъ учреждаетъ наслѣдственное правительство или монархическое въ извѣстномъ семействѣ, или аристократическое въ извѣстномъ классѣ гражданъ, то онъ не беретъ на себя никакого обязательства, а даетъ правительству временную форму, которая сохраняетъ свою силу до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ угодно дать ему другую форму“.

f. *Правительственная дѣятельность за исключеніемъ немногихъ административныхъ актовъ, не должна входить въ сферу непосредственной дѣятельности суверена.*

Народъ суверенъ обладаетъ всей полнотой верховной власти, по самой природѣ своей неотчуждаемой, неограниченной и нераздѣльной, но онъ не можетъ и не долженъ осуществлять непосредственно всѣ функціи этой власти. Если законодательная дѣятельность, какъ непосредственное проявленіе верховенства, не можетъ быть поручена подзаконнымъ органамъ, а должна исходить отъ народа суверена, то правительственная дѣятельность, какъ подзаконная и подчиненная можетъ и

должна быть поручена суверенъ подчиненнымъ ему органомъ. Въ сферу непосредственной дѣятельности суверена входятъ лишь тѣ правительственные акты, которые законами урегулированы быть не могутъ и которые, не будучи законами, т. е. общими правилами, вмѣстѣ съ тѣмъ не являются простымъ исполненіемъ законовъ, а представляютъ собою свободные, не связанные распоряженія суверена: сюда относятся избраніе правителей. привлеченіе ихъ къ отвѣтственности, лишеніе ихъ правительственныхъ полномочій, помилованіе преступниковъ, созваніе чрезвычайныхъ законодательныхъ собраній. Всѣ же остальные правительственные акты, которые законами предусмотрѣны, и которые являются ничѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ общихъ правилъ къ отдѣльнымъ случаямъ, могутъ и должны быть предоставлены суверенъ подчиненнымъ органамъ. И это порученіе подзаконныхъ правительственныхъ функцій подчиненнымъ органамъ и является въ глазахъ Руссо одной изъ существенныхъ гарантій господства въ государствѣ закона, какъ предписанія общей воли о предметахъ общаго интереса. Чѣмъ болѣе суверенъ будетъ предписывать лишь общими правилами, имѣющими въ виду общіе интересы, и чѣмъ менѣе онъ будетъ отвлекаться правительственными дѣлами, направляющими его вниманіе на индивидуальныя отношенія и частные интересы, тѣмъ болѣе онъ будетъ стоять на стражѣ общаго интереса и тѣмъ менѣе онъ будетъ доступенъ соблазну частные интересы предпочитать общимъ. „Тотъ, кто творитъ законъ“, говоритъ Руссо, „знаетъ лучше всякаго другого, какъ онъ долженъ быть исполненъ и истолкованъ. Казалось бы поэтому, что наилучшимъ государственнымъ устройствомъ должно быть то, въ которомъ законодательная власть не отдѣлена отъ правительственной; между тѣмъ это соединеніе и обусловливаетъ собою главный недостатокъ этого государственнаго устройства, ибо тутъ не различается то, что должно быть различено: правитель и суверенъ, сливаясь въ одномъ лицѣ, образуютъ такъ сказать правительство безъ правительства. *Нехорошо, чтобы тотъ, кто творитъ законъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнялъ бы его* и чтобы народъ отвлекалъ свое вниманіе отъ общихъ соображеній, чтобы направлять его на частные предметы. Нѣтъ въ общественныхъ дѣлахъ ничего опаснѣе вліянія частныхъ интересовъ и злоупотребленіе правительствомъ законами есть меньшее зло, чѣмъ то развращеніе законодателя, которое является неотразимымъ послѣдствіемъ подчиненія этого законодателя соображеніямъ частного интереса“. Такимъ образомъ, первый доводъ Руссо въ пользу того, чтобы правительственныя дѣла не входили въ сферу непосредственной дѣятельности суверена заключается въ томъ, что занятіе такими дѣлами сдвинетъ суверена съ той высоты, на которой онъ долженъ стоять, какъ стражъ общихъ интересовъ, и перенесетъ его въ низменную сферу частныхъ интересовъ и мелкихъ соображеній, которыя лишатъ его безпристрастія и объективности, являющихся главными условіями справедливости исходящихъ отъ него законовъ.

Выдѣленіе правительственныхъ дѣлъ изъ компетенціи законодателя и порученіе ихъ подчиненному органу являются въ глазахъ Руссо кромѣ того и главной гарантіей закономѣрности управленія. Для того, чтобѣ правительственные акты были строго подчинены законамъ, необходимо чтобы было между ними ясное формальное различіе; только тамъ, гдѣ законъ рѣзко по формѣ отличается отъ правительственнаго акта, только

тамъ и возможно проведеніе требованія, чтобы эти акты были согласны съ закономъ, тамъ же, гдѣ этого различія не существуетъ и правительственный актъ сливается съ законодательнымъ, тамъ правительственному произволу открытъ широкій просторъ. „Если бы было возможно“, говоритъ Руссо, „чтобы суверенъ, какъ таковой, имѣлъ и исполнительную власть, то право и фактъ до такой степени сливались бы, что нельзя было бы распознать, что законъ и что имъ не является и политическое тѣло, такимъ путемъ извращенное сдѣлалось бы скоро добычей произвола, т.-е. того зла, ради устраненія котораго оно было создано [1]).

Выдѣленіе правительственныхъ актовъ изъ сферы непосредственной дѣятельности народа суверена необходимо наконецъ и потому, что только подъ этимъ условіемъ правительственная дѣятельность можетъ быть сосредоточена въ рукахъ немногихъ. Если законодательная власть можетъ находиться лишь въ рукахъ всего народа и только этотъ народъ въ цѣломъ можетъ быть истолкователемъ общей воли, то исполнительная власть наоборотъ въ рукахъ этого народа, какъ сложнаго и тяжелаго на подъемъ цѣлаго, можетъ лишь утратить необходимую ей энергію и силу. Правительство тѣмъ сильнѣе и энергичнѣе чѣмъ болѣе оно сосредоточено въ рукахъ не многихъ, это же сосредоточеніе осуществимо лишь тамъ, гдѣ правительственные акты изъяты изъ сферы непосредственной дѣятельности народа суверена и предоставлены особому органу.

*g. Отношеніе правительственной власти къ народу, какъ совокупности подданныхъ, съ одной стороны, и къ народу, какъ суверену,—съ другой.*

Если правительство съ одной стороны должно обладать достаточной принудительной силой, чтобы имѣть возможность настаивать на безропотномъ и безусловномъ исполненіи воли суверена, то съ другой оно не должно быть вооружено самостоятельной властью, способной противодѣйствовать этой воли. Правительство должно быть сильно, чтобы имѣть возможность исполнять законы, но оно должно быть безвластно его нарушить; другими словами, оно должно подчинять себѣ народъ, какъ совокупность гражданъ и подчиняться этому народу какъ суверену.

Чѣмъ поэтому въ государствѣ частная воля болѣе склонна реагировать противъ общей воли, тѣмъ правительство должно быть сильнѣе, чтобы противодѣйствовать этой частной воли. Частныя же воли тѣмъ болѣе склонны противодѣйствовать общей воли, чѣмъ меньше они принимаютъ участіе въ ея образованіи. Участіе же отдѣльныхъ лицъ въ образованіи общей воли тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше государство; отсюда необходимый выводъ, что чѣмъ государство больше, тѣмъ правительство должно быть сильнѣе, т.-е. сосредоточеннѣе. А если это такъ, то монархическій образъ правленія приличествуетъ большимъ государствамъ, аристократическій—среднимъ, а демократическій—малымъ.

Но чѣмъ правительство сильнѣе, чѣмъ болѣе оно сосредоточивается въ рукахъ немногихъ, тѣмъ тенденція, присущая всякому правительству, подчинять общій интересъ своимъ интересамъ,—проявляется рѣзче. Самое сильное правительство—монархическое, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и то, въ которомъ правитель всего болѣе склоненъ злоупотреблять своей силой ради своихъ личныхъ интересовъ. Всего слабѣе, наоборотъ, эта

тенденція сказывается въ государствѣ, въ которомъ правительство обнимаетъ наибольшее число правителей, т.-е. въ демократіи. Но недостатокъ этого образа правленія, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что правительство, обнимая большинство гражданъ, лишено той энергіи, которая необходима для подчиненія частной воли—воли общей. Съ этой точки зрѣнія аристократическая форма правленія является наилучшей: въ ней правительство, съ одной стороны, не столь сосредоточено, какъ въ монархіи и поэтому и менѣе склонно подчинить интересъ цѣлаго интересамъ правителей, съ другой—не столь многочисленно какъ въ демократіи и поэтому болѣе энергично, а слѣдовательно и болѣе способно сламывать противодѣйствіе частныхъ воль воли общей.

Какой бы мы, однако, образъ правленія ни взяли, вездѣ сказывается тенденція правительства злоупотреблять общественной силой въ своихъ интересахъ, вся разница заключается лишь въ томъ, что при одной формѣ правленія эта тенденція сказывается сильнѣе, при другой—слабѣе.

Если каждому правительству присуща тенденція подчинять своимъ интересамъ — интересы цѣлаго, то каждому правительству должно быть свойственно и стремленіе ради достиженія этой цѣли усиливаться, другими словами, сосредоточиваться, т.-е. сокращаться въ своей численности, и, въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли—демократіи присуще естественное стремленіе перейти въ аристократію, а аристократіи—въ монархію.

Но если при всякомъ образѣ правленія, правительство стремится злоупотреблять своею властью и подчинять общую волю своей частной волѣ, то нѣтъ иного средства противодѣйствовать этому злу, какъ противупоставлять силѣ правительства силу суверена, его способность держать правительство въ безусловномъ отъ себя подчиненіи. Чѣмъ сильнѣе правительство, тѣмъ, въ свою очередь, суверенъ долженъ обладать большей силою, чтобы сдерживать правительство. Суверенъ же тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще онъ выступаетъ передъ правительствомъ, и чѣмъ онъ болѣе даетъ правителямъ чувствовать ихъ зависимость отъ общей воли. Государство это существуетъ не столько наличностью законовъ, сколько наличностью законодательной власти, какъ источникомъ этихъ законовъ. У этого источника законы должны черпать свою жизненную силу и чѣмъ этотъ источникъ бьетъ неудержимѣе и непрерывнѣе, тѣмъ энергичнѣе проявляется жизненное начало государства и тѣмъ всякая попытка правительства противупоставлять свою волю волѣ суверена безсильнѣе и безплоднѣе. „Недостаточно, говоритъ Руссо, чтобы народъ разъ навсегда установилъ государственное устройство, утвердивъ извѣстную систему законовъ недостаточно, чтобы онъ учредилъ постоянное правительство и чтобы онъ разъ навсегда принялъ мѣры для избранія должностныхъ лицъ. Кромѣ чрезвычайныхъ собраній, которые могутъ быть вызваны непредвидѣнными случаями, должны существовать разъ навсегда установленныя періодическія собранія, которыхъ никто и ничто не можетъ, отмѣнить ни отсрочить, такъ чтобы народъ въ опредѣленный день былъ собранъ въ силу закона и чтобы для этого не требовалось никакого спеціальнаго формальнаго созыва. И чѣмъ такія собранія будутъ чаще, тѣмъ болѣе народъ будетъ держать правителей въ своемъ повиновеніи и тѣмъ чаще онъ будетъ напоминать этимъ своимъ слугамъ, что они зависятъ отъ его воли и что всякое ихъ ослушаніе велѣніямъ суверена повлечетъ за собою смѣну правительства. „При открытіи каждаго такого періодическаго собранія должны быть

поставлены на очередь два вопроса и притомъ такъ, чтобы никогда нельзя было обойти ихъ обсужденіе, и чтобы каждый изъ нихъ подвергались голосованію въ отдѣльности. Первый вопросъ: угодно-ли суверену сохранить существующую форму правленія? Второй вопросъ: угодно-ли народу оставить правительство въ рукахъ тѣхъ, которые имъ въ данное время облечены".

Когда народъ легально собранъ и суверенъ, такимъ образомъ, на лицо, всякая дѣятельность правительства прекращается и исполнительная власть временно упраздняется. Голосъ народа — голосъ Бога на землѣ, и когда онъ раздается все въ молчаніи передъ этимъ преклоняется.

§ 58. **Исходные тезисы политическаго ученія Монтескье о раздѣленіи и равновѣсіи властей.**

а) *Воззрѣніе Монтескье на политическую свободу.*

Отправная точка ученія Монтескье о государственномъ устройствѣ, всего лучше гарантирующемъ политическую свободу, совершенно иная сравнительно съ той, отъ которой исходитъ Руссо, въ своемъ „Общественномъ Договорѣ". По воззрѣнію Руссо свобода заключается въ независимости отъ частной воли и въ исключительномъ подчиненіи ея общей воли, другими словами, въ подчиненіи гражданина лишь тѣмъ законамъ, въ установленіи которыхъ онъ самъ участвовалъ. Эта свобода возможна поэтому только въ государствѣ, въ которомъ верховная власть принадлежитъ народу. Свобода же, какъ ея понимаетъ Монтескье, не требуетъ народовластія: она осуществима въ любомъ государствѣ, въ которомъ подданному гарантирована безопасность отъ произвола. „Обыкновенно" говоритъ Монтескье „свободу считаютъ связанной съ республиканскимъ образомъ правленія и думаютъ, что она неосуществима въ монархіи. Такое воззрѣніе объясняется ложнымъ пониманіемъ свободы". „Въ демократіяхъ народъ дѣйствительно, повидимому, дѣлаетъ все, что онъ хочетъ, но свобода политическая вовсе не заключается въ возможности дѣлать то, что хочешь... Свобода есть право дѣлать все, что дозволяется законами, и если бы гражданинъ имѣлъ право дѣлать то, что они запрещаютъ, то не существовало бы свободы, такъ какъ и остальные имѣли бы такое же право". „Политическая свобода гражданина, по опредѣленію Монтескье, есть то спокойствіе духа, которое вытекаетъ изъ увѣренности каждаго въ своей безопасности и, для того чтобы пользоваться такой свободой, необходимо, чтобы правительство было устроено такъ, чтобы одинъ гражданинъ не боялся другаго". Политическая свобода по Монтескье есть, такимъ образомъ, ничто иное, какъ личная безопасность отъ произвола и задача наилучшаго государственнаго устройства заключается въ томъ, чтобы создать по возможности надежныя гарантіи противъ произвола, откуда бы онъ ни исходилъ. Эти гарантіи осуществимѣе въ монархіи, чѣмъ въ народовластіяхъ. Въ республикахъ Италіи, по словамъ Монтескье, свобода менѣе обезпечена, чѣмъ въ современной ему монархіи. „Демократія и аристократія не являются вовсе свободными государствами по самой своей природѣ. Политическая свобода возможна только въ умѣренныхъ правленіяхъ. Но она не встрѣчается во всѣхъ умѣренныхъ государствахъ, а лишь въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ не злоупотребляютъ властью. Но опытъ вѣковъ учитъ насъ, что всякій человѣкъ, облеченный властью, склоненъ злоупотреблять ее, и она идетъ въ этомъ направленіи до тѣхъ

поръ, пока не встрѣчаетъ предѣлъ. *Чтобы предупредить злоупотребленіе властью, необходимо установить такой порядокъ вещей, при которомъ одна власть сдерживала бы другую.*

b) *Равновѣсіе властей, какъ условіе политической свободы.*

Свобода, какъ ее понимаетъ Монтескье, заключается въ безопасности отъ произвола. Произволъ же этотъ будетъ предупрежденъ въ томъ государствѣ, въ которомъ носители власти не будутъ имѣть возможность злоупотреблять этой властью, они же не будутъ имѣть этой возможности тамъ, гдѣ власть одного будетъ находить себѣ предѣлъ во власти другого. Первое условіе политической свободы — распредѣленіе власти между различными органами и притомъ такое, при которомъ предѣлы власти одного органа служатъ границами власти другого и эти власти различныхъ органовъ другъ друга сдерживаютъ и умѣряютъ.

Для того чтобы власти государственныхъ органовъ сдерживали и умѣряли другъ друга, необходимо, чтобы эти власти 1) были бы равносильны, 2) разнородны.

1. Государственныя власти, должны быть прежде всего равносильны. Власть, которая сильнѣе другой власти, не можетъ въ этой послѣдней найти себѣ сдерживающій факторъ; она естественно пересилитъ ее и подчинитъ ее себѣ. Органы, между которыми распредѣлены функціи власти, будутъ умѣрять другъ друга лишь тогда, когда каждый изъ нихъ будетъ надѣленъ одинаковой мѣрою власти. Для того, чтобы одна власть сдерживала другую, необходимо не только распредѣленіе властей между различными органами, необходимо и ихъ равновѣсіе. „Въ Римѣ", говоритъ Монтескье, народъ, вооруженный большей частью законодательной власти, частью исполнительной и частью судебной, имѣлъ большую власть, которую нужно было уравновѣсить другой Сенатъ, правда, имѣлъ часть исполнительной власти, обладалъ отраслью законодательной власти, но эта власть Сената не была достаточной для того, чтобы служить противовѣсомъ власти народа.

2. Власти могутъ сдерживать другъ друга лишь подъ условіемъ разнородности своего личнаго состава. Если власть будетъ распредѣлена между различными носителями, но эти носители, будутъ исходить изъ одного и того же общественнаго класса, объединеннаго общими интересами и общими политическими притязаніями, то власти, въ рукахъ этихъ однородныхъ органовъ, не будутъ сдерживать другъ друга а будутъ имѣть естественную тенденцію дѣйствовать солидарно и слиться въ одну власть, которая, не находя себя сдержекъ въ другой власти, естественно станетъ властью неограниченной, а слѣдовательно и произвольной. Въ итальянскихъ аристократіяхъ не господствуетъ азіатскаго деспотизма, благодаря тому, что въ нихъ существуютъ различныя учрежденія, которыя другъ друга умѣряютъ: такъ напр. въ Венеціи одинъ органъ законодательствуетъ, другой правитъ, третій судитъ. „Но зло продолжаетъ Монтескье „заключается здѣсь въ томъ, что эти учрежденія состоятъ изъ должностныхъ лицъ, выходящихъ изъ одноруднаго политическаго сословія, благодаря чему они собственно сливаются въ одну и ту же власть.

§ 59. **Ученіе Монтескье о верховной власти.**

a. *Основныя функціи верховной власти, законодательная, исполнительная и судебная и распредѣленіе ихъ между различными органами.*

Раздѣленіе власти между равносильными и разнородными органами, другъ друга сдерживающими, не можетъ быть произвольнымъ, а должно вытекать изъ самой природы власти, другими словами, власть должна быть раздѣлена не случайно, а сообразно тѣмъ своимъ естественнымъ составнымъ элементамъ, изъ которыхъ она слагается. Этими элементами являются тѣ разнородныя функціи, которыя присущи всей верховной власти и которыя заключаются въ законодательствѣ, исполненіи и судѣ. Въ предупрежденіе соединенія этихъ разнородныхъ функцій въ однихъ рукахъ и въ предоставленіе ихъ разнороднымъ органомъ Монтескье видитъ одну изъ наиболѣе существенныхъ гарантій политической свободы. Недостаточно, чтобы власть была распредѣлена между различными органами, взаимно ограничивающими другъ друга, необходимо также, чтобы функціи были такъ распредѣлены между ними, чтобы родъ власти находящійся въ одномъ органѣ, находилъ бы свое дополненіе въ родѣ власти, предоставленномъ другому, такъ что ни одинъ изъ этихъ органовъ не могъ бы безъ содѣйствія другаго совершать акты, связывающіе и ограничивающіе ихъ свободу. Только подъ этимъ условіемъ власть одного органа будетъ служить сдерживающимъ власть другихъ органовъ факторомъ. Если въ одномъ и томъ же лицѣ или въ одномъ и томъ же учрежденіи соединены власть законодательная и власть исполнительная, то нѣтъ свободы, ибо можно опасаться, что монархъ или сенатъ будутъ издавать тиранические законы, чтобы исполнять ихъ тиранически. Нѣтъ также свободы и тамъ, гдѣ власть судить не отдѣлена отъ властей законодательной и исполнительной. Если бы она была соединена съ властью законодательной, то власть надъ жизнью и свободой гражданъ была бы произвольной, ибо судья былъ бы и законодателемъ. Если бы она была соединена съ исполнительной, то судья имѣлъ бы силу притѣснителя. И все было бы потеряно, еслибы одно и тоже лицо или одна и таже коллегія или правителей, или дворянъ, или народа отправляла бы эти три власти: власть издавать законы, власть исполнять государственныя рѣшенія и власть судить или разрѣшать споры между частными лицами. При распредѣленіи этихъ трехъ властей между различными органами ни одинъ изъ этихъ органовъ власти не можетъ злоупотреблять своей властью, ибо его власть дѣйствительна лишь при содѣйствіи другой власти и въ нихъ находитъ свой предѣлъ. Рѣшенія законодательной власти исполняются не правительственной властью и безъ согласія послѣдней не могутъ найти своего осуществленія; судебная и правительственная власти въ свою очередь не могутъ дѣйствовать произвольно ибо первая примѣняетъ законы установляемые не ею, а другою, независимой отъ ней властью, а вторая дѣйствуетъ въ предѣлахъ и согласно съ правилами, не ею начерченными, а властью законодательной. Законодательная власть находитъ такимъ образомъ свой предѣлъ въ воли правительственной власти, а судебная и исполнительныя власти находятъ свою границу въ воли законодательной власти.

Эти разнородныя функціи не только должны быть распредѣлены между различными органами, но и должны быть предоставлены тѣмъ именно органамъ, которые по своему личному составу и по своей организаціи всего болѣе приноровлены отправлять ихъ. „Исполнительная власть“ говоритъ Монтескье, „должна находится въ рукахъ монарха, ибо эта правительственная функція, которая почти всегда нуждается въ

быстротѣ дѣйствія, лучше отправляется однимъ, чѣмъ многими, между тѣмъ какъ то, что относится къ законодательству, часто лучше дѣлается многими, чѣмъ однимъ. Судебная же власть должна быть отправляема, какъ въ Аѳинахъ, людьми избираемыми изъ среды народа порядкомъ, установленнымъ законами, и образующими коллегію, засѣдающую не постоянно, а по мѣрѣ надобности".

Но кто тѣ многіе, которымъ должна быть предоставлена законодательная власть? На этотъ вопросъ Монтескье отвѣчаетъ слѣдующими соображеніями: такъ какъ въ свободномъ государствѣ всякій человѣкъ, который признается имѣющимъ свободную душу, долженъ управлять самъ собою, то нужно было бы, чтобы народъ въ цѣломъ обладалъ законодательной властью, но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ и сопряжено съ большими неудобствами въ малыхъ, то народъ и долженъ дѣлать черезъ своихъ представителей все то, что онъ не можетъ дѣлать самъ. Нужды своего города знаешь гораздо лучше нуждъ другихъ городовъ и о способностяхъ своихъ сосѣдей судишь лучше, чѣмъ о способностяхъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Не нужно по этому, чтобы члены законодательнаго корпуса были избираемы изъ народа вообще но необходимо, чтобы во всѣхъ главныхъ центрахъ жители избирали своего представителя. Но законодательная власть не можетъ быть предоставлена однимъ только этимъ представителямъ народа. Въ каждомъ государствѣ, говоритъ Монтескье, существуютъ люди, отличные отъ другихъ происхожденіемъ, богатствомъ, почестями, если бы они были слиты съ народомъ и не имѣли среди народа своего особаго голоса общая свобода сдѣлалась бы для нихъ рабствомъ и они не имѣли бы никакого интереса защищать ее, ибо большинство рѣшеній было бы направлено противъ нихъ. Ихъ участіе въ законодательствѣ должно поэтому соразмѣряться съ другими преимуществами, которыми они пользуются въ государствѣ: и это будетъ достигнуто, какъ скоро они образуютъ особое учрежденіе, надѣленное правомъ останавливать рѣшенія народа и соотвѣтствующее такому же праву народнаго представительства. Такимъ образомъ, законодательная власть будетъ довѣрена и палатѣ дворянъ и палатѣ народныхъ представителей и каждая изъ нихъ будетъ имѣть и свои собранія и свои совѣщанія, и свои виды, и свои особые интересы.

Законодательная власть, по Монтескье, будетъ организована цѣлесообразно лишь тогда, когда будетъ поручена двумъ разнороднымъ по своему личному составу учрежденіямъ и настолько равносильнымъ, что рѣшенія одного будутъ имѣть возможность останавливать рѣшенія другаго.

Въ государствѣ, какъ накъ его рисуетъ Монтескье въ 6 гл. XI кл. Духа Законовъ, существуетъ три власти въ смыслѣ фракцій верховной власти: власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная, и четыре власти въ смыслѣ властей органовъ, между которыми эти функціи распредѣляются: власть короля, власть дворянской палаты, власть палаты народныхъ представителей и власть судебной коллегіи.

b. *Взаимныя отношенія органовъ, между которыми распредѣляются основныя функціи верховной власти.*

Изъ четырехъ органовъ, между которыми распредѣляются функціи верховной власти, судебная коллегія не обладаетъ властью, способной служить противовѣсомъ властямъ законодательной и правительственной.

„Судьи," говоритъ Монтескье, „избранные изъ среды народа являются лишь устами, предписывающими слова закона, это неводушевленныя существа, которыя не могутъ умѣрять ни силы, ни суровости закона. „Власть судитъ", говоритъ Монтескье въ другомъ мѣстѣ, которая такъ страшна для людей, не будучи предоставлена извѣстному сословію и не образуя особой профессіи, является такъ сказать властью невидимой и ничтожной. Изъ трехъ властей, о которыхъ мы говорили, продолжаетъ Монтескье, власть судить не есть нѣкоторымъ образомъ власть. Остаются только двѣ и такъ какъ она нуждаются въ регулирующей власти, которая бы ихъ умѣряла, то та часть законодательнаго корпуса, которая состоитъ изъ дворянъ, вполнѣ на это пригодна".

Тѣ три власти, которыя должны сдерживать другъ друга и этимъ предупреждать злоупотребленія властью, являются такимъ образомъ не власти законодательная, исполнительная и судебная, какъ обыкновенно думаютъ, а власть монарха, власть дворянской палаты и власть палаты народныхъ представителей. „Вотъ, такимъ образомъ, заключаетъ Монтескье, основная конституція того правительства, о которомъ мы говорили. Въ ней законодательный корпусъ состоитъ изъ двухъ частей и одна будетъ связывать другую своимъ правомъ отмѣнять рѣшенія другой. И эти обѣ власти въ свою очередь будутъ ограничены властью исполнительной, которая сама будетъ ограничена властью законодательной.

Эти три власти, связывая другъ друга, казалось, не могутъ двигаться и должны находиться въ состояніи покоя или бездѣйствія. Но такъ какъ онѣ должны двигаться въ силу движенія, присущаго природѣ вещей, то они будутъ вынуждены двигаясь, дѣйствовать не иначе, какъ въ согласіи другъ съ другомъ. Нормы, которыя опредѣляютъ отношенія между властями, распадаются поэтому на двѣ категоріи: 1, на нормы, которыя опредѣляя компетенцію органовъ, ограничиваютъ ихъ власть и *обособляютъ ихъ другъ отъ друга* и 2, на такія, которыя, вооружая ихъ правомъ взаимнаго контроля, *согласуютъ и объединяютъ ихъ дѣятельность*. Разсмотримъ каждую изъ этихъ категорій въ отдѣльности.

с. *Нормы, которыя опредѣляютъ компетенцію государственныхъ органовъ, ограничиваютъ ихъ властъ и обособляютъ ихъ другъ отъ друга.*

Обращаясь къ нормамъ, опредѣляющимъ компетенцію государственныхъ органовъ, мы должны прежде всего начать съ тѣхъ изъ нихъ, которыя опредѣляютъ кругъ вѣдомства законодательнаго собранія.

Говоря о сферѣ дѣятельности законодательнаго корпуса мы должны различать кругъ вѣдомства, общій обѣимъ палатамъ, отъ компетенціи предоставленной каждой изъ нихъ.

Обѣ палаты вѣдаютъ: 1, законодательныя дѣла; 2, дѣла верховнаго финансоваго управленія. Въ кругъ вѣдомства законодательнаго корпуса въ цѣломъ другими словами входитъ: изготовленіе новыхъ законовъ, постоянныхъ и издаваемыхъ на время, исправленіе и отмѣна старыхъ, установленіе новыхъ налоговъ и податей и отмѣна старыхъ.

Издавая законы и установляя налоги, законодательная власть не имѣетъ права вмѣшиваться въ управленіе. Она только устанавливаетъ правила для правительственной дѣятельности, но сама отнюдь не правитъ. „Народное представительство", говоритъ Монтескье, не должно быть избираемо для того, чтобы принимать какія-нибудь активныя рѣшенія, что оно не умѣло бы хорошо дѣлать, но для того, чтобы изда-

вать законы". Оно и не имѣетъ права останавливать рѣшенія правительства. „Законодательная власть не должна имѣть права останавливать исполнительную власть, ибо исполненіе, имѣя свои предѣлы, по самой природы своей не нуждается въ ограниченіи".

Что касается до спеціальной конпетенціи дворянской палаты и палаты народныхъ представителей, то необходимо прежде всего напомнить, что каждая изъ нихъ имѣетъ право останавливать рѣшенія другой. Въ области законодательства обѣ палаты имѣютъ одинаковыя права, въ области же финансоваго верховенства народная палата имѣетъ то преимущество, что только она имѣетъ право въ этой сферѣ постановлять рѣшенія, между тѣмъ какъ дворянская палата имѣетъ право лишь останавливать рѣшенія. Съ другой же стороны дворянская палата вооружена широкими правами въ области судебной, которыя въ компетенцію народнаго представительства не входятъ. Дворянской палатѣ во-первыхъ подсудны члены дворянскаго сословія, а во-вторыхъ ей принадлежитъ право въ извѣстныхъ случаяхъ смягчать суровость и строгость законовъ, она, наконецъ, является верховнымъ судилищемъ по нѣкоторымъ политическимъ преступленіямъ.

Обращаясь теперь къ кругу вѣдомства монарха, замѣтимъ прежде всего, что онъ, во-первыхъ, отправляетъ исполнительную власть во всемъ ея объемѣ, во-вторыхъ, принимаетъ участіе въ законодательствѣ.

Монархъ, какъ органъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся полнота исполнительной власти, „заключаетъ миръ и объявляетъ войну, посылаетъ и принимаетъ посланниковъ, поддерживаетъ безопасность, предупреждаетъ вторженіе непріятеля; онъ распоряжается военными силами государства и, какъ охранитель внутренней безопасности, облеченъ принудительной властью. Участіе же его въ законодательной дѣятельности выражается въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, въ правѣ истанавливать его рѣшенія, во-вторыхъ, въ правѣ созывать его.

Праву короля останавливать рѣшенія законодательнаго собранія Монтескье придаетъ большое значеніе, какъ важной гарантіи противъ злоупотребленія властью законодательнымъ корпусомъ. „Если бы исполнительная власть, говоритъ Монтескье, не имѣло право останавливать постановленія законодательнаго корпуса, то этотъ послѣдній сдѣлался бы деспотичнымъ, ибо, имѣя возможность захватить столько власти, сколько бы ему вздумалось, онъ естественно поглотилъ бы всѣ другія власти. Законодательная же власть, наоборотъ, не должна имѣть права останавливать исполнительную власть; исполнительная власть не нуждается въ ограниченіи, ибо она ограничена по самой природѣ своей; кромѣ того она всегда имѣетъ дѣло лишь съ преходящими отношеніями". „Исполнительная власть", говоритъ Монтескье въ другомъ мѣстѣ, „должна принимать участіе въ законодательствѣ своимъ правомъ останавливать рѣшенія законодательнаго собранія, ибо не имѣя этого права, она очень скоро будетъ лишена своихъ прерогативъ. Но она также будетъ уничтожена, если законодательная власть будетъ принимать участіе въ управленіи. Если бы монархъ принималъ участіе въ законодательствѣ правомъ постановлять рѣшенія, то свободы бы не было. Но такъ какъ необходимо, чтобы онъ принималъ участіе въ законодательствѣ для того, чтобы защищать себя, то онъ долженъ участвовать въ немъ своимъ правомъ останавливать рѣшенія законодательнаго корпуса. Исполнительная власть, принимая участіе въ законодательствѣ, этимъ своимъ

правомъ veto, въ самое обсужденіе дѣлъ не входитъ: представляется даже излишнимъ, чтобы она вносила свои предложенія, ибо она всегда можетъ отвергнуть рѣшенія по тѣмъ предложеніямъ, относительно которыхъ она не желала бы, чтобы они были внесены".

Монархъ, въ образцовомъ государствѣ Монтескье, вооруженъ такимъ образомъ широкими полномочіями, которыя обезпечиваютъ ему самостоятельность и свободу дѣйствія въ качествѣ носителя исполнительной власти и даютъ ему право отмѣнять всякое постановленіе законодательнаго корпуса, которое могло бы съузить его власть или стѣснить его дѣятельность. Монархъ въ государствѣ Монтескье является не только носителемъ исполнительной власти, но и факторомъ законодательства, безъ согласія котораго ни одинъ законъ не можетъ получить своего совершенія. Но этого мало: онъ же и регулируетъ дѣятельность законодательнаго собранія: онъ опредѣляетъ продолжительность законодательной сессіи, онъ созываетъ законодательный корпусъ, онъ же его распускаетъ. „Законодательный корпусъ", говоритъ Монтескье, 4 не долженъ собираться собственной властью, ибо корпорація можетъ имѣть волю лишь тогда, когда она собрана. Если бы законодательный корпусъ имѣлъ право расходиться собственной властью то могло бы случиться, что онъ никогда бы не разошелся, что было бы опасно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ захотѣлъ бы покуситься на исполнительную власть. Такъ какъ для засѣданій законодательнаго собранія одно время можетъ быть удобнѣе другого, то необходимо, чтобы исполнительная власть опредѣляла время и продолжительность законодательныхъ сессій, сообразуясь съ обстоятельствами, ей извѣстными". Единственное требованіе, которое должно въ этомъ отношеніи связывать монарха, заключается въ томъ, чтобы онъ созывалъ законодательныя собранія черезъ извѣстные промежутки времени, не слишкомъ продолжительные. „Если бы, говоритъ Монтескье, „законодательное собраніе оставалось бы долгое время несозваннымъ, то свобода исчезла бы, ибо произошло бы одно изъ двухъ: или не было бы болѣе законодательнымъ постановленій и государство впало бы въ анархію, или эти постановленія исходили бы отъ исполнительной власти и эта власть стала бы абсолютной".

d. *Нормы, которыя, вооружая государственные органы правомъ взаимнаго контроля, согласуютъ и обезпечиваютъ ихъ дѣятельность.*

Нѣкоторыя изъ нормъ, вооружающихъ государственные органы правомъ взаимнаго контроля, совпадаютъ съ тѣми, которыя ограничиваютъ кругъ ихъ дѣятельности, и которыя мы только что изложили. Въ самомъ дѣлѣ, упомянутое выше право короля останавливать постановленія законодательнаго собранія является очень дѣйствительнымъ средствомъ для предупрежденія законовъ, не соотвѣтствующихъ видамъ и интересамъ правительства. Разъ законы не могутъ быть изданы законодательнымъ собраніемъ иначе, какъ съ согласія короля, законы эти естественно являются результатомъ соглашенія между исполнительной властью и властью законодательной. Законодательная власть должна или остановиться въ своей дѣятельности, или должна итти въ согласіи съ властью исполнительной.

Законодательная власть въ свою очередь имѣетъ въ своемъ распоряженіи средства — заставлять исполнительную власть дѣйствовать согласно съ издаваемыми ею законами. Этими средствами является отвѣт-

ственность, которую несутъ министры за свои правительственные акты передъ законодательной властью. „Если въ свободномъ государствѣ, говоритъ Монтескье, законодательная власть не должна обладать правомъ останавливать исполнительную власть, то она должна быть вооружена правомъ и имѣть возможность наблюдать, какъ исполняются издаваемые ею законы... Но въ чемъ бы это наблюденіе не заключалось, законодательный корпусъ не долженъ имѣть право судить личность и поведеніе того, кто исполняетъ. Его личность должна быть священной. Онъ для государства необходимъ какъ оплотъ противъ тиранiи; а разъ онъ будетъ обвиненъ и судимъ, свобода исчезаетъ. И государство перестанетъ быть монархіей и превратится въ несвободную республику. Но такъ какъ тотъ, кто исполняетъ ничего не можетъ исполнять дурно безъ дурныхъ совѣтниковъ, которые какъ министры ненавидятъ законы, защищающихъ ихъ какъ людей, то эти министры и могутъ быть привлечены къ отвѣтственности и наказаны".

Законодательная власть контролируетъ исполнительную власть и тѣмъ, что устанавливаетъ государственный бюджетъ не далѣе, какъ на одинъ годъ, и на одинъ же только годъ издаетъ постановленія, которыя касаются сухопутныхъ и морскихъ силъ, довѣренныхъ исполнительной власти.

§ 60. **Различіе въ воззрѣніяхъ Руссо и Монтескье на отношеніе законодательной власти къ правительственной.** Все политическое ученіе Руссо проникнуто глубокой вѣрой въ непогрѣшимость народной воли: голосъ народа—голосъ Бога на землѣ и чѣмъ этотъ голосъ слышится чаще, чѣмъ онъ раздается непосредственнѣе и свободнѣе, чѣмъ безропотнѣе ему подчиняются и правители и граждане, тѣмъ лучше устроено государство и тѣмъ болѣе обезпечены въ государствѣ политическая свобода и чистота нравовъ народа.

Совершенно иной мотивъ звучитъ въ доктринѣ Монтескье: она, въ противуположность ученію Руссо, внушена недовѣріемъ къ человѣческой природѣ и стремится обставить представителей власти цѣлымъ рядомъ сдержекъ, которыя стѣсняли бы ихъ свободу и предупреждали свойственное всѣмъ людямъ стремленіе злоупотреблять предоставленной имъ властью.

Въ государствѣ Руссо вся полнота верховной власти покоится въ рукахъ народа, который осуществляетъ ее частью непосредственно, частью черезъ своихъ слугъ: народъ суверена является такимъ образомъ органомъ, который обладаетъ властью неограниченной, ни въ комъ и ни въ чемъ не находящій себѣ границъ, кромѣ тѣхъ правилъ, которыя онъ самъ себѣ ставитъ.

Въ государствѣ же Монтескье такого суверенаго органа нѣтъ, а существуетъ рядъ органовъ, между которыми распредѣляются различныя функціи верховной власти: ни одинъ изъ нихъ не пользуется неограниченной властью, и власть каждаго изъ нихъ служитъ сдерживающимъ факторомъ, умѣряющимъ власть другого—Руссо, вѣря въ непогрѣшимость народной воли, убѣждаетъ, что всякое повелѣніе народа, касающееся общаго интереса, не можетъ быть инымъ,—какъ справедливымъ и обезпечить въ государствѣ за народомъ *неограниченную власть*—значитъ обезпечить господство законовъ, справедливыхъ и поэтому и устойчивыхъ.

Монтескье же всякую неограниченную власть, откуда бы она ни исходила и въ чьихъ рукахъ она бы ни находилась, считаетъ зломъ, нетерпимымъ въ благоустроенномъ государствѣ. Достоинства государственнаго устройства, по его ученію, зависитъ не отъ того, въ чьихъ рукахъ находится власть, а отъ дѣйствительности тѣхъ условій, которыя умѣряютъ и ограничиваютъ власть.

Руссо, какъ и Монтескье, различаетъ власть законодательную и власть правительственную и, признавая ихъ разнородность, считаетъ нужнымъ, подобно автору „Духа законовъ", поручать ихъ разнороднымъ органамъ. Но Руссо во имя безусловнаго господства народной воли, какъ источника законовъ, признаетъ верховной властью власть законодательную, принадлежащую народу, въ правительственной же власти видитъ подчиненную функцію, отправленіе которой должно быть поручено подзаконнымъ органамъ, учреждаемымъ народомъ сувереномъ, отъ него получающимъ свои полномочія и дѣйствующимъ подъ его надзоромъ.

По ученію же Монтескье верховенство столько же проявляется въ законодательствѣ, сколько и въ правительственной власти. Обѣ эти власти равноправны и равносильны: ни одна изъ нихъ не подчинена другой и обѣ, вращаясь свободно и независимо въ сферѣ своей компетенціи, своими полномочіями умѣряютъ и ограничиваютъ другъ друга.

Это различіе въ воззрѣніяхъ Руссо и Монтескье на юридическую природу правительственной власти обусловливаетъ собою и различіе ихъ воззрѣній на организацію правительственной власти и на отношеніе ея къ законодательной.

Правительственная власть поручается въ государствѣ Руссо—подчиненнымъ органамъ, избираемымъ народомъ сувереномъ изъ своей среды и на опредѣленный срокъ: эти органы, кто бы они ни были: монархъ-ли, аристократическое-ли меньшинство или демократическое большинство, суть ничто иное какъ слуги народа, черпаютъ свою власть въ волѣ народа, ей безусловно подчинены и отправляютъ свои полномочія лишь до тѣхъ поръ, пока на то будетъ соизволеніе народа, который имѣетъ право не только смѣнить правителей, но и измѣнять самую форму правленія.

Въ государствѣ же Монтескье носитель верховной правительственной власти такой же самостоятельный и непосредственный органъ, какъ и законодательный корпусъ: монархъ существуетъ въ силу самого государственнаго устройства, никому не обязанъ своею властью и ни отъ кого не получаетъ своихъ полномочій, а правитъ въ силу самостоятельнаго права. Если Руссо признаетъ закономѣрнымъ лишь то правительство, которое избирается народомъ изъ среды народа, то Монтескье, совершенно наоборотъ, видитъ въ избраніи правителей изъ среды законодательнаго корпуса нарушеніе основныхъ требованій, которымъ должно удовлетворять государственное устройство, имѣющее своею задачею охранять политическую свободу. „Если бы не было монарха", говоритъ Монтескье, „и власть правительственная была бы поручена извѣстному числу лицъ, взятыхъ изъ законодательнаго корпуса то не существовало бы свободы, такъ какъ обѣ власти были бы соединены: одни и тѣ лица имѣли бы право иногда и могли бы всегда участвовать и въ той и въ другой.

По ученію Руссо, опасность политической свободѣ не можетъ грозить со стороны законодательной власти: она, какъ общая воля, судящая о предметахъ общаго интереса, всегда справедлива и какъ бы она неограничена ни была, она никогда не можетъ нарушить интересы гражданъ; опасность можетъ грозить лишь со стороны правительственной власти, носители которой всегда склонны злоупотреблять ею въ своихъ интересахъ и въ ущербъ общимъ интересамъ: эта власть и должна быть ограничена цѣлымъ рядомъ нормъ, которыя безусловно подчиняютъ ее власти законодательной.

По ученью же Монтескье, опасность политической свободѣ грозитъ со стороны всякой власти; она грозитъ поэтому столько же со стороны законодательной власти сколько и со стороны правительственной. Обѣ поэтому нуждаются въ сдержкахъ; но такъ какъ правительственная власть ограничена уже по самой природѣ своей, законодательная же по существу свободна, то послѣдняя и должна быть обставлена сравнительно съ правительственной гораздо большими сдержками и предупреждающими свойственное законодательной власти стремленіе подчинить себѣ власть правительственную, которая между тѣмъ должна оставаться столь же самостоятельной и независимой, какъ и законадетельная власти.

Нормы, опредѣляющія отношенія законодательной власти правительственной въ государствѣ Руссо, исходятъ изъ того принципа, что законодатель—суверенъ владыка, а правители—его слуги; въ государствѣ же Монтескье онѣ вытекаютъ изъ противуположнаго начала, а именно изъ того принципа, что законодательная и правительственная власти равносильны и равноправны, что въ обѣихъ въ одинаковой степени проявляется верховенство. Эти нормы въ государствѣ Руссо безусловно подчиняютъ правительственную власть власти законодательной; въ государствѣ же Монтескье онѣ ихъ ставятъ рядомъ и имѣютъ своею цѣлью обезпечить каждой изъ нихъ самостоятельность и независимость и способность взаимно сдерживать и ограничивать другъ друга.

§ 61. **Ученіе Бенжамена Констана о правовомъ государствѣ.** Сознаніе необходимости единства въ дѣятельности государственныхъ властей служитъ исходной точкой ученія Бенжамена Констана *), который признаетъ существованіе еще четвертой власти, власти королевской, которая установляла бы единство и согласіе въ дѣятельности государственныхъ властей и являлась бы уравновѣшивающимъ и примиряющимъ началомъ тамъ, гдѣ эти власти становятся въ противорѣчіе и противоположность другъ другу. Но этимъ требованіемъ единства власти не ограничивается поправка Бенжамена Констана. Онъ считаетъ главною задачею государственнаго устройства гарантію гражданскихъ и политическихъ правъ гражданъ и думаетъ, что однимъ проведеніемъ въ жизнь ученія Руссо о народномъ суверенитетѣ и Монтескье о раздѣленіи властей эта цѣль еще не достигнута. Онъ ограничиваетъ и дополняетъ эти два ученія слѣдующими разсужденіями. Существуетъ

*) Бенжаменъ Констанъ родился въ 1767 году въ Лозаннѣ, въ Швейцаріи, но жилъ и дѣйствовалъ главнымъ образомъ во Франціи. Хотя онъ нѣсколько разъ подвергался изгнанію за свою политическую дѣятельность, но все-таки умеръ въ Парижѣ въ 1830 г. Похороны его были необыкновенно торжественны. Его важнѣйшія сочиненія: „De l'esprit de la conquête et de l'usurpation“ (1813 г.), „Esquisse de constitution“ (1814), „Principes de politique“ (1819).

въ мірѣ, говоритъ онъ лишь двѣ власти: одна незаконная, это—грубая сила, другая законная, это—общая воля. Но, признавая права этой общей воли, т.-е. народный суверенитетъ, необходимо прежде всего понять природу этой воли и точно опредѣлить ея границы.

Въ обществѣ, основанномъ на началѣ народнаго суверенитета, недостаточно, чтобы суверенитетъ этотъ не принадлежалъ какому-нибудь лицу или какому-нибудь отдѣльному общественному классу, но необходимо, кромѣ того, чтобы общество, въ рукахъ котораго сосредоточивается власть, не имѣло бы неограниченной власти надъ отдѣльными своими членами. Совокупность гражданъ—суверенъ въ томъ смыслѣ, что никакое частное лицо, никакая общественная группа не можетъ присвоить себѣ власти, если не уполномочивается къ тому сувереномъ, а не въ томъ смыслѣ, что совокупность гражданъ или тѣ, которые облечены властью, имѣютъ неограниченное право распоряжаться жизнью и имуществомъ гражданъ. Есть, напротивъ, такая область личнаго существованія, которая, по самой природѣ своей, должна всегда оставаться индивидуальной, независимой и недосягаемой для какой бы то ни было общественной власти. Суверенитетъ поэтому, кому бы онъ ни принадлежалъ, ограниченъ и относителенъ. Тамъ, гдѣ начинается личное существованіе и индивидуальная самостоятельность, тамъ должна останавливаться юрисдикція суверенитета. Если общество своею властью переступаетъ эту грань, то это общество является такимъ же узурпаторомъ, какъ и деспотъ, не имѣющій другого девиза власти, кромѣ грубой силы. Согласіе большинства на мѣру, которая врывается произвольно въ личную сферу гражданъ, нисколько не освящаетъ этой мѣры и не дѣлаетъ ее законной; эта мѣра остается грубымъ насиліемъ, отъ кого бы она ни исходила, отъ одного ли лица, отъ большинства-ли, или отъ всего общества.

Если суверенитетъ безграниченъ, то не существуетъ средства, которое охраняло бы отдѣльныхъ гражданъ отъ произвола правительства. Этимъ средствомъ не можетъ быть подчиненіе правительства общей волѣ. Въ дѣйствительной жизни выходитъ всегда такъ, что не общая воля подчиняетъ себѣ правительство, а что правительство истолковываетъ по-своему общую волю. И ни одна положительная организація не можетъ избѣжать этой опасности, сколько бы и какъ бы мы ни раздѣляли власть; если сумма власти, распредѣленная между отдѣльными органами, безгранична, то стоитъ только раздѣленнымъ властямъ соединиться, составить коалицію,—и воцаряется неисправимый деспотизмъ Поэтому прежде всего необходимо не то, чтобы личныя права могли быть нарушены одною властью не иначе, какъ съ согласія другой, но чтобы эти нарушенія были запрещены всѣмъ властямъ. Недостаточно, чтобы органы исполнительной власти нуждались въ дозволеніи законодательной власти, необходимо, чтобы законодательная власть могла уполномочивать ихъ на то, что входитъ въ ихъ законную сферу. Недостаточно, чтобы исполнительная власть могла дѣйствовать лишь съ согласія власти законодательной, а нужно, чтобы самосогласное дѣйствіе этихъ влатей было бы ограничено извѣстными ненарушенными предѣлами, и чтобы было постановлено, что существуютъ извѣстныя отношенія, которыя недосягаемы и закону,—другими словами, что суверенитетъ ограниченъ, и что существуютъ предѣлы, которые не могутъ переступить ни народъ, ни его уполномоченные.

Вотъ что прежде всего должно быть постановлено во всякой конституціи, вотъ тотъ основной принципъ государственной жизни, который долженъ царить надъ всѣми остальными. Граждане имѣютъ индивидуальныя права, независимыя отъ какого бы то ни было авторитета, и всякій авторитетъ, нарушающій эти права, есть авторитетъ беззаконный. Права же гражданъ заключаются въ индивидуальной свободѣ, въ свободѣ вѣроисповѣданія, въ гарантіи отъ всякаго произвола. Ни одинъ авторитетъ, будь то народъ, будь то монархъ, не можетъ посягать на эти права, не разрывая титуловъ своей собственной власти.

Суверенитетъ народа не есть суверенитетъ безграничный, онъ находитъ свои границы въ тѣхъ предѣлахъ, которые указываются ему справедливостью и правами гражданъ. Но тутъ, продолжаетъ Бенжаменъ Констанъ, встрѣчаются возраженія: возможно-ли ограничить верховную власть? можетъ-ли существовать власть, которая могла бы удержать верховную власть въ предѣлахъ, ей указанныхъ и предписанныхъ? Можно счастливой комбинаціей ограничить власть, раздѣляя ее; можно уравновѣсить отдѣльныя власти другъ другомъ. Но какъ сдѣлать, чтобы сумма этихъ властей была ограничена? Какъ можно ограничить власть не иначе, какъ другою властью?

Несомнѣнно, что абстрактное ограниченіе суверенитета недостаточно. Необходимо отыскать такое государственное устройство, которое такъ бы комбинировало интересы отдѣльныхъ уполномоченныхъ властей, что самымъ постояннымъ и прочнымъ интересомъ ихъ было бы оставаться въ предѣлахъ имъ узаконенной власти. Но всегда первымъ и важнѣйшимъ вопросомъ останется компетенція и ограниченіе суверенитета, ибо прежде, чѣмъ организовать власть, необходимо опредѣлить ея природу и ея предѣлы.

Хотя и нельзя придавать преувеличеннаго значенія истинамъ, не вооруженнымъ внѣшней силой, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что если извѣстные принципы доказаны съ полной и несомнѣнной очевидностью, то они въ этой своей очевидности находятъ себѣ гарантію. Общественное мнѣніе приходитъ къ нимъ на помощь и вооружаетъ ихъ побѣдоносной силой. Если разъ признано, что суверенитетъ не есть власть безграничная, что на землѣ вообще не существуетъ безпредѣльной власти, тогда никто не станетъ изъявлять притязанія на такую власть, и опытъ подтверждаетъ это. Никто, напрам., не признаетъ за цѣлымъ обществомъ права безъ суда и расправы располагать жизнью гражданъ. Если деспоты античнаго міра кажутся намъ болѣе наглыми, чѣмъ наши, то таковой взглядъ объясняется именно существованіемъ этого принципа, который освященъ общественнымъ мнѣніемъ и предъ которымъ склоняется всякое правительство. Посягательство деспотизма на личную свободу прежняго времени объясняется между прочимъ политической доктриной, которая проповѣдывала неограниченность верховной власти.

Ограниченность суверенитета не есть, такимъ образомъ, отвлеченное начало, а имѣетъ подъ собою реальную почву. Она будетъ гарантирована прежде всего силою, которая гарантируетъ всѣ общепризнанныя и очевидныя истины, силою общественнаго мнѣнія, затѣмъ, она будетъ гарантирована распредѣленіемъ и равновѣсіемъ властей.

Исполнительная власть, власть законодательная и судебная, продолжаетъ Бенжаменъ Констанъ, образуютъ собой три функціи государ-

ственной дѣятельности, которыя должны дѣйствовать совмѣстно и согласно другъ съ другомъ, каждая въ своей области, по такъ, чтобы онѣ не задерживали онѣ другъ друга, а содѣйствовали общей цѣли. Но когда эти функціи сталкиваются между собою и задерживаютъ другъ друга, то возникаетъ необходимость въ другой силѣ, которая поставила бы ихъ на свое мѣсто. Эта сила не можетъ заключаться въ одной изъ этихъ трехъ функцій, такъ какъ тогда та функція, которая была бы облечена этой силой, могла бы воспользоваться ею для того, чтобы разрушить остальныя, и она должна поэтому стоять внѣ трехъ властей, чтобы быть нѣкоторымъ образомъ нейтральной, дабы она могла примѣняться повсюду, гдѣ необходимо, и быть силой сохраняющей и примиряющей, не дѣлаясь силой враждебной.

Конституціонная монархія создала такую нейтральную власть въ лицѣ главы государства. Дѣйствительный интересъ этого верховнаго вождя заключается не въ томъ, чтобы одна власть опрокидывала другую, но въ томъ, чтобы всѣ опирались другъ на друга, согласовались между собою и дѣйствовали сомнѣстно. А такъ какъ люди далеко не всегда понимаютъ свои интересы, то необходимо принять предосторожности и обставить государственную власть такими условіями, чтобы она не могла захватить правъ другихъ властей. И въ этихъ условіяхъ заключается различіе между монархіей абсолютной и монархіей конституціонной. И существованіе такой нейтральной власти мы видимъ въ Англіи.

Ни одинъ законъ не можетъ состояться безъ согласія палаты господъ и палаты общинъ, ни одинъ правительственный актъ не можетъ войти въ законную силу безъ контрассигновки министра и ни одинъ приговоръ не можетъ быть постановленъ иначе, какъ независимымъ судомъ. Но разъ эти предосторожности приняты, посмотрите, какъ англійская конституція пользуется королевскою властью, чтобы положить конецъ всякой опасной борьбѣ и возстановить гармонію между отдѣльными властями. Если направленіе исполнительной власти становится опаснымъ, король отставляетъ министровъ. Если настроеніе палаты господъ угрожаетъ желательному теченію политической жизни, король измѣняетъ ея составъ, назначая новыхъ пэровъ. Если же опасность грозитъ со стороны палаты общинъ, король пользуется своимъ правомъ veto или же распускаетъ палату. Наконецъ, если даже судебная власть злоупотребляетъ своею властью и назначаетъ слишкомъ суровыя наказанія, король умѣряетъ эту власть, пользуясь своимъ правомъ помилованія.

И недостатокъ всѣхъ конституцій заключается въ томъ, что онѣ не создавали такой нейтральной власти, но что онѣ всю полноту авторитета, которымъ должна пользоваться эта власть, вручали одной изъ трехъ активныхъ властей.

Когда эта полнота авторитета находилась въ рукахъ законодательной власти, тогда законъ, который долженъ былъ распространяться лишь на извѣстныя, опредѣленныя отношенія, распространялся на все и касался всего. Отсюда возникла тиранія и произволъ безпредѣльный. Отсюда—произволъ долгаго парламента въ Англіи, народныхъ собраній въ Италіи, французскаго конвента. Когда та же полнота авторитета находилась въ рукахъ исполнительной власти, тогда возникалъ деспотизмъ. Отсюда — узурпація римской диктатуры, безчинство Наполеона.

Конституціонныя монархіи предупреждаютъ эту опасность, создавши нейтральную власть, столь необходимую для всякой правильной свободы. Король въ свободномъ государствѣ — существо особаго рода, стоящее надъ борющимися партіями, не имѣющее другого интереса, кромѣ поддержанія порядка, не могущее никогда лишиться своего высокаго сана.

§ 62. **Значеніе Бенжамена Констана.** Заслуга Бенжамена Констана заключается въ тѣхъ важныхъ поправкахъ, которыя онъ внесъ въ ученіе Монтескье о правовомъ государствѣ. Онъ настаиваетъ на единствѣ государственной власти и видитъ въ тѣхъ раздѣльныхъ властяхъ, о которыхъ говоритъ Монтескье, лишь различныя функціи одной и той же государственной власти, не раздѣленную по существу своему власть, а лишь распредѣленную между отдѣльными, болѣе или менѣе независимыми другъ отъ друга органами. Согласное и совмѣстное дѣйствіе этихъ органовъ установляется существованіемъ королевской власти. Это ученіе Бенжамена Констана, дополняющее ученіе Монтескье о раздѣленіи властей, устраняетъ дѣлаемыя послѣднему возраженія, которыя, мы видѣли, сводятся къ тому, что ученіе Монтескье противорѣчитъ единству государственной власти и не предусматриваетъ возможности столкновенія между отдѣльными властями. Но еще важнѣе то соображеніе Бенжамена Констана, по которому раздѣленіе властей еще не устраняетъ злоупотребленій со стороны этихъ властей. Бенжаменъ Констанъ дополняетъ ученіе о правовомъ государствѣ требованіемъ, чтобы государственная власть находила бы свое ограниченіе не только въ самомъ своемъ устройствѣ, т.-е. въ распредѣленіи государственныхъ функцій между отдѣльными, ограничивающими другъ друга политическими тѣлами, но и въ неприкосновести и ненарушимости личныхъ правъ гражданъ.

И вотъ это требованіе сдѣлалось преобладающимъ во французской политической литературѣ первой трети настоящаго столѣтія и наложило на нее особый отпечатокъ. Всѣ французскіе писатели за этотъ періодъ выставляютъ своимъ основнымъ требованіемъ неприкосновенность индивидуальной свободы. Всѣ они не безпристрастные изслѣдователи политической жизни, а воинствующіе политическіе дѣятели, охваченные той борьбой, которая ведется между старымъ и новымъ порядкомъ, и этотъ старый порядокъ олицетворяется въ ихъ глазахъ въ лицѣ всемогущаго государства, новый же порядокъ, по ихъ воззрѣніямъ, имѣетъ своею главною задачею обезпеченіе личной свободы. Всѣ ихъ антипатіи направлены противъ всемогущаго государства, всѣ ихъ симпатіи на сторонѣ личной свободы. Личная свобода, по ихъ воззрѣніямъ, — самое дорогое благо, о которомъ должно заботиться болѣе всего и прежде всего, государство же есть зло, но зло неизбѣжное, дѣйствіе котораго должно по возможности суживать и терпѣть лишь тамъ, гдѣ это безусловно неизбѣжно. Этотъ взглядъ какъ нельзя яснѣе выступаетъ въ сочиненіи Гелло (Hello, Du régime constitutionnel dans ses rapports avec l'etat actuel de la science sociale et politique). Онъ прямо заявляетъ, что правительственная власть — та сила, которая возбуждаетъ подозрѣніе и нуждается въ сдержкахъ, народъ же — слабая сторона, которая нуждается въ покровительствѣ. Не анархія опасна, а деспотизмъ. Анархія очень быстро сама произноситъ надъ собою приговоръ; она находитъ свой предѣлъ въ своемъ буйствованіи,

которое всякую анархію дѣлаетъ краткотечной, между тѣмъ какъ деспотизмъ умѣетъ организовать и упрочивать рабство, вноситъ порядокъ въ зло и этимъ создавать условія устойчивости и долговѣчности. Должны пройти года прежде, чѣмъ можно возстановить энергію и бодрость духа, и труднѣе сглаживать послѣдствія деспотизма, чѣмъ разрушить его внѣшнее могущество. Власть нуждается въ умаленіи и ограниченіи, свобода—въ помощи и покровительствѣ. И гарантія индивидуальныхъ правъ есть первая и главнѣйшая задача всякой конституціи. Она прежде всего должна точно установить эти права; устройство государственной власти должно служить лишь гарантіей этихъ правъ. Эта же гарантія заключается въ томъ, чтобы найти такое раздѣленіе властей, гдѣ бы гарантируемыя права стояли превыше каждой изъ властей.

Въ этомъ же смыслѣ высказывается цѣлый рядъ и другихъ писателей, между которыми обращаютъ на себя особенное вниманіе: Шербюлье (Cherbulliez, Théorie des garanties constitutionnelles) и Шатобріанъ (Chateaubriand, La monarchie selon la charte).

Мы разсмотрѣли первый періодъ въ исторіи правового государства, который связанъ съ именами Руссо, Монтескье, Бенжамена Констана. Періодъ этотъ характеризуется тѣмъ, что 1) исходной точкой ученія о правовомъ государствѣ является индивидуальная свобода, 2) главная задача всякаго государственнаго устройства — гарантія этой свободы, 3) гарантія же ея достигается извѣстнымъ механизмомъ государственныхъ учрежденій, который ограничиваетъ государственную власть, раздѣляя ее между различными самостоятельными политическими тѣлами. Но вотъ возникаетъ новое ученіе, соціализмъ, которое требованіемъ новой общественной организаціи расширяетъ задачу государства и видоизмѣняетъ понятіе о личной свободѣ.

---

## ГЛАВА VIII.

### Вліяніе ученія объ обществѣ и національности на понятіе правового государства.

§ 63. **Зарожденіе соціализма.** Причина французской революціи кроется прежде всего въ томъ, что старый порядокъ вещей установилъ два класса: дворянскій классъ, обладавшій всѣми политическими правами, и все остальное населеніе, безправное, исключенное изъ участія въ активной государственной жизни. Различіе это основывалось на правѣ происхожденія. Ни способности, ни таланты, ни богатство не въ состояніи были выдвинуть человѣка на политическое поприще: одно происхожденіе давало силу и вѣсъ въ обществѣ. Имущественное положеніе лица при такомъ порядкѣ вещей не играло никакой роли. Собственность, сосредоточивающаяся въ рукахъ привилегированнаго сословія, есть собственность поземельная, пріобрѣтаемая въ силу рожденія, а не свободнымъ трудомъ, такъ что имущественныя отношенія имѣли мало вліяніе на общественное положеніе лица. Въ дореволюціонную эпоху общество не могло дѣлиться по имущественному положенію лицъ, такъ

какъ владѣніе имуществомъ не являлось условіемъ обладанія политическими правами. *Борьба, которою открылась французская революція, не была борьбою извѣстнаго общественнаго класса за политическое преобладаніе, это была борьба всего французскаго народа противъ стараго государственнаго строя, узаконявшаго исключительныя права дворянства.*

Когда эта борьба кончилась ниспроверженіемъ всего государственнаго строя, торжествомъ tiers-état и его принципа—égalité, тогда только сдѣлалось яснымъ, что то общество, которое боролось за безусловное равенство всѣхъ, далеко не представлялось единодушной массой, которой оно было до революціи. И, дѣйствительно, первая конституція 1791 года доказала это; уже она скрывала въ себѣ противорѣчіе съ провозглашеннымъ принципомъ равенства. Она выставляла этотъ принципъ безусловнымъ началомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлила, что активный гражданинъ тотъ, кто платитъ извѣстную прямую подать, т.-е. кто владѣетъ собственностью. Тутъ, такимъ образомъ, *впервые выступилъ новый принципъ съ новымъ значеніемъ: это собственность, какъ препятствіе къ осуществленію безусловнаго всеобщаго равенства.* Но въ это время онъ еще не могъ имѣть такого значенія, которое онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи; онъ еще не служилъ основаніемъ для раздѣленія общества на собственниковъ и несобственниковъ, на имущихъ и неимущихъ, пока еще не существовало пролетаріата и его смертельнаго врага буржуазіи, пока существовалъ только tiers-état, который боролся за принципъ равенства. Масса народа требовала уничтоженія конституціи, и еще не было той общественной силы, которая была бы воплощеніемъ начала собственности и связанныхъ съ нимъ правъ и преимуществъ и отражала бы притязанія толпы. И вотъ начинается борьба за безусловное торжество начала равенства; всякія различія, которыя обусловливаются образованіемъ, состояніемъ, талантами, должны быть уничтожены; единственное средство избавиться отъ отличающихся этими качествами народъ находитъ въ ихъ истребленіи, въ ихъ поголовномъ избіеніи. Наступаетъ терроръ, и герой его Робеспьеръ даетъ народу конституцію 1793 года, которая объявляетъ всякаго совершеннолѣтняго француза citoyen и опредѣляетъ, что le peuple souverain est l'universalité des citoyens francais. *Эта конституція была воплощеніемъ безусловнаго принципа равенства, это была законная форма, въ которую облеклось народное самодержавіе, самодержавіе толпы; она узаконяетъ государственный строй, абсолютно противоположный господствующему до 1789 года.* Въ ней революція, казалось, достигла своего апогея, а между тѣмъ она была также непрочна, какъ конституція 1791 года; ея господство было еще менѣе продолжительно.

Не трудно отгадать причину этого явленія. И, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ разразилась революція, всѣ классы общества по очереди имѣли государственную власть въ своихъ рукахъ. Сначала дворянство, затѣмъ—имущій классъ, наконецъ—народная масса, чернь. И каждый изъ этихъ классовъ употреблялъ власть лишь на то, чтобы обезпечить свое господство: въ рукахъ всѣхъ государство служило лишь средствомъ. *Теперь сдѣлалось яснымъ, что власть въ рукахъ общества ведетъ лишь къ борьбѣ; всѣми овладѣло чувство, что государственная власть есть нѣчто отличное отъ абсолютнаго самоуправленія, и что единственное средство отвратить будущія революціи дать государ-*

*ственной власти самостоятельное и независимое положеніе,* но въ это время во Франціи недоставало людей, способныхъ установить такую власть, поэтому возстановленіе было еще невозможно. И вотъ наступаетъ то затишье, та апатія, та мертвая тишина, которыя являются характерическими чертами директоріи.

Паденіе конституціи 1793 г. и характеръ конституціи 1795 г., ограничивающій право активнаго гражданства извѣстнымъ цензомъ, доказали, что tiers-état начинаетъ распадаться, что является раздѣленіе общества на господствующій классъ и на подвластный, на классъ имущихъ и на классъ неимущихъ, и что то, что раздѣляетъ эти классы, есть собственность. Но эти классы не успѣли еще сложиться, различіе между ними не успѣло еще рѣзко и отчетливо выясниться. Классъ неимущихъ не успѣлъ еще сложиться въ пролетаріатъ и не сдѣлался политической силой; такой политической силой является bourgeoisie. Но эта сила не стремится еще пока завладѣть государственной властью, она отъ послѣдней ничего другого не требуетъ, какъ простого признанія и спокойствія. Если чернь отступилась отъ государственной власти, какъ отъ врага, то имущій классъ отдалился, какъ другъ. И наступившую теперь эпоху можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: Франція чувствовала, что начинаетъ слагаться новое общество-она искала самостоятельнаго государства и независимой гогударственной власти, дабы подъ сѣнью ея развить элементы новаго общества. Дѣйствительно, *эпоха имперіи создала всѣ тѣ условія, которыя были необходимы для постепеннаго, но послѣдовательнаго и рѣшительнаго развитія этихъ новыхъ общественныхъ элементовъ.* Въ эпоху имперіи борьба партій сдѣлалась невозможной. Государственная власть поднялась на такую высоту, которая дѣлала ее недоступной для отдѣльныхъ индивидовъ, и этимъ самымъ стремленія этихъ индивидовъ получили новое направленіе. Это направленіе обусловливалось тѣмъ общественнымъ строемъ, который былъ созданъ французской революціей. Революціей были устранены всѣ тѣ преграды, которыя могли препятствовать свободному и самостоятельному развитію отдѣльныхъ лицъ. Самодѣятельности отдѣльныхъ лицъ было предоставлено самое широкое поле. Но пока еще бушевала французская революція, эту самодѣятельность тормозила та неопредѣленность и шаткость отношеній, которая существуетъ во всякомъ неустановившемся государственномъ порядкѣ. Военная диктатура устранила и эту преграду,—и самодѣятельному развитію отдѣльныхъ личностей, свободныхъ и равныхъ между собою, былъ открытъ широкій просторъ подъ сѣнью крѣпкой государственной власти. Принципъ уравненія всѣхъ различій имѣетъ значеніе для отдѣльнаго лица лишь до времени, пока оно не видитъ возможности подняться надъ всѣми остальными. Когда устранены всѣ преграды и всѣмъ открытъ свободный путь, всѣ бросаются впередъ, и каждый стремится лишь къ достиженію своей цѣли. Эти цѣли весьма различны, онѣ могутъ быть формулированы однимъ словомъ—пріобрѣтеніе значенія между себѣ подобными. Тамъ, гдѣ не существуетъ объективныхъ опредѣленій, которыя бы назначили каждому свое мѣсто въ обществѣ и государствѣ, тамъ преимущество одного лица надъ другимъ можетъ обусловливаться моментомъ, тѣсно связаннымъ съ личностью, и этотъ моментъ является собственность. И, дѣйствительно, этотъ моментъ могъ дать отдѣльной личности все то,что обезпечивало ей вѣсъ въ обществѣ: наслажденіе

матеріальными благами, уваженіе, вліяніе, общественное значеніе; отсюда мы видимъ, что всѣ бросаются на пріобрѣтеніе имущественныхъ благъ, на ихъ развитіе и расширенія; *всѣ стремленія, не имѣя лучшей цѣли, не зная поприща, на которомъ личность могла бы пріобрѣсти такое значеніе, направлены въ эту сторону.* Какъ скоро имущественныя блага сдѣлались предметомъ стремленій, становится естественно потребность общества имѣть обезпеченіе въ юридической неприкосновенности собственности, накопленнаго имущества. Такое обезпеченіе могло лишь дать государство, и притомъ государство, совершенно независимое отъ формы правительства. *Отсюда классъ имущихъ требовалъ самостоятельной власти и призналъ ту, которая фактически господствовала въ то время во Франціи. Такимъ образомъ въ эпоху имперіи сложился классъ имущихъ, сильный своимъ богатствомъ и своимъ общественнымъ вѣсомъ, и параллельно съ нимъ образовался классъ неимущихъ.* Tiers-ètat распался на двѣ ясно очерченныя группы, и уже теперь стало ясно, что между ними лежитъ глубокая пропасть. *Но эти группы были пока лишь общественными классами, не возвысились еще на степень самостоятельныхъ политическихъ силъ,* не говоря о классѣ неимущихъ, который уже конституціей 1795 г. былъ выброшенъ изъ государства, а классъ имущихъ былъ лишенъ всякаго участія въ дѣлахъ политической жизни. Свою гражданскую свободу онъ купилъ цѣною своей политической несвободы. Между этими двумя классами не могла возгорѣться борьба, ибо политическая власть была недоступна какъ тому, такъ и другому классу, и пока внѣшнимъ образомъ соединяло ихъ подчиненіе государственной власти, изъ которой они были исключены. Хотя противоположность между имущими и неимущими все болѣе вырабатывалась, тѣмъ не менѣе классъ неимущій еще не чувствовалъ всей тягости своего положенія, и два главнымъ образомъ, условія были тому причиною: большая часть неимущихъ была на войнѣ, и слава, которой покрывалось французское оружіе, отражалась на нихъ; они не могли сознавить своего дѣйствительнаго положенія; положеніе же тѣхъ, которые оставались на родинѣ, смягчалось тѣмъ, что, благодаря недостатку рабочихъ рукъ, трудъ ихъ хорошо вознаграждался.

Когда Наполеонъ палъ, общество снова было призвано къ участію въ политической власти; общественный строй, сложившійся въ императорскую эпоху, не могъ не отразиться на характерѣ конституціи. И дѣйствительно, мы видимъ, что тотъ общественный классъ, который успѣлъ занять первенствующее мѣсто въ обществѣ, успѣлъ завоевать себѣ соотвѣтствующее ему мѣсто въ государствѣ. По 38 ст. конституціи избраннымъ депутатомъ долженъ быть достигшій 40-лѣтняго возраста и платящій прямую подать въ 1000 франковъ. И вотъ оба класса снова стоятъ другъ противъ друга, классъ имущихъ во главѣ государства, вооруженный всѣми правами и всѣми тѣми средствами, которыя дѣлаютъ доступными всѣ матеріальныя блага и обезпечиваютъ человѣку общественный вѣсъ и значеніе, съ другой стороны — классъ неимущихъ, безусловно ему подчиненный какъ въ матеріальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, лишенный всѣхъ политическихъ правъ и матеріальныхъ благъ. И, несмотря на то, что противоположность не могла быть выражена рѣзче, и принципъ égalité нарушенъ въ болѣе рѣзкой формѣ, тѣмъ не менѣе мы видимъ, что этотъ угнетенный классъ

не дѣлаетъ никакихъ попытокъ завоевать то равенство правъ, которое сулила ему революція.

Причина эта кроется въ томъ, что возстала вновь та сила, которая соединила французское общество къ единодушному дѣйствію во время французской революціи. Этой силой было стремленіе ниспровергнуть тотъ старый строй, который стоялъ преградою на пути къ осуществленію начала равенства. Дѣйствительно, этотъ строй снова возсталъ изъ пепла: король въ союзѣ съ родовою аристократіей, въ союзѣ съ іезуитами попираетъ свободу слова, нарушаетъ конституцію. Этотъ старый строй былъ общимъ врагомъ какъ для класса имущихъ, такъ и для класса неимущихъ. И вотъ они снова соединяются, снова образуется tiers-état, и во второй разъ они остаются побѣдителями въ борьбѣ со старымъ порядкомъ. Но если іюльская революція какъ по причинѣ, ее вызвавшей, такъ и по своему исходу была аналогична съ первой революціей, то совершенно иными представляются намъ состояніе общества и та пропорція, въ которой стояли притязанія общества съ установившимся послѣ іюльской революціи государственнымъ строемъ. Дѣйствительно, теперь уже успѣла выработаться противоположность между обоими классами, каждый изъ этихъ классовъ стремился къ преобладанію, къ власти, каждый оберегалъ свое значеніе и свою политическую силу. А между тѣмъ конституція, явившаяся, результатомъ іюльской революціи, признала лишь bourgeoisie политическимъ сословіемъ. Но иначе и быть не могло. Іюльская революція является носительницею началъ, провозглашенныхъ первою революціею, и прежде всего принципа равенства; кромѣ того, въ ней уже успѣлъ заявить свою силу тотъ моментъ, который успѣлъ развиться съ такою неимовѣрною быстротою въ эпоху послѣреволюціонную,— моментъ собственности; отсюда очень естественно, что этотъ моментъ отразился и на конституціи, тѣмъ болѣе, что онъ нисколько не противорѣчилъ понятію объ абстрактномъ равенствѣ. И, дѣйствительно, іюльская революція подобно тому, какъ и первая революція, боролась съ прерогативами, обусловливаемыми рожденіемъ, но не съ тѣми, которыя вызваны владѣніемъ имущества. Напротивъ, преимущества, даваемыя богатствомъ, казались совершенно справедливыми и основательными. Образованіе, изощренность ума, вѣсъ въ обществѣ, обусловливаемый богатствомъ, распространили убѣжденіе, что богатство имѣетъ законныя права и на преимущество положенія въ государствѣ. тѣмъ болѣе, что это богатство не противорѣчило принципу равенства, ибо за всякимъ признавалось право на пріобрѣтеніе. Такимъ образомъ политическая власть, пріобрѣтенная классомъ имущихъ, вытекала естественно, изъ предшествующаго развитія общества и основывалась на началахъ, провозглашенныхъ первой революціей. Но если политическое преобладаніе перваго класса, узаконенное конституціей 31-го года, и было естественнымъ и необходимымъ результатомъ, тѣмъ не менѣе классъ неимущихъ, устраненный отъ всякаго дѣятельнаго участія въ политической жизни, не могъ равнодушно смотрѣть на этотъ порядокъ вещей и помириться съ этими результатами, какъ бы естественны и необходимы они ни были. Было естественно, что этотъ неимущій классъ и тѣ, которые близко къ сердцу принимали его судьбу, стали въ оппозицію къ вновь установившемуся государственному строю и стали сомнѣваться въ вѣрности тѣхъ прин-

циповъ, развитіе и осуществленіе которыхъ породило государственный строй.

Ихъ не могло не поразить, что принципъ равенства въ его послѣдовательномъ примѣненіи ведетъ къ угнетенію одного класса другимъ; они стали доискиваться причины этого противорѣчія и не могли не наткнуться при этомъ на ту новую силу, которая возникла въ послѣднюю эпоху. И эта новая сила была начало собственности.

*Іюльской революціей старый строй былъ разрушенъ разъ навсегда, борьба tiers-état съ родовою аристократіей и короной кончилась безусловной побѣдой перваго. Но теперь готовится новая борьба, борьба между тѣми двумя классами, на которые распался tiers-état, борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ. Но эта борьба будетъ уже иная, изъ иныхъ побужденій и съ иными цѣлями. Она тоже будетъ ведена за равенство, но она не будетъ направлена противъ различія, устанавливаемаго рожденіемъ, а противъ того, которое устанавливается неравномѣрнымъ распредѣленіемъ собственности.* Въ чемъ же состоитъ эта неравномѣрность? Неравномѣрность состоитъ въ отношеніи капитала къ труду; владѣющій капиталомъ имѣетъ безусловный перевѣсъ надъ владѣющимъ трудомъ; владѣющій одною рабочею силою никогда не въ состояніи подняться до владѣльца капитала и до пользованія всѣмъ тѣмъ, что обусловливается актомъ владѣнія. Отсюда вся масса народа дѣлится на имущихъ и неимущихъ, или тѣхъ, которые владѣютъ вмѣстѣ съ рабочею силою и капиталомъ, и тѣхъ, которые владѣютъ одной рабочей силой. Первые безусловно берутъ верхъ въ области производства матеріальныхъ благъ, вторые безусловно исключаются изъ этого производства. Между тѣмъ, владѣніе матеріальными благами обусловливаетъ собою и политическую власть, отсутствіе же его ведетъ къ политическому подчиненію. Такимъ образомъ, пролетаріатъ, въ силу извѣстныхъ экономическихъ законовъ, напрасно будетъ стремиться къ равенству; тотъ же, кто случайно владѣетъ капиталомъ, этимъ самымъ принадлежитъ къ господствующему классу. Это направленіе французскаго общества развилось во всей своей рѣзкости при тѣхъ условіяхъ общественной и государственной жизни, которыя установила іюльская революція и конституція 31-го года. Классъ неимущихъ сложился въ одно цѣлое, въ пролетаріатъ, пришелъ къ сознанію того положенія и началъ понимать, что это положеніе основывается на законахъ, стоящихъ выше произвола отдѣльнаго лица; онъ исключенъ отъ участія въ государственной власти, видитъ невозможность подняться въ ряды господствующаго класса, онъ сложился въ сословіе, которое является какъ-бы совокупностью требованій, выставленныхъ принципомъ равенства, но не удовлетворенныхъ имъ.

Вотъ та почва, на которой возникъ соціализмъ. Потребности, возникшія на этой почвѣ, были совершенно иныя, чѣмъ тѣ, которыя породили французскую революцію; понятно, что и ученія, которыя были носителями новыхъ принциповъ французской революціи, не могли удовлетворить этимъ потребностямъ, понятно, что должны были возникнуть новыя ученія, которыя были также противоположны ученіямъ раціоналистической школы, какъ противоположны вновь сложившіяся соціальныя отношенія тѣмъ условіямъ, которыя вызвали французскую революцію.

§ 64. **Отношеніе соціальныхъ ученій къ абстрактнымъ ученіямъ XVIII вѣка.** Абстрактная философія, а за ней французская революція провозгласили принципъ равенства и этимъ совершили великій подвигъ. Истинность этого принципа заключается въ томъ, что онъ признаетъ въ каждомъ индивидѣ безусловно свободную и самостоятельную личность. Но историческое развитіе общественной жизни, основывающейся на этомъ принципѣ, доказало, что этотъ принципъ, въ его абстрактной формѣ, ведетъ къ неравенству; оно доказало, что неравенство въ обществѣ установляется не только государственными законами, признающими право рожденія за основаніе привиллегированнаго положенія въ обществѣ, но что и самая общественная жизнь безъ всякаго вмѣшательства государства управляется извѣстными законами, которые, предоставленные своему свободному движенію, обусловливаютъ собою неравенство еще болѣе тяжкое; это суть законы, по которымъ происходитъ распредѣленіе имущественныхъ благъ и по которымъ владѣющій ими въ общественномъ и политическомъ отношеніи господствуетъ надъ неимущимъ. Абстрактная философія, провозгласивъ принципъ равенства, поставила индивидовъ другъ около друга внѣ всякой взаимной связи; она не допускаетъ мысли о взаимной помощи и поддержкѣ, ибо эта поддержка предполагаетъ неравенство, она каждаго предоставляетъ самому себѣ и дѣлаетъ все окружающее его средствомъ для него. Абстрактная философія имѣетъ дѣло лишь съ индивидомъ и не признаетъ ничего высшаго надъ нимъ, отсюда—она личнымъ интересамъ приноситъ въ жертву интересы цѣлаго. *Послѣдствіе такихъ принциповъ то, что отдѣльное лицо, освобожденное отъ всякихъ объективныхъ узъ, въ стремленіи къ развитію своей силы невольно натолкнется на другого и, если этотъ слабѣе, подчинитъ его.* Такимъ образомъ, индивидуализмъ, проповѣдуемый абстрактный философіей, послѣдовательно ведетъ къ общественному неравенству, т.-е. къ состоянію, стоящему въ противоположности съ провозглашаемымъ имъ принципомъ равенства. Противъ этихъ то слабыхъ сторонъ индивидуализма, противъ этихъ-то односторонніхъ принциповъ абстрактной философіи вооружается соціализмъ. Онъ является противникомъ атомистическаго взгляда на государство, какъ необходимо ведущаго къ угнетенію слабаго сильнѣйшимъ, *онъ требуетъ органическаго общенія людей, въ которомъ господствовали бы равновѣсіе общественныхъ силъ, онъ выставляетъ идею ассоціаціи, идею, оказавшуюся силой плодотворной и вновь предъловъ соціальнаго ученія.*

Абстрактная философія XVIII в. выдвинула отдѣльнаго индивида и его интересы на первый планъ. Все же остальное, окружавшее личность, должно было служить лишь средствомъ для обезпеченія господства личности. Такъ и государство было подчинено личности; его задача должна была состоять исключительно въ созданіи такихъ условій, которыя были необходимы для свободнаго и безпрепятственнаго развитія личности. Результатомъ такого взгляда на государство и его задачи было ученіе о республикѣ, о народномъ суверинетѣ, какъ о наилучшей государственной формѣ, въ которой государство не имѣетъ никакого самостоятельнаго, независимаго или общественнаго значенія. Но такой взглядъ на государство не могъ удовлетворить тѣмъ потребностямъ, которыя возникли на новой почвѣ; республика, въ которой государственная власть сосредоточена въ рукахъ общества и въ которой это общество предоставлено своему свободному развитію по тѣмъ законамъ, которые

невольно ведутъ въ порабощенію одного класса другимъ, такая государственная форма не въ состояніи удовлетворить требованіямъ угнетеннаго класса, умиротворить борьбу общества, установить въ немъ равновѣсіе.

Въ противоположность ученіямъ абстрактной философіи соціалистическія ученія имѣли не столько въ виду отношеніе отдѣльной личности къ государственной власти, сколько отношеніе отдѣльныхъ личностей другъ къ другу; они заботятся о развитіи, возвышеніи и обогащеніи отдѣльнаго лица не въ его абсолютности, а въ его связи съ другими, дабы это развитіе лица не покупалось цѣною развитія другого лица, однимъ словомъ, если республиканецъ старался подчинить государство личности, то *соціалистическія ученія хотѣли подчинить общество интересамъ личности,* если *первые заботились главнымъ образомъ объ организаціи государственной власти, то послѣдніе стремились къ организаціи общества на новыхъ началахъ.* Проекты этой переорганизаціи могутъ быть невѣрны, тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что соціалистическое ученіе оказало великую услугу наукѣ о государствѣ, впервые заявивши о необходимости ввести изученіе общества въ область государственной науки.

§ 65. **Національныя движенія.** На-ряду съ общественными движеніями, вызвавшими соціализмъ и ученіе объ обществѣ, какъ организмѣ болѣе или менѣе независимомъ отъ государства, выступилъ новый факторъ государственной жизни, который имѣлъ также рѣшительное вліяніе на видоизмѣненіе ученія о правовомъ государствѣ абстрактной философіи. Этимъ факторомъ была національность.

Борьба Германіи за независимость, сломившая власть Наполеона, борьба греческаго народа, которая повела къ образованію самостоятельнаго національнаго государства, національное движеніе въ Италіи, отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи во имя національнаго принципа,—всѣ эти новыя движенія должны были подорвать атомистическій взглядъ на государство и политическую доктрину абстрактной философіи. Они показали, что, кромѣ государственной связи, существуютъ еще иныя связи, и что эти связи крѣпче объединяютъ людей, чѣмъ подчиненіе одной общей государственной власти. Національныя движенія первой половины настоящаго столѣтія показали, что одинаковыя историческія судьбы, единство языка и религіи, общія культурныя условія объединяютъ людей въ одно цѣлое, если даже это цѣлое и не образовало изъ себя самостоятельнаго тѣла. Какъ борьба общественныхъ классовъ, вражда между капиталомъ и рабочей силой, между дворянствомъ и tiers-etat, между буржуазіей и пролетаріатомъ разразилась революціей 48-го года и напомнила о существованіи общественнаго строя, слагающагося параллельно съ государственной организаціей, такъ точно борьба національностей съ историческими государствами, разразившаяся цѣлымъ рядомъ войнъ, напомнила о существованіи культурныхъ цѣлыхъ, не совпадающихъ съ государствами, о существованіи національностей, заявившихъ притязаніе на политическую самостоятельность. Въ виду этихъ вновь подмѣченныхъ историческихъ явленій: 1) общества, основывавшагося на экономическихъ отношеніяхъ и стремившагося реорганизовать государство въ своихъ интересахъ, и 2) національности, основывавшейся на единствѣ культурныхъ началъ и стремившейся пересоздать государство на національныхъ основахъ, политическая доктрина,

видѣвшая въ государствѣ искусственное цѣлое, союзъ людей, равныхъ между собою и связанныхъ лишь политической организаціей, должна была рушиться и уступить мѣсто новому ученію, которое считалось бы съ этими новыми, съ такою силою сказавшимися факторами.

§ 66. **Вліяніе соціальныхъ и національныхъ движеній на ученія о природѣ, цѣли и организаціи государства.** 1) *Природа государства.* По господствующему теперь воззрѣнію, государство не есть продуктъ свободной воли соединившихся ради достиженія той или другой, сознательно себѣ поставленной, цѣли лицъ, а политическая организація народа, сложившаяся вмѣстѣ съ этимъ народомъ и воспріявшая поэтому въ себя вліяніе всѣхъ тѣхъ элементовъ и условій, которые объединили этотъ народъ въ цѣлое, политическая организація, созданная не той или другой группой лицъ, а многовѣковой жизнью народа. Это воззрѣніе на государство даетъ при объясненіи возниковенія и роста государства мѣсто и психическому труду человѣка и смотритъ на политическій строй, какъ на результатъ нравственной и умственной работы людей, дѣйствующихъ въ виду извѣстныхъ, сознательно себѣ поставленныхъ цѣлей, но эти люди не разсматриваются болѣе абстрактными личностями, скроенными на одинъ ладъ, дѣйствующими внѣ пространства и времени и воодушевленными одинаковыми воззрѣніями, вытекающими изъ единаго разума, общаго всѣмъ, а личностями историческими, дѣйствующими среди данныхъ историческихъ условій, истолковывающими политическія требованія время и своего народа и считающимися съ данными, сложившимися помимо ихъ воли.

2) *Цѣль государства* не заключаетъся, какъ то учили послѣдователи абстрактной философіи и конституціоналисты школы Бенжамена Констана, только въ установленіи и поддержаніи правового порядка и охраненіи личной свободы. Когда борьба общественныхъ классовъ обнаружила всю несостоятельность доктрины, требовавшей индивидуальной свободы и абстрактнаго равенства, то стала чувствоваться потребность въ сильной и самостоятельной государственной власти, которая стояла бы надъ отдѣльными общественными классами и подчиняла бы частные, исключительные интересы этихъ классовъ общимъ интересамъ государства. Угнетенные общественные классы стали требовать отъ государства дѣятельнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь и такой регламентаціи экономической жизни, которая оберегала бы интересы слабаго отъ захватовъ сильнаго. Имущіе классы также обращались къ государству съ требованіемъ общественной организаціи, которая соотвѣтствовала бы ихъ интересамъ, требовали покровительства ихъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ и мѣропріятій, которыя регулировали бы отношенія предпринимателей къ рабочимъ и заставили бы послѣднихъ умѣрять свои притязанія. Стало теперь яснымъ, что роль государства не можетъ заключаться въ поддержаніи внѣшняго правового порядка, въ охраненіи индивидуальной свободы, что государство не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ въ борьбѣ, касающейся самыхъ коренныхъ интересовъ человѣка, и что личная свобода гражданъ и равенство ихъ неосуществимы, пока государство не возьметъ на себя активной роли въ организаціи экономической жизни и не возьметъ подъ свое покровительство слабыхъ и не умѣритъ притязанія сильныхъ.

Національныя движенія и образованіе національныхъ государствъ также содѣйствуютъ болѣе широкому пониманію задачи государства.

На государство была возложена задача содѣйствовать культурной жизни народа, развитію всѣхъ тѣхъ началъ, которыя объединяютъ всѣхъ гражданъ въ культурное цѣлое, т.-е. содѣйствовать развитію наукъ, образованію, покровительствовать народной промышленности, торговлѣ, беречь и хранить вѣрованія и обычаи и жить, однимъ словомъ, одной общей жизнью съ народомъ.

3) *Организація государства.* Съ измѣненіемъ воззрѣнія на природу и цѣль государства должно было видоизмѣниться и воззрѣніе на организацію государственныхъ властей. Роль правительства не могла болѣе пониматься въ смыслѣ простого исполненія законовъ, изданныхъ властью законодательной; ему должна была быть предоставлена большая свобода и самостоятельность. Но съ предоставленіемъ правительственной власти большей свободы и самостоятельности прежнія гарантіи ея закономѣрности оказываются недостаточными. Современное правовое сознаніе не перестаетъ требовать отъ государства признанія извѣстныхъ, основныхъ правъ личности, но требуетъ и юридической гарантіи относительно ихъ приложенія; оно требуетъ принятія извѣстнаго правила англійскаго публичнаго права, въ силу котораго каждое право, будь оно частнымъ или публичнымъ, оберегается юридической защитой въ лицѣ независимаго суда; оно требуетъ отвѣтственности должностныхъ лицъ и самостоятельнаго мѣстнаго самоуправленія, которое отправлялось бы не чиновниками, а независимыми лицами. Въ этомъ самоуправленіи современная доктрина видитъ одну изъ главнѣйшихъ гарантій правового государства. Цѣлесообразной организаціей общественной самодѣятельности мѣстная администрація изъемлется какъ изъ-подъ произвола правительства, такъ и изъ-подъ произвола господствующей въ данное время партіи въ законодательномъ собраніи.

§ 67. **Воззрѣніе Лоренца Штейна на сущность государства.** На ученіи Лоренца Штейна о правовомъ государствѣ отразились всѣ тѣ явленія и воззрѣнія, которыя подорвали авторитетъ абстрактной философіи и видоизмѣнили пониманіе сущности государства и его цѣлей. Мы остановимся на этомъ ученіи пообстоятельнѣе потому, что оно всего полнѣе выражаетъ современныя воззрѣнія на правовое государство и всего точнѣе опредѣляетъ точку зрѣнія современной науки на тѣ требованія, которыя ставятся государственному устройству, заявляющему притязаніе на осуществленіе правового порядка.

Соціалистическія и національныя движенія, обнаружившія существованіе рядомъ съ государствомъ самостоятельныхъ союзовъ общества и національности, историческая школа, давшая толчокъ историческимъ изслѣдованіямъ и указавшая имъ плодотворную методу, расчистили путь къ иному пониманію государства, на которое перестали смотрѣть какъ на совокупность отдѣльныхъ лицъ, соединенныхъ добровольнымъ соглашеніемъ, а въ которомъ признали теперь историческій самобытный порядокъ. Такое воззрѣніе на государство Лоренцъ Штейнъ и выставилъ во главѣ своего ученія, лишь облекши его въ схоластическую формулу, въ которой онъ, ученикъ Гегеля, чувствуетъ особенное пристрастіе и которая, къ сожалѣнію, затемняетъ смыслъ его ученія и затрудняетъ его пониманіе. Самобытность государства и его недосягаемость для отдѣльныхъ лицъ Л. Штейнъ выражаетъ тѣмъ,

что опредѣляетъ государство *общеніемъ людей, возвысившимся до самостоятельной, самосознающей и самодѣятельной личности.* Государство есть такой же первоначальный, непроизводный, изначала существовавшій всемірный фактъ, какъ и человѣческая личность. Государство, какъ и „я“ человѣка, не есть ни искусственное учрежденіе, ни требованіе права, ни нравственное образованіе, ни логическое понятіе—государство есть высшая форма личности. Сущность его заключается въ томъ, что оно никѣмъ не учреждено, а имѣетъ свою причину, свое основаніе въ самомъ себѣ. Его необходимость и разумное основаніе не могутъ быть доказаны, какъ не можетъ быть доказано, почему и для чего существуетъ человѣческая личность. Оно есть тотъ великій фактъ, который возвышаетъ общеніе людей надъ людьми и даетъ этому общенію самостоятельное бытіе, независимое отъ воли отдѣльныхъ лицъ.

§ 68. **Воззрѣніе Л. Штейна на цѣли государства.** Государство, будучи такою самобытною личностью, не преслѣдуетъ извѣстныхъ цѣлей, какъ абстрактная философія, а живетъ, осуществляя разнообразныя задачи, вытекающія изъ его природы и изъ тѣхъ измѣнчивыхъ и текущихъ условій, среди которыхъ оно живетъ.

§ 69. **Ученіе Л. Штейна о государственной власти.** Если государство не есть система искусственныхъ учрежденій, а самобытная личность, то это государство не можетъ имѣть различныхъ властей, поручаемыхъ самостоятельнымъ политическимъ тѣламъ, а можетъ имѣть лишь единую власть, которая и есть воля этой единой личности, вооруженная соотвѣтствующей силой. Государство, какъ личность, имѣетъ единую волю и поэтому единую власть, но воля, проходящая различные моменты до своего осуществленія во внѣшнемъ мірѣ и встрѣчающая въ этомъ внѣшнемъ мірѣ различныя задачи, имѣетъ различные органы и области дѣятельности точно такъ же, какъ и человѣческая личность. Но эти органы, будучи органами единой личности, не дѣйствуютъ самостоятельно и внѣ связи другъ съ другомъ, а отправляютъ функціи, которыя суть проявленія единой личной дѣятельности. Ни одинъ органъ не можетъ хотѣть и дѣйствовать для себя; всякій органъ, не исключая и главы государства, въ каждомъ актѣ своей воли и своей дѣятельности долженъ хотѣть волю государства и проявлять дѣятельность государства. Всякое состояніе, въ которомъ отдѣльный органъ внѣшнею властью принуждается выступить отдѣльно и самостоятельно, есть опасность для государства; всякое состояніе, въ которомъ отдѣльный органъ дѣйствуетъ безъ согласія и безъ содѣйствія другихъ, является исключительнымъ притязаніемъ, нарушающимъ гармонію государственной жизни и раскрывающимъ просторъ личному произволу; каждое состояніе, въ которомъ отдѣльный органъ недостаточно развитъ, чтобы со своей стороны участвовать въ самоуправленіи и самодѣятельности цѣлаго, есть состояніе неразвитости и несовершенства. *Государственная власть, не есть поэтому власть того или другого лица, если даже это лицо представляетъ главу государства, не есть и власть того или другого органа, если даже этотъ органъ есть высшее учрежденіе въ государствѣ; государственная власть есть скорѣе совокупность силъ (Thatkraft) всѣхъ органовъ, мыслимыхъ какъ единство, это—единая, жизненная сила личности государства въ его разнообразныхъ задачахъ.* Если принять во вниманіе, что каждая отдѣльная функція и каждая

отдѣльная задача не что иное, какъ выразители цѣлаго, и поэтому носятъ въ себѣ сущность и силу всей государственной власти, то, конечно, можно говорить объ отдѣльныхъ государственныхъ властяхъ, но при этомъ не должно забывать, что эти отдѣльныя власти выражаютъ собою не что иное, какъ функцію отдѣльныхъ органовъ, дѣйствующихъ не иначе, какъ для государства, какъ цѣлаго.

§ 70. **Воззрѣніе Л. Штейна на раздѣленіе властей.** Если государственная власть есть жизненная сила, проявляющаяся во всѣхъ функціяхъ и органахъ государства, то ее нельзя дѣлить, какъ нельзя дѣлить тотъ психологическій процессъ, который мы называемъ волею человѣка, подчиняющей себѣ объекты внѣшняго міра. *Но если нельзя дѣлить государственную власть, какъ единую жизненную силу, которой дѣйствуетъ и живетъ государство, то можно различать въ этой силѣ различные элементы и указать на тѣ различные органы, чрезъ которые она проявляется.*

Государство, какъ и человѣкъ, есть личность, но личность высшаго порядка, и всѣ элементы личности мы встрѣчаемъ и въ государствѣ, но съ тѣмъ различіемъ, что въ человѣкѣ они представляются намъ въ зачаточной формѣ, неясными и неразвитыми, между тѣмъ какъ въ государствѣ они являются организмами съ самостоятельнымъ бытіемъ и особымъ назначеніемъ. *Первымъ элементомъ личности будетъ ея „я“, ея индивидуальность,* которой она отличается отъ всѣхъ другихъ. Этотъ элементъ личности, который въ человѣкѣ не имѣетъ особаго организма, въ государствѣ имѣетъ свой особый органъ въ лицѣ главы государства. „Его функція заключается въ томъ, — говоритъ Штейнъ,—чтобы представлять личное единство всѣхъ моментовъ государства и выражать ихъ въ личномъ бытіи и волѣ“. Это — „я“ государства. Не можетъ существовать государства безъ такой самостоятельной верховной власти, ибо въ ней тотъ пунктъ, въ которомъ жизнь государства возвысилась надъ всѣми особенностями и интересами, чувствуетъ и осуществляетъ свое личное единство. *Второй органъ,*—продолжаетъ Штейнъ,—*есть органъ государственной воли.* Такъ какъ государство, по своему существу, есть прежде всего единство отдѣльныхъ личностей, то и государственная воля можетъ быть, прежде всего, чисто личною волею верховной власти. Но такъ какъ отдѣльная личность самоопредѣляется по своему существу, то воля государства до тѣхъ поръ остается неорганическою, пока этотъ моментъ индивидуальнаго самоопредѣленія не воспринятъ государственною волею. Признаніе въ государствѣ этого самоопредѣленія мы называемъ свободою. Государственная воля поэтому только тогда дѣлается органическою, когда она свободна. Воспріятіе индивидуальнаго самоопредѣленія въ личную волю государства требуетъ особаго организма, народнаго представительства, и лишь въ томъ государствѣ господствуетъ свобода, въ которомъ есть этотъ организмъ, и лишь его наличность возвышаетъ государство на степень самоопредѣляющейся личности. *Третій органъ есть органъ дѣятельности государства.* Этотъ органъ Штейнъ называетъ организмомъ управленія въ широкомъ смыслѣ. Онъ осуществляетъ дѣятельность государства и соотвѣтствуетъ тому, что французы называютъ pouvoir exécutif, исполнительною властью, и что мы привыкли называть властью правительственною.

Это управленіе, въ свою очередь, распадается, по Штейну, 1) на исполнительное въ собственномъ смыслѣ и 2) на управленіе (Verwaltung). Различіе этихъ двухъ областей составляетъ самую оригинальную черту въ ученіи Штейна и вытекаетъ у него изъ слѣдующихъ соображеній.

Законъ для своего осуществленія не только нуждается въ силѣ, которая заставляла бы исполнять этотъ законъ и подчиняла бы ему людей и отношенія, но и въ волѣ, которая орудовала бы этой силой, которая общую волю, выраженную въ законѣ, примѣняла бы къ конкретнымъ отношеніямъ. Министръ, которому предстоитъ примѣнить извѣстный законъ, не можетъ быть нѣмымъ орудіемъ закона, которое служитъ только проводникомъ общихъ положеній, выраженныхъ въ законѣ, но и долженъ быть живою, самостоятельною силою, которая вкладываетъ въ общія формулы закона то конкретное содержаніе, которое требуется условіями мѣста и времени. Онъ имѣетъ по этому свою волю, которой дѣлаетъ волю, выраженную въ законѣ, приложимой къ даннымъ обстоятельствамъ, которая, такъ сказать, оживотворяетъ и осуществляетъ абстрактную волю, выраженную въ законѣ. Исполнительная власть имѣетъ свою волю, которая хочетъ волю закона и которая, какъ выражается Штейнъ, есть воля воли государства. И если волю государства мы называемъ закономъ, то волю исполнительной власти, которая хочетъ исполненія закона, мы называемъ распоряженіемъ. *И эту-то волю, которая хочетъ исполненія закона и вооружена соотвѣтствующей силой, Штейнъ и называетъ исполнительною властью.* Эта сила является частью самостоятельнымъ организмомъ, частью присуща каждому правительственному органу, какъ часть его функціи.

Отъ исполнительной власти Штейнъ отличаетъ управленіе, которое есть дѣятельность государства, направленная на различныя задачи. Эта дѣятельность по своимъ объектамъ, въ свою очередь распадается на три области. Первый предметъ управленія есть хозяйственная жизнь, которую мы, по ея главной части, называемъ финансами, а управленіе ею—финансовымъ управленіемъ. Второй предметъ есть сохраненіе неприкосновенности отдѣльной личности въ сношеніяхъ съ другими, или осуществленіе частнаго права, другими словами отправленіе провосудія. Третья область внутренней жизни основывается на томъ, что дѣйствительное государство состоитъ именно изъ совокупности своихъ гражданъ, и что, стало быть, степень цѣльнаго личнаго развитія каждаго члена характеризуетъ въ то же время степень и содержаніе развитія самого государства. Стало быть, этотъ успѣхъ каждаго отдѣльнаго лица составляетъ существенную задачу цѣлаго; относящуюся сюда дѣятельность государства мы называемъ внутреннимъ управленіемъ. Итакъ, подъ исполнительною властью Штейнъ понимаетъ тотъ организмъ, который вооруженъ волею и силою для исполненія закона и осуществленія различныхъ административныхъ задачъ, подъ управленіемъ же—дѣятельность этого организма, направленную на эти задачи. Исполнительная власть есть организмъ, какъ орудіе дѣятельности государства, а управленіе есть самая эта дѣятельность.

Итакъ, государственная власть, по Штейну, распадается на три функціи по тремъ моментамъ личной жизни государства.

I. Государство есть личность и, какъ таковая, имѣетъ свое „я“. Это „я“ и есть глава государства, которая своей санкціей возводитъ всякій государственный актъ на степень личнаго акта государства. Власть этой главы государства и есть верховная власть въ собственномъ смыслѣ.

II. Государство имѣетъ свою волю. Эту волю мы называемъ закономъ, а ту власть, которая призвана выражать эту волю, — властью законодательной.

III. Государство имѣетъ свою дѣятельность, которую мы называемъ управленіемъ. Организмъ, вооруженный волею и силою для осуществленія этой дѣятельности, мы называемъ исполнительною властью, а самую дѣятельность — управленіемъ въ собственномъ смыслѣ. Это управленіе распадается на три области: 1) на хозяйственное управленіе, 2) юрисдикцію и 3) внутреннее управленіе *).

§ 71. **Отношеніе Л. Штейна къ его предшественникамъ.** Ученіе Штейна о государственной власти всего лучше показываетъ, въ какой степени современное правовое сознаніе восприняло требованіе Монтескье раздѣленія властей, какъ гарантіи правового порядка. Л. Штейнъ, какъ и Монтескье, вооружается противъ того государственнаго устройства, которое господствуетъ въ абсолютной монархіи и въ которомъ законъ и повелѣніе совпадаютъ въ личной волѣ главы государства, т.-е. всякое повелѣніе есть законъ. Послѣдствіемъ такого совпаденія, при неотвѣтственности законодателя и абсолютности закона, является то, что исполнительная власть въ качествѣ законодательной господствуетъ надъ всею государственною жизнью во всѣхъ пунктахъ. А такъ какъ она по необходимости бываетъ личной, то, стало быть, и все государство подчинено личной волѣ государственной главы, т.-е. не свободно.

Но Л. Штейнъ вмѣстѣ съ Монтескье не только требуетъ самостоятельности законодательной власти по отношенію къ исполнительной власти, но и самостоятельности послѣдней по отношенію къ законодательной, самостоятельности, которой не признавали Руссо и доктрина народнаго суверенитета, безусловно подчинявшіе исполнительную власть законодательной. Онъ возстаетъ противъ этого принципа, по которому опять исполнительная власть не имѣетъ самостоятельности, и законодательство, образуемое совокупностью народа, само береть въ свои руки исполненіе. Здѣсь всякій законъ есть въ то же время повелѣніе; послѣдствіемъ этого подчиненія является то, что исполненіе имѣетъ полномочія только на то, что прямо выражено и предписано закономъ, вслѣдствіе чего, хотя свобода обезпечена, но развитіе дѣйствительной жизни медленно подвигается впередъ. Дальнѣйшее же

*) Все ученіе можно изобразить въ такой схемѣ:

Государство.

| I. „Я“ государства (глава государства). | II. Воля государства (законодательство). | III. Дѣятельность государства (управленіе). | |
|---|---|---|---|
| | | 1. Исполнительная власть (сила и воля управленія). | 2. Управленіе въ собственномъ смыслѣ. |
| | | | Дѣятельность государства: a) хозяйственная, b) юрисдикція, c) внутреннее управленіе. |

слѣдствіе заключается въ господствѣ интересовъ надъ законодательствомъ, возникаетъ управленіе большинства интересовъ и, слѣдовательно, стѣсненіе свободнаго общественнаго движенія. Это состояніе обусловливаетъ господство сильныхъ надъ слабыми во имя интересовъ господствующихъ классовъ, борьбу подчиненныхъ классовъ съ господствующими,—отсюда свобода сама собою разлагается.

Итакъ, Л. Штейнъ, какъ и Монтескье, требуетъ самостоятельности законодательной власти и такой же самостоятельности исполнительной власти и въ этомъ видитъ главную гарантію господства закона. Но Монтескье ради обезпеченія этой самостоятельности требуетъ безусловнаго отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной и ставитъ ихъ несогласованными и разобщенными двумя независимыми политическими тѣлами; Л. Штейнъ признаетъ въ нихъ лишь различныя функціи одного и того же организма, функціи, поручаемыя особымъ органомъ этого организма. Самостоятельность же ихъ обезпечивается тѣмъ, что за законодательною властью признается исключительное право издавать законы, а за исполнительною властью — исключительное право издавать повелѣнія, которыя никогда не должны противорѣчить законамъ, а лишь примѣнять ихъ къ жизни и дополнять ихъ тамъ, гдѣ это требуется. За каждою изъ этихъ властей признается своя компетенція, въ которой онѣ вращаются свободно и которую ни одна не можетъ расширять въ ущербъ другой. Надъ ними стоитъ власть главы государства, которая участвуетъ какъ въ законодательствѣ, такъ и въ исполненіи и установляетъ ихъ согласное дѣйствіе. Но и эта королевская власть имѣетъ свою компетенцію и свою организацію, которую она не можетъ переступать и которая служитъ гарантіей самостоятельности власти исполнительной и законодательной отъ королевской. Другими словами, не дѣленіемъ властей обезпечивается закономѣрность, а ихъ самостоятельной организаціей и разграниченіемъ ихъ компетенціи, предѣлы которой охраняются юридическими нормами, гарантированными конституціей и охраняемыми судомъ.

---

## ГЛАВА IX.

### Основныя понятія государственнаго права по ученію современныхъ публицистовъ.

§ 72. **Современныя воззрѣнія на юридическую природу государства и государственной власти.** Направленіе, которое явилось на смѣну органической школѣ и которое является въ настоящее время господствующимъ, имѣетъ своими представителями Гербера, Зейделя, Лабанда, Іелинека. Характерной чертой этого направленія выступаетъ требованіе—изучать государство съ юридической и только съ юридической стороны, предоставляя другимъ наукамъ изучать его съ другихъ сторонъ.

Что-же понимать подъ юридической стороной государства? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо уяснить себѣ специфическую природу тѣхъ величинъ, изученіе которыхъ входитъ въ область, отмежеванную юриспруденціи.

Величины, которыми орудуетъ юристъ, суть величины отвлеченныя; онѣ никакого реальнаго бытія не имѣютъ: ихъ нельзя ни видѣть, ни осязать, ни взвѣсить. Это—такія же отвлеченныя величины, какъ тѣ, которыми орудуетъ математикъ. Какъ нельзя осязать ни точки, ни круга, ни линіи, такъ нельзя осязать ни права собственности, ни всякаго другого юридическаго отношенія. Я могу показать свой домъ, могу любоваться имъ, но моего права собственности на него я осязать не могу. Я могу видѣть человѣка, но субъекта правъ я никогда не увижу. Я могу ходить по землѣ, которая перешла ко мнѣ по договору найма, но самого договора найма я никогда не ощупаю, сколько бы я ни вертѣлъ въ своихъ рукахъ нотаріальный актъ.

Юридическія нормы и юридическія отношенія не имѣютъ никакого внѣшняго бытія и существуютъ исключительно во внутреннемъ сознаніи человѣка.

Всякое юридическое отношеніе имѣетъ, конечно, матеріальный субстратъ, но предметомъ изученія юриста является не этотъ матеріальный субстратъ, а самое юридическое отношеніе. Юристъ изучаетъ семью, напримѣръ, лишь со стороны той правовой связи, которая объединяетъ членовъ семьи. Юристу нѣтъ никакого дѣла до физіологическаго основанія семьи; онъ не задаетъ себѣ вопроса, въ чемъ нравственная цѣль семьи; онъ не изучаетъ хозяйственной жизни семьи: онъ имѣетъ въ виду только правовую форму семьи. И то же самое мы должны сказать и о государствѣ: и здѣсь мы различаемъ матеріальный субстратъ и юридическое отношеніе. *Матеріальнымъ субстратомъ государства являются территорія и люди, юридическимъ же отношеніемъ является та связь, которою государственная организація объединяетъ людей въ одно цѣлое и надѣляетъ какъ органовъ, такъ и членовъ государства правами и обязанностями. Только эта связь и является предметомъ изученія юриста.* Вопросы о нравственномъ основаніи государства, о конечныхъ цѣляхъ государства, объ историческомъ происхожденіи государства, вопросы о физіологическихъ, психологическихъ и экомическихъ связяхъ, объединяющихъ народъ,—все это вопросы, которые могутъ быть предметомъ науки о государствѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова и которые изучаются спеціально особыми отраслями знанія: антропологіей, этнографіей, политическою экономіей, психологіей и этикой, но которые въ область, отмежеванную государственному праву, какъ наукѣ юридической, во всякомъ случаѣ, не входятъ.

Если такова задача догмы государственнаго права, то опредѣленіе государства, которое бы соотвѣтствовало этой задачѣ, должно ставить себѣ цѣлью—охарактеризовать государство не со стороны его матеріальнаго субстрата, а лишь со стороны той юридической связи, которая объединяетъ людей въ одно организованное цѣлое и надѣляетъ ихъ извѣстными правами и обязанностями.

Природа этой юридической связи понимается различными учеными неодинаково:

1) Одни объясняютъ эту связь личнымъ господствомъ, подчиненіемъ людей людямъ.

2) Другіе объясняютъ эту связь общественнымъ господствомъ, подчиненіемъ людей господству государства, какъ цѣлаго.

Если всмотрѣться ближе въ то разногласіе, которое разъединяетъ эти два направленія, то окажется, что оно сводится къ разрѣшенію одного коренного вопроса, который можно формулировать такъ: *Представляетъ-ли государство воле-и дѣеспособное иѣлое, состоящее надъ людьми, или же это иѣлое только фикція, а въ дѣйствительности государство не что иное, какъ сумма физическихъ лицъ, сдерживаемыхъ въ единство волею властителя?*

§ 73. **Реалистическое направленіе (Зейдель, Линггъ).** То направленіе, которое называетъ себя реалистическимъ, отрицаетъ существованіе государства, какъ цѣлаго.

Представителемъ этого направленія является Зейдель. Для него не существуетъ другого правового единства, кромѣ человѣка. Только человѣкъ можетъ дѣйствовать, только человѣкъ можетъ хотѣть, государство не можетъ имѣть воли, не можетъ быть поэтому ни субъектомъ правъ, ни субъектомъ государственной власти. Государство есть совокупность людей, живущихъ на опредѣленной территоріи и подчиненныхъ власти одной господствующей воли. Эта воля—субъектъ власти, территоріи и люди—объектъ этой воли. Воля властителя стоитъ надъ государствомъ и подчиненіе этой воли людей и территоріи только и придаетъ имъ государственный характеръ. Территорію и людей называютъ государствомъ тогда, когда они подвластны, точно также какъ и вещь называютъ собственностью только тогда, когда она имѣетъ господина. Господствующею надъ людьми и территоріей волей можетъ быть только человѣческая воля, ибо на землѣ только человѣкъ одаренъ разумной волей. Абстракція-государство не можетъ хотѣть, конкретное государство можетъ быть только подвластно. Оно не можетъ имѣть воли, оно можетъ быть только объектомъ воли. Въ государствѣ должны, слѣдовательно, существовать люди, которымъ была бы присуща власть своей волей господствовать надъ остальными. Верховная властвующая воля, является ли она волею одного, нѣсколькихъ или многихъ, всегда есть воля надъ государствомъ, а никогда не является волею государства. Воля государства—пустая фикція.

Послѣдователемъ Зейделя является Линггъ. Онъ нѣсколько видоизмѣняетъ доктрину своего учителя тѣмъ, что ставитъ господствующую волю не надъ государствомъ, а въ государство; но эта воля, также какъ у Зейделя, не воля государства, а воля государя. Интересъ, который представляютъ *Эмпирическія изслѣдованія* Линга, заключается поэтому не въ оригинальности его ученія, а только въ томъ, что онъ подробнѣе обосновываетъ индивидуалистическій взглядъ Зейделя на государство и съ точки зрѣнія этого взгляда даетъ не лишенную остроумія критику новѣйшихъ ученій о государствѣ.

Линггъ рѣзко подчеркиваетъ тотъ взглядъ Зейделя, по которому государство—ничто иное, какъ сумма индивидовъ, а государственная власть не воля государства, а физическая воля конкретнаго правителя. Государство, по его опредѣленію, это тотъ фактъ, въ силу котораго множество людей осѣдлыхъ подчинены одной господствующей волѣ. Это множество своимъ подчиненіемъ одной волѣ не возвышается на степень новаго существа, новой реальности. Реальны только индивиды, которые представляются намъ единствомъ лишь съ точки зрѣнія ихъ подчиненія одной властвующей волѣ. Войско, надъ которымъ господствуетъ полководецъ, не есть новое существо, возвышающееся надъ отдѣльными

солдатами, а только множество, подчиненныхъ господству одной воли, воли полководца. Воля, которая отдѣлилась бы отъ физическихъ лицъ и сгустилась бы въ самостоятельное единство,—это такое представленіе, которое на почвѣ опыта сложиться во всякомъ случаѣ не могло. Государство не что иное, какъ сумма отдѣльныхъ индивидовъ. Между тѣмъ, этой суммѣ хотятъ во что бы то ни стало приписать свойство, которымъ не обладаетъ ни одинъ изъ слагаемыхъ. Всѣ согласны въ томъ, что отдѣльный подданный не властвуетъ, какъ же можетъ властвовать сумма подданныхъ? Невозможно суммѣ А, В до Х приписывать способность, которую не имѣетъ ни А, ни В, ни вообще Х. Связывая Х палочекъ никогда не получишь (Х+1) палочекъ.

Дальше, кажется, въ реалистическомъ напр вленіи идти некуда. Чтобы какъ можно реальнѣе изобразить существующія въ государствѣ отношенія между людьми, ихъ сравниваютъ съ палочками и увѣряютъ, что, кромѣ суммы палочекъ, въ государствѣ ничего не существуетъ. Если уже быть послѣдовательнымъ, то слѣдовало бы продолжать это сравненіе въ реалистическомъ духѣ, и, иллюстрируя эмпирически отношенія властвованія въ государствѣ, сказать, что государство есть сумма палочекъ, государственная власть палочка, ударяющая по другимъ палочкамъ, а подданные тѣ палочки, по которымъ ударяютъ.

Это направленіе называетъ себя реалистическимъ; мы же вмѣстѣ съ Іеллинекомъ назовемъ его нигилистическимъ и думаемъ, что другого названія не заслуживаетъ доктрина, которая сводитъ весь юридическій строй къ суммѣ отдѣльныхъ лицъ, связанныхъ подчиненіемъ одной личной волѣ правителя и которая раздѣляетъ весь родъ человѣческій на двѣ половины, изъ которыхъ одна только молотъ, а другая только наковальня. Не инымъ, какъ названіемъ нигилизма, слѣдуетъ заклеймить направленіе, которое отрицаетъ политическіе принципы и политическіе идеалы современнаго человѣка только потому, что эти принципы и эти идеалы нельзя ни взвѣсить, ни ощупать.

Если признавать реальнымъ только то, что можно взвѣсить и видѣть, то придется не только отрицать государство, какъ цѣлое, и государственную власть, какъ волею этого цѣлаго, но придется отрицать и всю область правовыхъ явленій, ибо какъ мы показали выше, всѣ юридическія величины суть величины отвлеченныя, которыя существуютъ только въ нашемъ сознаніи.

Государство не представляетъ собою, конечно, единства въ томъ смыслѣ, въ какомъ единствомъ является данный человѣкъ, данная лошадь, данная букашка, данное дерево. Государство не есть физическая личность въ большихъ размѣрахъ, не есть организмъ, который можно осязать и взвѣсить. Государство есть единство юридическое, которое, какъ и все юридическое, нельзя ни видѣть, ни осязать. *Государство является единствомъ въ силу той искусственной юридической организаціи, которая дана ему людьми. Эта организація возводитъ государство на степень юридическаго единства въ томъ смыслѣ, что дѣлаетъ государство воле- и дѣеспособнымъ цѣлымъ: она создаетъ органы, естественная воля и естественная дѣятельность которыхъ, выраженная въ юридическихъ формахъ и, осуществленная въ юридическихъ границахъ признается юридическою волей и юридическими дѣйствіями государства, какъ цѣлаго.* Эта организація установляетъ далѣе извѣстную іерархію между этими органами, которая имѣетъ цѣлью поставить ихъ въ опре-

дѣленное соотношеніе другъ къ другу, согласовать ихъ дѣятельность, предупреждать и улаживать могущіе возникнуть между ними споры и пререканія. И всѣ эти юридическія нормы проникнуты одною тенденціей—возвести дѣятельность отдѣльныхъ органовъ, которые суть не что иное, какъ физическія лица, на степень безстрастной и безличной дѣятельности государства, какъ цѣлаго. Существуетъ въ этой организаціи и цѣлый рядъ другихъ юридическихъ нормъ, которыя заставляютъ насъ видѣть въ государствѣ воле- и дѣеспособное цѣлое, остающееся то же, не смотря на смѣну людей и поколѣній. Порядокъ престолонаслѣдія по закону, институтъ регентства на случай малолѣтства государя, порядокъ замѣщенія должностей, строгое разграниченіе публичныхъ правъ органа отъ сферы его индивидуальныхъ правъ,—всѣ эти нормы и учрежденія имѣютъ цѣлью обезпечить непрерывность и единство государственной дѣятельности, на протяженіи не только всей территоріи, но и всего времени, отмежеваннаго жизни даннаго государства.

Съ точки зрѣнія реалистическаго направленія, всѣ эти учрежденія и нормы не имѣютъ никакого оправданія и никакого смысла. Чтобъ оставаться послѣдовательными, писатели этой школы должны утверждать, что со смѣною правителей происходитъ и смѣна государствъ, что, напримѣръ, Франція до преступленія Казеріо была одно государство, а послѣ убійства Карно стала другимъ государствомъ. Такъ и разсуждаетъ Лингтъ, который цѣлую страницу своихъ *Эмпирическихъ изслѣдованій* посвящаетъ доказательству того, что Англія 1889 года одно государство, а Англія 1739 г. другое государство.

Трудно подыскать болѣе рельефный примѣръ тому, къ какимъ нелѣпымъ выводамъ приводитъ доктрина, которая не умѣетъ разглядѣть въ государствѣ цѣлаго и единство государства объявляетъ пустою фикціей.

Государственное единство не есть фикція. Подъ фикціей мы понимаемъ искусственный пріемъ юридической техники, который имѣетъ своею задачей—правила, выработанныя въ примѣненіи къ отношеніямъ извѣстнаго рода, примѣнять къ отношеніямъ другого рода. Имѣя въ виду эту цѣль, фикція фингируетъ первыя отношенія однородными со вторыми,—другими словами, фикція, ради упрощенія юридической конструкціи, придумываетъ факты и эти вымышленные факты приравниваетъ къ дѣйствительно существующимъ. Утверждая, что государство есть юридическое единство, мы ни къ какому вымыслу не прибѣгаемъ, а выставляемъ только абстрактное понятіе, которое соотвѣтствуетъ вполнѣ конкретнымъ отношеніямъ. Опредѣляя государство юридическимъ единствомъ, мы этимъ констатируемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что государство есть союзъ, организованный въ искусственное юридическое цѣлое, имѣющее юридическую волю, отличную отъ суммы естественныхъ воль наличныхъ членовъ государства.

Юридическая фикція не можетъ объяснить тѣхъ отношеній, которыя, при ея помощи конструируются; не можетъ объяснить ихъ потому, что эти отношенія замѣняетъ другими вымышленными. Опредѣляя же государство юридическимъ единствомъ, столь отличнымъ отъ конкретныхъ, осязательныхъ единствъ, мы именно *объясняемъ* существующія въ государствѣ отношенія,—всѣ тѣ отношенія, которыя заставляютъ насъ видѣть въ подчиненіи гражданъ государственной власти не подчи-

неніе лица лицу, а подчиненіе члена союза союзу, въ дѣятельности государственныхъ органовъ—не дѣятельность тѣхъ или другихъ физическихъ лицъ, а дѣятельность государства, въ законѣ—не распоряженіе опять же того или другого лица, а велѣніе государства.

Та юридическая конструкція, которую даетъ государству реалистическое направленіе, вполнѣ примѣнима къ патримоніальному государству, но именно потому совершенно непримѣнима къ современному государству [1]).

Патримоніальное государство было основано на началѣ неравенства: это былъ союзъ сильныхъ со слабыми; первые господствовали надъ вторыми въ своихъ интересахъ, вторые искали покровительства у первыхъ опять же въ своихъ интересахъ; не сознаніе общественныхъ цѣлей объединяло людей въ государство, а только соотвѣтствіе различныхъ интересовъ, совпаденіе интересовъ сильныхъ съ интересами слабыхъ. Конструируя такія отношенія властованія, можно, вмѣстѣ съ представителями реалистическаго направленія, утверждать, что субъектъ государственной власти—личная воля правителей, а объектъ этой власти—территорія вмѣстѣ съ живущими на ней людьми. Утверждать же это по отношенію къ современному государству — значитъ закрывать глаза на самые безспорные принципы современнаго государственнаго строя. Современное государство основано не на союзѣ сильныхъ со слабыми, а на равенствѣ всѣхъ гражданъ; оно покоится не на совпаденіи личныхъ интересовъ слабыхъ съ личными интересами сильныхъ, а на общественномъ интересѣ; оно является не союзомъ личнаго господства, а союзомъ общественнаго господства.

§ 74. **Идеалистическое направленіе.** (Герберъ, Лабандъ, Іеллинекъ). Обращаемся теперь къ той группѣ писателей, которые объясняютъ юридическую связь, объединяющую людей въ государство, не личнымъ господствомъ, а общественнымъ господствомъ, — другими словами, не личною волей властителей, а общественною волей государства.

Для писателей этой группы государство не есть сумма лицъ, связанныхъ подчиненіемъ естественной волѣ физическихъ лицъ, это—самостоятельное цѣлое, которое имѣетъ свои цѣли, свою волю, свою дѣятельность.

Если органическая школа объясняла единство государствъ тѣмъ, что видѣла въ государствѣ организмъ, живущій своей самостоятельной жизнью, то современные публицисты находятъ, что понятіе это—остатокъ пережитаго направленія, орудовавшаго непригодными для право-

---

[1]) Юридическая структура государства не есть нѣчто неизмѣнное, разъ навсегда вылившееся въ извѣстныя формы и застывшее въ этихъ формахъ. Юридическая структура есть дѣло рукъ человѣческихъ, есть результатъ дѣятельности людей, которые въ этой своей дѣятельности сообразуются съ фактическими отношеніями и руководятся своими воззрѣніями на цѣли государственнаго общежитія и на тѣ интересы, которымъ это общежитіе должно удовлетворять И съ измѣненіемъ этихъ отношеній и этихъ воззрѣній измѣняется и юридическая структура государства. Единомышленники Фридриха II, который называлъ себя первымъ слугою государства, дадутъ этому государству юридическую конструкцію, отличную отъ той, которую построятъ поклонники политическаго идеала Людовика XIV, сказавшаго, что государство, это—я. Нашъ государственный строй получитъ различное объясненіе, смотря по тому, въ какую эпоху и съ какихъ точекъ зрѣнія мы будемъ его изучать, — въ эпоху-ли Петра и съ точки зрѣнія доктрины Правды воли монаршей, или въ эпоху Екатерины и съ точки зрѣнія началъ Великаго Наказа, или въ эпоху Александра и съ точки зрѣнія принциповъ, лежащихъ въ основѣ освободительныхъ реформъ предпрошлаго царствованія.

вѣда метаюридическими понятіями. Юристъ, говорятъ они, ищетъ прежде всего ясныхъ и точныхъ понятій, и такимъ понятіемъ во всякомъ случаѣ не является та мистическая личность, которую описываетъ Штейнъ.

Юридическая школа, наиболѣе видными представителями которой являются Лабандъ и Іеллинекъ, замѣняютъ понятіе организма понятіемъ юридическаго лица.

Опредѣляя человѣка или человѣческій союзъ юридическимъ лицомъ, эти писатели указываютъ, не на естественное свойство, а на свойство юридическое, на то свойство, въ силу котораго этотъ человѣкъ или союзъ является субъектомъ правъ.

Рабъ былъ физическимъ лицомъ, но не былъ лицомъ юридическимъ, онъ былъ homo, а не persona. Утверждая это, мы говоримъ, что рабъ не обладалъ юридическимъ свойствомъ—быть субъектомъ правъ. „Юридическое понятіе лица,—говоритъ Лабандъ,—означаетъ не что иное, какъ правоспособность; лицо въ юридическомъ смыслѣ указываетъ на одно только свойство, которымъ все это понятіе и исчерпывается. Это свойство—быть субъектомъ правъ“. „Юридическимъ лицомъ,—говоритъ Бернацикъ, резюмируя взгляды современныхъ писателей,—является всякій человѣкъ или всякій союзъ, за которымъ правовой порядокъ признаетъ способность быть носителемъ субъективнаго права“.

Юридическое лицо не есть поэтому фикція, способъ юридической конструкціи. Если я говорю, что современный человѣкъ является не только физическимъ, но и юридическимъ лицомъ, то я, конечно, ничего не фингирую, а только выражаю общепризнанный принципъ, по которому современное государство не знаетъ безправныхъ людей. Но я также ничего не фингирую, когда я говорю, что наша сельская община—юридическое лицо; я этимъ только констатирую, что наше законодательство признаетъ сельскую общину правоспособнымъ цѣлымъ, обладающимъ правомъ пріобрѣтать имущество, выступать отвѣтчикомъ и истцомъ на судѣ и т. д.

Въ этомъ смыслѣ, конечно, и государство—юридическое лицо, ибо и оно является субъектомъ правъ. Но мы думаемъ, вмѣстѣ съ Генелемъ, что это понятіе далеко не исчерпываетъ специфическія черты юридической природы государства. Чтобы точнѣе опредѣлить эти черты, нужно сравнить государство съ другими общественными союзами и показать, по какимъ юридическимъ признакамъ можно отличить государство отъ всякаго другого человѣческаго соединенія. Это и составитъ задачу послѣдующаго изложенія.

§ 75. **Классификація общественныхъ союзовъ.** 1. *Союзы, основанные на началѣ неравенства* (союзы личнаго господства). Всѣ человѣческія соединенія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни основаны на началѣ равенства, другія на началѣ неравенства. Первыя предполагаютъ лицъ, входящихъ въ союзъ, равными въ смыслѣ ихъ одинаковой способности содѣйствовать цѣлямъ союза, хотя степень этого содѣйствія можетъ быть безконечно разнообразна. Вторыя, напротивъ, предполагаютъ людей неравными въ томъ смыслѣ, что однихъ лицъ, принадле-

жащихъ къ союзу, считаютъ сильными, другихъ безсильными передъ тою задачей, которая поставлена союзу *).

Къ первой группѣ принадлежатъ и церковь, и акціонерная компанія, и сельская община, и промышленное товарищество, и монашескій орденъ, и ученое общество. Какія бы различныя цѣли эти союзы ни преслѣдовали, какъ бы разнообразна ихъ организанія ни была, всѣ они имѣютъ то общее между собою, что лица, входящія въ ихъ составъ, признаются одинаково способными служить тѣмъ интересамъ, которые объединили ихъ въ союзъ.

Совершенно не то видимъ мы въ союзахъ, основанныхъ на началахъ неравенства. Сюда относится семья, союзы господина и раба, помѣщика и крѣпостного, сюда же принадлежитъ и патримоніальное государство.

О равенствѣ членовъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Рабъ безсиленъ и безправенъ передъ своимъ господиномъ; члены семьи безпомощны передъ тою цѣлью, носителемъ которой являются paterfamilias, сидящіе на землѣ помѣщика крѣпостные бѣдны и хилы передъ богатствомъ и силою помѣщика. Это—не союзъ равныхъ; это—союзъ слабыхъ съ сильными; первые ищутъ покровительства у вторыхъ, подчиняются ихъ власти, признаютъ ихъ своими господами.

II. *Союзы, основанные на началѣ равенства* (союзы общественнаго господства). Союзы, основанные на началѣ равенства, можно раздѣлить на двѣ группы по различію тѣхъ интересовъ, которые они преслѣдуютъ. Эти интересы двоякаго рода: интересы индивидуальные и интересы общественные.

Различіе между этими двумя группами интересовъ, объясненное нами выше (§ 1), обусловливаетъ собою раздѣленіе общественныхъ союзовъ, основанныхъ на началѣ равенства, на два вида. Къ первому относятся союзы, преслѣдующіе индивидуальные интересы (товарищества), ко второму—союзы, преслѣдующіе общественные интересы (корпораціи).

А. Союзы, преслѣдующіе индивидуальные интересы (товарищество societas).

Интересы первой группы, сказали мы выше, по силамъ индивидуальной самодѣятельности: они могутъ быть преслѣдуемы и человѣкомъ, особнякомъ стоящимъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что они непремѣнно должны быть преслѣдованы усиліями отдѣльныхъ лицъ. Мы нерѣдко видимъ, что люди, преслѣдуя исключительно свои индивидуальные интересы, ради болѣе успѣшнаго преслѣдованія ихъ, соединяются съ другими. Индивидуальные интересы не превращаются, однако, этимъ въ общественные и нисколько своихъ эгоистическихъ мотивовъ и цѣлей не утрачиваютъ. У меня есть земля, я хочу ее эксплуатировать, чтобы получить съ нея доходъ, но у меня нѣтъ денегъ; я нахожу капиталиста,

---

*) Интересную классификацію общественныхъ союзовъ, не лишенную оригинальности, даетъ *Haenel:* „Deutsches Staatsrecht". I B., стр. 75—81. Хотя мы отъ нея и отступаемъ въ существенныхъ пунктахъ, тѣмъ не менѣе, мы обязаны ей нѣкоторыми новыми точками зрѣнія. То, чему мы въ предложенной нами классификаціи склонны придать наибольшое значеніе, это—раздѣленіе всѣхъ человѣческихъ соединеній по началу равенства. Мы думаемъ, что, различая союзы личнаго господства отъ союзовъ общественнаго господства, мы нашли существенный признакъ, отличающій современное государство отъ государства стараго порядка.

который вступаетъ со мной въ компанію, преслѣдуя такіе же эгоистическіе интересы, какъ и я: онъ хочетъ выгодно помѣстить свой капиталъ, какъ я хочу получить доходъ съ своей земли. Но ни я, ни онъ ничего не смыслимъ въ хозяйствѣ; мы находимъ агронома, который вступаетъ въ наше товарищество. И агрономъ соединяется съ нами изъ чисто-эгоистическихъ побужденій: онъ желаетъ получить процентъ со своего знанія, какъ я его хочу получить со своей земли, а капиталистъ со своего капитала. Наше товарищество ведетъ общее предпріятіе, преслѣдуетъ общій интересъ товарищей. Но этотъ общій интересъ не что иное, какъ совокупность личныхъ интересовъ товарищей; если можно говорить тутъ объ общей волѣ, руководящей дѣлами товарищества, то эта общая воля не что иное, какъ сумма волей отдѣльныхъ товарищей. Каждый, подчиняясь ей, подчиняется своей собственной волѣ, слѣдуетъ внушеніямъ своего личнаго интереса. Всѣ участвуютъ въ выгодахъ общаго предпріятія, въ общемъ интересѣ, но только соотвѣтственно той долѣ, которою участникъ участвуетъ въ предпріятіи. Общій интересъ можетъ быть выраженъ въ цифрахъ и цифрами же опредѣляется выгода, которую извлечетъ каждый изъ предпріятія *).

В. Союзы, преслѣдующіе общественные интересы (корпорація, universitas).

Союзы, въ которые люди соединяются ради преслѣдованія общественныхъ интересовъ, характеризуются иными чертами.

Соединяются-ли люди въ союзы ради взаимной безопасности, или ради проведенія общественной дороги, или ради борьбы съ эпидеміей,— во всякомъ случаѣ отдѣльный человѣкъ съ его эгоистическими мотивами безсиленъ передъ этимъ интересомъ; рычагомъ же дѣятельности этихъ союзовъ являются не внушенія личнаго интереса, а сознаніе общей пользы. Интересы, которые защищаютъ эти союзы, такого свойства, что они всѣмъ одинаково близки. Они ничего не могутъ потерять отъ того, что ими будутъ пользоваться не только я, но и другіе,—напротивъ, они будутъ тѣмъ лучше обезпечены, чѣмъ въ заботахъ о нихъ будетъ участвовать большее число лицъ и чѣмъ большее количество людей будетъ ими пользоваться; и они тѣмъ болѣе будутъ удовлетворять своему назначенію, чѣмъ менѣе соображеніе моего личнаго интереса будетъ на нихъ воздѣйствовать. Тѣ блага, которыя составляютъ предметъ этихъ интересовъ, идеальнаго свойства; они дѣлежу не подлежатъ и допускаютъ только общее пользованіе. Во всѣхъ этихъ союзахъ общественный интересъ отдѣляется, такимъ образомъ, отъ личнаго интереса членовъ, а общее дѣло, которое преслѣдуютъ эти союзы, получаетъ самостоятельное отъ частныхъ интересовъ значеніе.

1. *Произвольные и непроизвольные союзы, преслѣдующіе общественные интересы.* Союзы, преслѣдующіе общественные интересы, очень разнообразны. Ихъ опять же можно раздѣлить на двѣ группы, по различію тѣхъ общественныхъ интересовъ, которые они преслѣдуютъ.

Есть общественные интересы, преслѣдованіе которыхъ для каждаго человѣка является неотразимымъ требованіемъ его культурнаго прошлаго и не зависитъ поэтому отъ его доброй воли: онъ долженъ

*) *Jhering*: „Zweck im Recht". T. I стр. 216, 217, 224, 225, 298, 299.

ихъ преслѣдовать, если не хочетъ отказаться отъ общенія съ себѣ подобными. И есть другіе интересы, которые такимъ неотразимымъ требованіемъ не являются: отъ доброй воли каждаго зависитъ преслѣдовать ихъ или нѣтъ.

Союзы, преслѣдующіе интересы перваго рода, называются непроизвольными союзами: къ нимъ принадлежатъ корпораціи публичнаго права (государство, церковь, община). Союзы, преслѣдующіе интересы второго рода, называются произвольными союзами; къ нимъ принадлежатъ корпораціи гражданскаго права.

2. *Территоріальные и личные союзы.* Между неотразимыми общественными интересами есть опять такіе, которые могутъ быть осуществлены не иначе, какъ союзомъ, занимающимъ опредѣленную территорію, и есть, напротивъ, такіе, которые не предполагаютъ такого необходимаго отношенія къ территоріи.

Люди, которые объединены въ церковь своими религіозными интересами, могутъ преслѣдовать ихъ совершенно независимо отъ той территоріи, на которой они находятся. Церковь для преслѣдованія своихъ интересовъ не нуждается въ опредѣленной территоріи, область ея дѣятельности не ограничивается никакими внѣшними предѣлами. Церковь есть союзъ личный, а не территоріальный; ея необходимымъ матеріальнымъ субстратомъ являются не люди и территорія, а только люди. Сельская же община не можетъ вести своего общественнаго хозяйства и исполнить возложенныя на нее государственныя обязанности иначе, какъ на опредѣленной территоріи. Въ такой территоріи, само собою разумѣется, нуждается и современное государство, которое только въ своей территоріи находитъ твердую точку опоры для своей многосложной дѣятельности.

§ 76. **Опредѣленіе государства.** Вся земная поверхность, занятая культурнымъ человѣчествомъ, вся безъ остатка распредѣлена между отдѣльными государствами. Они не объединены высшимъ организованнымъ союзомъ общественнаго господства, ибо международный союзъ, если о немъ вообще можетъ идти рѣчь, таковымъ пока не является. Всѣ поэтому территоріальные союзы, которые являются организованными союзами общественнаго господства, подчинены тому или другому государству, которое при данныхъ условіяхъ нашей культуры является поэтому высшимъ территоріальнымъ союзомъ общественнаго господства. А такъ какъ всякій территоріальный союзъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, непроизвольнымъ союзомъ, то мы можемъ опредѣлить государство высшимъ территоріальнымъ союзомъ общественнаго господства.

Итакъ, современное государство является, во-первыхъ союзомъ общественнаго господства, и этимъ оно отличается отъ союзовъ личнаго господства, которые основаны на началѣ неравенства и представляютъ собою союзъ слабыхъ въ сильными. Современное государство есть союзъ равныхъ: предъ лицомъ современнаго государства нѣтъ слабыхъ, которые были бы призваны подчиняться сильнымъ, нѣтъ вообще власти лица надъ лицомъ. *Опредѣляя современное государство союзомъ общественнаго господства, мы этимъ подчеркиваемъ ту его отличительную черту, которая характеризуетъ его какъ союзъ равныхъ, а, слѣдовательно, и свободныхъ людей, признающихъ надъ собою не личную власть, а только власть общественную.*

Современное государство является, во-вторыхъ, высшимъ территоріальнымъ союзомъ.

Всѣ территоріальные союзы преслѣдуютъ необходимые интересы общежитія. Если же государство является высшимъ территоріальнымъ союзомъ, то оно и должно преслѣдовать интересъ, который является высшимъ по отношенію ко всѣмъ другимъ интересамъ, преслѣдуемымъ территоріальными союзами.

Этимъ высшимъ интересомъ является интересъ правового порядка. Ни одинъ союзъ, ни одно общество немыслимо безъ правового порядка, т.-е. безъ принудительныхъ нормъ, которыя разграничивали бы сферу интересовъ и область дѣятельности отдѣльныхъ людей и союзовъ и опредѣляли бы формы ихъ совмѣстной дѣятельности.

Принудительный порядокъ есть необходимое условіе всякаго общества; человѣкъ, который не хочетъ отказаться отъ общежитія съ людьми, никуда отъ этого порядка не уйдетъ и нигдѣ отъ него не скроется.

Если бы люди, проникнутые религіозными интересами, напримѣръ, тяготясь этимъ внѣшнимъ порядкомъ, пожелали бы уйти отъ него и съ этою цѣлью скрылись бы на необитаемый островъ, то они, если бы только не обратились въ ангеловъ, а остались бы людьми, должны были бы начать съ того, чтобъ установить между собою порядокъ, т.-е. учредить то государство, изъ-подъ власти котораго они бѣжали на свой необитаемый островъ. А если на этотъ островъ переселился бы другой общественный союзъ, то произошло бы одно изъ двухъ: или оба эти союза подѣлили бы между собою островъ, каждый имѣлъ бы свою территорію и представлялъ бы собою особое государство, или же между этими двумя союзами возникла бы борьба, которая повела бы къ тому, что одинъ изъ союзовъ остался бы побѣдителемъ и сдѣлался бы господиномъ острова; тогда образовалось бы одно государство, которое охраняло бы внѣшній принудительный порядокъ на всемъ пространствѣ государства-острова.

Мы сказали выше, что вся поверхность земного шара, занятая культурнымъ человѣчествомъ, распредѣлена безъ остатка между отдѣльными государствами; надъ ними не возвышается другого организованнаго территоріальнаго союза; и вотъ почему высшій т.-е. необходимый, интересъ общежитія охраняется отдѣльными государствами. Если же бы международный союзъ выросъ на степень организованнаго союза, и онъ, а не государство, сталъ бы высшимъ территоріальнымъ союзомъ, то онъ, а не государство, охранялъ бы внѣшній принудительный порядокъ, отдѣльныя же государства снизошли бы на степень такихъ подчиненныхъ территоріальныхъ союзовъ, какими являются въ настоящее время члены германской имперіи, швейцарскіе кантоны и сѣверо-американскіе штаты.

*Охраненіе принудительнаго порядка, какъ высшаго общественнаго интереса, всегда останется задачей высшаго территоріальнаго союза. А такъ какъ при данныхъ условіяхъ культурной жизни такимъ высшимъ территоріальнымъ союзомъ является государство, то охраненіе принудительнаго порядка и составляетъ специфическую задачу государства.*

Само собою разумѣется, что государство преслѣдуетъ и цѣлый рядъ другихъ интересовъ: оно строитъ и пути сообщенія, и школы, и церкви, и больницы, и богадѣльни, и музеи, оно содѣйствуетъ разви-

тію и торговли, и промышленности, и земледѣлія, и наукъ, и искусствъ. Но всѣ эти интересы преслѣдуются не только государствомъ, но и другими общественными союзами; охраненіе же правового порядка составляетъ, по мѣткому выраженію Іеринга, исключительную монополію государства.

Этотъ общественный интересъ мы называемъ высшимъ въ томъ смыслѣ, что, во-первыхъ, онъ представляетъ собою самое необходимое условіе всякаго общежитія, а, во-вторыхъ, въ томъ смыслѣ, что онъ является неотразимымъ предположеніемъ для осуществленія всѣхъ другихъ общественныхъ интересовъ.

Дѣятельность государства обнимаетъ всѣ общественные интересы не въ томъ смыслѣ, что оно одно беретъ на себя ихъ осуществленіе, а лишь въ томъ, что оно, и только оно, создаетъ необходимыя условія для ихъ осущественія.

*Мы поэтому можемъ опредѣлить современное государство европейской культуры, какъ высшій территоріальный союзъ общественнаго господства, преслѣдующій неотразимый интересъ всякаго общежитія, — интересъ принудительнаго порядка.*

§ 77. **Организація общественныхъ союзовъ.** *I. Организація союзовъ, основанныхъ на началѣ неравенства.* Всѣ общественные союзы, къ какой бы категоріи они ни принадлежали, суть не что иное, какъ соединенія отдѣльныхъ людей: дѣятельность и воля этихъ союзовъ есть поэтому воля и дѣятельность людей.

Противъ этого простого положенія никто, конечно, не возражаетъ и никто ничего возразить не можетъ.

Но если это простое утвержденіе и ничего спорнаго въ себѣ не заключаетъ, то зато и ровно ничего не объясняетъ.

Мы, конечно, знаемъ, что дѣятельность и государства, и акціонерной компаніи, и церкви, и семьи, есть дѣятельность людей, но мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаемъ, что дѣятельность людей въ этихъ союзахъ отлична отъ дѣятельности людей внѣ союзовъ.

И это-то отличіе и подлежитъ объясненію.

Люди, преслѣдуя особнякомъ свои цѣли, дѣйствуютъ совершенно свободно и ничьею волей въ этой дѣятельности не связаны. Они сами ставятъ себѣ эти цѣли, сами выбираютъ тотъ образъ дѣйствія, который, по ихъ крайнему разумѣнію, обѣщаетъ имъ успѣхъ. Ихъ дѣятельность свободна и ничѣмъ не связна, кромѣ какъ общими условіями всякой человѣческой дѣятельности.

Дѣятельность же людей, направленная на осуществленіе цѣлей общественнаго союза, является всегда и вездѣ дѣятельностью не свободной, связанной не только общими условіями всякой человѣческой дѣятельности, но и особенными правилами, которыя установлены въ союзѣ для урегулированія и упорядоченія согласной совмѣстной дѣятельности людей, направленной на осуществленіе цѣлей общественнаго союза.

Эта организація есть дѣло рукъ человѣческихъ. Она не растетъ и не развивается, она созидается и видоизмѣняется людьми. *Человѣкъ получилъ свою организацію отъ природы: онъ имѣетъ естественную волю; общественные союзы получили свою организацію не отъ природы, а отъ людей: она не имѣетъ естественной воли, а волю искусственную, какъ результатъ данной имъ людьми организаціи.*

*Эта искусственная организація выражается въ нормахъ, которыя опредѣляютъ, кто призванъ выражать и осуществлять волю союза и при какихъ условіяхъ, въ какихъ формахъ и въ какихъ предѣлахъ воля и дѣятельность этихъ лицъ, именуемыхъ органами союза, признается волею и дѣятельностью союза.*

Эта организація въ различныхъ союзахъ бываетъ различна.

Въ союзахъ личнаго господства, основанныхъ, какъ мы знаемъ, на началѣ неравенства и представляющихъ собою не что иное, какъ союзъ слабыхъ съ сильными, организація крайне проста и несложна.

Она отражаетъ фактическія отношенія властвованія. Дѣятельность союза направляется тѣми, на чьей сторонѣ фактическая сила, остальные члены являются только подчиненными.

Въ союзахъ личнаго господства, возьмемъ-ли римскую семью, или союзъ раба съ господиномъ, или помѣщика съ крестьяниномъ, или же патримоніальное государство, — во всѣхъ этихъ союзахъ авторитетъ принадлежитъ сильному; воля союза есть личная воля сильнаго— воля господина, онъ только субъектъ власти, остальные только объекты его личной власти.

Та юридическая конструкція, которую даетъ государству Зейдель, вполнѣ примѣнима къ этого рода союзамъ. Въ нихъ дѣйствительно господствуетъ личная воля властителя и эта воля юридически ничѣмъ не связана; обязанность властителя блюсти интересы союза есть обязанность нравственная; въ самой же организаціи нѣтъ юридическихъ гарантій, которыя обезпечивали бы согласіе дѣятельности властвующей воли съ цѣлями союза.

*II. Организація союзовъ, основанныхъ на началахъ равенства.* А. Организація товарищества. Не менѣе проста, хотя и покоится на противуположномъ принципѣ, организація товариществъ (союзовъ, основанныхъ на началѣ равенства и преслѣдующихъ индивидуальные интересы).

Въ этихъ союзахъ нѣтъ сильныхъ и нѣтъ слабыхъ, всѣ признаются равноспособными. Здѣсь власть не можетъ быть предоставлена однимъ въ ущербъ другимъ: здѣсь она должна быть предоставлена всѣмъ. Согласная же дѣятельность всѣхъ обезпечивается тождественностью интересовъ, объединяющихъ членовъ въ союзъ. Члены товарищества преслѣдуютъ въ товариществѣ, какъ мы видѣли, вовсе не общественные интересы, которые могутъ противорѣчить индивидуальнымъ, а интересы именно индивидуальные. Соединеніе въ товарищество вызвано лишь желаніемъ болѣе успѣшнаго достиженія этихъ индивидуальныхъ интересовъ. Цѣль товарищества совпадаетъ съ цѣлями отдѣльныхъ участниковъ, интересы союза тождественны съ интересами отдѣльныхъ участниковъ. Общій интересъ такъ близокъ каждому участнику, что совмѣстное преслѣдованіе не можетъ вызвать преканій, которыя нуждались бы въ разрѣшеніи высшимъ авторитетомъ, какъ истолкователемъ интересовъ союза. Интересы союза суть не что иное, какъ сумма интересовъ участниковъ, воля союза не что иное, какъ сумма воль участниковъ, направленныхъ на тождественный интересъ. Каждый сохраняетъ въ товариществѣ свою волю, которая хочетъ его личный интересъ, совпадающій съ личными интересами остальныхъ участниковъ.

Если въ союзахъ личнаго господства господствуетъ воля властителя, которой всѣ другія подчиняются, то въ союзахъ товарищества господствуетъ воля всѣхъ; если въ первыхъ сильные только господствуютъ, а слабые только подчиняются, то во вторыхъ всѣ властвуютъ и всѣ подчиняются и нѣтъ противуположности между властвующими и подчиненными. И если конструкція, которую даетъ Зейдель государству, вполнѣ примѣнима къ союзамъ личнаго господства, то та конструкція государства, которую построяетъ Руссо въ своемъ *Contrat Social*, вполнѣ примѣнима къ союзу товарищества. Въ самомъ дѣлѣ и товарищества основаны на договорѣ всѣхъ участниковъ, и въ нихъ господствуетъ общая воля, и до нихъ отдѣльный участникъ остается такимъ же свободнымъ въ союзѣ, какъ онъ былъ до вступленія въ союзъ, и здѣсь онъ, подчиняясь общей волѣ, подчиняется только своей волѣ.

В. Организація корпораціи (организація государства — государственное устройство).

Союзы общественнаго господства, преслѣдующіе общественные интересы, въ которыхъ, какъ мы показали, принадлежитъ и современное государство европейской культуры, отличается отъ союзовъ личнаго господства тѣмъ, что они, какъ и союзы товарищества, основаны на началѣ равенства. Это не союзъ слабыхъ съ сильными, это союзъ равныхъ: здѣсь поэтому нѣтъ мѣста личной власти сильныхъ, здѣсь мѣсто только господству общественному.

Но эти союзы, отличаясь, съ одной стороны, отъ союзовъ личнаго господства, отличаются, съ другой, отъ союзовъ товарищества тѣмъ, что преслѣдуютъ не индивидуальные интересы, а интересы общественные.

Мы показали выше, въ чемъ отличіе тѣхъ и другихъ. Мы знаемъ, что общественные интересы, въ отличіе отъ индивидуальныхъ, могутъ быть осуществлены не иначе, какъ совокупными и согласными усиліями многихъ; они для своего осуществленія требуютъ умѣнья отдѣльныхъ лицъ отказываться отъ своихъ индивидуальныхъ цѣлей ради достиженія общей цѣли, они предполагаютъ умѣнье жертвовать своимъ личнымъ благомъ ради блага общаго. Интересъ общественнаго союза не есть сумма интересовъ членовъ этого союза, какъ въ товариществѣ; здѣсь интересъ союза не совпадаетъ съ частными интересами отдѣльныхъ членовъ союза, а получаетъ свое самостоятельное, независимое отъ индивидуальныхъ интересовъ значеніе.

Для того поэтому, чтобы цѣль союза могла быть достигнута наперекоръ требованіямъ противорѣчащаго ей частнаго интереса, для этого необходимъ независимый отъ личной воли отдѣльныхъ членовъ союза авторитетъ, который бы могъ сломить противодѣйствіе частнаго интереса *).

*Этимъ авторитетомъ не можетъ быть ни воля отдѣльнаго лица или отдѣльныхъ лицъ, какъ въ союзахъ личнаго господства, ни сумма всѣхъ индивидуальныхъ волей, какъ въ союзахъ товарищества, — это вообще не можетъ быть чьею-либо личною волей, это можетъ быть не естественная, а только воля искусственная, воля юридическая, которая добывается сложною искусственною организаціей.*

*) *Jhering:* „Zweck im Recht.“ **T.** I, стр. **291, 292.**

Эта организація должна создать такой авторитетъ, который хотѣлъ бы только общественный интересъ и который былъ бы облеченъ силою проводить этотъ общественный интересъ наперекоръ требованіямъ частнаго интереса. И эту-то искусственно организованную волевую силу, которая хочетъ и проводитъ общественный интересъ, мы называемъ властью союза *).

Организація, которая имѣетъ цѣлью создать такой авторитетъ въ государствѣ, называется государственнымъ устройствомъ. Это государственное устройство опредѣляетъ, во-первыхъ, *порядокъ призванія* государственныхъ органовъ, т.-е. тѣхъ лицъ, которыя предназначаются выражать и проводить волю государства. Оно, во-вторыхъ, опредѣляетъ, въ какихъ *формахъ* должна выражаться воля и дѣятельность этихъ органовъ, чтобъ имѣть юридическую силу воли и дѣятельности государства. Оно, въ-третьихъ, опредѣляетъ *компетенцію* этихъ органовъ, т.-е. тѣ юридическіе предѣлы, въ границахъ которыхъ воля и дѣятельность этихъ органовъ признается волею и дѣятельностію государства **). Эта компетенція установляетъ взаимныя отношенія органовъ, изъ которыхъ одни сопоставляются въ одинъ рядъ, другіе подчиняются другъ другу. Образуется, такимъ образомъ, лѣстница отношеній, которая располагаетъ всѣ государственные органы въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ. Этотъ іерархическій порядокъ представляетъ собою въ каждомъ государствѣ, будь то монархія, будь то республика, какъ бы пирамиду съ широкимъ основаніемъ и съ конечною вершиной. Этимъ широкимъ основаніемъ являются тѣ государственныя учрежденія, которыя равномѣрною сѣтью разстилаются по всей территоріи государства и которыя образуютъ низшія инстанціи; вершину же образуетъ тотъ государственный органъ, который стоитъ во главѣ всѣхъ органовъ и который служитъ внѣшнимъ представителемъ единства государственной власти. Всѣ эти органы объединены юридическими нормами, которыя имѣютъ цѣлью согласовать ихъ дѣятельность, предупреждать и улаживать могущіе возникнуть между ними споры и пререканія и возводить ихъ отдѣльные акты, связывающіе волю подданныхъ, на степень актовъ единой воли государства.

§ 78. **Опредѣленіе государственной власти.** Подводя итогъ предшествующему изложенію, мы должны сказать, что власть государства не есть личная воля, какъ учитъ Зейдель и за нимъ Лингтъ, а представляетъ собою искусственно организованную волевую силу, приспособленную къ охраненію того интереса, обезпеченіе котораго составляетъ специфическую задачу союза. Специфическая же задача государства, какъ мы знаемъ, заключается въ охраненіи принудительнаго порядка.

*Мы можемъ поэтому опредѣлить государственную власть, какъ искусственно организованную волевую силу, приспособленную къ охраненію принудительнаго порядка въ предѣлахъ даннаго государства.*

---

*) Организація этой власти есть дѣло рукъ человѣческихъ и, какъ все людьми созидаемое, имѣетъ свои недостатки. Она никогда не достигнетъ своего идеала; и какъ бы она искусно поставлена ни была, она никогда не возведетъ власть союза на степень безстрастнаго и безличнаго авторитета. Носителями этого авторитета все же являются люди, которые какими бы условіями ихъ не обставлять и какими бы правилами ихъ дѣятельность не урегулировать, все же останутся людьми, личныя страсти которыхъ всегда будутъ пробиваться и черезъ самую густую броню юридическихъ нормъ и искусственныхъ сдержекъ.

**) *Haenel:* „Studien zum deutschen Staatsrecht“. 1888. B. II, S. 221. *Его-же:* „Deutsches Staatsrecht“. B I, S. 84—89.

Государственная власть, въ виду именно того, что она, и только она, призвана охранять правовой порядокъ въ предѣлахъ территоріи государства, по самой природѣ своей должна быть властью въ юридическомъ отношеніи безусловной и неограниченной,—другими словами, должна обладать суверенитетомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, только государству, какъ высшему территоріальному союзу, по силамъ обезпеченіе этого интереса. Интересъ же этотъ безусловно господствуетъ надъ всѣми другими интересами, являясь неотразимымъ условіемъ для преслѣдованія всѣхъ другихъ интересовъ. И вотъ почему одна только государственная власть безусловно господствуетъ надъ всѣми другими союзами и вотъ почему мы называемъ государство суверенымъ союзомъ, а власть государственную—властью суверенною.

Государственная власть суверенна, т.-е. власть высшая, неограниченная только въ указанномъ отношеніи, т.-е. въ томъ, что только она охраняетъ принудительный порядокъ въ предѣлахъ государства. Но государственная власть вовсе не является властью неограниченной въ другихъ отношеніяхъ: ея дѣятельность, какъ всякая человѣческая дѣятельность, ограничена общими условіями физическаго и психическаго міра и въ этомъ отношеніи никакого преимущества надъ властями другихъ союзовъ не имѣетъ. Государственная власть является далѣе властью суверенной и не въ томъ смыслѣ, что она охраняетъ высшій во всѣхъ отношеніяхъ интересъ. Есть интересы, которые въ извѣстныхъ отношеніяхъ шире и выше интереса принудительнаго порядка, защищаемаго государствомъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы интересы, охраняемые церковью; они не ограничены никакими внѣшними предѣлами и въ нравственномъ отношеніи стоятъ выше интересовъ, защищаемыхъ государствомъ. И власть церкви, какъ авторитета нравственнаго, поэтому, несомнѣнно, шире и выше власти государства. Но если власть церкви въ нравственномъ отношеніи и выше власти государства, то въ дѣлѣ охраненія правового порядка церковь должна безусловно склоняться передъ велѣніями власти государства,—другими словами, въ юридическомъ отношеніи власть государства господствуетъ надъ всѣми союзами, не исключая и церкви, и подчиняетъ ихъ всѣ своимъ цѣлямъ и своимъ правиламъ *).

*Во имя безусловнаго господства правового порядка, но только во имя его, современное государство европейской культуры, которое есть союзъ не личнаго, а общественнаго господства, обладаетъ властью высшею, безусловною,—обладаетъ суверенитетомъ.*

---

*) Только смѣшеніемъ юридической власти со властью нравственной можно объяснить слѣдующія странныя утвержденія г. Коркунова, которыми онъ хочетъ доказать ограниченность верховной власти: „Въ слѣдующемъ параграфѣ мы покажемъ, что государственная власть основывается на сознаніи людьми ихъ зависимости отъ государства. Но сознаніе это не можетъ быть безусловнымъ, потому что люди сознаютъ себя зависимыми не отъ одного государства, а и отъ всѣхъ другихъ непроизвольныхъ общеній. И если какое общеніе можетъ притязать на абсолютное надъ всѣми властвованіе, такъ это развѣ только церковь. Для вѣрующаго церковный авторитетъ, конечно, выше всякаго другого, такъ какъ священное писаніе учитъ насъ, что „должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ“ (*Дѣянія*, V, 29). Истинная церковь, какъ единая и вѣчная, не зависитъ, въ противоположность государству, отъ условій мѣста и времени. Наконецъ, въ ней дѣйствуетъ надъ всѣми стоящая божественная благодать. Поэтому никакъ нельзя утверждать, чтобы государство отличалось отъ церкви безусловностью и безграничностью власти“. (*Лекціи по общей теоріи права*, 1894 г., стр. 238 и 239).

§ 79. **Юридическая природа государственой власти.** *Природа государственной власти въ юридическомъ смыслѣ заключается въ томъ, что она, никому не будучи подвластна, безусловно властвуетъ въ области своей компетенціи, границы и предѣлы которой она сама устанавливаетъ.* Государственная власть, безусловно властвуетъ, т.-е. издаетъ повелѣнія, обязанность которыхъ исключительно основывается на ея волѣ. Она одна создаетъ нормы для своей дѣятельности, она одна ставитъ границы для этой своей дѣятельности, и обязательность этихъ нормъ и этихъ границъ имѣетъ свое основаніе только въ ея волѣ. Она другими словами, безусловно свободна, она въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдуетъ исключительно своей волѣ и никакой чужой воли надъ собою не признаетъ, и *въ этомъ исключительномъ самоопредѣленіи заключается существенный признакъ юридической власти государства.* Государство одно устананавливаетъ свое право въ отличіе отъ другихъ лицъ, которыя получаютъ свое право извнѣ. Всякое дѣйствіе государственной власти въ области ея компетенціи, ею самой установленной, имѣетъ юридическую силу. Если же моя воля, т.-е. воля подданнаго, уважается, то только тогда, когда она дѣйствуетъ въ предѣлахъ, закономъ, т.-е. волею государства, установленныхъ. Если я, подданный, имѣю право юридически связать волю другого, то не иначе, какъ договоромъ, юридической сдѣлкой, обязательность которой основывается на законѣ, т.-е. волѣ государства. Корпораціи въ государствѣ имѣютъ свою волю, но связывать этою волею другихъ онѣ могутъ лишь въ силу власти, предоставленной имъ государствомъ. Наши земства, наши городскія думы имѣютъ право издавать обязательныя постановленія, но не иначе какъ въ предѣлахъ, закономъ установленныхъ, и на основаніи полномочій, дарованныхъ имъ государствомъ, закономъ. Исполняя предписаніе думы, городскіе обыватели повинуются не самостоятельной волѣ думы, а повелѣнію государственной власти, органомъ которой является дума. Права и обязанности какъ гражданъ, такъ и корпорацій имѣютъ свое основаніе въ объективномъ правѣ. Государственная же власть находитъ основаніе своимъ правамъ и обязанностямъ въ самой себѣ (Jellinek).

§ 80. **Неограниченность государственной власти.** Мы видѣли, что юридическая природа государственной власти заключается въ способности къ безусловному самоопредѣленію. *Если же государственная властъ обладаетъ этой способностью, т.-е. если она опредѣляетъ нормы и границы своей дѣятельности, то изъ этого вытекаетъ ея свойства, какъ власти неограниченной и независимой.* „Источникъ сомнѣнія въ неограниченности верховной власти,—справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ,—лежитъ въ недостаточномъ разграниченіи между юридическимъ и нравственнымъ характеромъ этой власти, или между верховной властью, какъ внѣшнимъ учрежденіемъ, и тѣми естественными и нравственными условіями, среди которыхъ она призвана дѣйствовать. Верховная власть, какъ юридическая сила, есть высшая, не подлежащая никакому контролю сила и не могущая подлежать такому контролю потому, что, если бы существовала такая сила, контролирующая верховную власть, то она была бы высшею, а слѣдовательно, и сама была бы верховною властью. Какъ нѣтъ силы выше верховной власти, такъ и нѣтъ закона, который былъ бы выше ея. Верховная власть дѣйствуетъ по законамъ, но она сама творитъ законъ; въ этомъ смыслѣ

она ни чѣмъ не ограничена.—она можетъ объявить закономъ все, что хочетъ, и никакое другое учрежденіе или отдѣльный человѣкъ не имѣетъ права сказать, что это не законъ".

„Однако, такъ какъ дѣятельность верховной власти вращается въ общихъ нравственныхъ и физическихъ условіяхъ, то послѣднія имѣютъ силу и по отношенію къ ней, т.-е. своимъ постановленіемъ верховная власть не можетъ сдѣлать физически невозможное возможнымъ, безнравственное—нравственнымъ, вредное—полезнымъ и наоборотъ: доброе—злымъ, полезное—вреднымъ; все это вытекаетъ изъ природы вещей, а не устанавливается законами. Верховная власть должна сообразоваться съ природою вещей; въ этомъ состоитъ ея нравственная обязанность; но дѣло въ томъ, что для наблюденія за неисполненіемъ этой обязанности не можетъ быть учрежденія, иначе послѣднее и будетъ верховною властью. Верховная власть не должна нарушать законы нравственности, но она не знаетъ судьи, который бы ее контролировалъ, а потому хорошъ-ли законъ, или дуренъ, нравственеиъ или безнравственеиъ, онъ все-таки законъ, и когда онъ объявленъ, никто формально не имѣетъ права не признавать его. Допустить противное значитъ установить контроль надъ верховною властью, что, очевидно, неизможно" (лекціи Сергѣевича).

Блунчли говоритъ, что верховная власть ограничена правами отдѣльныхъ лицъ; но онъ же говоритъ, что эти права имѣютъ свое основаніе исключительно въ основныхъ законахъ страны, которые, какъ и всякіе другіе законы, исходятъ отъ верховной власти. Если государственная власть создала эти законы, то она можетъ отмѣнить ихъ; права гражданъ, гарантированныя этими законами, никоимъ образомъ не могутъ ограничивать этой власти,—она даровала гражданамъ эти права, она можетъ во всякое время и отнять ихъ. Если же Блунчли имѣлъ въ виду королевскую власть въ конституціонной монархіи, то онъ правъ, говоря, что эта власть ограничена тѣми правами гражданъ и народнаго представительства, которыя гарантированы конституціей. Но ограниченность королевской власти въ конституціонной монархіи не однозначуща съ ограниченностью государственной власти, не однозначуща потому, что королевская власть въ конституціонной монархіи далеко не совпадаетъ съ государственной властью. Король въ конституціонной монархіи есть лишь одинъ изъ органовъ верховной власти, хотя, можетъ-быть, и важнѣйшій; рядомъ съ нимъ существуетъ и другой органъ—народное представительство; права короля ограничены конституціей, и эту конституцію онъ не въ правѣ отмѣнить или видоизмѣнить безъ согласія народнаго представительста. Ограниченной въ конституціонной монархіи является, такимъ образомъ, не государственная власть, а лишь власть одного изъ органовъ этой власти, а именно—власть короля.

Субстанціональное государство, такимъ образомъ, какъ всякое юридическое и физическое лицо, ограничено своей, фактической мощью и преслѣдуемыми цѣлями, но юридическими нормами оно ограничено чужой волей быть не можетъ, эти границы оно можетъ ставить только само себѣ

*Но если государственная властъ не можетъ быть ограничена другой властью, то она можетъ сама себя ограничивать.* И это самоограниченіе есть необходимое условіе юридическаго бытія государства. Государство, которое не ставитъ себѣ юридическихъ нормъ и которое

ихъ не уважаетъ, не можетъ требовать уваженія къ себѣ со стороны своихъ подданныхъ и со стороны остальныхъ членовъ международнаго союза. Только тѣмъ, что государство издаваемыя имъ нормы признаетъ обязательными для себя и связывающими его волю, только этимъ путемъ возникаетъ то довѣріе къ постоянству государственной воли, которое является основаніемъ правовой жизни. Въ юридическихъ нормахъ, которыя издаетъ государство, это государство обращается не только къ своимъ подданнымъ, но и къ самому себѣ. Установляя формы своей организаціи, опредѣляя устройство и компетенцію своихъ органовъ, чрезъ которые она только и можетъ дѣйствовать, государственная власть этимъ разграничиваетъ свою дѣятельность отъ дѣятельности частныхъ лицъ. Издавая гражданскіе законы, опредѣляя права и обязанности гражданъ, она этими законами связываетъ свою волю, implicitè такъ сказать, объявляя, что всѣ отношенія, подходящія подъ эти законы, она будетъ обсуждать не иначе, какъ по нормамъ, установленнымъ въ этихъ законахъ. Государство можетъ, конечно, отмѣнить существующее право, но только въ предѣлахъ и путями, установленными законами, такъ что, измѣняя право, оно все же дѣйствуетъ въ предѣлахъ права, отмѣняя законы, оно дѣйствуетъ въ предѣлахъ законовъ.

Нормы государственной дѣятельности не суть повелѣнія, обязательныя только для подданныхъ и для подчиненныхъ органовъ государства, онѣ обязательны для самой издающей ихъ государственной власти, для дѣятельности ея органовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ ограниченную закономъ сферу дѣятельности.

Все публичное право есть совокупность нормъ, которыя обязываютъ не только подданныхъ, но и государственную власть. Отрицать это значитъ отрицать современное правовое государство, сущность котораго заключается именно въ томъ, что воля государства имѣетъ юридическую силу въ предѣлахъ установленныхъ имъ юридическихъ нормъ и что оно можетъ измѣнять эту волю лишь путемъ и въ формѣ закона (Jellinek).

§ 81. **Единство государственной власти.** Мы сказали, что государственная власть есть воля государства, воля же государства, какъ и всякой другой личности, по самой природѣ своей едина и недѣлима. Юридическая природа государственной власти, сказали мы далѣе, заключается въ томъ, что она имѣетъ исключительное право самоопредѣленія; исключительное же право недѣлимо, въ противномъ случаѣ это право перестало бы быть исключительнымъ. Дѣлимая верховная власть не только логическое противорѣчіе, но и практическая невозможность. Если государственная власть была бы дѣлима, то въ одномъ и томъ же государствѣ и на одной и той же территоріи существовало бы нѣсколько властей, и тогда возможны были бы два случая: или онѣ равны, или же не равны. Въ первомъ случаѣ будутъ стоять рядомъ нѣсколько властей, конфликты и столкновенія между которыми неизбѣжны и предотвратить и уладить которые юридическимъ путемъ было бы невозможно за отсутствіемъ высшей власти, которая сказала бы послѣднее авторитетное слово въ этихъ столкновеніяхъ. Эти столкновенія должна была бы разрушить сила; другими словами, такой порядокъ вещей обусловливалъ бы собою возможность наступленія ежечасно революціи. Во второмъ случаѣ, т.-е. когда нѣсколько

властей не равны, одна изъ нихъ должна быть необходимо нѣсколько выше другихъ, тогда эта высшая и будетъ верховною властью, которой подчинены остальныя. Борьба между церковной властью и властью государственной въ Средніе вѣка служитъ примѣромъ тому, къ чему ведутъ притязанія на равномѣрность двухъ властей въ одной территоріи. Теорія двухъ мечей не находитъ себѣ теперь болѣе защитниковъ; но нельзя сказать, чтобы и въ наше время единство государственной власти признавалось бы всѣми безспорнымъ догматомъ. Споръ объ этомъ догматѣ возобновился во второй половинѣ прошлаго столѣтія по поводу теоріи Монтескье, который видитъ въ раздѣленіи верховной власти на три самостоятельныя уравновѣшивающія другъ друга власти главное и ничѣмъ не замѣнимое условіе политической свободы.

По ученію Монтескье, въ каждомъ государствѣ существуютъ три власти: власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная. Каждая изъ этихъ властей должна быть поручена отдѣльному лицу или особой корпораціи. Только тогда, когда эти власти будутъ самостоятельны и независимы другъ отъ друга, и каждая изъ нихъ будетъ свободно дѣйствовать въ сферѣ своей компетенціи, не опасаясь вмѣшательства другой, только тогда свобода будетъ обезпечена. Но если въ одномъ и томъ же лицѣ или совокупности лицъ власть законодательная будетъ соединена съ властью исполнительной, то можно будетъ опасаться, что при такомъ соединеніи двухъ властей въ одномъ лицѣ или учрежденіи, верховная власть будетъ издавать тиранническіе законы съ цѣлью приводить ихъ въ исполненіе тиранически; такимъ образомъ свободы не будетъ. Также нѣтъ свободы и тамъ, гдѣ власть законодательная будетъ соединена съ судебной: тамъ власть надъ жизнью и свободой гражданъ будетъ властью тиранической, ибо судья будетъ законодателемъ, и этотъ судья, имѣя возможность измѣнить законъ по своему усмотрѣнію, не будетъ имѣть никакой сдержки въ законѣ; эта дѣятельность судьи будетъ дѣятельностью случайной, и капризной. Если же судебную власть соединить съ исполнительной, то судья можетъ явиться и притѣснителемъ. И все будетъ потеряно, когда въ рукахъ одного лица—государя или совокупности лицъ—аристократическаго совѣта или народнаго собранія будутъ соединены всѣ три власти. Это раздѣленіе властей, по мнѣнію Монтескье, осуществлено въ Англіи. Исполнительная власть принадлежитъ въ Англіи королю, судебная—присяжнымъ, избраннымъ изъ среды народа, а законодательная—парламенту, состоящему изъ двухъ палатъ, изъ которыхъ одна состоитъ изъ демократическихъ элементовъ, другая—изъ аристократическихъ и въ такомъ раздѣленіи трехъ властей Монтескье видитъ свой политическій идеалъ.

Замѣтимъ прежде всего, что Монтескье ошибался, утверждая, что требуемое имъ раздѣленіе властей существуетъ въ Англіи. Въ Англіи, напротивъ, развилась очень сосредоточенная верховная власть. Она покоится въ парламентѣ, который не только, какъ думалъ Монтескье, облеченъ законодательной властью, но и управляетъ. Изъ его же среды выходятъ высшіе органы исполнительной власти, министры, которые не что иное, какъ вожди и представители даннаго въ парламентѣ большинства. Отдѣленіе административной власти отъ судебной также не имѣетъ мѣста въ Англіи: міровой судья въ графствѣ не только судья, но и администраторъ, и полицейскій.

Теорія Монтескье не только не находитъ своего осуществленія въ Англіи, но и вообще неосуществима, ибо основана на невѣрныхъ предположеніяхъ.

Тѣ три власти, которыя различаетъ Монтескье, вовсе не самостоятельныя государственныя власти, а не что иное, какъ различныя функціи одной и той же государственной власти, единой по существу. То, что Монтескье называетъ судебной властью, есть не что иное, какъ подчиненная дѣятельность органовъ государства, заключающаяся въ строгомъ примѣненіи закона къ конкретнымъ случаямъ, въ возстановленіи нарушеннаго закона. Судъ не имѣетъ своей воли: онъ примѣняетъ лишь волю государства, облеченную въ форму закона. Судъ не имѣетъ imperium'а; то повелѣніе, которое придаетъ обязательную силу приговору суда, исходитъ не отъ суда, а отъ той власти, которая облечена исполнительной властью; она, эта исполнительная власть, вооружена силою принуждать и она только и можетъ принуждать гражданъ подчиняться приговору суда. Власть безъ своей воли и безъ своей власти принуждать, очевидно, не власть.

Законодательная власть, какъ ее рисуетъ намъ Монтескье, т.-е. изолированная отъ власти исполнительной, также не есть власть. Она, по Монтескье, только установляетъ содержаніе юридическихъ нормъ, но принудительной власти не имѣетъ; она можетъ объявить извѣстную юридическую норму закономъ,но безсильна настоять на исполненіи этой юридической нормы. Эта власть, другими словами, власть, которая не властвуетъ, такимъ образомъ, не есть власть. И, дѣйствительно, тѣ государственныя учрежденія, которыя установляютъ лишь содержаніе юридическихъ нормъ, но не воружаютъ ихъ обязательной силой, не являются носителями верховной власти. Такими учрежденіями были до 1848 года народныя представительства въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ. Если въ большинствѣ современныхъ конституціонныхъ монархій народное представительство является дѣйствительнымъ носителемъ верховной власти, то вовсе не потому, что оно обсуждаетъ законъ, а потому, что оно обладаетъ imperium'омъ, обладаетъ властью настаивать на своихъ рѣшеніяхъ, подчинять своей волѣ органы исполнительной власти, принуждать ихъ къ исполненію закона своей воли.

Исполнительная власть Монтескье не имѣетъ никакого участія въ законодательной дѣятельности; она не должна имѣть никакой самостоятельности, не должна имѣть своей воли, а лишь исполнять волю закона. Власть же, которая не имѣетъ своей воли, а должна безпрекословно исполнять волю другой, власть, когорая должна быть послушнымъ слугой другой власти, такая власть не есть власть. Въ дѣятельности, заключающейся въ одномъ исполненіи законовъ, никакой власти не проявляется. Она поручается во всѣхъ государствахъ, какова бы ни была ихъ форма правленія, подчиненнымъ органамъ управленія. Если же Монтескье думалъ, что эта дѣятельность составляетъ въ свободномъ государствѣ компетенцію короля, то онъ ошибался. Король въ конституціонной монархіи не облеченъ исполнительной властью, понимаемой въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ толкуетъ ее Монтескье. Король въ конституціонной монархіи является главою правленія, которое не сводится къ одному исполненію законовъ, а представляетъ собой свободную дѣятельность, вращающуюся въ предѣлахъ закона и

направленную на достиженіе цѣлей государства. Эта дѣятельность не стоитъ изолированно отъ дѣятельности законодательной. Король въ конституціонной монархіи не только является верховнымъ органомъ управленія, но и участвуетъ въ законодательствѣ. Онъ имѣетъ право законодательнаго почина, и безъ его санкціи ни одинъ законъ не можетъ получить своего завершенія, не можетъ получить обязательной силы.

Верховная государственная власть не поддается раздѣленію; разборъ теоріи Монтескье всего лучше выясняетъ это положеніе; эта верховная власть, раздѣленная Монтескье на три власти, распадается на три искусственныя части, которымъ ничто реальное не соотвѣтствуетъ и изъ которыхъ ни одна не подходитъ подъ понятіе верховной власти.

Лишь въ своей совокупности и въ своемъ взаимодѣйствіи эти три власти Монтескье образуютъ то, что мы называемъ государственной властью. Лишь та власть, котарая издаетъ законы и вмѣстѣ съ тѣмъ облечена принудительной властью, настаиваетъ на исполненіи законовъ; лишь та власть, которая устанавливаетъ юридическія нормы, облекаетъ ихъ обязательной силой и правитъ государствомъ въ предѣлахъ этихъ ею самою установленныхъ нормъ, лишь эта власть является верховной властью въ государствѣ. И не тѣ органы, которые только установляютъ законы или только исполняютъ, или только судятъ, являются носителями верховной власти, а только тѣ, которые являются органами государственной воли и государственнаго дѣйствія.

Единство верховной власти нисколько не нарушается тѣмъ, что носителями ея являются нѣсколько органовъ, какъ мы это видимъ въ конституціонной монархіи, какъ не нарушается единство воли и дѣйствія отдѣльнаго человѣка, тѣмъ, что у него существуетъ нѣсколько органовъ, проявляющихъ его волю.

Верховная власть въ конституціонной монархіи, гдѣ существуетъ нѣсколько органовъ этой власти, эта власть такъ же едина, какъ и въ абсолютной монархіи, гдѣ существуетъ одинъ только носитель верховной власти. Верховная власть была бы раздѣлена между этими различными органами, если бы каждый имѣлъ свою самостоятельную волю и свою принудительную власть, т.-е. если бы король могъ собственною властью издавать законы и примѣнять ихъ, и если бы парламентъ былъ облеченъ такою же властью, тогда дѣйствительно, власть была бы раздѣлена между этими органами, въ государствѣ существовали бы двѣ власти—власть короля и власть парламента. Но ничего подобнаго въ конституціонной монархіи мы не видимъ. Король и парламентъ, какъ различныя учрежденія, совершаютъ различные акты въ области своей компетенціи, но, какъ органы единой государственной воли, двухъ различныхъ воль не имѣютъ. Въ самомъ дѣлѣ, законъ, выразитель этой единой государственной воли, не можетъ состояться иначе, какъ согласнымъ дѣйствіемъ короля и парламента, и законъ, предложенный королемъ, не можетъ получить обязательной силы безъ согласія парламента, и законъ, принятый парлатентомъ, дѣлается закономъ лишь по утвержденіи его королемъ. Здѣсь мы имѣемъ, такимъ образомъ, два раздѣльныхъ дѣйствія двухъ различныхъ органовъ государственной власти, но результатъ этихъ дѣйствій одинъ — актъ государственной власти, законъ, служащій выраженіемъ единой государственной власти. Парламентъ и король могутъ, каждый въ своей компетенціи, совершать государственные акты, независимо другъ отъ друга, но лишь такіе акты,

которые предусмотрѣны и нормированы закономъ. Эти акты являются актами подзаконными, которыми лишь исполняется предписаніе закона, т.-е. единой государственной воли. Въ нихъ проявляется не самостоятельная воля парламента, а воля государства. Этими самостоятельными актами парламента и короля, такимъ образомъ, нисколько не нарушается единство государственной власти.

§ 82. **Непосредственные и посредственные органы государственной власти.** Вся дѣятельность государства сводится безъ остатка къ дѣятельности людей. Только люди могутъ хотѣть и дѣйствовать; всякое дѣйствіе и хотѣніе искусственнаго учрежденія есть всегда дѣйствіе и хотѣніе людей. И тѣ люди, хотѣнія и дѣйствія которыхъ признаются хотѣніями и дѣйствіями государства, суть то, что мы называемъ органами государства. Безъ такого рода органовъ бытіе государства немыслимо. И государство не существуетъ, пока не существуютъ органы, чрезъ которые оно могло бы проявлять свою волю и при господствѣ которыхъ оно могло бы дѣйствовать.

Если государство, какъ юридическое учрежденіе, не существуетъ, пока не существуютъ органы, чрезъ которые оно могло бы проявлять свою дѣятельность, то въ каждомъ государствѣ должны существовать органъ или органы, которые возникли съ самимъ государствомъ, органы, созданные не волею государства, существующіе не въ силу юридической делегаціи, а въ силу самого государственнаго устройства. Въ отличіе отъ государственныхъ органовъ, которые существуютъ въ силу конституціи или исторически сложившагося государственнаго устройства и власть которыхъ основывается не на делегаціи, а на самостоятельномъ правѣ, существуетъ въ государствѣ другой разрядъ органовъ, которые получаютъ свои полномочія не отъ конституціи, а въ силу делегаціи отъ другого органа, пользующагося своею властью въ силу самостоятельнаго права. Степень и характеръ власти этихъ органовъ опредѣляется данными имъ полномочіями. Существованіе такихъ органовъ опредѣлено конституціей, но они отправляютъ извѣстныя финкціи государственной власти не непосредственно въ силу конституціи, а въ силу даннаго имъ полномочія.

Первую категорію государственныхъ органовъ мы называемъ непосредственными, вторую—посредственными.

Въ конституціонной монархіи непосредственными органами являются монархъ и народное представительство; ихъ власть основывается непосредственно на конституціи: какъ король, такъ и народное представительство не получили своей власти отъ другого государственнаго органа, а пользуются ею въ силу основныхъ законовъ государства. Остальные же органы въ конституціонной монархіи, какъ, напримѣръ, министры, судьи, суть органы посредственные, такъ какъ отправляютъ свои публичныя функціи въ силу делегаціи отъ короля.

Въ абсолютной монархіи, каково Русское государство, существуетъ одинъ только непосредственный органъ — монархъ; всѣ остальные получаютъ свою власть отъ него и суть поэтому органы посредственные.

§ 83. **Самостоятельные и несамостоятельные органы государственной власти.** Государственные органы можно различать и по другому отличительному признаку, а именно по степени предоставленной имъ власти. Государственный органъ или обладаетъ способностью связывать

своею волею волю подданныхъ, или не обладаетъ этою способностью. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ самостоятельнымъ органомъ, во второмъ—съ несамостоятельнымъ. Несамостоятельные органы или своею дѣятельностью служатъ подмогою для самостоятельнаго органа, или своею волею ограничиваютъ волю самостоятельнаго органа. Примѣромъ несамостоятельнаго органа перваго рода можетъ служить намъ Государственный Совѣтъ, который, какъ всякій несамостоятельный органъ, не связываетъ своими рѣшеніями воли подданныхъ и, будучи совѣщательнымъ учрежденіемъ, служитъ лишь подмогою Государю въ той законодательной дѣятельности, которая направлена на обсужденіе закона. Примѣромъ несамостоятельнаго органа второго рода могутъ служить палаты въ германскихъ конституціонныхъ монархіяхъ; эти палаты, какъ и нашъ Государственный Совѣтъ, не издаютъ предписаній, непосредственно связывающихъ волю подданныхъ, но отличаются отъ нашего Государственнаго Совѣта очень существенно тѣмъ, что своими рѣшеніями ограничиваютъ волю монарха, который безъ согласія палатъ не можетъ издавать цѣлаго ряда повелѣній, обязательныхъ для подданныхъ.

Все разнообразіе государственныхъ органовъ можетъ быть подведено подъ установленныя нами категоріи. Мы должны поэтому различать: 1) непосредственно самостоятельные органы, т.-е. такіе, которые пользуются своею властью въ силу конституціи, а не въ силу делегаціи отъ другого органа, и воля которыхъ связываетъ волю подданныхъ. Примѣры: монархъ какъ въ конституціонной, такъ и въ абсолютной монархіи; народное представительство въ республикахъ. 2) Посредственно-самостоятельные органы, которые обязаны своими полномочіями делегаціи отъ другого органа, но имѣютъ право постановлять рѣшенія, непосредственно связывающія волю подданныхъ. Примѣръ: министры, судьи. 3) Посредственно-несамостоятельные органы, т.-е. такіе, которые обязаны своими полномочіями другому органу и рѣшенія которыхъ не связываетъ воли подданныхъ; они являются лишь учрежденіями совѣщательными. Примѣры: Государственный Совѣтъ у насъ, аналогичныя учрежденія на Западѣ — Conseil d'état во Франціи Staatsrath въ Пруссіи и Австріи, 4) Непосредственно-несамостоятельные органы, т.-е. такіе, которые отправляютъ публичныя функціи въ силу самостоятельнаго права, конституціей установленнаго или пріобрѣтеннаго въ силу делегаціи отъ другого органа, но не обладаютъ властью издавать самостоятельныя распоряженія, связывающія волю подданныхъ. Примѣръ: народное представительство въ германскихъ конституціонныхъ монархіяхъ.

§ 84. **Различіе между государственными формами по устройству государственныхъ органовъ, ихъ количеству и соотношенію.** Въ каждомъ государствѣ, каковъ бы ни былъ образъ его правленія, существуетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ непосредственно-самостоятельный органъ. Во многихъ государствахъ (къ нимъ принадлежитъ большинство современныхъ конституціонныхъ государствъ) существуетъ, однако, нѣсколько такихъ непосредственно-самостоятельныхъ органовъ: въ конституціонныхъ государствахъ—народное представительство и монархъ, въ республикахъ—президентъ и палаты. Но въ этихъ государствахъ одинъ изъ этихъ органовъ долженъ занимать преобладающее значеніе и имѣть право сказать рѣшающее и послѣднее слово въ возможныхъ столкновеніяхъ меж-

ду органами. И этотъ-то высшій органъ называется, въ отличіе отъ другихъ, непосредственно-самостоятельныхъ органовъ, суверенным органомъ. Въ государствахъ же, гдѣ существуетъ одинъ только непосредственно-самостоятельный органъ, этотъ органъ и есть суверенъ. Въ государствахъ, гдѣ существуетъ нѣсколько непосредственно-самостоятельныхъ органовъ, суверенный органъ не пользуется тѣмъ значеніемъ и степенью власти, которыя предоставлены ему въ государствахъ, въ которыхъ существуетъ одинъ только такой органъ. Въ послѣднихъ вся полнота власти сосредоточена въ непосредственно-самостоятельномъ органѣ, въ первыхъ же суверенный органъ является носителемъ высшей, но не всей государственной власти. Въ Швейцарскомъ союзѣ мы имѣемъ два непосредственно-самостоятельныхъ органа, одинъ—это кантоны и швейцарскій народъ, другой—союзные законодательные совѣты. Воля обоихъ связываетъ непосредственно волю подчиненныхъ, и оба они существуютъ въ силу самой конституціи, а не въ силу юридической делегаціи другого органа. Но значеніе этихъ двухъ органовъ далеко не одинаково. Суверенным органомъ является только швейцарскій народъ и кантоны, ибо только имъ принадлежитъ право дѣлать измѣненія въ конституціи, только они опредѣляютъ основные законы государства, только они являются высшими судьями и послѣдней инстанціей во всѣхъ коренныхъ вопросахъ государственнаго устройства.

Разрѣшая вопросъ о томъ, кто является суверенным органомъ въ данномъ государствѣ, слѣдуетъ остерегаться спекулятивныхъ теорій, и всегда помнить, что суверенный органъ долженъ имѣть юридическую возможность выражать свою волю. Нельзя говорить о народѣ, какъ о суверенѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ путей для выраженія воли народа, какъ цѣлаго. Нельзя утверждать, чтобы въ современной французской республикѣ народъ былъ суверенным органомъ, ибо онъ юридически не имѣетъ возможности выражать свою волю. За него дѣйствуетъ и его представляетъ Національное Собраніе, которое и должно признать суверенным органомъ во французской республикѣ. Вообще въ представительныхъ демократіяхъ суверенным органомъ является не народъ, а народное представительство, т.-е. тѣ коллегіи, воля которыхъ представляетъ волю народа. Эти коллегіи въ представительныхъ демократіяхъ вооружены властью опредѣлять государственное устройство законами во всѣхъ направленіяхъ; онѣ дѣйствуютъ по собственному почину и за свои рѣшенія ни передъ кѣмъ не отвѣтственны. Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ народное представительство есть органъ непосредственный, его бытіе и его функціи основываются всегда и вездѣ на опредѣленіяхъ конституціи, а никогда не на делегаціи другихъ государственныхъ органовъ. Но далеко не во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ народныя представительства являются и самостоятельными органами, т.-е. не вездѣ они обладаютъ властью самостоятельно издавать повелѣнія, которыя связывали бы волю подданныхъ. Въ представительныхъ демократіяхъ народное представительство является всегда не только самостоятельнымъ ограномъ, но и ограномъ суверенным. Въ конституціонныхъ монархіяхъ суверенным органомъ является монархъ; онъ глава правительственной власти; его санкція возводитъ законы, принятые народнымъ представительствомъ, на степень обязательныхъ для подданныхъ; ему принадлежитъ послѣднее слово во

всѣхъ столкновеніяхъ между правительственной властью и властью законодательной. Въ случаѣ несогласія народнаго представительства съ министерствами онъ или распускаетъ палаты, когда думаетъ, что предложенія министровъ, вызвавшія эти несогласія, соотвѣтствуютъ интересамъ страны, или отставляетъ министровъ, когда думаетъ, что народное представительство служитъ дѣйствительнымъ выразителемъ общественнаго настроенія.

Во всѣхъ конституціонныхъ монархіяхъ суверенньмъ органомъ является не народное представительство, а король. Но въ другихъ отношеніяхъ разница въ положеніи и значеніи народнаго представительства въ различныхъ конституціонныхъ монархіяхъ очень существенна. Въ однѣхъ конституціонныхъ монархіяхъ народное представительство является самостоятельнымъ органомъ. Такъ, въ Норвегіи стортингъ облеченъ конституціей властью въ исключительныхъ случаяхъ выражать самостоятельную отъ короля волю, непосредственно связывающую волю подданныхъ. Дѣло въ томъ, что въ Норвегіи король имѣетъ по отношенію къ рѣшеніямъ народнаго представительства лишь отсрочивающее, а не абсолютное veto, такъ что народное представительство можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ проводить законы и помимо воли короля. Въ другихъ же конституціонныхъ государствахъ народное представительство не имѣетъ власти самостоятельно (независимо отъ короля) выражать волю, обязательную для подданныхъ; другими словами, въ этихъ конституціонныхъ государствахъ народное представительство является несамостоятельнымъ органомъ. Но и въ этихъ государствахъ, имѣющихъ то общее между собою, что народное представительство является въ нихъ органомъ несамостоятельнымъ, значеніе народнаго представительства не одинаково.

Въ однихъ конституціонныхъ государствахъ воля народнаго представительства въ извѣстной области государственной дѣятельности равнозначуща съ волею короля, такъ что воля государства можетъ состояться лишь при равномъ участіи короля и народнаго представительства. Въ этихъ государствахъ, къ которымъ принадлежатъ, между прочимъ, Италія, Греція, Испанія, Бельгія, конституціонный строй вышелъ изъ революціи. Его историческое происхожденіе оправдываетъ воззрѣніе на народное представительство, какъ на равноправнаго съ королемъ фактора верховной власти. И въ нихъ формальное законодательство исходитъ въ одинаковой степени отъ короля и народнаго представительства.

Въ другихъ конституціонныхъ монархіяхъ народное представительство не является соносителемъ верховной власти, которая всецѣло принадлежитъ королю. Лишь въ извѣстной области воля короля, чтобы получить обязательную силу, нуждается въ согласіи народнаго представительства. Король издаетъ законы съ согласія народнаго представительства, но воля народнаго представительства является тутъ не причиною законодательнаго акта, а лишь однимъ изъ его условій. Къ государствамъ, въ которыхъ народное представительство занимаетъ такое положеніе, принадлежатъ тѣ, которыя сохранили историческую монархическую власть и въ которыхъ конституція является не результатомъ революціи, а добровольнымъ актомъ короля. Въ этихъ государствахъ дарованіе конституціи не означало раздѣленія власти, принадлежавшей королю, а лишь ограниченіе этой власти, которая по существу

своему осталась прежней и лишь утратила прежнюю форму своего осуществленія, независимо отъ всякой другой воли. Абсолютный монархъ, допуская участіе народнаго представительства въ своей дѣятельности, этимъ не умаляетъ принадлежащей ему полноты власти. За нимъ исключительно сохраняется imperium, онъ носитель всей государственной власти. Это какъ нельзя яснѣе выражено въ конституціяхъ нѣмецкихъ государствъ, принадлежащихъ къ разсматриваемому нами типу. Въ § 57-мъ „Wiener Schlusakte“ мы читаемъ: „Такъ какъ Германскій союзъ, за исключеніемъ свободныхъ городовъ, состоитъ изъ суверенныхъ государей, то вся полнота государственной власти должна оставаться сосредоточенной во главѣ государства, и суверенъ лишь при осуществленіи извѣстныхъ правъ можетъ быть связанъ участіемъ палатъ“ („Da der deutsche Bund mit Ausnahme der freien Städte aus Souveränen Fürsten besteht, so muss die gesamte Staatsgewalt in dem Oberhaupte des Staates vereinigt bleiben und der Souverän kann durch die landständische Verfassung nur in der Austübung gewisser Rechte an die Mitwirkung der Stände gebunden werden„). А въ баварской конституціи постановлено: „Король — глава государства; онъ соединяетъ въ своихъ рукахъ всѣ права государственной власти и осуществляетъ ихъ при соблюденіи условій, опредѣленныхъ въ этой конституціи“ („Der König ist das Oberhaupt des Staates, er vereinigt in sich alle Rechte der Siaatsgewalt und übt sie unter den von ihm gegebenen in der gegenwärtigen Verfassungsurckunde festgeszten Bestimmungen aus“). Это постановленіе почти буквально повторяется и въ саксонской конституціи (§ 4), вюртембергской (§ 4), баденской (§ 5), гессенской (§ 4), ольденбургской (ст. 4 § 2), брауншвейгской (§ 3), саксенъ-мейнингенской (§ 3), саксенъ-альтенбургской (§ 4), кобургъ-готской (§ 3). По смыслу этихъ постановленій король ограниченъ не въ своей верховной власти, которая по нѣмецкому конституціонному праву неотчуждаема и нераздѣльно принадлежитъ монарху, а лишь въ осуществленіи нѣкоторыхъ функцій этой власти. Въ нѣмецкой конституціонной монархіи органами законодательной дѣятельности являются король и народное представительство, верховная же законодательная власть принадлежитъ одному королю, ибо только отъ него исходитъ санкція законовъ, т.-е. только онъ можетъ вооружить извѣстную юридическую норму обязательной силой. Онъ связанъ участіемъ палатъ только при обсужденіи закона, т.-е. содержаніе юридической нормы опредѣляется королемъ совмѣстно съ палатами. Но такая юридическая норма, когда она и была принята палатами, еще не есть законъ, ибо ей недостаетъ повелѣнія, которое предписываетъ эту норму и дѣлаетъ ее обязательнымъ правиломъ. Это же повелѣніе исходитъ не отъ палатъ, а отъ короля, и только въ этомъ повелѣніи и проявляется верховная власть, которой одной принадлежитъ право повелѣвать и принуждать. Въ правѣ санкціи законовъ мы имѣемъ наиболѣе надежный признакъ для опредѣленія, кому въ государствѣ принадлежитъ верховная законодательная власть. Въ нѣмецкой конституціонной монархіи это право принадлежитъ королю, въ современныхъ республикахъ (во Франціи, въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ, въ Швейцаріи) и въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ монархіяхъ (въ Англіи, Норвегіи) оно принадлежитъ народному представительству. Мы поэтому и говоримъ, что въ нѣмецкой конституціонной монархіи верховная законодательная власть принадлежитъ королю, а въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, во Франціи и

Англіи — народному представительству. Принадлежность верховной законодательной власти въ этихъ государствахъ одному только органу не исключаетъ, однако, участія другихъ органовъ въ законодательной дѣятельности; но въ этомъ участіи не проявляется государственное верховенство. Во Франціи, напр., президентъ принимаетъ участіе въ законодательной дѣятельности своимъ правомъ инициативы и промульгаціи законовъ, но это участіе не является выраженіемъ суверенной власти. Въ нѣмецкой конституціонной монархіи народное представительство принимаетъ также участіе въ законодательной дѣятельности своимъ правомъ обсужденія законовъ, но и въ этомъ участіи такъ же мало проявляется суверенная власть палатъ, какъ и въ законодательныхъ функціяхъ президента Французской республики. Вообще нужно помнить, что обязательное участіе извѣстныхъ органовъ въ отправленіи функціи верховной власти еще не служитъ указаніемъ на то, что эти органы являются носителями верховной власти. И участіе нѣмецкихъ палатъ въ законодательной дѣятельности нисколько не упраздняетъ свободы рѣшенія короля. Въ правовомъ порядкѣ нерѣдко встрѣчаются случаи, когда извѣстная гражданская сдѣлка можетъ состояться не иначе, какъ съ согласія другаго лица, которое, однако, этимъ не становится участникомъ въ этой гражданской сдѣлкѣ. Попечитель, безъ согласія котораго опекаемая не можетъ вступить въ бракъ, этимъ не дѣлается участникомъ въ брачномъ союзѣ, который есть исключительное дѣло свободнаго рѣшенія бракосочетающихся. Согласіе палатъ на законодательный актъ короля есть лишь условіе, а не причина этого акта. Монархъ въ большинствѣ случаевъ правительственныхъ актовъ связанъ согласіемъ министровъ, безъ контрассигновки которыхъ онъ не имѣетъ права предпринять ни одного правительственнаго распоряженія, между тѣмъ, никто не станетъ утверждать, что министры суть носители верховной правительственной власти. Правительственные акты, несмотря на обязательное участіе въ нихъ министровъ, остаются свободными рѣшеніями короля.

Въ расматриваемыхъ конституціонныхъ монархіяхъ король является, повторяемъ, исключительнымъ носителемъ верховной власти. Въ абсолютной монархіи только монархъ опредѣляетъ волю государства; въ монархіяхъ разсматриваемаго типа мы видимъ то же самое, — и въ нихъ только король издаетъ обязательныя для подданныхъ повелѣнія. Но если въ абсолютной монархіи онъ могъ хотѣть все, то въ нѣмецкой конституціонной монархіи его хотѣніе ограничено. Онъ можетъ хотѣть, но онъ не можетъ болѣе хотѣть все. Въ извѣстныхъ областяхъ государственной жизни воля короля, чтобы имѣть обязательную силу, нуждается въ согласіи палатъ.

§ 85. **Классификація государственныхъ формъ.** Все разнообразіе существующихъ государственныхъ формъ можно подвести подъ двѣ большія группы. Къ первой относятся всѣ тѣ государства, въ которыхъ существуетъ одинъ только непосредственный органъ (это абсолютная монархія), ко второй — всѣ тѣ, въ которыхъ существуетъ нѣсколько непосредственныхъ органовъ. Въ эту группу войдутъ всѣ современныя конституціонныя государства, будь то республики или монархіи. Этимъ признакомъ (количествомъ непосредственныхъ органовъ) обусловливаются всѣ другіе признаки, отличающіе эти двѣ группы государствъ. Въ абсолютной монархіи, какой является Русское государство, существуетъ

одинъ непосредственный органъ (т.-е. существующій въ силу самого государственнаго устройства). Этотъ органъ, какъ единственный, существующій, въ силу государственнаго устройства есть органъ самостоятельный, т.-е. воля его связываетъ волю подданныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ органъ суверенный. Но этотъ суверенный органъ въ абсолютной монархіи, въ которой не существуетъ другихъ непосредственно-самостоятельныхъ органовъ, суверенъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ монархъ въ конституціонной монархіи. Въ абсолютной монархіи монархъ воплощаетъ собою суверинитетъ государства, онъ носитель всей полноты верховной власти; въ конституціонной же монархіи онъ суверенный органъ лишь въ томъ смыслѣ, что онъ среди непосредственно-самостоятельныхъ органовъ есть высшій органъ, которому во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ актахъ принадлежитъ послѣднее рѣшающее слово. Въ абсолютной монархіи монархъ, какъ суверенъ и, притомъ, какъ единственный самостоятельно-непосредственный органъ, пользуется властью неограниченной; въ конституціонномъ же государствѣ, гдѣ существуетъ не одинъ, а нѣсколько непосредственныхъ органовъ, ни одинъ изъ нихъ не пользуется неограниченною властью: полномочія одного органа находятъ себѣ границу въ полномочіяхъ другого.

Конституціонныя государства, въ свою очередь, распадаются на двѣ группы: во-первыхъ, на такія, въ которыхъ суверенным органомъ является одно физическое лицо—монархъ (конституціонныя монархіи), и, во-вторыхъ, на такія, въ которыхъ этимъ суверенным органомъ является лицо юридическое (республики).

Конституціонныя монархіи различаются по тому значенію, которое имѣетъ въ нихъ народное представительство, и по тому отношенію, въ которомъ это народное представительство стоитъ къ королю. Отсюда два вида конституціонныхъ монархій. Въ однѣхъ народное представительство является непосредственно-самостоятельнымъ органомъ (Норвегія); въ нихъ король пользуется не абсолютнымъ, а суспенсивнымъ veto, и народное представительство имѣетъ въ извѣстныхъ случаяхъ право самостоятельно издавать законы, не получившіе утвержденія короля. Въ другихъ конституціонныхъ монархіяхъ народное представительство не является непосредственно-самостоятельнымъ органомъ, а только непосредственнымъ органомъ; къ нимъ принадлежитъ большинство современныхъ конституціонныхъ монархій, въ которыхъ народное представительство самостоятельно не издаетъ никакихъ обязательныхъ для подданныхъ предписаній и въ которыхъ рѣшенія народнаго представительства получаютъ силу лишь по утвержденіи ихъ королемъ. Эти конституціонныя монархіи, въ свою очередь, распадаются на двѣ группы; въ однѣхъ народное представительство является соносителемъ верховной власти, въ другихъ—органомъ, лишь въ извѣстной сферѣ ограничивающимъ власть короля. Въ первыхъ народное представительство имѣетъ право иниціативы и право обсужденія во всей области законо-дательства, во-вторыхъ, народное представительство не имѣетъ права законодательной иниціативы и пользуется лишь ограниченнымъ правомъ обсужденія, а именно лишь участвуетъ въ обсужденіи тѣхъ законовъ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ правамъ, гарантированнымъ конституціей. Къ послѣдней группѣ конституціонныхъ государствъ принадлежатъ всѣ нѣмецкія государства, получившія конституцію до 1848 г., къ первой—всѣ остальныя конституціонныя монархіи за исключеніемъ Норвегіи.

Существующія республики можно подвести подъ двѣ группы: въ однѣхъ — суверенным органомъ является весь народъ (Швейцарскій союзъ и Сѣверо-Американскіе штаты), въ другихъ—суверенным органомъ является коллегія; къ нимъ принадлежатъ представительныя республики, примѣромъ которыхъ можетъ служить Французская республика.

Предложенную классификацію современныхъ государственныхъ формъ можно наглядно изобразить слѣдующей схемой:

### I. Абсолютное государство.

Отличительный признакъ: одинъ непосредственный органъ верховной власти. Примѣръ: Русское государство.

### II. Конституціонное государство.

Отличительный признакъ: нѣсколько непосредственныхъ органовъ верховной власти.

**А. Конституціонныя монархіи.**
Отличительный признакъ: суверенный органъ—лицо физическое.

1) **Конституціонная монархія**, приближающаяся къ республикѣ.
Отличит. признакъ: народное представительство — самостоятельный органъ.

2. **Конституціонная монархія**, приближающаяся къ абсолютному государству.
Отличит. признакъ: народное представительство — несамостоятельный органъ.
a) Конституціонныя монархіи, вышедшія изъ революціи.
Отличит. признакъ: народное представительство — соноситель верховной власти.
b) Конституціонныя монархіи, сохранившія историческую королевскую власть.
Отличит. признакъ: народное представительство —органъ, лишь ограничивающій верховную власть короля.

**Б. Республики.**
Отличительный признакъ: суверенный органъ—лицо юридическое.

1) **Республики непосредственныя.**
Отличит. признакъ: суверенный органъ —весь народъ.

2) **Республики представительныя.**
Отличит. признакъ: суверенный органъ — коллегія народныхъ представителей.

ОТДѢЛЪ I.

# Основныя начала государственнаго устройства Россіи.

## ГЛАВА I.

### Единство государственной территоріи.

§ 84. **Характеръ территоріи крупныхъ политическихъ тѣлъ.** Большія государства не вступаютъ въ исторію готовыми историческими тѣлами; они, такъ сказать, не высѣчены изъ одного куска, а представляютъ собою мозаику небольшихъ областей. Форма объединенія мелкихъ политическихъ тѣлъ въ болѣе обширныя государства зависитъ, во первыхъ, отъ характера политическаго быта того государства, которое является иниціаторомъ объединенія болѣе мелкихъ политическихъ тѣлъ, во-вторыхъ, отъ степени политической зрѣлости этихъ тѣлъ въ моментъ ихъ слитія въ большое государство. Чѣмъ политически зрѣлѣе объединяющіяся части, тѣмъ болѣе основаній для образованія федеративнаго государства и, наоборотъ, чѣмъ менѣе развиты сливающіяся въ политическое цѣлое области, тѣмъ болѣе условій для образованія унитарнаго и централизованнаго государства. Государства съ обширною территоріей съ этой точки зрѣнія можно раздѣлить на три группы:

Во-1-хъ. Государства, въ которыхъ присоединенныя области или слившіяся въ одно цѣлое государства сохраняютъ относительную самостоятельность, причемъ эта *самостоятельность равномѣрна для всѣхъ составныхъ частей* (федеративныя государства. Напр., Германская имперія, Сѣверо-Американскіе штаты, Швейцарскій союзъ).

Во-2-хъ. Государства, въ которыхъ составныя части пользуются *самостоятельностью, но не на равныхъ правахъ*, а такъ, что метрополія занимаетъ господствующее положеніе (напр., Британская имперія).

Въ-3-хъ. Государства, въ которыхъ присоединенныя части слились съ подчинившимъ имъ государствомъ и утратили свою самостоятельность (Россія).

§ 85. **Образованіе русской территоріи.** Первоначальнымъ зерномъ русской государственной территоріи было Московское княжество, которое, распространяясь, постепенно поглотило всѣ русскія удѣльныя княжества, и на сторону нарождающагося государства перешли всѣ удѣльныя княжества за исключеніемъ Червонной Руси, которая остается за Австріей и по настоящее время. Послѣ этого объединенія, которое внуша-

лось національными мотивами, произошелъ цѣлый рядъ другихъ измѣненій изъ за политическихъ видовъ. Іоаннъ Грозный завоевалъ въ 1552 г. Казань, въ 1558 г. подчинилъ себѣ Астрахань, а лѣтомъ 1582 г. получилъ отъ Ермака извѣстіе о покореніи Сибирской земли. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1654 г. была присоединена Малороссія. Въ 1721 г. Петръ В. по Ништадскому миру пріобрѣлъ Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, часть Кареліи и часть Финляндіи. Екатерина II присоединила къ русскимъ владѣніямъ Крымъ и сѣверный берегъ Чернаго моря. При Александрѣ I была присоединена Финляндія и Польша, а при Александрѣ II—Кавказъ и среднеазіатскія владѣнія. Говоря о государственной русской территоріи, нельзя не обратить вниманія на 4-ю ст. Осн. зак., которая гласитъ: „Съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго". Возникаетъ вопросъ, почему здѣсь особо упоминается о престолахъ польскомъ и финляндскомъ, и въ какомъ отношеніи находятся Финляндія и Польша къ Россіи?

§ 86. **Отношеніе Финляндіи къ Россіи.** На отношеніе Россіи къ Финляндіи существуетъ въ литературѣ два различныхъ мнѣнія. Одни утверждаютъ, что Россійская имперія и великое княжество Финляндское являются двумя самостоятельными государствами, связанными *реальною уніей*. Другіе же доказываютъ, что Россія и Финляндія образуютъ одно государство, и Финляндія не что иное, какъ провинція, инкорпорированная Россіей, но надѣленная широкою политическою автономіей. На сторонѣ перваго мнѣнія стоитъ большинство русскихъ писателей (Сергѣевичъ, Романовичъ-Славатинскій, Градовскій); на сторонѣ второго—новѣйшіе нѣмецкіе писатели (Іеллинекъ, Бурмирингъ, Гольцендорфъ). Для того, чтобы провѣрить эти мнѣнія, необходимо прежде всего установить понятіе реальной уніи и понятіе инкорпораціи.

Разсматривая различные виды соединенія государствъ, можно подвести ихъ подъ четыре большихъ группы.

I. *Инкорпорація*. Государства соединяются такимъ образомъ, что одно безусловно подчиняется другому. Присоединенное государство перестаетъ быть государствомъ и сливается съ присоединившимъ его государствомъ. Если это присоединенное государство, сдѣлавшись инкорпорированною частью другого, и сохранитъ особенности своихъ историческихъ учрежденій, то на эти учрежденія съ юридической точки зрѣнія можно смотрѣть только, какъ на дарованныя ему государственною властью присоединившаго его государства, ибо всѣ полномочія учрежденій въ предѣлахъ одного государства, каково бы ни было ихъ историческое происхожденіе, могутъ имѣть свой правовой источникъ лишь въ верховной власти этого государства. Примѣрами инкорпораціи, оставляя пока въ сторонѣ присоединенія къ Русскому государству, могутъ служить соединеніе Шотландіи съ Англіей въ 1706 г., Ирландіи и Англіи 1800 г., присоединеніе Ганновера, Гессенъ-Касселя и Нассау къ Пруссіи 1866 г.

II. *Союзное государство*. Государства соединяются между собою такъ, что съ одной стороны ни одно государство не подчиняется другому, а съ другой ни одно государство не сохраняетъ своего суверенитета: соединившіяся государства образуютъ новое сложное полити-

ческое тѣло съ новою государственною властью во главѣ, которая и является носительницей всей полноты суверенитета. Каждая изъ составныхъ частей (прежнихъ независимыхъ государствъ) продолжаетъ жить, какъ болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое, но уже не какъ суверенное государство, а какъ часть суверенного государства. Самостоятельность этихъ частей можетъ быть очень значительна, но находитъ свой предѣлъ въ суверенитетѣ центральной власти, который и является источникомъ и послѣднимъ судьею этой самостоятельности. Примѣрами такихъ сложныхъ государствъ могутъ служить Германская имперія, Сѣверо-Американскіе штаты, Швейцарскій союзъ.

III. *Союзъ государствъ.* Государства, сохраняя каждое всю полноту суверенитета, соединяются между собою въ устойчивый союзъ для преслѣдованія общихъ политическихъ интересовъ и создаютъ общій союзный органъ для совмѣстной защиты этихъ интересовъ. Этотъ союзъ государствъ (Staatenbund) отличается отъ только-что разсмотрѣннаго союзнаго государства (Bundesstaat) очень рѣзко тѣмъ, что въ первомъ суверенная власть остается за составными частями, между тѣмъ какъ во второмъ суверенная власть принадлежитъ центральному органу сложнаго государства. Второе отличіе союза государствъ отъ союзнаго государства заключается въ томъ, что связь между государствами, образующими союзъ государствъ, какъ связь самостоятельныхъ государствъ основывается и можетъ основываться только на международномъ договорѣ, между тѣмъ какъ связь между частями союзнаго государства, какъ связь между частями одного и того же государства, основывается и можетъ основываться только на законѣ. Союзъ государствъ есть, такимъ образомъ, образованіе внѣшняго публичнаго права, т.-е. права международнаго; союзное же государство есть образованіе внутренняго публичнаго права, т. е. права государственнаго.

Союзъ государствъ можетъ быть двоякаго рода. Во-1 хъ, или для выраженія воли союза создается особый сложный органъ (союзъ государствъ въ собственномъ смыслѣ. Прим.: Швейцарскій союзъ 1815—1848 г., Соединенные штаты Америки 1778—1787 г., Германскій союзъ 1815—1866 г.). Во-2-хъ, или же соединеніе государствъ въ союзъ получаетъ свое выраженіе тѣмъ, что эти государства, не создавая общаго союзнаго органа, признаютъ выразителемъ союзной воли монарха одного изъ соединившихся въ союзъ государствъ (реальная унія. Прим.: Швеція и Норвегія и Австро-Венгрія).

IV. *Личная унія.* Всѣ разсмотрѣнныя до сихъ поръ соединенія суть соединенія правовыя, т.-е. такія, которыя основываются на юридическомъ титулѣ. Инкорпорація обусловливается подчиненіемъ одного государства суверенной власти другого, союзное государство основывается на законѣ, союзъ государствъ—на договорѣ. Кромѣ этихъ соединеній, имѣющихъ юридическое основаніе, есть другія соединенія, которыя основываются на голомъ, случайномъ историческомъ фактѣ. Къ нимъ принадлежитъ личная унія. Ее можно опредѣлить, какъ связь между двумя или нѣсколькими государствами, обусловливающуюся случайнымъ фактомъ—общностью монарха. Личная унія возникаетъ, во-1 хъ, когда права на престолъ двухъ различныхъ государствъ совпадаютъ въ одномъ и томъ же лицѣ въ силу его наслѣдственныхъ правъ (примѣромъ можетъ служить соединеніе Англіи съ Ганноверомъ. Георгъ Людвигъ, король Ганновера, родственникъ англійскаго короля Якова II, по

смерти послѣдняго, вступилъ на великобританскій престолъ въ 1714 г. Эта личная унія между Англіей и Ганновером продолжалась до 1837 г. Въ этомъ году умираетъ король Англіи и Ганновера Вильгельмъ IV, не оставивъ сыновей, а братьевъ и дочь Викторію. По законамъ Англіи престолъ можетъ наслѣдовать и женщина, по законамъ же Ганновера не можетъ. Унія между Англіей и Ганновером такимъ образомъ прекратилась: на ганноверскій престолъ вступилъ братъ покойнаго короля Георгъ, а на англійскій—его племянница Викторія). Во-2-хъ, когда монархъ одного государства избирается монархомъ другого (прим.: соединеніе Германіи съ Испаніей въ XVI в. Въ 1519 г. Карлъ I, король испанскій, былъ избранъ императором германскимъ подъ именемъ Карла V).

Личная унія, такимъ образомъ, рѣзко отличается отъ уніи реальной. Первая основывается на голомъ историческомъ фактѣ (случайная общность монарха), вторая—на юридическомъ титулѣ (на договорѣ). Личная унія не вызвана общими интересами соединившихся государствъ, которыя остаются во всѣхъ отношеніяхъ чужды другъ другу и никакихъ общихъ законовъ и учрежденій не имѣютъ. При реальной уніи, которая всегда вызвана общностью интересовъ, связь между государствами выражается въ общихъ органахъ для защиты этихъ общихъ интересовъ.

Выяснивъ себѣ различные виды соединенія государствъ, мы должны теперь припомнить тѣ обстоятельства, при которыхъ Финляндія была присоединена къ Россіи, чтобы потомъ рѣшить, подъ какой изъ разсмотрѣнныхъ видовъ соединенія государствъ нужно подвести отношенія Финляндіи къ Россіи. Финляндія никогда самостоятельнымъ государствомъ не была и составляла провинцію Швеціи, когда возгорѣлась война между послѣдней и Россіей. Война эта окончилась побѣдою Россіи. Въ 1808 году Финляндія была занята русскими войсками до рѣки Торнео. Въ манифестѣ, изданномъ въ этомъ году, Императоръ Александръ I объявилъ слѣдующее: „Страну сію, оружіемъ нашимъ покоренную, мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской имперіи, вслѣдствіе чего жителямъ Финляндіи повелѣваемъ принести присягу на вѣрное престолу нашему подданство“. Такимъ образомъ финляндцы, послѣ покоренія ихъ страны русскимъ оружіемъ, должны были присягнуть въ вѣрноподданствѣ Русскому Императору, а не Великому Князю Финляндіи, безъ всякихъ условій и дальнѣйшихъ опредѣленій. Финляндія стала провинціей Россіи, какъ была до того времени провинціей Швеціи. Александръ I такъ и называетъ ее въ своемъ письмѣ къ Наполеону I: „Le roi de Suède a jugé á propos d'imiter des Turcs et d'enfermer mon ministre à Stockholm. Je n'ai pas voulu user de représ-sailles envers lui, mais j'ai déclairé la Finlande suédoise province russe“. Фридрихсгамскій трактатъ, заключенный между Россіей и Швеціей въ 1809 г., санкціонировалъ присоединеніе Финляндіи къ Россіи; онъ не оставляетъ сомнѣнія относительно характера этого присоединенія. Въ этомъ трактатѣ мы читаемъ: „Его величество король шведскій отказывается неотмѣнно и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній. Губерніи сіи со всѣми жителями и проч., а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ состоять въ собственномъ и державномъ обладаніи имперіи Россійской и ей всегда принадлежать“.

Связь между Финляндіей и Россіей, такимъ образомъ, не реальная унія, т.-е. не связь между двумя самостоятельными государствами, основанная на договорѣ. Финляндія никогда самостоятельнымъ государствомъ не была и потому въ договорныя отношенія съ Россіей вступать не могла: Финляндія не присоединилась, а была присоединена къ Россіи. Связь между Россіей и Финляндіей основывается на договорѣ не между Финляндіей и Россіей, а между Швеціей и Россіей. *Финляндія не самостоятельное государство, связанное съ Россіей реальною уніей, а инкорпорированная Россіей провинція.* Русскіе ученые, утверждающіе, что отношеніе Россіи къ Финдляндіи подходитъ подъ понятіе реальной уніи, не отрицаютъ, что Финляндія была завоевана и инкорпорирована Россіей, но прибавляютъ, что этой инкорпорированной провинціи были затѣмъ дарованы Государемъ Александромъ I особыя учрежденія, и что эти учрежденія возвели ее на степень самостоятельнаго государства, къ которому Россія стала въ тѣ отношенія, которыя наука подводитъ подъ понятіе реальной уніи.

Такое утвержденіе лишено всякаго основанія. Александръ I, завоевавъ Финляндію и присоединивъ ее къ Россіи, дѣйствительно оставилъ нетронутымъ тотъ конституціонный строй, который существовалъ въ Финляндіи, какъ и въ остальныхъ частяхъ Швеціи. Съ тѣхъ поръ Финляндія пользуется отличными отъ существующихъ въ другихъ частяхъ Россіи учрежденіями. Особенности этихъ учрежденій заключаются въ томъ, что при генералъ-губернаторѣ, назначаемомъ Императоромъ, состоитъ Сенатъ изъ 20 финляндцевъ и что въ Финляндіи существуетъ сословное представительство. Но эта политическая автономія Финляндіи не возводитъ ее на степень самостоятельнаго государства, какъ и особыя учрежденія, которыми пользуются британскія колоніи, не разрушаютъ единства Британской имперіи. Многія изъ частей Британской имперіи пользуются самостоятельностью, во многомъ превосходящею обособленность Финляндіи, но никто не утверждаетъ и не будетъ утверждать, что эти части образуютъ самостоятельныя государства, состоящія съ Англіей въ реальной уніи. Возьмемъ, наприм., Канаду. Канада пользуется большою отъ Англіи самостоятельностью и состоитъ изъ нѣсколькихъ провинцій, которыя, въ свою очередь, пользуются широкой политической автономіей. Высшая власть въ этомъ сложномъ политическомъ тѣлѣ покоится въ парламентѣ, имѣющемъ, какъ и англійскій парламентъ, двѣ палаты: палату лордовъ и палату общинъ. Генералъ-губернаторъ Канады назначается королевой, при немъ состоитъ, какъ и въ Финляндіи, совѣтъ, носящій названіе Privy Council и отправляющій функціи исполнительной власти. Полномочія парламента очень широки: онъ не только законодательствуетъ, но ему подчинены и флотъ, и войско. Во главѣ отдѣльныхъ провинцій стоятъ опять губернаторы и парламенты, которые не только имѣютъ широкую самостоятельную компетенцію, но и пользуются правомъ утверждать или отвергать извѣстныя постановленія центральнаго парламента. Какъ самостоятельность Канады не мѣшаетъ ей быть частью единой Британской имперіи, такъ и автономія Финляндіи не можетъ служить основаніемъ для утвержденія. что Финляндія образуетъ самостоятельное государство, состоящее съ Россіей въ реальной уніи. „Государство или части государствъ,—справедливо замѣчаетъ Іеллинекъ,—которыя завоеваны другимъ государствомъ и инкорпорированы имъ,

безусловно утрачиваютъ характеръ государства, какое бы положеніе они ни заняли въ государствѣ, инкорпорировавшемъ ихъ. Если за ними остается извѣстная степень самостоятельности, то на нее нужно смотрѣть, какъ на новое созданіе, какъ на автономію, дарованную имъ господствующею надъ ними государственною властью. Такъ какъ они, какъ государства, перестали существовать, то юридическая связь между ихъ настоящими учрежденіями и прежними прервана, и рѣчь можетъ итти только о преемственности исторической. Какъ бы широка ихъ политическая самостоятельность ни была, ихъ государственный характеръ этимъ все же не возстановляется, ибо они во всемъ подчинены высшему контролю господствующей надъ ними государственной власти и въ лучшемъ случаѣ являются областями, пользующимися самоуправленіемъ, но никогда не субъектами верховныхъ правъ".

§ 87. **Отношеніе Россіи къ Польшѣ.** Польша была присоединена къ Россіи 9 іюня 1815 г. по Вѣнскому договору.

1-я статья Вѣнскаго договора гласитъ: „Герцогство Варшавское... соединено съ имперіей Россійской. Оно будетъ связано безповоротно своимъ устройствомъ, дабы принадлежать Императору Россійскому, его наслѣдникамъ и преемникамъ на вѣки. Императоръ Россійскій сохраняетъ за собой право дать этому государству, пользующемуся особымъ административнымъ строемъ, внѣшнія границы, какія онъ заблагоразсудитъ. Онъ присоединяетъ къ своему титулу еще титулъ Царя Польскаго... Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получатъ народное представительство и національныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ поименованныхъ правительствъ будетъ признанъ приличнымъ и полезнымъ". „ ... Le duché de Varcovie... est réuni à l'Empire de Russie. Il y sera lié irrevocablement par sa constitution, pour être possédé par S. M. l'Empereur de toutes les Russies, ses heritiers et ses successeurs à perpétuité. S. M. l'Empereurse reserve de donnerà cet état jouissant d'une administration distincte l'extension extérieur, qu'elle jugera convenable. Elle prendra avec ses autres titres celui de Czar, Roi de Pologne... Les Polonais, sujets respectifs de la Russie, de l'Autriche et de la Prusse, obtiendront une représentation et des institutions nationales, réglées d'après le mode d'existence politique, que chacun des gouvernements, aux quels ils appartiennent, jugera utile et convenable de leur accorder".

Варшавское герцогство было присоединено къ Россіи, такимъ образомъ, не въ силу договора между Россіей и Польшей, а въ силу договора между государствами, заключившими Вѣнскій трактатъ. Мы имѣемъ тутъ примѣръ инкорпораціи, а не реальной уніи. Обязательства, вытекающія для Россіи изъ Вѣнскаго договора, суть обязательства Россіи не по отношенію къ Польшѣ, а по отношенію къ государствамъ, заключившимъ Вѣнскій трактатъ. Обязательства эти были исполнены Государемъ Александромъ I. Онъ далъ Польшѣ либеральную конституцію и строго держался ея. Но въ 1830 г. въ Польшѣ произошелъ мятежъ, и конституціонныя учрежденія были уничтожены, но это не повлекло за собой уничтоженія извѣстной доли мѣстной самостоятельности Польши. Въ 1832 г. Польша получила особое устройство: изъ нея было основано особое царство, и для этого царства былъ образованъ Государственный Совѣтъ съ подчиненіемъ ему трехъ комиссій: 1) внутреннихъ дѣлъ, духовныхъ и народнаго просвѣщенія, 2) юстиціи и 3) финансовъ. Для доклада по дѣламъ царства былъ особый министръ,

статсъ-секретарь царства Польскаго. Кромѣ того, былъ учрежденъ особый департаментъ при Государственномъ Совѣтѣ для разсмотрѣнія дѣлъ Польши, имѣющихъ особенное отношеніе къ Россіи.

Въ 1863 г. возникаетъ въ Польшѣ новый мятежъ, который повлекъ за собой уничтоженіе и послѣднихъ учрежденій, опредѣлявшихъ мѣстную самостоятельность Польши. Всѣ особыя мѣстныя учрежденія Польши были окончательно упразднены, и Польша была подчинена общимъ русскимъ учрежденіямъ; при этомъ не были лишь распространены на Польшу только обще-русскія судебныя учрежденія, которыя, однако, введены въ настоящее время.

---

## ГЛАВА II.

### Самодержавіе, неограниченность и закономѣрность верховной власти.

§ 88. **Самодержавіе и неограниченность.** Первая статья нашихъ „Основныхъ законовъ“ гласитъ: „Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный“.

Самодержавный означаетъ, что русскій царь не получилъ верховной власти извнѣ, а самъ держитъее; что эта власть не власть производная, а власть, которой русскій царь обладаетъ въ силу самостоятельнаго права.

Неограниченность означаетъ, что вся полнота верховной власти сосредоточена въ одномъ суверенномъ органѣ. Верховная власть во всѣхъ государствахъ одинакова, вездѣ она является неограниченной; но не во всѣхъ государствахъ она одинаково организована. Въ однихъ государствахъ верховными органами государственной власти являются коллегіи, какъ въ республикахъ, въ другихъ — отдѣльное лицо, какъ въ монархіяхъ; въ однихъ носителемъ верховной власти является только одинъ органъ, въ другихъ — нѣсколько. Власть государственная въ конституціонной монархіи такъ же неограниченна, какъ и въ монархіи абсолютной, но въ ней нѣтъ органа, который обладалъ бы всей полнотой верховной власти, который бы пользовался неограниченной властью. Такъ законодательная власть такъ же неограниченна въ конституціонной монархіи, какъ и въ монархіи абсолютной: она обладаетъ неограниченной компетенціей и можетъ регулировать любыя общественныя отношенія въ любомъ направленіи; она находитъ предѣлъ для своей дѣятельности лишь въ нормахъ, ею самою установленныхъ и могущихъ поэтому быть видоизмѣненными ею во всякое время. Но эта неограниченная законодательная власть не принадлежитъ ни королю, ни народному представительству, а лишь тому и другому вмѣстѣ; ни одинъ законъ не можетъ получить своего совершенія безъ утвержденія короля, а король не можетъ утвердить ни одного закона, который не былъ бы заранѣе обсужденъ и принятъ народнымъ представительствомъ.

Въ тѣхъ же государствахъ, въ которыхъ существуетъ одинъ только верховный органъ, одинъ только органъ, сосредоточивающій всю полноту верховной власти, этотъ органъ по необходимости обладаетъ неограниченной властью.

Такой неограниченной властью обладаетъ русскій императоръ, который является единственнымъ непосредственно - самостоятельнымъ органомъ верховной власти. *Если въ конституціонной монархіи неограниченная верховная власть распредѣляется между нѣсколькими органами, изъ которыхъ поэтому ни одинъ не обладаетъ неограниченной властью, то въ Россіи она сосредоточена въ одномъ органѣ, который поэтому обладаетъ всею полнотой верховной власти, неограниченной по своему существу.*

§ 89. **Законом**ѣ**рность русской верховной власти.** Неограниченность верховновной власти не означаетъ, однако, произвола этой власти. И современное государство европейской культуры отличается отъ восточной деспотіи именно тѣмъ, что носитель верховной власти не считаетъ себя въ ней legibus solutum, а признаетъ законы нормами и предѣлами своей дѣятельности. И законом**ѣ**рность такая же существенная черта нашего государственнаго быта, какъ и начало самодержавія. Она также провозглашена на первой страницѣ нашихъ законоположеній и стоитъ рядомъ со статьями, опредѣляющими существо верховной власти, какъ неограниченной. Въ 47-й ст. мы читаемъ: „Россійская имперія управляется на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, отъ самодержавной власти исходящихъ". И если бы русская верховная власть не дѣйствовала на твердомъ основаніи законовъ и не считала бы изданныя ею нормы для себя обязательными, то мы не собрались бы здѣсь съ вами для изученія государственнаго права: этого права не существовало бы вовсе; весь смыслъ нашего государственнаго строя сводился бы къ положенію: quod imperatori placuit, legis habet vigorem, весь нашъ политическій бытъ сводился бы къ фактическому состоянію, которое не подлежитъ юридической конструкціи, а слѣдовательно и юридическому анализу.

*Верховная власть въ Русскомъ государствѣ, сосредочивающаяся въ одномъ органѣ, въ одномъ лицѣ—въ лицѣ государя,—власть неограниченная, но она дѣйствуетъ не иначе, какъ въ предѣлахъ и на основаніи законовъ, этой верховной властью изданныхъ.*

Но это правило, по которому для верховной власти законы обязательны, и она находитъ въ нихъ предѣлъ для своей дѣятельности, не противовѣчитъ ли оно (это правило) неограниченности верховной власти? Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, мы говоримъ, что верховная власть неограниченна, съ другой — мы утверждаемъ, что она находитъ своей предѣлъ въ существующихъ законахъ. Это кажущееся противорѣчіе, при болѣе точномъ опредѣленіи того, что мы должны понимать подъ неограниченностью верховной власти, легко устраняется. Неограниченность верховной власти означаетъ, что верховная власть не признаетъ надъ собой высшей юридической власти, что она обладаетъ полною свободой самоопредѣленія. Верховная власть не можетъ быть поэтому ограничена правилами, исходящими отъ другой власти. *Но если верховная власть не можетъ быть ограничена другой, внѣ ея стоящей властью, то изъ этого не слѣдуетъ, что она не можетъ ограничивать самое себя. Признавая для себя обязательными законы, ею самою изданные, она не ограничивается внѣ ея стоящей властью, но этимъ лишь сама себя ограничиваетъ. Это, другими словами,— самоограниченіе, не противорѣчащее самоопредѣленію, составляющему, какъ мы сказали, существенное свойство верховной власти, какъ власти*

*неограниченной*. Верховная власть неограниченна не въ томъ смыслѣ, что для нея законъ не писанъ, а въ томъ, что никто ей этого закона не предписываетъ, что она руководствуется только законами, ею самою изданными. Будучи единственнымъ источникомъ всѣхъ дѣйствующихъ въ государствѣ законовъ, она, конечно, можетъ измѣнять и отмѣнять эти законы, и въ этомъ отношеніи ея дѣятельность не знаетъ никакихъ стѣсненій и не имѣетъ никакихъ границъ. Она можетъ отмѣнять отдѣльныя узаконенія, замѣнять ихъ другими, можетъ упразднить цѣлую систему законодательства и поставить на ея мѣсто другую, и все же она остается властью, дѣйствующей въ предѣлахъ законовъ и на основаніи законовъ. Допустить противное и утверждать, что верховная власть, въ силу своей неограниченности, имѣетъ право въ одинъ день упразднить всѣ законы, т.-е. законъ, значитъ утверждать нелѣпицу. Верховная власть, какъ юридическое учрежденіе, не имѣетъ права отмѣнить безъ остатка всѣ законы или править безъ законовъ, ибо это значило бы упразднить самое себя и на мѣсто юридическаго порядка поставить фактическое состояніе. Я не отрицаю, что данные носители верховной власти могутъ ниспровергнуть весь существующій законный порядокъ, но они будутъ тутъ дѣйствовать не въ качествѣ органовъ законной верховной власти, для дѣятельности которыхъ существуютъ всегда законные пути, это будетъ не юридическимъ актомъ законной власти, а фактическимъ процессомъ. И такіе историческіе процессы и фактическіе перевороты стоятъ за предѣлами нашей науки и подлежатъ изученію не юриста, а историка. Итакъ, верховная власть въ Русскомъ государствѣ, какъ всякая верховная власть, по всей природѣ своей неограниченна, но какъ юридическая власть, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ въ предѣлахъ и на основаніи законовъ.

---

## ОТДѢЛЪ II.

# Верховная власть.

---

### ГЛАВА I.

### Престолонаслѣдіе.

§ 90. **Порядокъ престолонаслѣдія.**

1. *Отличіе наслѣдованія въ правѣ гражданскомъ и государственномъ*. Первоначально принципъ престолонаслѣдія не отличался отъ принципа наслѣдованія въ имуществѣ; большинство европейскихъ системъ престолонаслѣдія произошло изъ наслѣдованія въ правѣ гражданскомъ. Причина этого заключается въ томъ, что территорія при феодальномъ порядкѣ разсматривалась какъ частная собственность владѣтельныхъ особъ. Впослѣдствіи принципъ частный и государственный были раздѣлены: государственная власть получила общественное значеніе, но, тѣмъ не менѣе, еще долгое время принципы гражданскаго права продолжали вліять на порядокъ престолонаслѣдія.

Мы должны остановиться на разграниченіи между наслѣдованіемъ въ правѣ государственномъ и наслѣдованіемъ гражданскимъ, чтобы показать, что они построены на различныхъ основаніяхъ и имѣютъ различныя цѣли. Слѣдующія черты различаютъ то и другое.

1. Различіе въ объектахъ наслѣдованія. *Въ гражданскомъ правѣ наслѣдуется имущество, а въ государственномъ—власть.* Лица, наслѣдующія власть, обыкновенно устраняются отъ наслѣдованія въ имуществѣ. Такъ, напр., по нашимъ законамъ наслѣдникъ престола въ случаѣ кончины его матери не наслѣдуетъ ея имущества, которое переходитъ къ младшимъ дѣтямъ (ст. 167-я Осн. зак.).

2. *Наслѣдованіе въ правѣ государственномъ недробимо, а въ гражданскомъ наоборотъ.* Развитіе права гражданскаго, внесеніе въ него новыхъ раціональныхъ принциповъ привело къ раздѣлу имущества между всѣми дѣтьми поровну по той причинѣ, что наслѣдованіе имѣетъ здѣсь своимъ объектомъ имущество, а имущество имѣетъ своею цѣлью матеріальное обезпеченіе всѣхъ членовъ семьи. Нераздѣльность собственности, напр., позэмельной держалась до тѣхъ поръ, пока она имѣла политическое значеніе. Но чѣмъ болѣе собственность дѣлается обыкновеннымъ гражданскимъ фактомъ, экономическимъ товаромъ, тѣмъ болѣе пробивали себѣ дорогу законы о раздѣлѣ имущества. Чѣмъ развитѣе, такимъ образомъ, гражданское право, тѣмъ большую силу получаетъ принципъ раздѣленія имуществъ; напротивъ, чѣмъ развитѣе государственное право, тѣмъ сильнѣе преобладаетъ принципъ единонаслѣдія.

3. Развитой гражданскій бытъ вырабатываетъ свободу распоряженія имуществомъ и свободу завѣщанія. Напротивъ, современное государственное право не терпитъ наслѣдованія по завѣщанію; чѣмъ развитѣе оно, тѣмъ болѣе старается укрѣпить наслѣдованіе престола по закону, какъ не допускающее произвола.

4. Наслѣдованіе имущества не ставится въ зависимость отъ условій, которыя ставятся наслѣднику престола. Такъ, напр., принадлежность къ той или другой религіи—вещь безразличная въ гражданскомъ наслѣдствѣ; напротивъ, наслѣдованіе престола обставляется условіями даже въ этомъ отношеніи. Русскій престолъ не можетъ занять лицо не православнаго вѣроисповѣданія, и точно также не можетъ быть королемъ Испаніи протестантъ, а королемъ прусскимъ католикъ.

5. Послѣднее различіе между наслѣдованіемъ гражданскимъ и государственнымъ заключается въ той роли, которую играютъ въ немъ женщины; *чѣмъ цивилизованнѣе народъ, тѣмъ права женщинъ болѣе уравниваются съ правами мужчинъ въ гражданскомъ наслѣдованіи; напротивъ, отъ престолонаслѣдія по нѣкоторымъ законодательствамъ женщина совершенно устраняется, а по другимъ допускается съ большимъ ограниченіемъ.* Причина заключается въ томъ предположеніи, что мужчина болѣе способенъ къ государственнымъ дѣламъ, чѣмъ женщина. Объ этомъ можно, конечно, спорить, но такое воззрѣніе указываетъ на ту точку зрѣнія, съ которой государственное право смотритъ на вопросъ о престолонаслѣдіи: оно не допускаетъ раздѣленія территоріи, потому что наслѣдуется власть, какъ представительница народнаго единства; оно ставитъ право на престолъ въ зависимость отъ физическихъ и психическихъ свойствъ наслѣдника.

II. *Типы государственнаго наслѣдованія.* Существующія системы престолонаслѣдія можно раздѣлить по степени участія женщинъ въ престолонаслѣдіи на три группы:

1. Салическая система совершенно устраняетъ женщинъ отъ престолонаслѣдія (она развилась изъ системы частнаго права салическихъ франковъ, по которому сестра при братѣ не была наслѣдницей). Система эта существуетъ въ настоящее время въ Пруссіи, Швеціи и Норвегіи, Даніи, Бельгіи и Италіи.

2. Англійская система, по которой женщины допускаются только условно: старшій братъ исключаетъ изъ наслѣдованія младшихъ братьевъ и сестеръ, но когда въ данной семьѣ нѣтъ сыновей, то наслѣдство переходитъ къ дочерямъ, которыя исключаютъ лицъ мужского пола другихъ линій. Если у короля, напр., остались сынъ и дочь, то хотя дочь была бы старше, на престолъ вступаетъ сынъ; но если у короля остались дочь и братъ, то вступаетъ на престолъ дочь, а не братъ. Другими словами, предпочтеніе мужчинъ передъ женщинами имѣетъ мѣсто въ семьѣ, а не въ родѣ.

3. Ирландо-голландская система допускаетъ женщинъ на престолъ лишь въ случаѣ совершеннаго отсутствія лицъ мужского пола во всѣхъ линіяхъ агнатовъ. Система эта примѣняется въ Австріи, Голландіи, Греціи; она же дѣйствуетъ и у насъ.

III. *Престолонаслѣдіе по русскому праву.*

1. *Право на престолъ.* Право на русскій престолъ принадлежитъ нисходящимъ потомкамъ императора-родоначальника (Осн. зак., ст. 3-я), мужчинамъ и женщинамъ, хотя тѣмъ и другимъ не въ одинаковой степени (ст. 5-я).

а) Первымъ условіемъ для занятія престола является, такимъ образомъ, *родство съ Императорскимъ царствующимъ Домомъ.*

b) Второе условіе — *происхожденіе отъ законнаго брака.* Для законности брака требуется сверхъ обыкновенныхъ условій: α) согласіе на бракъ царствующаго Императора („На бракъ каждаго лица Императорскаго Дома необходимо соизволеніе царствующаго Императора, и бракъ безъ соизволенія сего совершенный законнымъ не признается (ст. 139). β) Бракъ съ лицомъ соотвѣтствующаго достоинства. („Лицо Императорской Фамиліи, вступившее въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтствующаго достоинства, т. е. не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, не можетъ сообщить ни оному, ни потомству, отъ брака его произойти могущему, правъ, принадлежащихъ членамъ Императорской Фамиліи". (Ст. 144).

с) Третье необходимое условіе—*принадлежность къ православной вѣрѣ* „Императоръ, престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ православной" (Ст. 41-я и 141 Осн. зак.). Когда наслѣдство дойдетъ до лица, исповѣдывающаго другую вѣру, то оно должно принять православную религію, если пожелаетъ воспользоваться своимъ правомъ, въ противномъ случаѣ оно устраняется отъ престола (ст. 13-я Осн. зак.).

2. *Порядокъ престолонаслѣдія.* Порядокъ престолонаслѣдія опредѣляется двумя началами: началомъ первородства и началомъ предпочтенія мужского поколѣнія женскому.

а) *Начало первородства* выражается въ томъ, что наслѣдуетъ первородный сынъ Императора, а въ случаѣ его смерти сынъ его, а не второй сынъ Императора. Такъ должно понимать ст. 6-ю Осн. зак.: „Посему наслѣдіе престола принадлежитъ прежде всего старшему сыну царствующаго Императора, а по немъ всему его мужскому поколѣнію". Итакъ, старшій сынъ передаетъ право на престолъ своему сыну, даже если самъ онъ умеръ, не воспользовавшись еще своимъ правомъ. Это начало первородства проявляется далѣе въ предпочтеніи всей первой линіи до ея прекращенія, затѣмъ линіи второй, третьей и т. д.

b) *Начало предпочтенія мужского поколѣнія женскому.* Нашъ законъ различаетъ мужскія поколѣнія и женскія; первыя идутъ отъ мужчины и состоятъ изъ непрерывной цѣпи мужчинъ; вторыя соединяются съ царствующимъ домомъ посредствомъ женщины. Съ этимъ различіемъ поколѣній соединяется и различіе въ порядкѣ преемства престола; пока есть мужскія поколѣнія, хотя бы и дальнѣйшія, чѣмъ женскія, къ царствующему дому, женскія исключаются совершенно; поэтому мужскія поколѣнія имѣютъ безусловное предпочтеніе передъ этими послѣдними; но если они прекращаются, женщины получаютъ возможность вступить на престолъ и тѣмъ открываютъ новыя линіи, въ которыхъ наблюдается тотъ же порядокъ; какъ и въ мужскихъ, т.-е. мужчины предпочитаются женщинамъ. Въ этомъ смыслѣ должно понимать выраженіе 8-й ст. Осн. зак., которая, указавъ то, что по пресѣченіи мужскихъ поколѣній престолъ переходитъ въ женскія, продолжаетъ такъ: „и въ ономъ слѣдуетъ тому же порядку, предпочитая лицо мужское женскому, но при семъ не теряетъ никогда права то женское лицо, отъ котораго право безпосредственно пришло", т.-е. кто бы ни открывалъ новую женскую линію,—мужчина или женщина,— въ дальнѣйшемъ родѣ престолъ слѣдуетъ въ этой женской линіи въ томъ же порядкѣ, какъ шелъ въ мужской. Что касается второй половины приведенной статьи, то должно отмѣтить, что редакція ея не совсѣмъ удачна. Правильнѣе было бы сказать: „къ которому право пришло" вмѣсто „отъ котораго безпосредственно пришло". Здѣсь имѣется въ виду та мысль, что въ престолонаслѣдіи не должно быть скачковъ и что не должно пропускать женщинъ, связующихъ новыя линіи съ царствующимъ домомъ. Напрм., послѣ Императора не осталось ни сына, ни брата, только дочь съ сыномъ, — Императору наслѣдуетъ тогда не внукъ, а дочь. Предвидя подобный случай, статья и говоритъ: „но при этомъ не теряетъ права то женское лицо, отъ котораго право безпосредственно пришло". Этими двумя началами, первородствомъ и предпочтеніемъ мужского поколѣнія женскому, исчерпывается весь порядокъ нашего престолонаслѣдія.

Остановимся теперь на томъ, какими правилами опредѣляется наслѣдованіе женскихъ линій, которыхъ можетъ быть нѣсколько. По прекращеніи послѣдней мужской линіи, которая изъ женскихъ вступаетъ на престолъ? Этотъ вопросъ рѣшается началомъ близости къ послѣднему царствующему Императору; на престолъ вступаетъ ближайшая его родственница, а за ней ея родъ до прекращенія. По пресѣченіи же женскаго поколѣнія послѣдне-царствовавшей мужской линіи пре-

столъ переходитъ къ женскому поколѣнію самой первой мужской и опять къ той особѣ, которая ближе всѣхъ къ послѣдне-царствовавшему Императору въ этой линіи; если же и эта линія пресѣчется, то престолъ переходитъ послѣдовательно въ слѣдующія линіи.

3. *Отреченіе отъ престола.* „При дѣйствіи правилъ, выше изображенныхъ о порядкѣ наслѣдія престола, лицу, имѣющему на оный право, предоставляется свобода отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда засимъ не предстоитъ *никакого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи престола*“ (ст. 15). Подчеркнутыя слова не отличаются ясностью. „Если есть лицо, имѣющее право наслѣдовать, то нѣтъ никакого затрудненія въ наслѣдованіи; если наслѣдникъ малолѣтній, то затрудненія заключаются въ учрежденіи правительства, а не въ наслѣдованіи; если вовсе нѣтъ лица, которому бы принадлежало право на престолъ, то опять же затрудненія въ наслѣдованіи нѣтъ, ибо наслѣдованіе тутъ прекращается, и возникаетъ вопросъ о замѣщеніи престола внѣ порядка престолонаслѣдованія“. Приведенныя слова взяты цѣликомъ изъ манифеста Александра I, въ которомъ онъ согласился на желаніе своего брата Константина отказаться отъ престола. Можно поэтому предложить, что законодатель имѣлъ въ виду два послѣдніе указанные случая: малолѣтство наслѣдника и необходимость замѣщенія престола внѣ порядка престолонаслѣдованія.

§ 91. **Вступленіе на престолъ.**

I. *Вступленіе на престолъ.* Наше право принимаетъ слѣдующія начала перехода правъ государственной власти отъ одного лица къ другому. Въ ту минуту, какъ кончается царствующій Императоръ, открывается престолонаслѣдіе, и права государственной власти переходятъ на преемника „ipso jure“. Для пріобрѣтенія ихъ не нужно никакого особеннаго дѣйствія, которымъ обусловливалось бы вступленіе на престолъ: переходъ правъ совершается самъ собой; наслѣдникъ начинаетъ царствовать съ момента смерти своего предшественника; для сего даже не требуется, чтобы наслѣдникъ зналъ объ этой смерти (ст. 31-я). Знаетъ ли онъ о ней, или не знаетъ, это все равно, онъ уже царствуетъ. Обыкновенно, лицо наслѣдника бываетъ извѣстно наперед. Ст. 32-я Осн. зак. обязываетъ Императора въ манифестѣ о восшествіи на престолъ объявить наслѣдника (за исключеніемъ того случая, когда Императоръ бездѣтенъ); если объявленный наслѣдникъ умретъ, то издается манифестъ, объявляющій другого наслѣдника. Отъ вступленія на престолъ или перехода правъ верховной власти слѣдуетъ отличать дѣйствительное ихъ осуществленіе; для послѣдняго требуются особыя условія, именно: извѣстный возрастъ, отличный отъ общаго гражданскаго. Онъ опредѣляется въ 16 лѣтъ, а до этого времени учреждается опека и попечительство.

II. *Присяга подданныхъ и короноваціе.* За вступленіемъ на престолъ слѣдуетъ присяга подданныхъ на вѣрность своему государю. „Вѣрность подданства воцарившемуся Императору и законному его наслѣднику, хотя бы онъ и не былъ наименованъ въ манифестѣ, утверждается всенародной присягой“ (ст. 33-я Осн. зак.). Къ присягѣ приводятся всѣ вообще подданные мужскаго пола, достигшіе двѣнадцатилѣтняго возраста, всякаго чина и званія, не исключая и крестьянъ (ст. 34, прим. 2). Необходимо замѣтить, что обязанность подчиняться, вѣрность подданства новому государю основывается не на присягѣ, а

на законѣ, въ силу котораго извѣстное лицо дѣлается субъектомъ верховной власти; подданные не потому повинуются, что они признали свободно власть новаго государя и принесли ему присягу, а потому, что обязаны подчиняться законному государю. Согласно съ этимъ, въ Пруссіи нѣтъ общей присяги на подданство. Неправильное пониманіе значенія присяги можетъ повести къ неправильному отношенію къ власти, именно можетъ родиться представленіе, что подданные свободно признали новаго государя, что въ ихъ волѣ признать и не признать его. Обязанность подданныхъ подчиняться вытекаетъ сама собой изъ закона, а присяга даетъ ей лишь религіозное освященіе. Мужчины, не достигшіе двѣнадцатилѣтняго возраста, не приводятся къ присягѣ ни въ моментъ восшествія на престолъ государя, ни впослѣдствіи; наконецъ, можно уклониться отъ присяги. Но присяга присоединяетъ къ этой обязанности нѣчто новое: возстаніе подданныхъ не присягавшихъ можетъ быть разсматриваемо только какъ нарушеніе права, возстаніе же присягавшихъ есть сверхъ того и клятвопреступленіе. По вступленіи на престолъ совершается обрядъ коронованія и муропомазанія, не имѣющій, однако, никакого юридическаго значенія. Дѣйствія государя до коронаціи имѣютъ такую же силу, какъ и послѣ нея; это чисто религіозный обрядъ, а потому въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ въ Пруссіи, коронаціи нѣтъ.

III. *Послѣдствія вступленія на престолъ.* Что касается до послѣдствій вступленія на престолъ, то надо замѣтить, что на новаго государя переходитъ не только государственная власть, но и обязанности, возникающія изъ дѣйствій его предшественниковъ, какъ, напримѣръ, изъ договоровъ, заключенныхъ ими съ другими державами, изъ правительственныхъ распоряженій, данныхъ ими привилегій, диспенсацій и т. д. Всѣ подобные акты предшественниковъ имѣютъ силу и для новаго государя. Это не должно понимать въ томъ смыслѣ, что права, вытекающія изъ этихъ актовъ для какихъ-либо лицъ и государствъ, не могутъ быть измѣнены; они могутъ быть измѣняемы, но такъ же, какъ это сдѣлали бы государи, давшіе ихъ, а не въ силу того только, что на престолъ взошелъ новый государь. Такая политическая преемственность — необходимое послѣдствіе начала, что каждый государь есть представитель единой, непрерывной государственной власти, а потому обязанности его не прекращаются съ его смертью, а переходятъ на его преемниковъ. Наши законы не содержатъ постановленія, выражающаго необходимость преемства политики, но что она сознается и у насъ, можно вывести изъ манифестовъ, возвѣщающихъ о вступленіи на престолъ новыхъ государей. Такъ, Николай I въ своемъ манифестѣ о вступленіи на престолъ высказываетъ желаніе, чтолы царствованіе его было продолженіемъ царствованія Александра I. Точно также Александръ II въ своемъ манифестѣ объявляетъ, что онъ будетъ руководиться тѣми же принципами, какими руководились его предшественники.

§ 92. **Организація правительства по дѣйствующему праву.** Въ первой части 1-го тома нашего Свода (Основные законы), послѣ законовъ, опредѣлающихъ порядокъ престолонаслѣдія, помѣщенъ отдѣлъ, озаглавленный: „О совершеннолѣтіи Императора, о правительствѣ и опекѣ“.

I. *Случаи, въ коихъ необходимо учрежденіе правительства.* Учрежденіе правительства наступаетъ въ такихъ случаяхъ, когда имѣется

законный наслѣдникъ, но онъ по тѣмъ или другимъ причинамъ не можетъ осуществлять права своей верховной власти. Это требованіе учрежденія правительства, очевидно, создаетъ такія условія, при которыхъ нарушается нормальное теченіе государственной жизни. Въ виду этого въ большинствѣ законодательствъ учрежденіе правительства нормируется самыми точными постановленіями. Нельзя того же сказать про наши законы. Они разсматриваютъ лишь одинъ случай, когда необходимо учрежденіе правительства, и этотъ случай формулированъ въ 19 ст. Осн. зак., въ которой мы читаемъ: „При вступленіи на престолъ Императора прежде сего возраста (т. е. 16 лѣтъ), до совершеннолѣтія его учреждается правительство и опека". Несомнѣнно, однако, что существуетъ еще и другой случай, требующій учрежденія правительства. Этотъ случай наступаетъ тогда, когда Императоръ умираетъ бездѣтнымъ, а супруга его остается беременною. Если у государыни родится сынъ, то онъ является законнымъ наслѣдникомъ престола, и если бы въ этомъ случаѣ не учреждалось правительства, то на престолъ вступилъ бы ближайшій наслѣдникъ, и зачатый лишился бы тогда своего права на престолъ. Хотя, какъ мы сказали, законъ прямо и не говоритъ объ этомъ случаѣ, но это разумѣется само собою, ибо зачатый, когда дѣло идетъ объ его интересахъ, считается равнымъ рожденному. Но онъ еще не родился, кто же будетъ управять государствомъ въ этотъ промежутокъ? Очевидно, что здѣсь необходимо установить правительство, точно такъ же, какъ и на время малолѣтства родившагося. Въ пользу защищаемаго мнѣнія мы можемъ сослаться и на практику нашу. Въ 1826 году Императоръ Николай I, издавая манифестъ объ учрежденіи правительства на случай смерти своей и сына своего Александра, предвидитъ случай, указанный нами, а именно, если сынъ его Александръ умретъ, а Императрица Александра Ѳедоровна останется беременной: „Если по кончинѣ нашей,—говорится въ манифестѣ,—Императрица Александра Ѳеодоровна будетъ беременна, то до разрѣшенія ея отъ бремени братъ нашъ Михаилъ Павловичъ да будетъ правителемъ государства".

II. *Порядокъ учрежденія правительства.* Что касается до порядка учрежденія правительства и его состава, то тутъ впереди всего стоитъ воля царствующаго Императора, какъ это видно изъ 21-й ст. Осн. зак., которая гласитъ: „Назначеніе правителя и опекуна, какъ въ одномъ лицѣ совокупно, такъ и въ двухъ лицахъ раздѣльно, зависитъ отъ воли и усмотрѣнія царствующаго Императора, которому для лучшей безопасности слѣдуетъ учинить выборъ сей на случай его кончины". Царствующій Императоръ, такимъ образомъ, можетъ назначить правителемъ кого захочетъ, наприм., дальняго родственника, помимо близкаго, и даже не родственника. Такъ, въ 1826 году Императоръ Николай I назначилъ правителемъ на случай своей смерти брата своего Михаила, а Императоръ Александръ II въ 1856 году—брата своего Константина.

Только въ тѣхъ случаяхъ, когда назначеніе не было сдѣлано при жизни Императора, вступаютъ въ силу тѣ указанія, которыя предусматриваютъ этотъ случай, и правительство возникаетъ законнымъ порядкомъ. Относительно этого мы находимъ постановленія въ статьяхъ 22-й, 23-й и 24-й Осн. зак. Такъ, ст. 22-я говоритъ: „Когда при жизни

Императора такового назначенія не послѣдовало, то, по кончинѣ его, правительство государства и опека надъ лицомъ Императора въ малолѣтствѣ принадлежатъ отцу или матери, вотчимъ же и мачеха исключаются". Такимъ, образомъ право быть правителемъ принадлежитъ прежде всего отцу, а если его нѣтъ, то матери малолѣтнято. Ст. 22-я Осн. зак., значитъ, предусматриваетъ тотъ случай, когда родители малолѣтняго не могутъ сами занимать престола, а имѣютъ лишь право быть правителями государства. Но когда же, спрашивается, возможны такіе случаи, что право на престолъ получаетъ лицо, родители котораго не занимали сами престола? Эти случаи наступаютъ тогда, когда родители наслѣдника или отказались отъ престола, или не могли вступить на престолъ по причинѣ иновѣрія или же по непринадлежности къ царствующему дому. Послѣ нихъ это право принадлежитъ слѣдующему возможному наслѣднику, если онъ достигъ совершеннолѣтія, кто бы онъ ни былъ, — мужчина или женщина. Это постановляется 23-й ст. Осн. зак., которая гласитъ: „Когда нѣтъ отца и матери, то правительство и опека принадлежитъ ближайшему къ наслѣдію престола изъ совершеннолѣтнихъ обоего пола родственниковъ малолѣтняго Императора". Итакъ, для того, чтобы быть правителемъ по закону (равно какъ и по завѣщанію), не нужно быть ни членомъ царствующаго дома, ни исповѣдывать православную вѣру, т.-е. здѣсь не необходимы тѣ условія, которыя имѣютъ рѣшающее значеніе въ случаѣ занятія лицомъ престола Россійской имперіи. Статья 24-я Осн. зак. перечисляетъ законныя причины неспособности къ правительству. Причинъ этихъ двѣ: 1) безуміе, хотя бы и кратковременное, и 2) вступленіе вдовыхъ правителей или правительницъ во второй бракъ.

III. *Права правителя*. Прямого отвѣта на вопросъ, какими правами пользуется правитель, мы не находимъ въ законахъ и лишь косвенно можемъ рѣшить его на основаніи статьи, опредѣляющей права Совѣта, состоящаго при правителѣ. Эта статья, ст. 28-я Осн. зак., гласитъ: „Въ Совѣтъ правительства входятъ безъ изъятія всѣ дѣла, подлежащія рѣшенію самого Императора, и всѣ тѣ, которыя какъ къ нему, такъ и въ Совѣтъ его вступаютъ". Далѣе, 25-я ст. Осн. зак.: „Правителю государства полагается Совѣтъ правительства, и какъ правитель безъ Совѣта, такъ и Совѣтъ безъ правителя существовать не могутъ".

Такъ какъ область компетенціи Совѣта совпадаетъ съ областью вѣдѣнія правителя, и Совѣту подлежатъ тѣ же самыя дѣла, какъ и Императору, то на основаніи этого мы можемъ заключить, что кругъ дѣятельности правителя совпадаетъ съ кругомъ вѣдомства самого Императора. Отношенія правителя къ Совѣту опредѣляются постановленіемъ, по которому ни одно дѣло не можетъ поступить на усмотрѣніе правителя помимо Совѣта. Для правителя выслушивать мнѣніе Совѣта обязательно, но онъ не связанъ этимъ мнѣніемъ, что слѣдуетъ изъ 29-й ст. Осн. зак., гдѣ сказано, что „правитель имѣетъ голосъ рѣшительный". Совѣту же, значитъ, принадлежитъ лишь совѣщательный голосъ.

Правитель завѣдуетъ, такимъ образомъ, всѣми тѣми дѣлами, которыя подлежатъ вѣдѣнію самого Императора, власть же его не однородна съ властью Императора. Правитель можетъ быть и лицо, не исповѣдующее православной вѣры, ему не присягаютъ, и онъ

не коронуется. Власть правителя не обставлена тѣми условіями. въ силу которыхъ Императоръ Всероссійскій есть Императоръ „Божіею милостію", Государь самодержавный, черпающій свою власть изъ власти Божеской.

Пользуется ли правитель преимуществами Государя? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно, потому что эти преимущества составляютъ исключительную принадлежность Государя и членовъ Императорской Фамиліи, а потому мы должны сказать, что правитель пользуется правами на эти преимущества лишь въ томъ случаѣ, если онъ принадлежитъ къ членамъ Императорской Фамиліи, и тогда онъ пользуется ими не какъ правитель, а какъ членъ Императорской Фамиліи.

IV. *Правительственный Совѣтъ.* Учрежденіе Совѣта и составъ его находятся въ полной зависимости отъ воли и благоусмотрѣнія Императора; но если Государь не оставитъ распоряженія о порядкѣ учрежденія Совѣта и о составѣ его, то законъ предоставляетъ правителю право и обязанность учредить Совѣтъ самому. На этотъ только случай закономъ опредѣляется, изъ кого долженъ состоять Совѣтъ, а именно: въ правительственномъ Совѣтѣ должны засѣдать шесть лицъ первыхъ двухъ классовъ, не принадлежащихъ къ царствующему дому. Правителю, кромѣ того, предоставляется возможность, если онъ пожелаетъ, призвать въ Совѣтъ и членовъ Императорской Фамиліи, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они не входили въ составъ тѣхъ шести лицъ. Постановленія объ этомъ мы находимъ въ статьяхъ 26-й и 27-й Осн. зак. Такъ, статья 26-я гласитъ: „Совѣтъ составляютъ шесть особъ первыхъ двухъ классовъ, по выбору правителя, который назначаетъ и другихъ при случающихся перемѣнахъ". И далѣе, ст. 27-я: „Мужского пола особы Императорской Фамиліи могутъ засѣдать въ семъ Совѣтѣ по выбору правителя, но не прежде своего совершеннолѣтія и не въ числѣ шести особъ, оный составляющихъ".

---

## ГЛАВА II.

### Права и преимущества верховной власти и членовъ Императорской Фамиліи.

§ 93. **Права верховной власти.**

I. *Права верховной власти въ области законодательства.* Вся полнота законодательной власти сосредоточивается въ лицѣ Императора. Въ этой области Государь дѣйствуетъ лично и непосредственно; органы, принимающіе участіе въ законодательной дѣятельности, не имѣютъ ни рѣшающаго голоса, ни принудительной власти. Ихъ участіе будетъ подробнѣе изложено ниже, въ отдѣлѣ о процессѣ составленія законовъ.

II. *Права верховной власти въ области управленія.* Права верховной власти въ области управленія опредѣляются статьями 80-й и 81-й Осн. зак., которыя постановляютъ: „Власть управленія во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ Государю. Въ управленіи верховномъ

власть его дѣйствуетъ непосредственно: въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ него лицамъ и мѣстамъ, дѣйствующимъ его именемъ и по его повелѣнію" (ст. 80-я). И, далѣе, въ ст. 81-й Осн. зак. мы читаемъ: „Предметы управленія подчиненнаго, образъ его дѣйствія, степень и предѣлы власти, оному ввѣряемой, во всѣхъ вообще установленіяхъ, какъ высшихъ государственныхъ, такъ и нисшихъ, имъ подвѣдомыхъ, опредѣляются подробно въ учрежденіяхъ и уставахъ сихъ установленій". Изъ двухъ приведенныхъ статей вытекаетъ, что наши законы различаютъ двѣ области управленія: 1) область верховнаго управленія, 2) область управленія подчиненнаго. Въ первой области (области верховнаго управленія) Государь дѣйствуетъ непосредственно повелѣніями своей Высочайшей воли, во второй онъ предоставляетъ управленіе подчиненнымъ органамъ. И въ той, и въ другой области правитъ единая неограниченная, самодержавная власть Императора, исключающая всякую конкуррирующую съ нею власть. Различіе же заключается лишь въ формѣ и способахъ осуществленія этой власти. Въ первой она проистекаетъ непосредственно отъ Императора и непосредственно и лично осуществляется имъ, во второй эта власть дѣйствуетъ черезъ органы, ею установленные, и на основаніи законовъ, ею изданныхъ.

Это различіе осуществленія Императоромъ своей верховной власти въ этихъ двухъ различныхъ областяхъ обусловливается тѣмъ, что въ первой области власть, по самому характеру своей дѣятельности въ этой области, должна выступать самостоятельно и творчески, между тѣмъ какъ во второй области правительственная дѣятельность ограничивается исполненіемъ законовъ и осуществленіемъ предначертанныхъ задачъ.

Творческая и самостоятельная правительственная дѣятельность требуетъ непосредственной дѣятельности верховной власти, дѣятельность же исполнительная и подчиненная можетъ быть поручена и подчиненнымъ органамъ.

Къ первой области верховнаго управленія мы отнесемъ поэтому всѣ тѣ правительственные акты, которые не могутъ быть предусмотрѣны и урегулированы закономъ и въ коихъ власть ставитъ себѣ свободно правительственныя задачи и устанавливаетъ способъ ихъ исполненія. Къ этимъ актамъ принадлежатъ:

1. *Внѣшнія сношенія,* какъ-то: объявленіе войны, заключеніе мира, международные договоры и конвенціи (статья 31-я Учрежденія Государственнаго Совѣта, п. 6).

2. *Верховное финансовое управленіе:* установленіе налоговъ и уничтоженіе оныхъ, роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, а также новые штаты разныхъ управленій и вѣдомствъ (Учр. Госуд. Сов., ст. 31, п. 7), отчужденіе частной собственности въ интересахъ общегосударственныхъ (Учр. Госуд. Сов., ст. 31, п. 13).

3. *Мѣропріятія, превышающія власть подчиненныхъ органовъ* и не могущія быть разрѣшенными силою существующихъ законовъ. Сюда должны быть отнесены:

а) Всѣ дѣла, кои требуютъ содѣйствія нѣсколькихъ министровъ или кои превышаютъ предѣлъ власти отдѣльныхъ министровъ. Это постановляется 24-й ст. Установленія Комитета Министровъ, которая гласитъ: „Изъ числа текущихъ дѣлъ представляются въ Комитетъ отъ ми-

нистерствъ: 1) дѣла, по коимъ нужно общее соображеніе или содѣйствіе разныхъ министерствъ; 2) дѣла, въ разрѣшеніи и исполненіи коихъ встрѣтитъ министръ сомнѣніе; 3) дѣла, разрѣшеніе коихъ превышаетъ предѣлы власти, ввѣренной въ особенности каждому министру, и требующія Высочайшаго разрѣшенія".

b) Общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя (ст. 31-я Учр. Госуд. Сов., п. 5).

c) *Административныя взысканія:* выговоры губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ по опредѣленіямъ министровъ и опредѣленію Правительствующаго Сената (ст. 26 я Уст. Ком. Мин., п. 6).

Далѣе. п. 4-й ст. 204-ой Учр. Правит. Сената гласитъ: „Когда губернское начальство обличено будетъ въ умышленномъ или неоднократномъ нарушеніи законнаго порядка и злоупотребленіи ввѣренной ему властью, или когда, по важности дѣла, Сенатъ признаетъ нужнымъ сдѣлать ему выговоръ болѣе или менѣе строгій, то испрашиваетъ на сіе Высочайшее соизволеніе".

4. *Право надзора за всѣми частями управленія,* т.-е. право лично или чрезъ уполномоченныхъ удостовѣряться въ порядкѣ и состояніи управленія, на чемъ основано, между прочимъ, поднесеніе министрами ежегодныхъ отчетовъ о благосостояніи ввѣренныхъ имъ вѣдомствъ.

5. Одному Государю принадлежитъ право раздавать награды и надѣлять разнаго рода милостями своихъ вѣрноподданныхъ. Поэтому раздача орденовъ, назначеніе привилегій и разрѣшеніе компаній, которыя просятъ объ особенныхъ привилегіяхъ, нуждаются въ Высочайшемъ разрѣшеніи.

III. *Право верховной власти въ области суда.* Въ области законодательства, какъ мы видѣли, верховная власть въ лицѣ Императора дѣйствуетъ непосредственно; эта дѣятельность, какъ дѣятельность творческая, не можетъ быть поручена подзаконнымъ органамъ и должна всецѣло входить въ сферу непосредственной личной дѣятельности Государя. Въ области правительственной власти мы видимъ уже, что эта сфера не такъ широка: существуетъ цѣлый рядъ правительственныхъ актовъ, которые являются лишь исполненіемъ законовъ и потому могутъ быть предоставлены подчиненнымъ органамъ.

Еще болѣе ограничена сфера непосредственной дѣятельности Государя въ области судебной. Отправленіе правосудія, т.-е. примѣненіе законовъ къ разрѣшенію отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ, не предполагаетъ отдѣльной творческой дѣятельности и поэтому не нуждается въ личной непосредственной дѣятельности верховной власти, а можетъ быть поручено подчиненнымъ органамъ.

И въ интересахъ безпристрастнаго и равномѣрнаго отправленія правосудія оно не только можетъ, но и должно быть поручено подчиненнымъ, т.-е. подзаконнымъ органамъ; другими словами, такимъ органамъ, которымъ не предоставлено полномочій дѣйствовать свободно и по своему усмотрѣнію и функціи которыхъ сводятся только къ примѣненію законовъ. Правосудіе тѣмъ лучше организовано, чѣмъ меньше въ немъ мѣста свободному усмотрѣнію и чѣмъ болѣе оно сводится къ строгому примѣненію закона органами подзаконными. Это начало и легло въ основаніе судебныхъ уставовъ 1864 г., согласно которымъ верховная власть не судитъ лично, а ввѣряетъ правосудіе независимому суду, на высшую инстанцію котораго нѣтъ апелляціи. Ст. 1-я Учр. суд. уста-

новленій провозгласила, что „власть судебная принадлежитъ мировымъ судьямъ, съѣздамъ мировыхъ судей, окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и Правит. Сенату въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда". На эту высшую судебную инстанцію апелляціи нѣтъ. Ст. 927-я Уст. угол. судопроизводства гласитъ: „На рѣшенія Сената жалобы ни въ какомъ случаѣ не допускаются и никѣмъ не могутъ быть принимаемы".

Изъ этого правила, что Государь лично не судитъ, существуетъ только одно исключеніе. По 97-й ст. Учр. Императ. Фамиліи члены Императорской Фамиліи за неповиновеніе царствующему Императору по его усмотрѣнію отрѣшаются отъ принадлежащихъ имъ правъ и преимуществъ.

Но если суверенный органъ по самой природѣ своихъ полномочій не можетъ судить лично, то онъ въ области судебной все же остается такимъ же верховнымъ органомъ, какъ и въ остальныхъ областяхъ. Не отправляя правосудія лично, онъ, какъ носитель верховной власти, является источникомъ законовъ, организующихъ судъ и примѣняемыхъ судомъ, онъ является источникомъ полномочій судебныхъ органовъ, онъ имѣетъ надъ ними высшій надзоръ и руководство. Право изданія и измѣненія какъ нормъ, опредѣляющихъ судебную организацію, такъ и законовъ, примѣняемыхъ судомъ при отправленіи уголовной и гражданской юрисдикціи, вытекаютъ изъ его права, какъ верховнаго законодателя, и потому подъ понятіе судебнаго верховенства не подходятъ.

Судебное верховенство въ собственномъ смыслѣ по нашимъ законамъ обнимаетъ слѣдующія права:

1. *Право верховнаго надзора за отправленіемъ правосудія*, т.-е. министръ юстиціи обязанъ подавать отчетъ ежегодно о дѣятельности судебныхъ учрежденій и доставлять свѣдѣнія о нихъ Государю Императору по Его Высочайшему требованію.

2. *Судъ совершается отъ имени Императора* (Ст. 796-я Уст. угол. судопр. гласитъ: „Приговоръ составляется по каждому дѣлу особо. Онъ пишется по установленной формѣ отъ имени Императорскаго Величества"). На Его имя подаются прошенія и отъ его имени постановляются приговоры.

3. *Императоръ назначаетъ личный составъ суда* (Ст. 212-я Учр. суд. уст.).

4. *Императоръ имѣетъ право помилованія и смягченія наказанія*. Необходимость существованія этого права и предоставленіе его носителю верховной власти вытекаютъ изъ того, что уголовные законы опредѣляютъ только общія нормы, а въ примѣненіи ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ, безконечно разнообразнымъ, они могутъ оказаться жестокими и несправедливыми; предвидѣть всѣ случайности законодатель не можетъ, а предоставить судьямъ право налагать наказанія, не стѣсняясь общими нормами, значило бы поставить на мѣсто закона произволъ отдѣльнаго судьи. Эти соображенія и приводятъ къ необходимости права помилованія, предоставляемаго верховной власти.

а) „Право помилованія Государь можетъ осуществлять *по собственной своей инициативѣ*" (т. IX, ст. 13).

б) Государь можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ осуществлять право помилованія *по ходатайству суда*. „Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда представляются особыя уваженія къ облегченію участи подсудимаго,

суду дозволяется ходатайствовать предъ Императоромъ чрезъ министра юстиціи о смягченіи наказанія или даже помилованія подсудимаго, вовлеченнаго въ преступленіе несчастнымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ“ (ст. 775-я Уст. угол. судопр.).

в) Наконецъ, *сами осужденные могутъ просить Государя о помилованіи* или смягченіи ихъ участи (ст. 17-я временныхъ правилъ о порядкѣ принятія прошеній и жалобъ на Высочайшее имя. Изд. 1886 г.).

5. *Государю принадлежитъ право утвержденія нѣкоторыхъ приговоровъ.* „Приговоры суда, вошедшіе въ законную силу, прежде обращенія ихъ къ исполненію представляются черезъ министра юстиціи на усмотрѣніе Императорскаго Величества, когда дворяне, чиновники, священнослужители всѣхъ степеней духовной іерархіи или лица, имѣющія ордена и знаки отличія, снимаемые лишь съ Высочайшаго соизволенія, присуждаются къ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (пунктъ 1-й 945-й ст. Уст. угол. судопр.)“. Спрашивается, какое значеніе имѣетъ представленіе этихъ приговоровъ на усмотрѣніе Государя? Пересужденіе ли это уже рѣшеннаго дѣла, или нѣтъ?

Приведенная статья говоритъ о приговорахъ, вошедшихъ въ законную силу. Слѣдовательно, въ такомъ представленіи приговоровъ на усмотрѣніе Государя нельзя видѣть перевершенія дѣла. Необходимость же представленія объясняется, во-1-хъ, только тѣмъ, что знаки отличія, возлагаемые Государемъ Императоромъ, могутъ быть сняты только съ его согласія; если Государь не желаетъ лишить осужденнаго знаковъ отличія, то онъ можетъ смягчить наказаніе (выбрать другой, болѣе легкій родъ наказанія) или совсѣмъ помиловать его; во-2-хъ, тѣмъ, что дворяне, чиновники, священнослужители по жалованной дворянству грамотѣ пользовались прежде привилегіямъ, по которымъ приговоры о лишеніи ихъ званія и правъ состоянія восходили на утвержденіе Государя. Эти привилегіи удержаны этими классами лицъ и теперь, но только съ тѣмъ различіемъ, что дѣла о нихъ не пересуждаются Императоромъ, какъ было раньше, а Государь можетъ или дать свое согласіе на исполненіе приговора, или помиловать осужденнаго.

6. *Государю же принадлежитъ право разрѣшать или не разрѣшать преданіе суду лицъ первыхъ трехъ классовъ.* Подтвержденіе этому мы находимъ въ 1094-й ст. Уст. угол. судопр.: „Высшіе чины, занимающіе должности первыхъ трехъ классовъ, какъ по судебному, такъ и административному вѣдомствамъ, предаются суду за преступленія дожности не иначе, какъ по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, которое и служитъ основаніемъ обвинительному акту“.

### § 94. Преимущества верховной власти.

I. *Опредѣленіе и отличіе отъ правъ верховной власти.* Отъ правъ верховной власти, которыя во всѣхъ государствахъ болѣе или менѣе одни и тѣ же и не зависятъ отъ той или другой формы государственнаго устройства, должно отличать преимущества верховной власти, которыя не вытекаютъ изъ самаго существа ея, а обусловливаются тѣмъ, что носителемъ ея является физическое лицо. Эти преимущества верховной власти, въ отличіе отъ ея правъ, не суть аттрибуты верховной власти, какъ таковой, а являются личными привилегіями монарха. Они

имѣютъ цѣлью сгладить или, по крайней мѣрѣ, смягчить неудобства, вытекающія изъ того, что носителемъ верховной власти является физическое лицо, имѣющее общіе всѣмъ людямъ слабости и недостатки. Преимущества верховной власти поэтому имѣютъ своею цѣлью окружить носителя верховной власти такими условіями, которыя возвели бы личность государя на степень безпристрастнаго и безличнаго учрежденія. Вслѣдствіе этого Императоръ нуждается не только въ той охранѣ личности, которая дается каждому отдѣльному человѣку законами, но, какъ учрежденіе, съ которымъ связанъ цѣлый рядъ существенныхъ интересовъ государства, нуждается въ особенной и усиленной заботливости и охранѣ со стороны закона.

II. *Внутреннія преимущества верховной власти.* Между этими преимуществами на первомъ планѣ стоитъ неприкосновенность монарха.

А. *Неприкосновенность монарха.* Лицо, являющееся представителемъ верховной власти, должно быть ограждено болѣе частныхъ лицъ въ виду того, что оно представляетъ собою то, что ни одинъ гражданинъ представлять собою не можетъ. Вотъ почему въ каждомъ государствѣ глава его пользуется усиленной уголовной защитой, и за преступленія, направленныя противъ личности монарха, существуютъ суровыя наказанія во всѣхъ государствахъ.

Принципъ неприкосновенности монарха не выраженъ прямо въ нашемъ Сводѣ законовъ, хотя въ немъ и говорится о священной особѣ Государя и священныхъ его правахъ. Но тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ этого преимущества (неприкосновенности) очень послѣдовательно проведены въ нашихъ законахъ: *Государь Императоръ пользуется усиленной уголовной защитой.*

1. *Преступленія противъ личности Императора наказываются нашими законами гораздо строже преступленій однородныхъ, направленныхъ противъ частныхъ лицъ.* Такъ, согласно статьѣ 1454-й Улож. о нак., за убійство простого человѣка, безъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжныя работы на время 15—20 лѣтъ; за убійство отца или матери—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжныя работы безъ срока (ibid., ст. 1449-я). Преступленія же, направленныя противъ жизни, здравія или чести Императора, подвергаютъ виновнаго лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни (ibid., ст. 241-я).

2. *Въ преступленіяхъ, направленныхъ противъ личности Императора, не различаются степени совершенія преступленій;* здѣсь одинаково строго наказывается какъ тотъ, кто привелъ въ исполненіе преступный замыселъ, т.-е. совершившій уже преступленіе, такъ и тотъ, кто подготовился къ этому или же письменно или словесно обнаружилъ свои мысли (ibid., ст. 242-я).

3. *Всѣ участники преступленія, направленнаго противъ особы Государя, какъ бы отдаленно ни было участіе въ немъ* (напр., попустители, укрыватели), *наказываются точно такъ же строго* (т.-е. смертной казнью), какъ и тѣ, которые взяли на себя организацію преступленія (подстрекатели, подговорщики) и которые привели его въ исполненіе (ст. 243-я), тогда какъ въ преступленіяхъ противъ частныхъ лицъ дѣлается въ этомъ случаѣ различіе, и второстепенные виновники наказываются обыкновенно слабѣе главныхъ.

Оскорбленіемъ Величества считается составленіе и распространеніе письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, имѣющихъ цѣлью возбудить неудовольствіе и неуваженіе къ личнымъ качествамъ Государя; виновные же въ оскорбленіи Величества подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на каторгу на время 10—12 лѣтъ (ibid., ст. 145), т.-е. виновные въ оскорбленіи Величества подвергаются наказанію высшему, чѣмъ какое полагается за побои обыкновеннаго человѣка, сопровождавшіеся смертью, за что полагается ссылка въ каторжныя работы на время 8—10 лѣтъ.

Произнесеніе дерзкихъ и оскорбительныхъ словъ, хотя и заочно, поврежденіе статуй и портретовъ Государя въ публичныхъ мѣстахъ ведетъ къ каторжной работѣ на время 6—8 лѣтъ (ст. 246-я).

Принципъ неприкосновенности признается и въ конституціонныхъ государствахъ (прусская конституція, 43-я статья: Die Person des Königs ist unverletzlich, т.-е. личность короля неприкосновенна. Вюртембергская конституція: Die Person desKönigs ist heilig und unverletzlich, т.-е. личность короля священна и неприкосновенна).

Б. *Безотвѣтственность.* Вторымъ преимуществомъ главы государства является его безотвѣтственность. Государь, какъ человѣкъ, можетъ грѣшить, но, какъ носитель верховной власти, онъ не можетъ быть подвергнутъ наказанію суда. Онъ, какъ источникъ всѣхъ законовъ, не можетъ явиться передъ ними нарушителемъ ихъ. Въ этомъ и можно видѣть основаніе для безотвѣтственности Государя, въ которой мы различаемъ три вида: а) безотвѣтственность по дѣламъ уголовнымъ (уголовная безотвѣтственность), б) безотвѣтственность по дѣламъ гражданскимъ (гражданская безотвѣтственность) и в) безотвѣтственность политическая.

1. Безотвѣтственность Государя по дѣламъ уголовнымъ безусловная.

2. Безотвѣтственность гражданская признается лишь въ ограниченномъ смыслѣ. Государь не можетъ быть привлеченъ, конечно, къ суду и явиться отвѣтчикомъ въ гражданскомъ искѣ. Но Государь въ качествѣ частнаго человѣка имѣетъ право совершать гражданскія сдѣлки; могущіе же отсюда возникнуть иски предъявляются въ обыкновенный судъ, но отвѣтчикомъ является по этимъ искамъ не Государь, а учрежденіе, которое завѣдуетъ частными дѣлами Государя. Это, если не прямо, то косвенно выражено въ ст. 173-й Учр. Императорской Фамиліи: „Дѣла, относящіяся до имуществъ, принадлежащихъ лицамъ Императорскаго Дома, подлежатъ разбору судебныхъ учрежденій и разрѣшаются ими на общемъ законномъ основаніи“.

3. Что же касается до безотвѣтственности главы государства по дѣламъ управленія въ абсолютныхъ монархіяхъ, то въ нихъ она подразумѣвается сама собой; но этотъ же принципъ политической безотвѣтственности носителя верховной власти признается и въ конституціонныхъ монархіяхъ. Но такъ какъ тамъ король является главою правительственной власти, и отъ него исходитъ цѣлый рядъ правительственныхъ актовъ, которые могутъ нарушать существующіе законы и конституцію, то въ этихъ государствахъ прибѣгаютъ вмѣсто отвѣтственности короля къ отвѣтственности министровъ. Король не можетъ совершить ни одного акта по дѣламъ управленія безъ того, чтобы министръ не взялъ на себя отвѣтственности за этотъ актъ. Эта отвѣт-

ственность министровъ выражается въ томъ, что всѣ акты, исходящіе отъ короля, подписываются министромъ, и это скрѣпленіе каждаго такого акта подписью министра имѣетъ тотъ смыслъ, что, въ случаѣ нарушенія этимъ актомъ существующихъ законовъ конституціи, къ отвѣтственности привлекается не король, а министры. Исключеніемъ изъ того общаго правила, что монархи въ конституціонныхъ государствахъ считаются безотвѣтственными по дѣламъ управленія, является французская конституція 1852 г., въ которой мы читаемъ: „L'empereur est responsable devant le peuple français, euquel il a toujours droit de faire apell“ (ст. 5-я франц. констит. 1852 г.), т.-е. „Императоръ отвѣтственъ предъ французскимъ народомъ, къ которому онъ имѣетъ право всегда апеллировать“. Эта отвѣтственность монарха предъ народомъ была, конечно, не что иное, какъ фраза, такъ какъ не существовало на самомъ дѣлѣ во Франціи никакихъ органовъ, которые дѣлали бы этого рода отвѣтственность императора предъ своимъ народомъ практическимъ учрежденіемъ, имѣющимъ юридическія послѣдствія, не существовало на самомъ дѣлѣ никакого суда, предъ которымъ императоръ могъ бы явиться отвѣтственнымъ.

Тамъ, гдѣ глава государства признается отвѣтственнымъ по дѣламъ управленія, какъ, напр., президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ (республики), тамъ существуютъ особыя учрежденія для суда надъ нимъ. Такъ, въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, въ случаѣ суда надъ президентомъ республики, равно какъ и надъ министрами, обвинительной камерой является вторая палата, а мѣстомъ суда—сенатъ.

В. *Высшее положеніе въ государствѣ.* Какъ обладателю верховной власти, Государю принадлежитъ право на самое высшее положеніе въ государствѣ. Отсюда, а) онъ имѣетъ титулъ Императорскаго Величества, б) при публичномъ богослуженіи читаются молитвы о его здравіи и благоденствіи, в) въ случаѣ его смерти налагается трауръ на все государство, г) для служенія при немъ состоитъ дворъ, и лица, составляющія этотъ дворъ, пользуются служебными преимуществами лицъ, состоящихъ на государственной службѣ.

Г. *Покровительство членамъ Императорской Фамиліи.* Государю, какъ главѣ Императорскаго Дома, принадлежатъ особыя права. Основные законы считаютъ его попечителемъ и покровителемъ всѣхъ членовъ царствующей Фамиліи. Согласно этому, ему принадлежитъ право надзора за всѣми членами Императорскаго Дома. Онъ назначаетъ попечителей тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ 20—25 лѣтъ, а къ несовершеннолѣтнимъ изъ нихъ Государь опредѣляетъ опекуновъ, если послѣдніе не назначены родителями несовершеннолѣтнихъ или же назначенные не удостоились утвержденія Императорской Фамиліи (Учр. Имп. Фам., ст. 157—160).

Въ своихъ отношеніяхъ къ Государю члены Императорской Фамиліи обязаны почтеніемъ, вѣрностью и подданствомъ. Какъ слѣдствіе этой обязанности, Императору принадлежитъ „власть отрѣшить неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ, яко преслушнымъ волѣ Монаршей“ (ibid., ст. 178-я). Здѣсь является вопросъ, какихъ правъ можетъ лишить Императоръ членовъ своего Дома? Очевидно, первое и главнѣйшее право, принадлежащее всѣмъ членамъ царствующей династіи, есть право на престолъ, о которомъ говорится въ первомъ раздѣлѣ Основныхъ законовъ, за нимъ

слѣдуютъ тѣ права, которыя перечислены во второмъ раздѣлѣ Осн. зак. Статья 178-я помѣщена въ Основныхъ законахъ, обнимающихъ оба эти раздѣла. Можно отсюда подумать, что это относится ко всѣмъ правамъ, исчисленнымъ въ этихъ законахъ. Но такое пониманіе не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительной волѣ законодателя, который хотѣлъ поставить порядокъ престолонаслѣдія внѣ воли царствующаго Императора. Вотъ почему выраженіе „въ семъ законѣ“ должно обнимать собою только второй раздѣлъ Осн. зак., и именно Учрежденіе Императорской Фамиліи. Такое толкованіе подтверждается и подлиннымъ текстомъ закона, изъ котораго заимствовано это выраженіе. Оно взято изъ Учрежденія Императорской Фамиліи, составленнаго Императоромъ Павломъ и обнародованнаго въ одинъ день съ закономъ о престолонаслѣдіи. Здѣсь оно встрѣчается въ такой формѣ: „имѣетъ право отъ назначеннаго нами отрѣшить“. Учрежденіе Императорской Фамиліи цѣликомъ перешло въ Сводъ, но составители, желая обобщить это выраженіе, вмѣсто него написали „въ семъ законѣ“, что нужно понимать такъ: „въ законѣ Императора Павла, носящемъ названіе: Учрежденіе Императорской Фамиліи“. Итакъ, Императоръ имѣетъ право лишить членовъ своего дома права на титулъ, содержаніе и т. п., но не на престолъ.

Д. *Содержаніе изъ государственныхъ суммъ.* Государю принадлежитъ право на содержаніе изъ государственныхъ суммъ. Это преимущество верховной власти принадлежитъ носителю верховной власти и въ конституціонныхъ государствахъ. При вступленіи на престолъ короля въ этихъ государствахъ закономъ, и только закономъ, можетъ быть опредѣлено это содержаніе короля, и этотъ законъ имѣетъ силу въ теченіе всего царствованія короля. Актъ, который опредѣляетъ содержаніе короля въ конституціонныхъ государствахъ, носитъ названіе „Liste civile“ или „Civilliste“. У насъ, гдѣ законодательная власть находится всецѣло въ рукахъ Императора и гдѣ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ исходитъ также отъ Государя, опредѣленіе содержанія всецѣло, конечно, зависитъ отъ воли одного Императора, который можетъ по своему благоусмотрѣнію видоизмѣнять размѣръ этого содержанія.

III. *Внѣшнія преимущества верховной власти.* Но, кромѣ этихъ внутреннихъ преимуществъ, Государь пользуется извѣстными внѣшними преимуществами, каковыми преимуществами являются титулъ и гербъ. Объ этихъ преимуществахъ можно прочесть въ Сводѣ законовъ, а именно, о титулѣ говоритъ ст. 37-я Осн. зак., а о государственномъ гербѣ ст. 39-я.

а) *Титулъ.* Нашъ Монархъ пользуется титуломъ Императорскаго Величества со времени Ништадтскаго мира. Впрочемъ и до этого времени иностранныя державы, въ своихъ сношеніяхъ съ русскими (московскими) царями, называли ихъ этимъ титуломъ. Такъ, въ XVI в. англійскіе посланники именовали Величествомъ царя Ивана Васильевича Грознаго, желая получить отъ него торговыя льготы. Изъ-за подобныхъ же соображеній Людовикъ XIII называлъ Михаила Ѳеодоровича Самодержцемъ, Императоромъ и Величествомъ. Но когда русскіе государи заявили серьезное намѣреніе присвоить себѣ этотъ титулъ, они встрѣтили сильный отпоръ со стороны иностранныхъ государей. Тогда былъ одинъ только императоръ, именно, германскій, который носилъ титулъ

„императора священной Римской имперіи“. Съ этимъ титуломъ „императора“ связывались въ то время особыя права и преимущества: такъ, императоръ занималъ первое — предсѣдательское — мѣсто въ совѣтѣ европейскихъ монарховъ. Не удивительно поэтому, что русскіе государи въ своемъ намѣреніи присвоить себѣ титулъ императора встрѣтили отпоръ со стороны государей Запада, которые видѣли въ этомъ намѣреніе стать рядомъ съ германскимъ императоромъ. Поэтому титулъ Императорскаго Величества за русскими государями признали прежде всѣхъ тѣ государства, которыя имѣли обыкновеніе безразлично относиться къ внѣшнимъ аттрибутамъ верховной власти; именно, Голландская республика была первымъ государствомъ, которое признало Россію имперіей; на сторону Голландской республики стали также протестантскія государства, которыя порвали связь съ традиціями священной Римской имперіи, именно: Англія, Швеція и Пруссія. За протестантскими монархіями Россія была признана имперіей и католическими государствами, позднѣе же всѣхъ къ этому признанію присоединилась Польша, а именно послѣ перваго раздѣла, такъ что императорскій титулъ остается за Русскимъ царствующимъ Домомъ съ 1774 года и титуломъ Императорскаго Величества пользуются Императоръ и его супруга.

Кромѣ личнаго наименованія, въ титулѣ государя различается еще государственный титулъ, который, въ свою очередь, распадается на двѣ части: въ первой перечисляются земли, которыя находятся подъ властью Императора, а во второй почетныя названія, не имѣющія теперь никакого значенія. Они были въ большомъ употребленіи въ Средніе вѣка, когда папа всѣмъ щедро раздавалъ титулъ государя за какія-нибудь особыя услуги Церкви. Такъ, французскій король имѣлъ титулъ „христіанскаго“, венгерскій — „апостолическаго“, а сардинскій король почему-то именовался „іерусалимскимъ“. Подобныя же почетныя названія мы встрѣчаемъ и въ титулѣ нашего Императора, который называется герцогомъ голштинскимъ, наслѣдникомъ норвежскимъ, дитмарскимъ и ольденбургскимъ. Они имѣютъ историческое основаніе въ томъ, что Петръ III былъ герцогомъ голштинскимъ, но потомъ отказался отъ этого достоинства и всѣхъ правъ и видовъ, соединенныхъ съ нимъ, а потому съ подробными почетными названіями связывается лишь историческое преданіе, а не какія-нибудь дѣйствительныя права.

б) *Государственный гербъ.* Что касается герба нашего государства, то онъ состоитъ изъ двухъ частей: во 1-хъ, изъ византійскаго двуглаваго орла и, во 2-хъ, изъ герба Москвы. Двуглавый орелъ, входящій въ составъ нашего герба, перешелъ къ намъ съ Софьей Палеологъ изъ Греціи. Чисто же русскимъ гербомъ является Георгій Побѣдоносецъ; этотъ гербъ всегда принадлежалъ московскимъ великимъ князьямъ. Первоначально оба эти герба имѣли самостоятельное значеніе, такъ что на одной сторонѣ нашей государственной печати изображался Георгій Побѣдоносецъ, т.-е. гербъ великихъ князей московскихъ, а на другой было изображеніе двуглаваго орла, т.-е. гербъ византійскихъ императоровъ. Но потомъ, именно при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, оба герба были соединены въ одинъ такимъ образомъ, что гербъ московскій былъ помѣщенъ въ серединѣ орла; въ такомъ видѣ государственный гербъ остается и до сихъ поръ.

§ 95. **Исторія и содержаніе дѣйствующаго учрежденія объ Императорской Фамиліи.**

I. *Исторія дѣйствующаго учрежденія объ Императорской Фамиліи.* Учрежденіе объ Императорской Фамиліи опредѣляетъ права и преимущества членовъ царскаго рода (потомковъ Императора Павла), составляющихъ особенный привилегированный классъ, которому присвоено названіе Императорской Фамиліи. Члены этого класса долго пользовались привилегированнымъ положеніемъ, прежде чѣмъ права ихъ точнѣе были опредѣлены закономъ. Законодательный актъ, опредѣлившій, наконецъ, эти права, былъ изданъ Императоромъ Павломъ въ 179 г. вмѣстѣ съ закономъ о престолонаслѣдіи. „Учрежденіе Императорской Фамиліи“ было введено въ Сводъ лишь съ нѣкоторыми формальными измѣненіями. Оно получило свое мѣсто въ 1-й части 1-го тома въ видѣ второго отдѣла „Основныхъ законовъ“.

Учрежденіе объ Императорской Фамиліи не претерпѣло затѣмъ никакихъ существенныхъ измѣненій до царствованія Императора Александра III. 27-го января 1885 г. покойный Государь издалъ указъ, которымъ повелѣлъ назначить комиссію для пересмотра существующаго закона объ Императорской Фамиліи. Результатомъ работъ этой комиссіи явилось новое Учрежденіе Императорской Фамиліи, изданное 2-го іюля 1886 г., помѣщенное въ „Продолженіи свода законовъ 1886 г.“ Оно не вноситъ принципіальныхъ измѣненій въ узаконеніе Павла, а лишь нѣкоторое ограниченіе круга лицъ, пользующихся полнотою правъ членовъ Императорской Фамиліи, и сокращенія въ размѣрѣ содержанія, выдаваемаго членамъ Императорской Фамиліи.

По закону 1797 г. титулами Великаго Князя, Великой Княгини и Императорскихъ Высочествъ и связанными съ этими титулами правами и преимуществами пользовались кромѣ сыновей и дочерей Императора и всѣ внуки, правнуки и праправнуки Императора въ мужскомъ поколѣніи. По закону же 27-го января 1885 г. Императорскими Высочествами и Великими Князьми считаются только сыновья, дочери, братья, сестры, а также внуки Императоровъ, по прямой линіи отъ мужского поколѣнія происшедшіе. По закону 1797 г. титулъ Высочества и Князя носили лишь дѣти праправнуковъ Императора, ихъ потомки въ мужскомъ поколѣніи, по закону же 1885 г. титулъ Высочества и Князя принадлежитъ правнукамъ Императора, происшедшимъ отъ мужкого поколѣнія, а въ родѣ каждаго правнука титулъ Высочества присвояется только его старшему сыну и его старшимъ по праву первородства потомкамъ мужского пола и поколѣнія. Всѣ дальнѣйшіе потомки Императора, начиная съ младшихъ дѣтей правнука, составляютъ послѣдній разрядъ членовъ Императорской Фамиліи, который не былъ извѣстенъ закону Павла; имъ присвояется титулъ Свѣтлости и Князя. По закону Павла всѣ члены Императорской Фамиліи, т.-е. не только сыновья Императора, его внуки и правнуки, но и праправнуки и ихъ потомки въ мужскомъ поколѣніи, получали опредѣленное закономъ содержаніе. Ст. 136-я Учр. Имп. Фам. опредѣляла, что дѣти праправнуковъ и ихъ дальнѣйшее потомство, или князья Императорской крови, по достиженіи совершеннолѣтія получаютъ по 50.000 рублей. По закону же 1885 г. право на содержаніе ограничено лишь правнуками, послѣдующія же поколѣнія этимъ правомъ уже не пользуются.

Если новымъ закономъ значительно ограниченъ кругъ членовъ Императорской Фамиліи, имѣющихъ право на содержаніе изъ государственныхъ суммъ, то также весьма чувствительно сокращенъ и размѣръ содержанія, о чемъ можетъ свидѣльствовать слѣд. таблица:

| Содержаніе: | По закону 1797 г. | По закону 1885 г. |
|---|---|---|
| Наслѣдника (кромѣ содержанія дворца) . . . . . | 300.000 | 100.000 |
| Дѣтей Государя (каждаго изъ нихъ) . . . . . | 500.000 | 150.000 |
| Императрицы. . . . . | 600.000 | 200.000 |
| Внуковъ Императора. . . | 500.000 | 150.000 |
| Правнуковъ . . . . . | 150.000 (и удѣлъ съ дохода въ 500.000) | 30.000 (и удѣлъ съ дохода въ 100.000) |
| Праправнуковъ. . . . . | 100.000 | 0 |

II. *Содержаніе дѣйствующаго Учрежденія объ Императорской Фамиліи.* Первый вопросъ, съ которымъ мы здѣсь встрѣчаемся, есть вопросъ о томъ, въ чемъ заключается основаніе тѣхъ привилегій, которыми пользуются члены Императорской Фамиліи.

1. *Основаніе привилегій Императорской Фамиліи.* Члены Императорской Фамиліи пользуются извѣстными преимуществами и привилегіями, которыя основываются на томъ, что къ нимъ (т.-е. къ членамъ Императ. Фам.) можетъ перейти право на престолъ. Если носитель верховной власти пользуется извѣстными привилегіями, имѣющими цѣлью оградить связанные съ нимъ интересы государства и установить соотвѣтствіе между его личными преимуществами и занимаемымъ имъ въ государствѣ высокимъ положеніемъ, то и члены его династіи, какъ возможные его преемники, должны также пользоваться такими привилегіями, хотя и не въ одинаковыхъ съ нимъ размѣрахъ. Этотъ размѣръ опредѣляется степенью ихъ близости къ особѣ Государя и степенью ихъ родства съ нимъ. Наибольшими привилегіями пользуются поэтому Императрица и Наслѣдникъ престола со своей супругой, наименьшими же—наиболѣе отдаленные родственники Императора (праправнуки прежде-царствовавшихъ Императоровъ), такъ называемые „Князья Императорской крови“.

Наслѣдственная монархія, съ другой стороны, требуетъ, въ видахъ предупрежденія всякихъ сомнѣній и недорозумѣній при порядкѣ перехода престола отъ одного лица къ другому, самой строгой и обстоятельной регламентаціи порядка престолонаслѣдія. Эта регламентація не можетъ ограничиваться опредѣленіемъ юридическаго процесса перехода государственной власти, но должна включать въ себя нормы, опредѣляющія юридическое положеніе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя при наступленіи извѣстныхъ условій могутъ явиться наслѣдниками престола. Этимъ объясняется, что въ наслѣдственныхъ монархіяхъ имущественныя и личныя *отношенія членовъ династіи регулируются, кромѣ общегосударственныхъ законовъ, еще особенными нормами. Эти нормы имѣютъ* цѣлью *предупреждать наступленіе такихъ съ ихъ стороны дѣйствій, которыя могли бы поставить ихъ въ экономическое, общественное и политическое положеніе, служащее препятствіемъ или для занятія престола, или для достойнаго ношенія ими этого сана и лежащихъ на нихъ* обязанностей, какъ на членахъ царствующей династіи“.

Совокупность нормъ, опредѣляющихъ преимущества и юридическое положеніе членовъ Императорскаго Дома, и составляетъ содержаніе того отдѣла нашихъ Осн. зак., который озаглавленъ „Учрежденіе Императорской Фамиліи“.

2. *Условія, опредѣляющія принадлежность къ Императорской Фамиліи.* При разсмотрѣніи этого отдѣла мы должны прежде всего отвѣтить на вопросъ о томъ, чѣмъ опредѣляется принадлежность къ Императорской Фамиліи?

а) *Происхожденіе отъ царствующей династіи.* Отвѣтъ на вопросъ, нами поставленный, мы находимъ въ 82-й ст. Учр. Имп. Фам., которая гласитъ: Всѣ лица, происшедшія отъ Императорской крови въ законномъ, дозволенномъ царствующимъ Императоромъ бракѣ съ лицомъ соотвѣтственнаго по происхожденію достоинства, признаются членами Императорскаго Дома“. Очевидно, что эта статья недостачно полна, ибо въ ней имѣются въ виду только кровные родственники Императора, но не свойственники, среди которыхъ есть такія лица, которыя несомнѣнно принадлежатъ къ Императорской Фамиліи; такими лицами, связанными съ Императоромъ по свойству и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно принадлежащими къ Императорскому Дому, являются супруги Императора, Наслѣдника и Великихъ Князей.

б) *Законный бракъ.* Если первымъ условіемъ принадлежности къ Императорской Фамиліи является, согласно установленію нашихъ Основныхъ законовъ, происхожденіе отъ царствующей династіи, то вторымъ условіемъ является происхожденіе отъ законнаго брака.

*а. Дозволеніе Императора.* О законности брака трактуетъ 139-я статья Учрежд. Императ. Фам., въ которой говорится: „... на бракъ каждаго лица Императорскаго Дома необходимо соизволеніе царствующаго Императорскаго Дома необходимо соизволеніе царствующаго Императора, и бракъ, безъ соизволенія сего совершенный, законнымъ не признается“.

Отсюда возникаетъ вопросъ: нужно ли такой бракъ, который совершенъ безъ дозволенія Императора, считать незаконнымъ въ общегражданскомъ смыслѣ, или въ особомъ, и именно въ томъ, что дѣти, рожденныя отъ такого брака, исключаются отъ пользованія правами, присвоенными членамъ Императорской Фамиліи? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ ст. 90-я Учрежд. Имп. Фам., въ которой постановляется, что „дѣти, рожденныя отъ брака, на который не было соизволенія царствующаго Императора, не пользуются никакими преимуществами, членамъ Императорскаго Дома принадлежащими“.

Такимъ образомъ послѣдствія незаконности брака въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе употреблено въ 139-й ст. Учрежд. Императ. Фам., заключаются не въ общегражданскихъ послѣдствіяхъ незаконности брака, а въ томъ, что дѣти, происшедшія отъ такого брака, не пользуются правами и преимуществами, присвоенными членамъ Императ. Фам., и прежде всего они, конечно, теряютъ право на престолъ.

Кажущееся противорѣчіе между стт. 139-й и 90-й, изъ которыхъ первая (139) объявляетъ бракъ, совершенный безъ дозволенія Государя, незаконнымъ, а вторая (90) говоритъ лишь о томъ, что дѣти отъ такого брака не пользуются никакими преимуществами, можно примирить, принявъ во вниманіе мотивъ законодателя. Бракъ членовъ Императорской Фамиліи, кромѣ семейныхъ, можетъ имѣть еще политическія

послѣдствія, которыя не могутъ соотвѣтствовать интересамъ государства или династіи. Наше законодательство и опредѣляетъ, что браки членовъ Императорской Фамиліи должны совершаться не иначе, какъ съ дозволенія Императора, какъ высшаго судьи этихъ интересовъ. Но браки, не дозволенные Императоромъ по причинѣ ихъ нежелательности съ точки зрѣнія политической или династической, могутъ обнаружить свои вредныя послѣдствія лишь въ томъ случаѣ, если лица, состоящія въ такомъ бракѣ, сохраняютъ права и преимущества, принадлежащія Императорской Фамиліи, и важнѣйшее изъ нихъ—право на престолъ. На этомъ основаніи статья 90-я и постановляетъ, что дѣти, рожденныя отъ недозволеннаго Императоромъ брака, лишаются правъ и преимуществъ членовъ Императорскаго Дома. Съ другой стороны, бракъ, нежелательный съ точки зрѣнія династической и политической, не можетъ обнаружить своихъ вредныхъ послѣдствій, если этотъ бракъ, лишая преимуществъ вступившихъ въ него членовъ Императорской Фамиліи, сохраняетъ силу законнаго брака въ общегражданскомъ смыслѣ этого слова и закрѣпляетъ за вступившими въ него всѣ права законныхъ супруговъ. Поэтому мотивы, которые внушили законодателю опредѣленіе, что лишь происхожденіе отъ брака, дозволеннаго Императоромъ, даетъ право на особыя преимущества, членамъ Императорской Фамиліи присвоенныя, не требуютъ вовсе признанія такого брака незаконнымъ въ общегражданскомъ смыслѣ. И въ виду того, что мы не находимъ въ нашихъ законахъ этого требованія ясно и точно выраженнымъ, мы и должны примѣнить къ ст. 139-й не распространительное, а ограничительное толкованіе и должны признать, что здѣсь говорится о законности брака не въ общегражданскомъ смыслѣ, а въ специфическомъ, и именно въ томъ, что дѣти, происходящія отъ такого брака, не пользуются правами и преимуществами, членамъ Императорской Фамиліи принадлежащими.

При толкованіи стт. 139-й и 90-й возникаетъ другой въ высшей степени важный вопросъ, лишается ли правъ и преимуществъ, присвоенныхъ членамъ Императорской Фамиліи, тотъ членъ, который безъ дозволенія Императора вступилъ въ бракъ? Такъ какъ въ ст. 90-й говорится, что этихъ правъ и преимуществъ лишаются дѣти, происшедшія отъ такого брака, и ничего не говорится о лицахъ, состоящихъ въ такомъ бракѣ, то на предложенный вопросъ нужно отвѣтить отрицательно: такія лица не теряютъ этихъ преимуществъ и сохраняютъ право вступленія на престолъ.

β. *Равноправность*. Но для того, чтобы пользоваться правами и преимуществами членовъ Императорской Фамиліи, недостаточно еще происходить отъ брака, царствующимъ Императоромъ дозволеннаго, для этого необходимо еще соблюденіе второго условія, которое состоитъ въ томъ, чтобы лицо происходило отъ брака съ лицомъ равнороднымъ, т.-е. также съ членомъ какой-нибудь царствующей династіи. Это требованіе высказано въ 144-й ст. Учрежд. Имп. Фам., которая гласитъ: „Лицо Императорской Фамиліи, вступившее въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтствующаго достоинства, т.-е. не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, не можетъ сообщить ни оному, ни потомству, отъ брака сего произойти могущему, правъ, принадлежащихъ членамъ Императорской Фамиліи“. Но что мы должны понимать подъ „владѣтельными домами“? Должны ли мы пони-

мать подъ этимъ династіи царствующія, или же подъ это названіе мы должны подвести и тѣ династіи, которыя не занимаютъ въ настоящее время престола, но занимали его прежде? Отвѣта на этотъ вопросъ ст. 144-я не даетъ. Въ западныхъ государствахъ практика послѣднихъ лѣтъ расширила понятіе равноправности брака и считаетъ равноправными и такіе, которые заключены съ представителями династій, лишившихся престола. Такъ, принцъ Вольдемаръ Датскій женился на принцессѣ Луизѣ Орлеанской, и этотъ бракъ разсматривается не только датскимъ королевскимъ домомъ, но и англійскимъ и греческимъ, какъ бракъ равнородный.

Браки членовъ Императорской Фамиліи съ лицами невладѣтельными не рѣдки и въ нашей царствующей семьѣ; такъ, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ бракосочетался съ графиней Ловичъ, Евгеній Максимиліановичъ Лейхтенбергскій вступилъ въ бракъ съ Опочининой (графиня Богарне). Принцъ Ольденбургскій женился на графинѣ Бунацелли. Но всѣ эти браки (такъ называемые морганатическіе), какъ не имѣющіе всѣхъ признаковъ законнаго брака, не даютъ рождающимся отъ нихъ преимуществъ и привилегій, присвоенныхъ членамъ Императорской Фамиліи.

γ. *Бракъ съ лицами православнаго исповѣданія.* Наконецъ, послѣднее условіе для законности брака состоитъ въ томъ, что бракъ долженъ быть заключенъ съ лицомъ православнаго вѣроисповѣданія.

Это требованіе было выражено въ ст. 141-й нашихъ Основныхъ законовъ, въ которой мы читаемъ: „Бракъ мужского лица Императорскаго Дома, могущаго имѣть право на наслѣдованіе престола, съ особою другой вѣры совершается не иначе, какъ по воспріятіи ею православнаго исповѣданія".

Это условіе появилось лишь при Петрѣ III, до этого же времени всѣ члены Императорской Фамиліи имѣли право вступать въ бракъ съ лицами, не принадлежащими къ владѣтельному дому и не исповѣдывающими православной вѣры. Подтвержденіемъ этому служитъ бракъ Алексѣя Петровича.

в) *Внѣшнимъ удостовѣреніемъ принадлежности къ Императорской Фамиліи* служитъ внесеніе въ родословную книгу Императорскаго Дома. Относительно этого ст. 91-я Учрежд. Имп. Фам. говоритъ: „Когда въ Императорскомъ Домѣ, отъ мужскаго или женскаго поколѣнія, въ государствѣ или внѣ онаго, родится сынъ или дочь, то отецъ и мать или же ближайшій изъ родственниковъ имѣютъ безъ продолженія времени извѣстить царствующаго Императора о днѣ рожденія и объ имени новорожденнаго или новорожденной". Продолженіемъ этой статьи служитъ ст. 93-я Учрежд. Имп. Фам.: „Императоръ, получивъ извѣщеніе, повелѣваетъ имя новорожденнаго или новорожденной занести въ родословную книгу Россійскаго Императорскаго Дома и извѣстить фамилію ихъ, что они дѣйствительно къ поколѣнію Императорскому причтены".

Родословная книга Императорскаго Дома хранится въ кабинетѣ Его Императорскаго Величества (ст. 99-я).

3. *Преимущества членовъ Императорской Фамиліи.* Преимущества членовъ Императорской Фамиліи распредѣляются между ними неравномѣрно. Съ этой точки зрѣнія (съ точки зрѣнія преимуществъ членовъ Имп. Фам.) всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи можно подвести подъ слѣдующіе разряды:

а) Ближайшія къ Императору лица: α) Императрица, β) Наслѣдникъ и γ) супруга Наслѣдника.

б) Великіе Князья, Княгини и Княжны, т. е. сыновья, дочери и представители мужского поколѣнія царствовавшихъ Императоровъ до внуковъ включительно. „Титулъ Великаго Князя, Великой Княгини и Императорскихъ Высочествъ принадлежитъ всѣмъ сыновьямъ, дочерямъ, братьямъ, сестрамъ, а въ мужскомъ поколѣніи и всѣмъ внукамъ Императоровъ.“ (ст. 102-я Учр. Имп. Фам.).

Тутъ можно отличать мужскія и женскія поколѣнія. Мужскія линіи происходятъ отъ сыновей Императора, и всѣ ихъ представители, какъ мужчины, такъ женщины, пользуются правомъ Великихъ Князей и Княженъ до правнуковъ Императора включительно. Объ этомъ мы находимъ постановленіе въ 88-й ст. Учрежд. Имп. Фам.: „Женскій полъ, отъ мужского поколѣнія происшедшій, въ степеняхъ родства считается на томъ же основаніи, какъ и мужской, т. е. родившаяся отъ старшаго лица старшаго поколѣнія признается дочерью Императора, родившаяся отъ младшаго лица того-же поколѣнія — внукою и т. д.“ Женскія же линіи происходятъ отъ дочерей Императора, причемъ только послѣднія пользуются правами Великихъ Княженъ, происходящее же отъ нихъ поколѣніе правами этими не пользуется. Объ этомъ говоритъ ст. 89-я Учрежд. Имп. Фам.: „Родившіеся отъ женскаго пола совершенно отличаются отъ родившихся отъ пола мужского и потому счета въ родствѣ съ Императоромъ для полученія титула, пенсіи и приданаго вести не должны, а пользуются всѣмъ онымъ по праву, отцу ихъ принадлежащему, и ничего отъ государства и отъ главнаго управленія удѣловъ требовать не имѣютъ“.

Исключеніе изъ этого правила сдѣлано для лицъ, перечисленныхъ въ примѣчаніи къ статьѣ 102 й Учрежд. Имп. Фам. Въ силу указа 1852 г. дѣти Великой Княгини Маріи Николаевны и герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго носятъ пожалованный имъ титулъ Императорскихъ Высочествъ и почитаются съ нисходящимъ отъ мужского ихъ поколѣнія потомствомъ Князьями и Княжнами Императорской крови. Изъ потомства ихъ титулъ Императорскаго Высочества принадлежитъ только князю Александру Георгіевичу Романовскому, князю Лейхтенбергскому лично.

в) Третью группу составляютъ всѣ потомки царствовавшихъ Императоровъ, начиная отъ дѣтей внуковъ, т.-е. такъ называемые Князья Императорской крови.

Объ этомъ мы находимъ постановленіе въ 103 й ст. Учрежд. Имп. Фам., въ которой говорится, что „титулъ Высочества, Князя и Княжны крови Императорской принадлежитъ правнукамъ Императора отъ мужского поколѣнія происшедшимъ, а въ родѣ каждаго правнука титулъ Высочества присвояется только старшему сыну и его старшимъ, по праву первородства, потомкамъ мужского пола и поколѣнія“.

г) Четвертую группу составляютъ всѣ потомки царствовавшихъ Императоровъ, начиная отъ младшихъ дѣтей правнуковъ (ст. 104-я).

Преимущества, принадлежащія членамъ Императорскаго Дома, суть слѣдующія: во 1-хъ, титулъ, во 2-хъ, ордена, въ-3-хъ, особыя почести и отличія, въ-4-хъ, содержаніе, въ-5-хъ, усиленная уголовная защита.

а) *Титулъ*. 1) „Титулъ Наслѣдника, Цесаревича, Великаго Князя и Императорскаго Высочества принадлежитъ единому, всенародно объ-

явленному Наслѣднику престола“ (ст. 102-*я*). По 102-й ст. *Осн. зак.*, нынѣ отмѣненной, титулъ Цесаревича по изволенію Императора могъ быть присвоенъ и другимъ членамъ Императорскаго Дома въ воздаяніе и вящшее отличіе ихъ особенныхъ подвиговъ. Такъ, Императоръ Павелъ I пожаловалъ въ 1794 г. титулъ Цесаревича Константину Павловичу.

2) „Титулъ Великаго Князя, Великой Княжны и Императорскихъ Высочествъ принадлежитъ сыновьямъ, дочерямъ, братьямъ, сестрамъ а въ мужскомъ поколѣніи—всѣмъ внукамъ Императоровъ“ (ст. 102 я Учр. Имп. Фам.).

3) Титулъ Высочества, Князя и Княжны крови Императорской принадлежитъ правнукамъ Императора, отъ мужского поколѣнія происшедшимъ, а въ родѣ каждаго правнука титулъ Высочества присвояется только старшему сыну и его старшимъ по праву первородства потомкамъ мужского пола и поколѣнія. Если лицо, носившее титулъ Высочества, скончается, не оставивъ потомства, то титулъ переходитъ въ боковыя линіи, въ порядкѣ, установленномъ для наслѣдованія заповѣдными имуществами“ (ст. 103-я).

4) „Титулъ Свѣтлости, Князя и Княжны крови Императорской присвояется отъ младшихъ дѣтей правнука всѣмъ послѣдующимъ родамъ, въ мужскомъ поколѣніи отъ Императорской крови происшедшимъ“ (ст. 104-я).

б) *Ордена*. Второе преимущество членовъ Императорской Фамиліи заключается въ орденахъ.

1) Согласно статьѣ 113-й Учрежд. Имп. Фам., „всѣ Великіе Князья при святомъ крещеніи получаютъ ордена: св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Анны 1-й степени и св. Станислава 1-й степени“.

2) „Великія Княжны при св. крещеніи получаютъ знаки ордена св. великомученицы Екатерины“ (ст. 114-я).

3) „Князья и Княжны крови Императорской, имѣющіе титулъ Высочества, получаютъ тѣ же самые ордена по достиженіи установленнаго для нихъ совершеннолѣтія“ (ст. 115-я).

в) *Почести и отличія*. Третье преимущество членовъ Императорской Фамиліи заключается въ особыхъ почестяхъ и *отличіяхъ*, которыя состоятъ въ томъ, что 1) Наслѣднику Цесаревичу положенъ *извѣстный* гербъ и флаги (стт. 110-я и 117-я); ему же при проѣздѣ черезъ крѣпость или во время присутствія во флотѣ отдаются *извѣстныя* почести; при проѣздѣ черезъ губернію представляются рапорты по гражданской части (ст. 118-я); Наслѣднику престола для служителей, его дворъ составляющихъ, присвояются мундиры и ливреи, по Императорскому Дому установленные (ст. 119-я.

2) Великіе Князья имѣютъ гербъ государственный съ нѣкоторыми, опредѣленными въ особомъ положеніи, отличіями, смотря по близости съ Императоромъ, отъ коего они по прямой линіи происходятъ (ст. 111-я). Кромѣ того, имъ оказываются почести при проѣздѣ черезъ крѣпость или во время присутствія ихъ во флотѣ. Но при проѣздѣ черезъ губерніи отчеты по гражданской части имъ не представляются (ст. 118). Мундиры служителей, находящихся при ихъ дворѣ, отличаются по цвѣту отъ служителей Государя и Наслѣдника и Цесаревича (ст. 119).

3) Князья Императорской крови пользуются такими же почестями, какъ и Великіе Князья, съ тѣмъ только различіемъ, что ихъ гербы, мундиры и ливреи ихъ служителей имѣютъ нѣсколько иной внѣшній видъ (ст. 119).

г) *Содержаніе.* Четвертымъ преимуществомъ членовъ Императорской Фамиліи является право на содержаніе изъ государственнаго казначейства и изъ удѣльныхъ имуществъ. Это право членовъ Императорской Фамиліи устанавливается 120-й ст. Учрежд. Имп. Фам., въ которой мы читаемъ: „Къ обезпеченію на всегдашнее время состоянія Императорской Фамиліи и къ облегченію расходовъ государственныхъ, на ея содержаніе опредѣляются особыя недвижимыя имѣнія и денежный капиталъ подъ наименованіемъ удѣльныхъ, составъ коихъ и образъ управленія, посредствомъ учрежденнаго для сего главнаго управленія удѣловъ, опредѣляются въ особенныхъ уставахъ".

Кромѣ того, члены Императорской Фамиліи получаютъ содержаніе изъ государственнаго казначейства:

1) *Императрица, Наслѣдникъ и Супруга Наслѣдника.* Императрица во время царствованія ея супруга получаетъ по 200,000 руб. въ годъ и содержаніе ея двора. Все оное Императрица сохраняетъ и во вдовственномъ состояніи на время пребыванія въ Россіи, буде же оставитъ Россію, то получаетъ половину содержанія (ст. 42-я). Наслѣдничье содержаніе, кромѣ содержанія двора, по 100,000 р. въ годъ. Супругѣ Наслѣдника во время замужества по 50,000 р. въ годъ, во вдовствѣ же пенсіи по 100,000 р. и содержаніе двора, а по выѣздѣ изъ Россіи по 50,000 р. пенсіи. Дѣтямъ Наслѣдника обоего пола до совершеннолѣтія или до брака, Государемъ дозволеннаго, каждому по 25,000 р. (ст. 125-я).

2) *Великіе Князья и Княжны.* Великіе Князья и Княжны получаютъ различное содержаніе, смотря по степени близости родства ихъ къ Императору. Такъ, сыновья Императора (кромѣ Наслѣдника) получаютъ по достиженіи совершеннолѣтія по 150,000 р. въ годъ. Супругамъ сыновей Императора назначается содержаніе въ 40,000 р., которое остается за ними и во вдовствѣ (ст. 129-я).

Дочери Императора съ совершеннолѣтія до замужества получаютъ по 50,000 р. въ годъ (ст. 130 я). Внуки Императора обоего пола до совершеннолѣтія или до брака, Государемъ дозволеннаго, получаютъ по 15,000 р. въ годъ. Внуки женскаго пола отъ совершеннолѣтія до замужества получаютъ по 50,000 р. въ годъ, мужскаго же пола по 75,000 р. въ годъ и единовременнаго пособія на устройство помѣщенія 600,000 руб. Супруги внуковъ получаютъ по 25,000 руб. въ годъ (ст. 131-я).

3) *Князья Императорской крови.* „Правнукамъ обоего пола до совершеннолѣтія или до брака, Государемъ дозволеннаго, на воспитаніе и содержаніе каждаго полагается по 10,000 р." (ст. 133 я). „Правнуки мужскаго пола съ совершеннолѣтія получаютъ съ удѣльныхъ Императорскихъ доходовъ по 100,000 р. и денежнаго содержанія по 30,000 р. въ годъ. Супруги правнуковъ со дня замужества и во вдовствѣ получаютъ по 100,000 р. въ годъ" (ст. 134-я).

Этими статьями опредѣляются права на содержаніе, которыя имѣютъ члены Имп. Фам., но ими не ограничивается право Императора сверхъ означеннаго содержанія надѣлять членовъ своего семейства какъ изъ

удѣльныхъ доходовъ, такъ и изъ государственнаго казначейства; это вытекаетъ изъ ст. 138-й Учрежд. Имп. Фам., въ которой мы читаемъ: „При постановленіи вышеизложенныхъ основныхъ правилъ, дальнѣйшее сверхъ онаго устройство особъ Императорскаго Дома зависитъ отъ благоусмотрѣнія царствующаго Императора и отъ состоянія удѣльныхъ доходовъ".

д) *Усиленная уголовная защита.* Пятое преимущество членовъ Имп. Фам. состоитъ въ усиленной уголовной защитѣ, которой пользуются всѣ члены Императорскаго Дома и притомъ всѣ въ одинаковой степени.

Такъ, лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни подвергаются виновные въ злоумышленіи или преступномъ дѣйствіи противъ жизни, здравія, свободы, чести и Высочайшихъ правъ Наслѣдника престола или супруги Государя Императора, или прочихъ членовъ Императорскаго Дома, и всѣ, въ томъ участвовавшіе, а равно и укрыватели виновныхъ, и тѣ, которые, знавъ и имѣя возможность донести о преступленіи, не исполнили сей обязанности (ст. 244-я Улож. о нак.).

Виновные въ составленіи или распространеніи письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, оскорбительныхъ для Наслѣдника престола или супруги Государя Императора, или для прочихъ членовъ Императорскаго Дома, а равно и въ произнесеніи, хотя бы и заочно, дерзкихъ и оскорбительныхъ словъ противъ ихъ особъ, правъ или чести, или же въ умышленномъ публичномъ оскорбленіи ихъ изображеній, приговариваются: первые къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ 10 до 12 лѣтъ, а вторые—къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на время отъ 6 до 8 лѣтъ.

4. *Обязанности членовъ Императорской Фамиліи.* Обязанности же ихъ заключаются въ безусловномъ послушаніи, повиновеніи и почтеніи къ Государю Императору, который, въ случаѣ нарушенія ими этихъ обязанностей, имѣетъ право лишить ихъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми они пользуются въ качествѣ членовъ Императорской Фамиліи. „Царствующій Императоръ во всякомъ случаѣ почтенъ быть долженъ главою всей Императорской Фамиліи и есть на всегдашнее время попечитель и покровитель оной". „Каждый членъ Императорскаго Дома обязуется къ лицу царствующаго, яко ко главѣ Дома и Самодержцу, совершеннымъ почтеніемъ, повиновеніемъ, послушаніемъ и подданствомъ". „Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ, яко преслушнымъ волѣ Монаршей" (стт. 175-я, 176-я и 178-я).

# ОТДѢЛЪ III.

# Ученіе о законѣ.

## ГЛАВА I.

### Законодательство.

§ 96. **Понятіе о законодательной власти и законодательствѣ.** Верховная функція государственной власти—установленіе тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя опредѣляютъ устройство государства и его дѣятельность. Эту функцію мы называемъ законодательной властью. Она составляетъ существенное проявленіе верховной власти и въ каждомъ государствѣ принадлежитъ тому органу, который признается въ немъ суверереннымъ. Въ Русскомъ государствѣ вся полнота законодательной власти принадлежитъ, какъ было уже сказано выше, Государю Императору. Ст. 47-я Осн. зак. говоритъ: „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, отъ самодержавной власти исходящихъ".

§ 97. **Процессъ составленія законовъ.**

I. *Опредѣленіе закона. Подъ закономъ мы понимаемъ обязательное предписаніе юридической нормы.* Въ этомъ опредѣленіи мы находимъ два элемента, которые и составляютъ существенные признаки закона: 1) всякій законъ есть предписаніе верховной власти, которому обязаны подчиняться всѣ подданные, 2) законъ есть *юридическая норма.*

Этими двумя признаками — предписаніемъ верховной власти и юридической нормой — исчерпывается понятіе закона. Говоря, что законъ есть предписаніе, мы отличаемъ его отъ обычая, который, какъ и законъ, содержитъ юридическую норму, но авторитетъ котораго основывается не на предписаніи государственной воли, а на признаніи фактически существующаго обычая. Говоря далѣе, что всякій законъ заключаетъ въ себѣ юридическую норму, мы его отличаемъ и отъ юридической сдѣлки, которая, хотя и является актомъ воли, но не содержитъ въ себѣ юридической нормы, и отъ судебнаго рѣшенія, которое такъ же, какъ и законъ, является предписаніемъ, но никакой нормы не установляетъ, а лишь примѣняетъ существующую норму къ конкретному случаю.

II. *Моменты составленія закона.* При помощи даннаго нами опредѣленія закона намъ уже не трудно будетъ опредѣлить тѣ моменты, черезъ которые долженъ пройти законъ отъ его начинанія до его вступленія въ жизнь. Весь процессъ составленія закона, какъ это уже вытекаетъ изъ нашего опредѣленія закона, можно разбить на двѣ половины. Первая имѣетъ своею цѣлью установить юридическую норму, вторая же—вооружить юридическую норму обязательной силой.

Первая половина распадается, въ свою очередь, на слѣдующіе моменты: 1) инициативу и 2) обсужденіе; вторая половина включаетъ также три момента: 1) санкцію, 2) промульгацію и 3) публикацію.

§ 98. **Инициатива закона.**

I. *Опредѣленіе права инициативы.* Подъ инициативой или починомъ закона разумѣется внесеніе законодательнаго проекта на разсмотрѣніе того государственнаго учрежденія, которое облечено правомъ обсуждать законъ, и притомъ такое внесеніе, которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ обсужденіе этого проекта въ законодательномъ порядкѣ. Если законодательный вопросъ обсуждается въ печати, если какое-нибудь учрежденіе обращается къ законодательному учрежденію съ какимъ-нибудь законопроектомъ, то это не есть еще инициатива закона, а только ходатайство, которое можетъ остаться безъ всякихъ послѣдствій. Подъ инициативой можно понимать только тотъ актъ, который имѣетъ за особой *юридическія послѣдствія,* а именно обсужденіе проекта въ законодательномъ порядкѣ. Такимъ образомъ существеннымъ признакомъ перваго момента является такое внесеніе законопроекта. которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ разсмотрѣніе его законодательнымъ порядкомъ.

II. *Организація права инициативы въ конституціонныхъ государствахъ.* Обращаясь къ вопросу объ организаціи права инициативы, я считаю нужнымъ обратить ваше вниманіе на организацію этихъ моментовъ въ западно-европейскихъ государствахъ.

1. *Конституціонныя монархіи, которыя основаны на началѣ королевскаго суверенитета.* Въ конституціонныхъ монархіяхъ, въ которыхъ вся полнота суверенитета находится въ рукахъ короля, а народное представительство является только учрежденіемъ контролирующимъ важнѣйшіе правительственные акты и обезпечивающимъ своимъ согласіемъ на эти акты ихъ правомѣрность, въ этихъ конституціонныхъ монархіяхъ *право инициативы принадлежитъ королю, народному же представительству принадлежитъ только право ходатайствовать* объ отмѣнѣ отжившихъ законовъ или объ изданіи новыхъ, вызванныхъ нуждами и пользами государства. Къ числу этихъ конституцій принадлежитъ и конституція французская 1814 г. Статья 16-я этой конституціи гласитъ: „Le roi propose la loi—король предлагаетъ законъ". Далѣе, ст. 19-я опредѣляетъ: „Les chambres ont la faculté de supplier le roi de proposer une loi sur quelque objet, que ce soit et d'indiquer ce qu'il leur paraît convenable, que la loi continue — палаты имѣютъ право ходатайствовать передъ королемъ объ изданіи закона, чего бы онъ ни касался; кромѣ того, могутъ изъявить свое мнѣніе о томъ, что законъ долженъ содержать". Типомъ такихъ конституцій можетъ служить и вюртембергская конституція, въ которой мы находимъ слѣдующія постановленія: „Gesetze können nur von dem Könige an die Stände, nicht aber von den Ständen an den König gebracht werden. Den Ständen ist aber unbenommen im Wege der Petition auf neue Gesetze sowohl als auf Abänderung oder Aufhebung der bestehenden anzudringen — законодательные проекты могутъ исходить только отъ короля и вноситься въ палаты, но отнюдь не наоборотъ: исходить изъ палаты и вноситься королю. Палаты, однако, имѣютъ право путемъ ходатайства указать на новые законы и просить объ отмѣнѣ уже существующихъ".

2. *Конституціонныя монархіи, которыя основаны на началѣ народнаго суверенитета.* Ко второй группѣ конституціонныхъ государствъ принадлежатъ тѣ, въ которыхъ законодательная власть принадлежитъ и королю и народному представительству. Въ нихъ право инициативы

принадлежитъ и королю и народному представительству. Но въ тѣхъ изъ этихъ конституціонныхъ государствъ, въ которыхъ королю принадлежитъ абсолютное veto, народное представительство въ дѣлѣ возбужденія законодательныхъ вопросовъ особеннаго значенія не имѣетъ, такъ какъ всѣ его предложенія могутъ быть отвергнуты королемъ. На это можно возразить, что такое же право имѣетъ и народное представительство, т.-е. оно можетъ отвергнуть предложеніе короля, но дѣло въ томъ, что король имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства для того, чтобы настаивать на утвержденіи внесеннаго имъ законопроекта, между тѣмъ какъ парламентъ этихъ средствъ не имѣетъ. Король можетъ сдѣлать правительственный законопроектъ кабинетнымъ вопросомъ, и тогда отверженіе этого проекта влечетъ за собою или распущеніе палаты, или отставку кабинета. Народное же представительство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи такого средства, и отверженіе его проекта не нарушаетъ правильнаго тѣченія политическихъ дѣлъ. Такъ, напр., нѣмецкій рейхстагъ, въ лицѣ недавно умершаго депутата Шульце-Делича, съ замѣчательной послѣдовательностію при открытіи каждой сессіи вносилъ проектъ о вознагражденіи депутатовъ, который, однако, также-же послѣдовательно отвергался, и отказъ правительства не имѣлъ никакого дальнѣйшаго послѣдствія.

Говоря о конституціонныхъ монархіяхъ, нужно отдѣльно ставить Норвегію, въ которой король не имѣетъ права абсолютнаго veto, и Англію, въ которой право инициативы принадлежитъ только палатамъ. Министры въ Англіи не имѣютъ даже права внести проектъ, и если они его вносятъ, то это дѣлается ими не въ качествѣ министровъ, т.-е. слугъ короля, а въ качествѣ членовъ парламента. Съ 1830 г. мы видимъ, однако, что всѣ законодательные проекты исходятъ отъ министерства. Съ этого времени начинаются коренныя реформы, затрогивающія всеобщіе интересы и требующія организованной дѣятельности энергичныхъ лицъ, которыя и явились въ лицѣ министровъ 30-хъ годовъ. Вотъ почему дѣятельность отдѣльныхъ членовъ парламента ослабѣваетъ, и право инициативы снова переходитъ въ руки министерства. Но, вѣрные прежде-установленной практикѣ, министры вносятъ проекты въ парламентъ не отъ имени короля, а какъ члены палатъ. Король имѣетъ только право ходатайствовать о внесеніи проекта, и формой его ходатайства является тронная рѣчь, въ которой король излагаетъ свои desideria.

3. *Республики.* Въ республикахъ, въ которыхъ начало народнаго суверенитета проведено послѣдовательно, инициатива принадлежитъ палатамъ. Такъ, напр., въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ президентъ имѣетъ только право ходатайствовать о внесеніи проекта, и формой его ходатайства являются отчеты правительства, въ которыхъ указывается на тотъ или другой пробѣлъ въ законодательствѣ и въ которыхъ президентъ ходатайствуетъ о восполненіи этихъ пробѣловъ.

Во Франціи же, гдѣ республиканскія учрежденія во многомъ напоминаютъ порядки, господствующіе въ конституціонныхъ монархіяхъ, право инициативы принадлежитъ не только народному представительству, но и министерству и президенту, и такъ какъ народное представительство пользуется весьма вяло своимъ правомъ, то законопроекты фактически исходятъ только отъ президента и министерства.

III. *Организація права инициативы въ Россіи.*

1. *Право инициативы принадлежитъ только Государю.* Ст. 49-я Осн. зак. гласитъ: „Первообразное предначертаніе законовъ составляется или по особому Высочайшему усмотрѣнію и непосредственному повелѣнію, или же пріемлетъ начало свое отъ общаго теченія дѣлъ, когда, при разсмотрѣніи оныхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ Святѣйшемъ Синодѣ и въ министерствахъ, признано будетъ необходимымъ или пояснить и дополнить дѣйствующій законъ или составить новое постановленіе. Въ семъ случаѣ мѣста сіи подносятъ предположенія ихъ установленнымъ порядкомъ на Высочайшее благоусмотрѣніе".

Приведенная статья различаетъ два случая: 1) когда самъ Государь непосредственно прикажетъ составить проектъ новаго закона и 2) когда необходимость его будетъ сознана однимъ изъ вышеназванныхъ учрежденій.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что предположеніе высшихъ учрежденій можетъ принять законодательный ходъ, т.-е. что проектъ новаго закона, составленный въ нихъ, можетъ самъ собою, помимо воли Государя, войти въ Государственный Совѣтъ и, какъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, предстать на утвержденіе Государя; такой проектъ можетъ вступить въ Государственный Совѣтъ не иначе, какъ по утвержденіи его Государемъ (ст. 202-я). „Въ семъ случаѣ,—сказано въ ст. 49-й Осн. зак., — мѣста сіи предположенія ихъ подносятъ установленнымъ порядкомъ на Высочайшее благоусмотрѣніе". Это выраженіе должно понимать такъ, что поднесеніе на благоусмотрѣніе Государя дѣлается для полученія его согласія на внесеніе проекта въ Государственный Совѣтъ. *Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ, указанныхъ статьею 49-й Осн. зак., законодательный починъ принадлежитъ Императору; разница же здѣсь только въ томъ, что въ первомъ случаѣ Императоръ обращаетъ вниманіе на необходимость новаго закона, а во второмъ вниманіе это возбуждается однимъ изъ поименованныхъ учрежденій.*

2. *Офиціальное возбужденіе законодательныхъ вопросовъ.* Теперь перейдемъ къ рѣшенію вопроса, какія учрежденія и въ какихъ предѣлахъ пользуются правомъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ.

А. *Сенатъ.* Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ ст. 74-й Осн. зак., которая гласитъ: „Если бы по дѣламъ общимъ государственнымъ или гражданскимъ существовалъ законъ, сопряженный съ неудобствами въ исполненіи, то Правительствующій Сенатъ имѣетъ право представить о томъ Императорскому Величеству. *Сіе разумѣется впрочемъ только о прежнихъ постановленіяхъ и не можетъ касаться законовъ, вновь издаваемыхъ или отъ верховной власти подтвержденныхъ".*

Какъ понимать это ограниченіе и какой смыслъ имѣетъ противупостановленіе „прежнихъ" законовъ „вновь подаваемыхъ?" Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно вспомнить роль Сената въ дѣлѣ изданія закона. По утвержденіи новаго закона онъ направляется въ Сенатъ для обнародованія, а это обнародованіе является тѣмъ моментомъ, съ котораго законъ получаетъ обязательную силу (ст. 59 Осн. зак.). Въ промежуткѣ времени, протекающемъ между утвержденіемъ закона и его обнародованіемъ, законъ этотъ есть законъ еще неизданный, а „издаваемый"; статью 74, воспрещающую Сенату дѣлать представленія о неудобства законовъ, вновь издаваемыхъ, слѣдуетъ поэтому толковать въ томъ смыслѣ, что Сенатъ не имѣетъ права возбу-

ждать вопроса о неудобствахъ тѣхъ велѣній Верховной власти, которыя, будучи санкціонированы ею, направляются въ Сенатъ для обнародованія. Эти законы Сенатъ обязанъ опубликовать, не входя въ обсужденіе ихъ цѣлесообразности. И лишь неудобства, которыя обнаружились при ихъ примѣненіи, могутъ послужить Сенату основаніемъ для возбужденія вопроса объ ихъ неудобствахъ. И такъ, подъ законами, вновь издаваемыми, нужно понимать законы, еще не вступившіе въ жизнь и лишь направляемые въ Сенатъ для обнародованія, а подъ законами прежними—тѣ законы, которые уже при исполненіи обнаружили свои относительныя достоинства и недостатки.

Б. *Министерства.* Если Сенатъ имѣетъ право дѣлать представленіе о неудобствахъ существующихъ законовъ, то Министерства имѣютъ право указывать и на пробѣлы въ законодательствѣ и возбуждать вопросъ объ изданіи новыхъ законовъ. Ст. 160 Учрежд. Мин. гласитъ: отношенія министровъ по части законодательной состоятъ въ томъ, что они могутъ представлять о необходимости новаго закона или учрежденія или объ отмѣнѣ прежняго.

В. *Представленія нисшихъ учрежденій и пр.* Поводомъ къ возбужденію высшими учрежденіями законодательныхъ вопросовъ могутъ служить *представленія нисшихъ установленій.* Въ ст. 52-й Осн. зак. мы читаемъ: „Въ случаѣ неясности или недостатка существующаго закона, каждое мѣсто и правительство имѣетъ право и обязанность представлять о томъ по порядку своему начальству. Если встрѣченное мнѣніе не разрѣшается прямымъ смысломъ закона, тогда начальство обязано представить Правительствующему Сенату или министру по принадлежности".

Профессоръ Градовскій *) выводитъ изъ этой статьи заключеніе, что нисшимъ установленіямъ предоставляется въ извѣстной степени и условно право иниціативы. Но предоставленное этой статьей право ничего общаго съ правомъ иниціативы не имѣетъ. Право это, какъ мы видѣли, заключается во внесеніи законодательнаго проекта въ законодательное учрежденіе. По смыслу же привенной статьи нисшія установленія не только не имѣютъ права сноситься съ законодательнымъ учрежденіемъ, т.-е. Государственнымъ Совѣтомъ, непосредственно, но и составлять законодательные проекты и вносить ихъ на усмотрѣніе своего начальства. Все, на что ихъ уполномочиваетъ 52-я ст. Осн. зак., заключается въ указаніи на неясность или недостатокъ существующаго закона. Эта неясность или недостатокъ могутъ быть признаны высшимъ начальствомъ дѣломъ простого недоразумѣнія, и тогда представленіе влечетъ за собою лишь разъясненіе существующаго закона и никакихъ другихъ послѣдствій не имѣетъ. Если же указанная неясность или недостатокъ обнаружитъ дѣйствительный пробѣлъ въ законодательствѣ, тогда начальство можетъ дать возбужденному вопросу дальнѣйшій ходъ въ законодательномъ порядкѣ. Оно можетъ тогда составить законодательный проектъ и внести его съ развѣшенія Государя въ Государственный Совѣтъ. Но это внесеніе законодательнаго проекта въ Государственный Совѣтъ министерствомъ и Сенатомъ не явится необходимымъ послѣдствіемъ представленія нисшихъ мѣстъ, а *самостоятельнымъ актомъ, на* который ихъ уполномочиваетъ 49-я ст. Осн. зак.

*) Градовскій, Начало русскаго госуд. пр., т. I, стр. 21.

Судебная реформа 1864 г. установила для судебныхъ мѣстъ исключенія изъ общаго правила, выраженнаго въ 52 й ст. Осн. зак. Если по этой статьѣ висшія установленія имѣютъ право лишь обращать вниманіе на недостатокъ или неясность существующихъ законовъ, то по судебнымъ уставамъ прокурору судебныхъ палатъ предоставляется право возбуждать законодательные вопросы. Въ 136-й ст. Учр. суд. устан. мы читаемъ: „Если при рѣшеніи дѣла судомъ обнаружена неполнота закона, и прокуроръ окружнаго суда признаетъ необходимымъ возбудить законодательный вопросъ, то, независимо отъ рѣшенія дѣла судомъ, на основаніи уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, доноситъ о замѣченной неполнотѣ закона прокурору судебной палаты, отъ котораго зависитъ представить возбужденный вопросъ на усмотрѣніе министра юстиціи".

Г. *Право ходатайства и подачи прошеній частныхъ лицъ.* Если они и содержатъ законодательные проекты, нельзя признать въ подачѣ ихъ проявленія права законодательнаго почина, такъ какъ эти прошенія не имѣютъ своимъ необходимымъ послѣдствіемъ разсмотрѣніе возбужденныхъ ими вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ. Они могутъ быть или вовсе оставлены безъ вниманія, или препровождены въ министерства. Въ послѣднемъ случаѣ они могутъ (но не должны) послужить поводомъ къ внесенію министрами законодательныхъ проектовъ. Но эти законодательные проекты являются тогда появленіемъ законодательнаго почина не частныхъ лицъ, подавшихъ прошенія, а тѣхъ учрежденій, которыя съ разрѣшенія Императора вносятъ проекты въ Государственный Совѣтъ.

Д. *Общественныя учрежденія* имѣютъ право ходатайствовать о своихъ пользахъ о нуждахъ.

1. *Крестьянскія общества* на своихъ сельскихъ сходахъ имѣютъ право представлять ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ (п. 11 ст. 62 положенія о сельскомъ состояніи).

2. *Городскимъ думамъ* и губернскимъ земскимъ собраніямъ предоставляется дѣлать представленія, черезъ губернатора, высшему правительству ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ о нуждахъ (п. 21 ст. 63 город. пол. и п. 14 ст. 63 положенія о земскихъ учрежденіяхъ).

3. Дворянскія общества на губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ имѣютъ право совѣщаться о своихъ нуждахъ и пользахъ и представлять объ оныхъ черезъ губернскаго предводителя губернатору и Министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ случаяхъ важныхъ—приносить и всеподданнѣйшія прошенія Императорскому Величеству.

*Итакъ, ходатайства общественныхъ собраній и возбужденіе законодательныхъ вопросовъ въ высшихъ административныхъ учрежденіяхъ имѣютъ то общее между собою, что имъ не можетъ быть присвоенъ характеръ законодательнаго почина. Ни высшія административныя учрежденія, ни общественныя собранія не могутъ вносить собственною властью проектовъ въ Государственный Совѣтъ; другими словами, они не имѣютъ права иниціативы, принадлежащаго исключительно Императору.*

*Но между ходатайствами общественныхъ собраній и возбужденіемъ законодательныхъ вопросовъ въ высшихъ административныхъ учрежденіяхъ замѣчается то существенное различіе, что если замѣчаніе о необходимости новаго закона исходитъ отъ послѣднихъ, вопросъ объ измѣненіи закона считается официально возбужденнымъ, т.-е. считается подлежащимъ разсмотрѣнію въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя подготовляютъ законодательный проектъ для внесенія его въ Государственный Совѣтъ, между тѣмъ какъ ходатайство, исходящее отъ общественныхъ собраній, не влечетъ за собою непремѣнно этихъ послѣдствій и можетъ быть поднесено Государю лишь въ томъ случаѣ, если одно изъ высшихъ учрежденій приметъ во вниманіе ходатайство и облечетъ его въ форму официальнаго законодательнаго проекта.*

§ 99. **Право обсужденія.**

I. *Опредѣленіе. Правомъ обсужденія закона, въ строгомъ смыслѣ этого юридическаго термина, облечено только то учрежденіе, которое окончательно опредѣляетъ содержаніе закона и облекаетъ его въ окончательную форму, исключающую право другихъ органовъ видоизмѣнять что-либо въ содержаніи или формѣ закона.* Поэтому парламентскія комиссіи, на разсмотрѣніе которыхъ отсылаются палатами внесенные въ нихъ законопроекты и доклады которыхъ служатъ исходными точками для парламентскихъ преній, правомъ обсужденія закона не обладаютъ, такъ какъ онѣ, хотя и обсуждаютъ законы, но не редактируютъ ихъ въ той окончательной формѣ, которая была бы обязательна для органа, санкціонирующаго законъ и вооружающаго его принудительной силой. Ихъ соображенія и замѣчанія принимаются во вниманіе палатами, но лишь эти палаты являются послѣдней инстанціей, окончательно опредѣляющей содержаніе закона. Въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ существуютъ двѣ палаты, право обсужденія не принадлежитъ также той или другой палатѣ, взятой въ отдѣльности, ибо законопроектъ, принятый въ одной палатѣ, можетъ, при его обсужденіи въ другой, потерпѣть видоизмѣненія. Право обсужденія въ этихъ государствахъ принадлежитъ только обѣимъ палатамъ въ совокупности, ибо лишь та окончательная форма, въ которую облекается законъ, выходя изъ парламента, обязательна для органа, санкціонирующаго законъ. На этомъ основаніи нельзя утверждать, что нашъ Государственный Совѣтъ имѣетъ право обсужденія закона, ибо Императоръ вовсе не обязанъ утвердить законъ въ той именно формѣ, въ которой онъ вышелъ изъ Государственнаго Совѣта. Императоръ вовсе можетъ не принять во вниманіе мнѣнія Государственнаго Совѣта и дать обсужденному въ Совѣтѣ закону любое содержаніе и любую форму по своему личному благоусмотрѣнію.

Итакъ, правомъ обсужденія законовъ владѣетъ тотъ органъ, который опредѣляетъ окончательно то содержаніе и ту форму закона, въ какихъ этотъ законъ утверждается верховной властью.

II. *Организація права обсужденія въ конституціонныхъ монархіяхъ.* Обращаясь къ вопросу о томъ, какъ организовано право обсужденія законовъ въ конституціонныхъ государствахъ, намъ опять приходится дѣлить ихъ на двѣ группы: во-первыхъ, на такія монархіи, въ которыхъ парламентъ является лишь контролирующимъ учрежденіемъ, гарантирующимъ законом'рность дѣятельности короля, и, во-вторыхъ, на монархіи, въ которыхъ парламентъ является соноснтелемъ верховной власти.

1. Въ государствахъ первой группы право обсужденія принадлежитъ, главнымъ образомъ, королю и лишь въ ограниченной степени народному представительству. Такъ какъ это послѣднее есть только контролирующее учрежденіе, то оно участвуетъ въ обсужденіи законовъ лишь постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы предупредить изданіе королемъ законовъ, противорѣчащихъ конституціи или могущихъ такъ или иначе затронуть права гражданъ, гарантированныя конституціей. Такъ, напримѣръ, по баварской конституціи (ст. 22-я) безъ содѣйствія и согласія палатъ не могутъ быть изданы тѣ законы, которые касаются свободы и имущества гражданъ. Такое же постановленіе мы встрѣчаемъ въ конституціяхъ гессенской, веймарнской, мейнингенской, альтенбургской и многихъ другихъ.

2. Въ конституціонныхъ государствахъ второй группы право обсужденія принадлежитъ королю и палатамъ. Къ этимъ государствамъ принадлежитъ большинство конституціонныхъ монархій.

III. *Организація права обсужденія въ республикахъ.*

1. Переходя къ республикамъ, мы должны сказать, что право обсужденія въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ послѣдовательно проведены республиканскіе принципы, принадлежитъ нераздѣльно народному представительству, а президентъ республики этимъ правомъ не обладаетъ. Примѣромъ для ознакомленія съ организаціей права обсужденія въ республикахъ могутъ служить Сѣверо-Американскіе Соединенные штаты 1-я ст. американской конституціи говоритъ, что вся законодательная власть ввѣрена конгрессу соединенныхъ штатовъ, который будетъ состоять изъ сената и палаты представителей. Что касается отношенія президента къ законамъ, исходящимъ отъ конгресса, то оно опредѣляется одной изъ статей конституціи, гласящей приблизительно слѣдующее: каждый проектъ закона прежде, чѣмъ войти въ законную силу, долженъ быть отосланъ президенту Соединенныхъ штатовъ. Если онъ его утвердитъ, то для этого долженъ снабдить его своею подписью, если же нѣтъ, то препроводить его въ ту изъ двухъ палатъ, въ которую былъ внесенъ проектъ, съ изложеніемъ мотивовъ своего отказа. Эта палата, занеся отвѣтъ президента въ протоколъ, должна приступить ко вторичному обсужденію проекта. Если послѣ такого вторичнаго обсужденія двѣ трети палаты выскажутся въ пользу принятія закона, то она отсылаетъ его вмѣстѣ съ возраженіемъ президента въ другую палату, которая также подвергаетъ его вторичному обсужденію, и если приметъ его послѣ обсужденія двумя-третями голосами, то онъ получаетъ силу закона. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ въ обѣихъ палатахъ должны быть подаваемы голоса или утвердительные или отрицательные, и имена подавшихъ голоса „за“ или „противъ“ должны быть внесены въ протоколъ. Если президентъ по истеченіи 10 дней (включая сюда и воскресенье) не отошлетъ обратно въ палаты препровожденный къ нему проектъ, то послѣдній получаетъ силу закона, точно такъ, какъ будто президентъ снабдилъ его своею подписью, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда отсылка президентомъ проекта по причинѣ окончанія сессіи неосуществима. Въ этомъ случаѣ вступленіе законодательнаго проекта въ силу отстрочивается. Эта статья, очевидно, не даетъ президенту никакой законодательной власти. Единственнымъ послѣдствіемъ его отказа снабдить законодательный проектъ своею подписью является болѣе сложная процедура разсмотрѣнія этого

законодательнаго проекта. Президентъ не вліяетъ на содержаніе закона, а только на формальный процессъ составленія его.

2. Но не во всѣхъ, однако, республикахъ правительство, въ лицѣ президента и его министровъ, устранено отъ всякаго участія въ обсужденіи закона. Такъ, во Франціи, учрежденія которой имѣютъ болѣе общихъ чертъ съ конституціонно-монархическимъ строемъ, чѣмъ съ республиканскимъ, президентъ и его министры имѣютъ самое рѣшительное вліяніе на опредѣленіе содержанія закона. Президентъ имѣетъ наравнѣ съ обѣими палатами право инціативы, и двадцатипятилѣтняя исторія Французской республики показала, что это право имѣетъ гораздо болѣе практическаго значенія въ рукахъ правительства, чѣмъ въ рукахъ палатъ; всѣ сколько нибудь значительные законы за послѣднее десятилѣтіе исходили во Франціи отъ правительства, а не отъ палатъ. Кромѣ того, во французской конституціи, которая въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ американской, министры имѣютъ право участвовать въ преніяхъ, и палаты обязаны выслушивать ихъ при обсужденіи законовъ. Въ конституціонномъ законѣ 16 го іюня 1875 г., въ 6-й статьѣ мы читаемъ: „Министры имѣютъ доступъ въ обѣ палаты и должны быть выслушиваемы ими, когда они того потребуютъ. Они могутъ являться въ палаты въ сопровожденіи комиссаровъ, которые назначаются президентомъ для принятія участія въ обсужденіи опредѣленнаго законодательнаго проекта". („Les ministres ont leur entrée dans les deux chambres et doivent être entendus, quand ils demandent. Ils peuvent se faire assister par des commissaires, désignés pour la descussion d'un project de loi déterminé par decret du président de la Réspublique"). Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, какъ мы знаемъ, президентъ не имѣетъ ни права инціативы, ни права черезъ своихъ министровъ участвовать въ обсужденіи законовъ, ни права утверждать законы, и поэтому у него отнята возможность опредѣлять содержаніе закона. Во Франціи президентъ въ своихъ отношеніяхъ къ законодательству имѣетъ только то общее съ президентомъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, что не имѣетъ права санкціонировать законъ. Но непризнаніе за нимъ этого права не имѣетъ во Франціи того практическаго значенія, какъ въ Америкѣ, благодаря принадлежащему ему праву внесенія законодательныхъ проектовъ и праву участія въ обсужденіи закона, которое и служитъ ему орудіемъ вліянія, наравнѣ съ палатами, на опредѣленіе содержанія законовъ.

IV. *Организація права обсужденія въ Россіи.* Общій порядокъ обсужденія законодательныхъ проектовъ заключается въ томъ, что эти проекты, по выработкѣ ихъ въ соотвѣтствующихъ вѣдомствахъ, представляются Министромъ, если касаются одного министерства, или Министрами, если касаются нѣсколькихъ министерствъ, Государю, который, какъ общее правило, предписываетъ внести ихъ въ Государственный Совѣтъ на обсужденіе, „исключая только тѣ особенные случаи, когда по собственному благоусмотрѣнію Государя Императора, повелѣно будетъ представлять дѣло прямо Его Величеству" (Ст. 155 Учрежд. Мин.).

*Всѣ законодательные проекты, которые признаются Государемъ нуждающимися въ предварительномъ обсужденіи, подлежатъ, такимъ образомъ, исключительному вѣдѣнію Государственнаго Совѣта и ни въ какое другое совѣщательное учрежденіе поступать не могутъ.* „Государственный Совѣтъ", гласитъ ст. 161 Учрежд. Мин., „есть средоточіе, куда долженъ вступать всѣ сіи представленія (т.-е. представленія по

части законодательной). Никакое положеніе, подлежащее предварительному разсмотрѣнію и уваженію Государственнаго Совѣта на основаніи учрежденія его, не представляется Его Императорскому Величеству мимо сего Совѣта". А ст. 50 Осн. зак. постановляетъ: „Всѣ предначертанія законовъ разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, потомъ восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе и не иначе поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію какъ, дѣйствіемъ Самодержавной власти".

Государь по нашимъ законамъ не обязанъ направлять всѣ законодательные проекты на обсужденіе Государственнаго Совѣта и связанъ лишь тѣмъ постановленіемъ нашего законодательства, по которому всѣ предначертанія законовъ, признаваемыя имъ нуждающимися въ предварительномъ обсужденіи въ совѣщательномъ учрежденіи, должны быть направляемы имъ въ Государственный Совѣтъ.

Какую же силу имѣетъ это предварительное разсмотрѣніе законодательныхъ мѣръ по отношенію къ волѣ Императора? Мнѣніе Государственнаго Совѣта имѣетъ только совѣщательное значеніе. Оно только освѣщаетъ законодательные вопросы, но для Государя принять его не составляетъ обязанности, хотя бы оно и состоялось единогласно. Государь можетъ предложить такое заключеніе, которое не было предложено ни однимъ изъ членовъ Совѣта. Обязательно здѣсь только то, что законодательная мѣра должна быть разсмотрѣна въ Государственномъ Совѣтѣ, и мнѣніе послѣдняго должно быть выслушано Государемъ. Эта мѣра нисколько не стѣснительна для верховной власти, полезна же она тѣмъ, что Государь до своего рѣшенія выслушиваетъ чужое мнѣніе. Итакъ, мнѣніе Государств. Совѣта само по себѣ не имѣетъ обязательной силы и получаетъ ее лишь тогда, когда Государь утвердитъ его.

*Такимъ образомъ, Государственный Совѣтъ не имѣетъ права обсужденія. Правомъ обсужденія вооруженъ, по нашимъ Основнымъ законамъ, лишь Государь Императоръ, который, выслушавъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, опредѣляетъ по своему благоусмотрѣнію окончательное содержаніе законовъ.*

§ 100. **Санкція, или утвержденіе. закона.** Право утвержденія законовъ принадлежитъ верховной власти и исходитъ поэтому въ конституціонныхъ монархіяхъ, основанныхъ на началѣ королевскаго суверенитета, отъ короля, въ абсолютной монархіи—отъ монарха, въ республикахъ же—отъ народнаго представителства.

Предначертанія законовъ по нашему законодательству поступаютъ къ предназначеному имъ совершенію, не иначе какъ дѣйствіемъ Самодержавной Власти (Осн. зак. 50). Это дѣйствіе выражается не въ устномъ, а въ письменномъ утвержденіи. Законы, въ отличіе отъ объявляемыхъ указовъ, утверждаются не иначе, какъ Высочайшей подписью. Повелѣніе, не скрѣпленное собственноручной подписью Государя, силы закона не имѣетъ. „Новый законъ", гласитъ ст. 54 Осн. зак., „постановляется не иначе какъ за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ". А ст. 124 учрежд. Госуд. Совѣта гласитъ: „собственноручнаго Высочайшаго утвержденія требуютъ слѣдующія дѣла: Всякій новый законъ, уставъ или учрежденіе (не разумѣя однако подъ симъ пополненія или поясненія существующихъ узаконеній)".

Форму письменнаго утвержденія законовъ опредѣляетъ 126 ст. учрежден. Госуд. Совѣта: „Высочайшее собственоручное утвержденіе отдѣльныхъ законоположеній выражается словами: „быть по сему“.

§ 101. **Обнародованіе законовъ.**

1. *Значеніе момента обнародованія законовъ.* Каждый законъ получаетъ законную силу, юридическое бытіе только съ минуты обнародованія его установленнымъ порядкомъ; до этого момента онъ не имѣетъ обязательной силы, хотя бы другія формальности и были соблюдены. Статья 59-я Осн. зак. гласитъ: „Законъ получаетъ обязательную силу *не прежде, какъ со дня его объявленія*“.

Также только съ момента объявленія получаетъ силу и то начало, по которому никто не можетъ оправдать своихъ беззаконныхъ дѣйствій ссылкой на то, что онъ не знаетъ закона (62-я ст. Осн. зак.). Изъ сказаннаго о публикаціи, какъ актѣ, дающемъ закону юридическую силу, понятна важность ея и необходимость строгаго опредѣленія закономъ. Законъ долженъ точно опредѣлить: 1) что есть публикація, и какъ совершается обнародованіе закона, и 2) съ какого момента обнародованіе считается совершившимся, или, иначе, когда начинается юридическое бытіе объявленнаго законоположенія.

2. *Порядокъ обнародованія.* Въ статьяхъ Свода, относящихся до публикаціи, имѣется въ виду не столько обнародованіе закона во всеобщее свѣдѣніе, какъ сказано въ ст. 57-й Осн. зак., сколько разсылка новаго закона по подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ для исполненія. Обнародованіе закона во всеобщее свѣдѣніе составляетъ обязанность Правительствующаго Сената. По утвержденіи новаго закона, министръ, проводившій его, сообщаетъ списокъ съ него Правительствующему Сенату, а послѣдній дѣлаетъ распоряженіе объ обнародованіи его, которое, по объясненію примѣчанія къ ст. 57-й Осн. зак., состоитъ въ слѣдующемъ: 1) „Законъ передается отъ Сената тисненію, 2) сообщается Святѣйшему Синоду и 3) посылается присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ при указахъ по установленной для сего формѣ“. Итакъ, обнародованіе закона у насъ есть не что иное, какъ разсылка его по присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ при *указѣ Сената, а не напечатаніе* его для всеобщаго свѣдѣнія, ибо *выраженіе „предается тисненію“* указываетъ только на печатную *форму, въ которой законъ разсылается*, на замѣну списковъ закона *печатными экземплярами*, что есть *дѣло удобства*. Такимъ образомъ, *Сенатъ, получивъ новый законъ*, приказываетъ его напечатать въ потребномъ числѣ экземпляровъ; этимъ и ограничивается обязанность Сената въ дѣлѣ публикаціи законовъ. Впрочемъ, ему предоставлено право въ нужныхъ случаяхъ чинить распорядокъ самаго обнародованія на мѣстахъ, наблюдать за точностью онаго и разрѣшать силою закона встрѣчающіяся въ немъ затрудненія или недоразумѣнія (ст. 19-я Учр. Сен.); самое же обнародованіе законовъ въ губерніи подлежитъ только губернскому правленію и соотвѣтствующимъ ему мѣстамъ (ст. 58-я Осн. зак.). 854-я ст. Губерн. Учр. говоритъ: „Высочайшіе манифесты, а равно и указы, издаваемые со словами: „обнародывается всенародно“, по распоряженію губернскаго правленія читаются послѣ Божественной службы въ церкви и сверхъ того по городамъ, посадамъ и значительнымъ селеніямъ, на торговыхъ площадяхъ, и въ уѣздахъ (т.-е. деревняхъ, гдѣ нѣтъ торговыхъ площадей)

на мірскихъ сходкахъ". Это уже настоящая публикація, объявленіе новаго закона народу. Но указанный порядокъ наблюдается не во всѣхъ случаяхъ, а только по отношенію къ законамъ, въ которыхъ встрѣчается выраженіе „объявляется всенародно". Правда, что послѣднее выраженіе сопровождаетъ изданіе всѣхъ важнѣйшихъ законовъ, но его можетъ и не быть; приведенная статья можетъ быть примѣнена только при обнародованіи законоположеній особенно важныхъ, обнимающихъ цѣлыя вѣтви законодательства, всѣ же другія, не содержащія словъ: „объявляется всенародно", не подходятъ подъ этотъ порядокъ объявленія законовъ.

3. *Моментъ, съ котораго законъ считается обнародованнымъ и получившимъ обязательную силу.* „Въ присутственныхъ мѣстахъ каждый законъ воспріемлетъ свою силу и долженъ быть прилагаемъ къ дѣламъ со дня полученія въ томъ мѣстѣ листовъ „Собранія узаконеній и распоряженій правительства", въ коихъ онъ пропечатанъ" (ст. 19-я, пунктъ 1, пр. 1. Учр. Прав. Сената, по изд. 1892 г.).

## ГЛАВА II.

### Различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ въ теоріи и въ правѣ конституціонномъ.

§ 102. **Матеріальное различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ.** Подъ закономъ въ матеріальномъ смыслѣ, какъ уже было сказано выше, нужно понимать обязательное предписаніе юридической нормы, подъ административнымъ же распоряженіемъ — обязательное предписаніе, которое юридической нормы не включаетъ. Матеріальное различіе между закономъ и распоряженіемъ сводится такимъ образомъ къ тому, что первый заключаетъ въ себѣ юридическую норму, второе — нѣтъ.

Иначе устанавливаетъ различіе между закономъ и распоряженіемъ теорія, которая имѣетъ въ русской литературѣ защитникомъ Градовскаго. По этой очень распространенной теоріи законъ устанавливаетъ общія юридическія правила, административное же распоряженіе опредѣляетъ индивидуальныя, конкретныя отношенія. Законъ, какъ такая общая юридическая норма, опредѣляетъ a priori рядъ однородныхъ отношеній, административное же распоряженіе нормируетъ опредѣленныя индивидуальныя отношенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что большинство юридическихъ нормъ имѣетъ форму общихъ правилъ. Но чѣмъ объясняется это? Объясняется это тѣмъ, что отношенія нашей индивидуальной и общественной жизни представляютъ собою извѣстные, опредѣленные типы. Жизнь людей и обществъ не есть безпорядочный хаосъ. Устойчивая физическая и духовная природа человѣка и его потребностей обусловливаетъ собою цѣлый рядъ необходимыхъ отношеній человѣка къ внѣшнему міру и къ себѣ подобнымъ, отношеній, которыя имѣютъ устойчивый характеръ. И вотъ почему правовой порядокъ, опредѣляющій эти отношенія, и вырабатываетъ общія отвлеченныя правила, и вотъ почему этотъ порядокъ и можетъ нормировать однимъ и тѣмъ же правиломъ in futuro неопредѣленное число случаевъ. Устойчивость жизненныхъ отношеній — причина общности юридическихъ правилъ.

Но если большинство жизненныхъ отношеній и носитъ на себѣ характеръ устойчивости, то все же далеко не всѣ. Реальная жизнь слишкомъ текуча и разнообразна, чтобы она вся цѣликомъ и безъ остатка укладывалась въ такіе устойчивые типы. Существуютъ не только типическія отношенія, но и отношенія индивидуальныя. И эти индивидуальныя отношенія общими нормами регулированы быть не могутъ. Они между тѣмъ также взываютъ о правѣ и еще въ большей степени, чѣмъ типическія отношенія, должны быть урегулированы государствомъ и введены въ общій правовой порядокъ.

Если поэтому въ большинствѣ случаевъ юридическая норма и есть общее правило, то этотъ моментъ общности не безусловно необходимъ для понятія юридической нормы, это, если вы хотите, естественный, но не существенный признакъ юридической нормы (Jellinek, „Gesetz und Verordnung“, стр. 230).

Предписаніе юридической нормы—вотъ признакъ закона въ матеріальномъ смыслѣ. Всѣ остальные признаки существеннаго значенія не имѣютъ. Совершенно безразлично для понятія закона, изданъ ли онъ на время, или какъ постоянная норма, примѣнимъ-ли онъ къ ряду однородныхъ случаевъ, или имѣетъ въ виду одно индивидуальное отношеніе. Всякій законъ, включающій юридическую норму, есть законъ въ матеріальномъ смыслѣ, краткотеченъ-ли онъ, или долговѣченъ, изданъ-ли онъ для милліоновъ случаевъ, или для одного.

§ 103. **Формальное различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ.**

I. *Законъ въ матеріальномъ смыслѣ и законъ въ формальномъ смыслѣ.* Если подъ закономъ въ матеріальномъ смыслѣ понимается всякое предписаніе юридической нормы, въ какую бы форму эта норма ни была облечена, то подъ закономъ въ формальномъ смыслѣ понимается всякое повелѣніе верховной власти, изданное въ формѣ, установленной для закона, какое бы содержаніе это повелѣніе не имѣло. Не всякій законъ въ матеріальномъ смыслѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ въ формальномъ смыслѣ; онъ не является таковымъ въ конституціонной монархіи, если не изданъ съ согласія народнаго представительства, а у насъ, если не подписанъ государемъ. Съ другой стороны, не всѣ законы въ формальномъ смыслѣ являются законами въ матеріальномъ смыслѣ; они не являются таковыми, если не предписываютъ юридической нормы, а имѣютъ другое содержаніе. Можно привести не мало законовъ, которые не имѣютъ никакого юридическаго содержанія и за которыми, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать характера законовъ въ формальномъ смыслѣ, ибо они изданы надлежащей законодательною властью въ формѣ законовъ при соблюденіи всѣхъ условій, требуемыхъ для изданія законовъ. Въ 4 й статьѣ Декларація человѣческихъ правъ, изданной, какъ вамъ извѣстно, въ формѣ основного закона государства, мы читаемъ: „Nul n'est bon citoyen, s'il n'est bon fils, bon père, bon frère, bon ami, bon époux“. Это очевидно не юридическая норма, а ни что иное, какъ поученіе Первый параграфъ баварскаго гражданскаго кодекса гласитъ: „Правовѣдѣніе, или юриспруденція, заключается не только въ основательномъ знаніи права, но и въ умѣломъ примѣненіи этого права къ отдѣльнымъ конкретнымъ случаямъ“. Это, можетъ быть, и очень глубокомысленная истина, но во всякомъ случаѣ не юридическая норма, хотя и облечена въ форму закона. Нерѣдко государство обле-

каетъ въ форму законовъ совершенно абстрактныя положенія. Самымъ рельефнымъ тому примѣромъ можетъ служить первая статья французскаго закона, изданнаго 18-го февраля 1791 г.: „Le peuple français réconnait l'existence de l'être suprême et immortalité de l'âme".

II. *Административное распоряженіе въ матеріальномъ смыслѣ и административное распоряженіе въ формальномъ смыслѣ.* Подъ административнымъ распоряженіемъ въ матеріальномъ смыслѣ понимается всякое обязательное повелѣніе, въ какую бы форму оно облечено не было, которое новаго права не создаетъ, а, вращаясь въ предѣлахъ существующаго правового порядка, предписываютъ ту или другую правительственную мѣру. Подъ административнымъ же распоряженіемъ въ формальномъ смыслѣ понимается всякое обязательное предписаніе, созданное въ формѣ, установленной для административнаго распоряженія, совершенно независимо отъ содержанія. Всякое повелѣніе, изданное въ конституціонной монархіи королемъ безъ содѣйствія народнаго представительства, есть административное распоряженіе. Если такое распоряженіе заключаетъ въ себѣ юридическую норму, то оно будетъ въ матеріальномъ смыслѣ закономъ, въ формальномъ же смыслѣ оно ни что иное, какъ административное распоряженіе.

III. *Формальное различіе между закономъ и распоряженіемъ.* Формальное различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ, какъ вытекаетъ изъ предшествующаго, возможно лишь тамъ, гдѣ для этихъ двухъ родовъ повелѣнія установлены различныя формы.

Различіе это сводится къ тому, что законъ издается органами законодательной власти, а административное распоряженіе — органами власти правительственной. Различные органы для этихъ различныхъ функцій не существовали въ абсолютномъ государствѣ, они возникли и развились въ конституціонномъ государствѣ, въ которомъ законодательная власть имѣетъ своимъ органомъ народное представительство. Въ конституціонномъ государствѣ только и можетъ существовать формальное различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ, которое сводится къ тому, что для закона требуется, а для административнаго распоряженія не требуется согласіе народнаго представительства.

§ 104. **Значеніе и основаніе разграниченія закона отъ административнаго распоряженія въ правѣ конституціонномъ.** Различіе закона въ матеріальномъ смыслѣ отъ закона въ формальномъ смыслѣ, ясное разграниченіе закона отъ административнаго распоряженія имѣетъ громадное значеніе въ современномъ государственномъ правѣ и только оно можетъ расчистить путь къ важнѣйшей и труднѣйшей проблемѣ конституціоннаго права, заключающейся въ разграниченіи компетенцій законодательной власти отъ сферы дѣятельности власти правительственной.

Основная идея конституціоннаго государства заключается въ томъ, что монархъ не можетъ односторонне создавать новое право, измѣнять или отмѣнять существующее, и что всякое измѣненіе правового порядка не можетъ состояться иначе, какъ съ согласія народнаго представительства. Опредѣлить поэтому законъ въ матеріальномъ смыслѣ, значитъ найти точку опоры для опредѣленія той сферы государственной дѣятельности, въ которой король можетъ повелѣвать не иначе, какъ съ согласія народнаго представительства, и разграничить

ее отъ той области, въ которой онъ дѣйствуетъ самостоятельно и повелѣваетъ при помощи административнаго распоряженія.

Идея, что король не можетъ односторонне создавать новое право и измѣнять существующее, сложилась прежде всего въ Англіи. Эту идею пропагандировало во Франціи и ввело необходимымъ элементомъ въ конституціонную доктрину и другихъ странъ то ученіе естественной школы, которое проповѣдывало, что государство есть союзъ свободныхъ людей, связанныхъ договоромъ, что каждый членъ этого союза имѣетъ извѣстныя прирожденныя и неотчуждаемыя права, что всякое умаленіе или ограниченіе человѣческой свободы можетъ состояться не иначе, какъ по опредѣленію общей воли. Цѣль государства, по этой доктринѣ, заключается въ охраненіи личной свободы и основанныхъ на ней личныхъ правъ гражданъ; опредѣленіе мѣры этой свободы можетъ исходить поэтому только отъ суверена, т.-е. отъ общей воли, отъ народа, но никакъ не отъ исполнительной власти, которая, по этой доктринѣ, не что иное, какъ слуга народной воли. Исходя отъ матеріальнаго понятія закона, доктрина эта приходитъ къ выводу, что новыя, сознательно созидаемыя юридическія нормы могутъ исходить только отъ законодательной власти, т.-е. быть только законами въ формальномъ смыслѣ. Подъ вліяніемъ этого требованія и проникло почти во всѣ европейскія конституціи то постановленіе, по которому всякія измѣненія въ правовомъ положеніи гражданъ должны происходить не иначе, какъ въ формѣ закона.

Но такъ какъ въ конституціонномъ государствѣ народное представительство не только участвуетъ въ установленіи правового порядка, но и имѣетъ очень рѣшительное вліяніе на управленіе, то конституціонный строй налагаетъ разнообразныя ограниченія на правительство, въ силу которыхъ цѣлый рядъ правительственныхъ актовъ можетъ быть предпринятъ лишь на основаніи или предписывающаго или дозволяющаго закона. Но такъ какъ управленіе есть спеціальное дѣло правительства, то всѣ административныя задачи, которыя по конституціи не отнесены къ области мѣръ, могущихъ быть принятыми не иначе, какъ съ соизволенія или предписанія народнаго представительства, входятъ въ компетенцію власти правительственной. Если поэтому установленіе бюджета, заключеніе займа, натурализація иностранцевъ, экспропріація частныхъ имуществъ въ пользу казны могутъ быть предприняты лишь съ разрѣшенія народнаго представительства, то это должно быть постановлено въ самой конституціи. Все это не юридическія нормы, а административныя мѣры, они поэтому относятся къ области правительственной дѣятельности, а не входятъ въ сферу законодательной власти. Конституціонное право требуетъ ихъ отнесенія къ компетенціи народнаго представительства, чтобы обезпечить за этимъ народнымъ представительствомъ контроль надъ правительствомъ. Но такъ какъ все это, повторяю, административныя задачи, то ихъ отнесеніе въ область компетенціи народнаго представительства не подразумѣвается само собою и должно быть постановлено въ конституціи или установлено, по крайней мѣрѣ, закономъ. Тѣ же изъ административныхъ задачъ, которыя спеціально не отнесены въ сферу дѣятельности народнаго собранія, этимъ самымъ принадлежатъ правительственной власти. И тутъ вамъ станетъ яснымъ, какое важное значеніе для конституціоннаго права имѣетъ выставленное нами выше положеніе,

что закономъ въ матеріальномъ смыслѣ, т.-е. юридической нормой, могутъ быть регулированы не только типическія, но и индивидуальныя отношенія. Если бы законъ, регулирующій индивидуальное отношеніе, нельзя было подвести подъ понятіе юридической нормы и считать закономъ въ матеріальномъ смыслѣ, то эти индивидуальныя отношенія былибы принципіально изъяты изъ компетенціи народнаго представительства. И если спеціальные законы не входили бы въ сферу дѣятельности народнаго представительства, они были бы дѣломъ правительства. Предписаніе отдѣльныхъ актовъ contra legem, созданіе права для индивидуальныхъ отношеній было бы тогда дѣломъ администраціи. Такой же взглядъ расширилъ бы ad infinitum сферу административной власти, открылъ бы ей широкій просторъ, съ другой же стороны стѣснилъ бы народное представительство въ наиболѣе существенныхъ функціяхъ. Эта доктрина вездѣ находила себѣ защитниковъ и послѣдователей. Она повела въ Англіи къ катастрофѣ 1668 г., а во Франціи къ революціи 1830 г. По 14-й ст. французской Charte 1814 г. король имѣлъ право собственною властью издавать регламенты и ордонансы, необходимые для исполненія законовъ и безопасности государства. Пользуясь этимъ предоставленнымъ ему въ столь неопредѣленныхъ выраженіяхъ правомъ и слѣдуя доктринѣ, по которой регулированіе индивидуальныхъ отношеній и предписаніе частныхъ мѣръ не можетъ быть дѣломъ закона, а, слѣдовательно, и народнаго собранія, Карлъ X издалъ въ іюнѣ 1830 г. ордонансы, которые въ видахъ будто бы государственной безопасности пріостановили силу нѣкоторыхъ законовъ. Эти ордонансы и послужили поводомъ къ іюльской революціи, повлекшей къ пересмотру хартіи 1814 г. Въ новой конституціи 1830 г. 14-я ст. была отмѣнена и замѣнена слѣдующимъ постановленіемъ: король есть высшій шефъ государства и имѣетъ право издавать регламенты и ордонансы, никогда однакоже не отмѣняя законовъ и не освобождая отъ ихъ исполненія".

Подводя итогъ предшествующему изложенію, мы можемъ сказать, что конституціонная теорія выставляетъ слѣдующія положенія относительно закона и его отношенія къ административному распоряженію.

1. Законъ въ матеріальномъ смыслѣ есть обязательное предписаніе юридической нормы. Всякое предписаніе верховной власти, создающее новое право, служащее основаніемъ новыхъ правъ и обязанностей гражданъ, есть законъ.

2. Законъ можетъ быть изданъ главою, монархомъ только при содѣйствіи и согласіи народнаго представительства. Всякое повелѣніе верховной власти, заключающее въ себѣ юридическую норму, создающее новое право или отмѣняющее, ограничивающее старое, входитъ въ компетенцію народнаго представительства и правительственными органами установлено быть не можетъ.

Компетенція народнаго представительства не ограничивается, однако, изданіемъ однихъ только законовъ въ матеріальномъ смыслѣ. Задача народнаго представительства—не только издавать новые законы, но и контролировать правительственную дѣятельность. Осуществляя этотъ контроль, народное представительство совершаетъ цѣлый рядъ административныхъ актовъ (какъ, напр., установленіе бюджета), которые новаго права не создаютъ и подъ понятіе закона не подходятъ. Если же эти административныя повелѣнія исходятъ отъ народнаго представительства и облекаются въ форму законовъ, то они являются

также законами, но не законами въ матеріальномъ смыслѣ, а законами формальными, имѣющими такую же силу и значеніе, какъ и законы матеріальные.

Какія именно административныя повелѣнія входятъ въ компетенцію народнаго представительства, а priori опредѣлить нельзя; они должны быть перечислены въ конституціи. Всякое же административное предписаніе, т.-е. повелѣніе, не включающее въ себѣ юридической нормы, не имѣющее цѣлью создать новое право, входитъ въ компетенцію правительственной власти, если оно особымъ закономъ или постановленіемъ конституціи не отведено къ компетенціи народнаго представительства (Іеллинекъ, стр. 254—261).

§ 105. **Основаніе необходимости административнаго распоряженія.** Въ противоположность порядку, господствующему въ абсолютной монархіи, въ которой всѣ проявленія государственной воли были правительственными распоряженіями, французская конституціонная теорія, слѣдуя ученію Руссо, требовала, чтобы всѣ проявленія государственной воли, какъ воли общей, исходили отъ законодательной власти, т.-е. были бы законами, административныя же распоряженія были бы только распоряженіями исполнительными, т.-е. не имѣли бы самостоятельнаго содержанія и предписывали бы только способы исполненія закона. Такого рода требованія вполнѣ игнорируютъ природу человѣка и разбиваются о то простое соображеніе, по которому ни одинъ человѣкъ, а потому и ни одинъ государственный органъ, немыслимъ безъ извѣстной степени самостоятельности, т.-е. безъ своей иниціативы или безъ извѣстной доли свободной дѣятельности. Невозможно до такой степени подчинить человѣка чужой волѣ, чтобы онъ совсѣмъ обезличился и ничего другого бы не хотѣлъ, какъ этой чужой воли. Уже простое наблюденіе, выносимое изъ обыденной жизни, убѣждаетъ насъ въ этомъ. Одно и то же порученіе, данное двумъ различнымъ лицамъ, если, можетъ быть, и дастъ тождественный результатъ, то во всякомъ случаѣ будетъ разниться по способу и характеру своего исполненія. Какъ нѣтъ въ мірѣ двухъ вещей безусловно схожихъ, такъ и нѣтъ въ мірѣ двухъ дѣйствій абсолютно тождественныхъ.

Если же по природѣ человѣческихъ отношеній недопустимо, чтобы дѣятельность одного человѣка вся, безъ остатка, опредѣлялась бы волею другого, то тѣмъ неисполнимѣе требованіе, по которому многообразная и многосложная жизнь государства должна быть a priori урегулирована законами такъ, чтобы не предоставлять исполнителямъ закона никакой свободы. Несмотря на существованіе законовъ индивидуальныхъ, все же большинство законовъ являются отвлеченными правилами, которыя не обладаютъ достаточной гибкостью, чтобы мочь приноравливаться къ измѣнчивымъ и вѣчно текучимъ потребностямъ государства. Аппаратъ законодательства слишкомъ сложенъ, неповоротливъ и тяжелъ на подъемъ, чтобы съ достаточной скоростью въ каждую требуемую минуту предписывать необходимое. Путемъ законодательства бываетъ иногда невозможно дать должный толчекъ неотложнымъ государственнымъ актамъ. Нельзя поэтому представлять себѣ правительственные органы одними исполнителями государственной воли, выраженной въ формальныхъ законахъ. Какъ жизнь человѣка, такъ и жизнь государства, выражающаяся въ совокупности дѣйствій его органовъ, не сводится къ одному установленію и исполненію общихъ пред-

писаній. Какъ бы широка область законодательства въ данномъ государствѣ ни была, все же невозможно всю дѣятельность сводить къ исполненію законовъ. Государство немыслимо безъ управленія; управленіе, по самому своему существу, есть дѣятельность свободная (хотя, конечно, не произвольная).

Если же существуетъ въ государствѣ такая сфера свободной дѣятельности, то этимъ самымъ существуетъ необходимость въ такихъ волевыхъ актахъ, содержаніе которыхъ частью опредѣляется законами, частью же предоставлено свободному опредѣленію повелѣвающихъ. Для того, чтобы править, т.-е. исполнять законы и управлять согласно законамъ, необходимы такія проявленія государственной воли, которыя имѣютъ свой источникъ въ односторонней волѣ управляющихъ органовъ. И такія проявленія государственной воли мы называемъ административными распоряженіями.

Административное распоряженіе можетъ, какъ показало предшествующее изложеніе, имѣть въ виду исполненіе законовъ. Но рядомъ съ такими распоряженіями существуетъ цѣлый рядъ другихъ, которыя создаются не въ видахъ только исполненія законовъ, а ради осуществленія самостоятельной воли правительства. Содержаніе этихъ распоряженій закономъ не опредѣляется, а лишь ограничивается. Какъ всякая дѣятельность гражданъ и государственныхъ органовъ, такъ и эта дѣятельность, выражающаяся въ изданіи такихъ административныхъ распоряженій, должна оставаться въ предѣлахъ законовъ и никоимъ образомъ не можетъ отмѣнять актъ законодательства,—право издавать административныя распоряженія можетъ осуществляться лишь secundum legem и intra legem (Іеллинекъ, стр. 366—372).

§ 106. **Виды административныхъ распоряженій въ правѣ конституціонномъ.**

I. *Самостоятельныя распоряженія.* Въ современномъ конституціонномъ правѣ первую категорію административныхъ распоряженій образуютъ тѣ, которыя непосредственно основываются на постановленіяхъ конституціи. Право издавать эти распоряженія вытекаетъ изъ общихъ полномочій, дарованныхъ конституціей правительству, и не имѣетъ своимъ предположеніемъ спеціальныхъ полномочій, спеціальныхъ законовъ. Такъ какъ законъ не нормируетъ ихъ содержанія, а только ихъ юридическую возможность, то они по содержанію являются только непосредственными выраженіями воли государства. Они служатъ выраженіемъ государственной воли въ той области, которая предоставлена свободному опредѣленію правительства. Ихъ можно назвать самостоятельными распоряженіями, ибо они выражаютъ самостоятельную волю правительства, въ отличіе отъ тѣхъ административныхъ распоряженій, которыя самостоятельнаго содержанія не имѣютъ, а создаются лишь съ цѣлью примѣнять законъ или дополнять, или выяснять его, и содержаніе которыхъ поэтому опредѣляется и ограничивается этимъ закономъ.

Эти административныя распоряженія издаются въ той области, которая подводится въ Англіи подъ понятіе королевской прерогативы, а французской доктринѣ извѣстна подъ названіемъ „конституціонныхъ полномочій правительства“. Это та область, въ которой возникаетъ иниціатива, если не по всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, по важнѣйшимъ государственнымъ актамъ.

Къ этой области относятся представительство государства извнѣ, высшее руководство внѣшней политикой, объявленіе войны и заключеніе мира, верховное предводительство войскомъ и военная организація, созывъ и распущеніе парламента, законодательная инціатива, установленіе и раздача наградъ, помилованіе единоличное и массовое (амнистія) и т. п.

Особое мѣсто между самостоятельными распоряженіями занимаютъ распоряженія, замѣняющія законъ. Изъ самаго существа государства и правительства вытекаетъ, что должны наступать по временамъ такія обстоятельства, которыя настоятельно требуютъ изданія предписанія, принципіально относящагося къ области законодательства, но въ данное время не могущаго съ требуемой скоростью быть изданнымъ этимъ путемъ. Право издавать такія распоряженія должно быть обставлено большими предосторожностями. Эти административныя распоряженія должны находить свой предѣлъ въ конституціи и ни въ какомъ случаѣ не нарушать правъ, ею гарантированныхъ. Правительство не должно имѣть права издавать ихъ иначе, какъ подъ солидарной отвѣтственностью всего министерства. Права народнаго представительства должны быть обезпечены тѣмъ, что немедленно, по созывѣ въ ближайшій срокъ парламента, онъ бы высказался объ этихъ распоряженіяхъ, замѣняющихъ законъ, т.-е. отмѣнилъ бы ихъ или утвердилъ.

II. *Исполнительныя распоряженія.* Отъ административныхъ распоряженій первой категоріи, т.-е. административныхъ распоряженій самостоятельныхъ, отличаются административныя распоряженія исполнительныя тѣмъ, что они всегда имѣютъ своимъ необходимымъ предположеніемъ спеціальный законъ. Если первыя обусловливаются общими постановленіями конституціи, то существованіе вторыхъ вызывается всегда извѣстными отдѣльными законами. Если содержаніе первыхъ самостоятельно и не опредѣляется закономъ, то содержаніе вторыхъ не самостоятельно и связано тѣми законами, ради примѣненія которыхъ они издаются. Они поэтому, въ отличіе отъ первыхъ, могутъ быть названы и несамостоятельными.

Что касается содержанія исполнительныхъ распоряженій, то относительно него должно установить правило, что оно никогда не можетъ заключать новыя юридическія нормы. Оно только пользуется тѣми новыми юридическими обязанностями, которыя узаконены исполняемымъ имъ новымъ закономъ, но новаго права творить не можетъ.

III. *Административныя распоряженія, дополняющія законъ.* Эти распоряженія основываются на делегаціи законодательной власти и имѣютъ цѣлью издавать предписанія, относящіяся къ компетенціи законодательной власти, путемъ правительственныхъ актовъ. Какъ правительство въ извѣстныхъ случаяхъ предоставляетъ законодательной власти право предпринимать правительственные акты, такъ, въ свою очередь, эта законодательная власть находитъ иногда удобнымъ предоставлять правительственной власти задачи, входящія въ область дѣятельности первой.

Великое практическое значеніе этого рода распоряженій, послѣ всего сказаннаго выше, не можетъ подлежать сомнѣнію. Безъ такого рода распоряженій быстрота, отчетливость, увѣренность въ управленіи были бы просто невозможны. Вѣдь въ конституціонномъ государствѣ законодатель не всегда бываетъ на-лицо и не знаетъ той непрерывной

дѣятельности, которая могла бы угоняться за непрерывной государственной дѣятельностью. Онъ и не можетъ въ данной мѣрѣ предусмотрѣть всѣ условія времени и мѣста, съ которыми должны, однако, считаться предписанія, входящія въ сферу его компетенціи.

Административное распоряженіе, дополняющее законъ, основывается всегда на делегаціи законодателя. Эта делегація можетъ имѣть характеръ или предписывающій, или дозволяющій, такъ что самое изданіе административнаго распоряженія вообще, или при извѣстныхъ обстоятельствахъ, предоставляется благоусмотрѣнію правительства. Встрѣчаются даже въ новѣйшей конституціонной практикѣ такіе случаи, когда законодатель уполномочиваетъ правительственную власть вторгаться въ сферу, гарантированную конституціей. Такъ, австрійскій законъ отъ 5-го мая 1869 г. уполномочилъ правительство временно отмѣнить нѣсколько статей конституціи при наступленіи извѣстныхъ обстоятельствъ, а законъ отъ 23-го мая 1873 г. предоставилъ министерству право въ извѣстныхъ случаяхъ, по выслушаніи мнѣнія верховнаго суда, пріостанавливать дѣйствіе суда присяжныхъ (Еллинекъ, стр. 372—384).

§ 107. **Гарантія законномѣрности правительственныхъ распоряженій.**

I. *Отвѣтственность министровъ.* Гарантія охраненія границъ между компетенціей закона и компетенціей административнаго распоряженія и для исполненія тѣхъ условій, которыя требуются для юридической силы закона и распоряженія, заключается прежде всего въ томъ, что правительственные органы отвѣчаютъ за конституціонность и законномѣрность своихъ правительственныхъ актовъ, другими словами, въ томъ, что называется отвѣтственностью министровъ. Министръ, контрассигнуя изготовленные законы и предписанія объ ихъ публикаціи, этой своей подписью ручается за то, что изготовленный имъ къ публикаціи и обнародуемый имъ законъ состоялся согласно конституціи и по содержанію своему соотвѣтствуетъ этой конституціи; онъ отвѣчаетъ также за конституціонность и законномѣрность правительственныхъ распоряженій, исходящихъ отъ него и отъ короля.

II. *Контроль суда.* Министерская отвѣтственность, однако, сама по себѣ, при отсутствіи другихъ гарантій, недостаточна для обезпеченія ненарушимости формъ, требуемыхъ для изданія закона и для соблюденія границъ между закономъ и распоряженіемъ. Она является достаточнымъ орудіемъ для предупрежденія прямого нарушенія конституціи и изданія правительственныхъ распоряженій, противорѣчащихъ законамъ, но совершенно неприложима къ тѣмъ случаямъ, гдѣ нѣтъ ни dolus, ни culpa, гдѣ нѣтъ со стороны правительственныхъ органовъ ни намѣренія злоупотребить своею властью, ни произвольно ворваться въ чужую сферу, но гдѣ по ошибкѣ, безъ злого умысла, по неясности или сомнительности проведенныхъ между различными компетенціями границъ произошло нарушеніе этихъ границъ. Такіе случаи между тѣмъ случаются чаще, чѣмъ явныя и намѣренныя нарушенія конституціи, а къ нимъ министерская отвѣтственность неприложима. Какія же имѣются средства для охраненія въ такихъ случаяхъ объективныхъ границъ между компетенціями различныхъ государственныхъ органовъ, призванныхъ выражать государственную волю? Многіе писатели и нѣкоторыя конституціи видятъ наиболѣе дѣйствительныя къ тому средства въ контролѣ суда. Судъ, по этой доктринѣ, имѣетъ право провѣрять за-

коны съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія съ конституціей, а административныя распоряженія—съ точки зрѣнія ихъ закономѣрности. Судья обязанъ примѣнять лишь то, что законно, и по этому долженъ каждое проявленіе государственной воли, прежде чѣмъ примѣнять его, изслѣдовать со стороны его формы и содержанія и отказывать въ примѣненіи закона или административнаго распоряженія, состоявшагося contra или praeter legem.

III. *Отношеніе суда къ закону.* Разсмотримъ прежде всего вопросъ объ отношеніи судьи къ закону и спросимъ себя, имѣетъ ли судья право изслѣдовать законъ съ точки зрѣнія его согласія съ конституціей.

Судья не призванъ судить объ объективномъ правѣ, а лишь о правахъ субъективныхъ. Объективное право представляетъ для судьи тѣ нормы, которыя онъ обязанъ примѣнять къ отдѣльнымъ случаямъ. Разрѣшая эти случаи, онъ разрѣшаетъ на основаніи объективной нормы споръ между двумя сторонами объ ихъ субъективномъ правѣ; онъ рѣшаетъ, какую границу проводитъ эта объективная норма между свободными сферами спорящихъ сторонъ. Его приговоръ не установляетъ никакой новой юридической нормы, а лишь опредѣляетъ, какую границу въ данномъ случаѣ проводитъ эта норма между субъективными правами.

Примѣняя сказанное къ занимающему насъ вопросу, мы можемъ выставить положеніе, что судья никогда не можетъ судить объ объективной компетенціи, а лишь о компетенціи субъективной; другими словами, вопросъ о соотвѣтствіи даннаго закона съ конституціей можетъ сдѣлаться вопросомъ для судьи лишь тамъ, гдѣ возможна коллизія субъективныхъ компетенцій органовъ законодательной власти. Эта же коллизія возможна лишь въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ нѣсколько отдѣльныхъ, самостоятельно дѣйствующихъ органовъ законодательной власти, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою самостоятельную организацію и свою самостоятельную компетенцію. Это возможно, слѣдовательно, въ союзныхъ государствахъ, какъ Сѣверо-Американскіе штаты, Швейцарскій союзъ, Германская имперія, но невозможно ни въ абсолютной монархіи, какъ Россія, гдѣ только одинъ законодатель—Императоръ, ни въ демократической республикѣ, какъ Франція, гдѣ одинъ только законодательный органъ—народное представительство, ни въ конституціонной монархіи, гдѣ король и народное представительство въ дѣлѣ законодательства дѣйствуетъ не самостоятельно другъ отъ друга, а совмѣстно.

Рѣзче всего выступаетъ самостоятельность органовъ законодательной власти въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, и тутъ поэтому болѣе ярко выработано право суда изслѣдовать законы съ точки зрѣнія ихъ согласія съ конституціей. Законъ, изданный однимъ изъ штатовъ и противорѣчащій закону, изданному союзомъ, или законъ, изданный союзомъ, но противорѣчащій конституціи, судами штатовъ можетъ быть объявленъ не дѣйствительнымъ. Это право суда не вытекаетъ изъ раздѣленія властей, которое уравниваетъ судебную власть съ властью законодательной и даетъ первой право останавливать рѣшенія второй. Это право вытекаетъ изъ того, что въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ различныя отрасли законодательной дѣятельности поручены различнымъ органамъ. По буквальному и ясному смыслу сѣверо-американской кон-

ституціи, американскій народъ довѣрилъ конгрессу законодательную власть лишь для простыхъ, а не основныхъ законовъ, измѣненія же въ самой конституціи, т.-е. законодательство въ области основныхъ законовъ конституціи, могутъ состояться лишь въ особо организованномъ народомъ конвентѣ или на основаніи рѣшенія, принятаго большинствомъ двухъ третей законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ. Кромѣ того, законодательныя функціи, не присвоенныя конституціей конгрессу, входятъ въ компетенцію законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ. Въ основаніи американской конституціи лежитъ мысль объ ограниченной власти различныхъ законодательныхъ органовъ. Приговоръ суда является тутъ средствомъ для охраненія самостоятельности компетенціи различныхъ органовъ. Судъ судитъ тутъ не о законности закона, а о томъ, не ворвалась ли компетенція одного органа въ компетенцію другого. Онъ не является судьей закона, а примѣняетъ законъ къ разрѣшенію спора между двумя притязаніями.

Въ простыхъ государствахъ, въ отличіе отъ только-что разсмотрѣнныхъ, организація законодательной компетенціи совершенно иная, чѣмъ въ союзныхъ государствахъ. Въ нихъ существуютъ одни и тѣ же законодательные органы для различныхъ законовъ, какъ для конституціонныхъ, такъ и для простыхъ. Здѣсь, такимъ образомъ, можетъ идти рѣчь только объ объективной компетенціи, а не объ компетенціи субъективной. Здѣсь не можетъ возникнуть споръ между субъективными притязаніями двухъ сторонъ, споръ, который могъ бы быть разрѣшенъ судебной властью.

IV. *Отношеніе суда къ административному распоряженію.* Отношеніе суда къ административному распоряженію совершенно иное, чѣмъ только что разсмотрѣнное нами отношеніе его къ закону.

Законъ имѣетъ формальную обязательную силу и можетъ быть отмѣненъ и ослабленъ другими не иначе, какъ однороднымъ съ нимъ актомъ государственной воли; онъ никогда не можетъ быть отмѣненъ или ослабенъ правительственнымъ распоряженіемъ. Законъ и распоряженіе въ конституціонномъ государствѣ указываютъ. кромѣ того. на существованіе не только объективныхъ, но и субъективныхъ компетенцій. Законы и распоряженія установляются не однородными органами: какъ законъ, такъ и распоряженіе имѣютъ для своего выраженія свой особый органъ. Въ республикѣ народное представительство, издающее законъ, и правительство, издающее административное распоряженіе, стоятъ другъ противъ друга, какъ два совершенно отдѣльныхъ и самостоятельныхъ органа. Въ конституціонной монархіи хотя король и является законодателемъ и носителемъ права издавать распоряженія, тѣмъ не менѣе и здѣсь, благодаря праву народнаго представительства на участіе въ законодательствѣ, существуетъ субъективное распредѣленіе компетенцій. О субъективныхъ же компетенціяхъ, какъ о всякихъ субъективныхъ притязаніяхъ, не можетъ судить одна изъ заинтересованныхъ сторонъ, а только судья. И судья тѣмъ болѣе имѣетъ право судить объ этомъ, что онъ долженъ рѣшать только secundum legem, изъ чего уже вытекаетъ его право и обязанность изслѣдовать всѣ обращенные къ нему законы и распоряженія съ точки зрѣнія легальности.

Это право и обязанность были впервые созданы въ Англіи. И различіе между закономъ и распоряженіемъ никогда не могло бы раз-

виться такъ рѣзко, если бы судья не судилъ только по common law и statute law и если бы онъ не принялъ королевскихъ распоряженій только тогда, когда они покоятся на законномъ основаніи.

Развитіе конституціоннаго права на западѣ было первоначально прямо неблагопріятно судебному контролю надъ законом'рностью правительственныхъ распоряженій. Доктрина раздѣленія властей требовала полнѣйшей независимости не только судебной власти отъ исполнительной, но и исполнительной отъ судебной. Слѣдуя этой доктринѣ, французское конституціонное право требовало безусловнаго невмѣшательства суда въ администрацію. Въ самомъ началѣ революціоннаго періода мы уже встрѣчаемся съ безусловнымъ запрещеніемъ всякихъ приговоровъ суда надъ легальными актами какъ законодательства, такъ и администраціи. Въ ст. 10-й закона, изданнаго въ августѣ 1790 г. и опредѣлившаго судебную организацію, мы читаемъ: „Суды не имѣютъ ни права непосредственно, ни посредственно участвовать въ отправленіи законодательныхъ функцій; они не имѣютъ также права останавливать постановленія законодательнаго собранія, санкціонированныя королемъ, подъ страхомъ наказанія". А ст. 13-я того же закона гласитъ: „Функціи судебныя отличны отъ функцій административныхъ и всегда должны оставаться строго отъ нихъ отдѣленными. Суды ни въ какомъ направленіи не должны мѣшать дѣйствіямъ административныхъ органовъ и никогда не привлекать къ отвѣтственности должностныхъ лицъ за ихъ административные акты". Доктрина раздѣленія властей, требовавшая безусловнаго отдѣленія администраціи отъ суда, имѣла, такимъ образомъ, во Франціи своимъ послѣдствіемъ безусловный запретъ судебнаго контроля надъ дѣйствіями администраціи. Особая организація административной юрисдикціи, которая судитъ и о законом'рности правительственныхъ распоряженій, почти совершенно изъяла правительственные акты изъ подъ вѣдѣнія суда.

Не то видимъ мы въ другихъ романскихъ государствахъ, напр., въ Италіи и Бельгіи, гдѣ за судомъ признано право изслѣдовать правительственныя распоряженія съ точки зрѣнія ихъ законом'рности. Въ 107-й ст. бельгійской конституціи мы читаемъ: „Суды имѣютъ право примѣнять правительственныя распоряженія (какъ общія, такъ и мѣстныя) лишь настолько, на сколько они согласны съ закономъ".

Всего яснѣе и категоричнѣе опредѣляетъ австрійская конституція право судебнаго контроля надъ правительственными распоряженіями. Она опредѣляетъ отношеніе судьи къ закону и административному распоряженію совершенно согласно съ установленными нами выше принципами. Конституціонный законъ объ организаціи судебной власти, изданный 21-го декабря 1867 г., опредѣляетъ въ статьяхъ 7-й и 8-й слѣдующее: „Всѣ должностныя лица судебнаго вѣдомства должны дать присягу въ томъ, что будутъ ненарушимо исполнять конституціонные законы. Суды не судятъ объ обязательной силѣ законовъ, подлежащимъ образомъ изданныхъ, но они судятъ объ юридической силѣ правительственныхъ распоряженій, съ которыми они встрѣчаются при отправленіи ими правосудія". Право судебнаго контроля надъ административными распоряженіями признано также конституціями датской, норвежской, шведской и нидерландской.

Судъ, какъ это вытекаетъ уже изъ характера присущихъ ему функцій, судитъ объ юридической силѣ правительственнаго распоряженія лишь въ примѣненіи къ данному, подлежащему его разсмотрѣнію случаю, но никоимъ образомъ своимъ рѣшеніемъ не дѣлаетъ общаго постановленія о недѣйствительности правительственнаго распоряженія вообще.

Какъ судебные, такъ и административные органы имѣютъ право и обязанность контроля надъ законом'рностью правительственнаго распоряженія; они, эти правительственные органы, какъ и суды, должны примѣнять лишь тѣ правительственныя распоряженія, которыя согласны съ законами. Высшія правительственныя мѣста привлекаютъ къ отвѣтственности подчиненныя имъ мѣста, издающія незаконныя распоряженія, а нисшія мѣста должны разсматривать всякое правительственное распоряженіе съ точки зрѣнія его законом'рности и обязаны примѣнять лишь тѣ, которыя не ослабляютъ силы существующихъ законовъ. Это право контроля принято, какъ мы увидимъ, и въ нашемъ законодательствѣ, и относящіяся сюда постановленія нашего Свода мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ.

---

## ГЛАВА III.

### Законъ и распоряженіе по русскому праву.

§ 108. *Классификація повелѣній верховной власти по формальнымъ признакамъ.*

Всѣ повелѣнія верховной власти въ сферѣ непосредственной дѣятельности Монарха съ формальной точки зрѣнія дѣлятся на двѣ основныя категоріи: во-первыхъ, на указы, изданные за собственоручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ (или законы), во-вторыхъ, на указы объявляемые (или словесныя Высочайшія повелѣнія).

I. Повелѣнія верховной власти, изданныя за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ (законы), бываютъ въ свою очередь двухъ родовъ: 1) повелѣнія непосредственныя, состоявшіяся безъ участія Государственнаго Совѣта: указы именные [1]); 2) повелѣнія, прошедшія черезъ Государственный Совѣтъ: мнѣнія Государственнаго Совѣта, собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ утвержденныя.

II. Указы объявляемые, или словесныя Высочайшія повелѣнія, распадаются также на два вида: 1) повелѣнія непосредственныя безъ участія совѣщательныхъ учрежденій (Высочайшія повелѣнія въ собственномъ смыслѣ); 2) повелѣнія, состоявшіяся при участіи совѣща-

---

[1]) Разновидностями такихъ непосредственныхъ повелѣній нужно признать и собственноручно Высочайше утвержденные доклады министровъ и главноуправляющихъ и тѣ указы, которые направляются Государемъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ и Имъ собственноручно подписываются. О нихъ говоритъ ст. 64 Учрежденія Комитета Министровъ: по тѣмъ дѣламъ, которыя вносятся на разсмотрѣніе Комитета не отъ министра, но представляются по Высочайшей волѣ другими лицами или присылаются прямо отъ Государя Императора, по воспослѣдованіи Высочайшаго разрѣшенія, изготовляются въ Канцеляріи Комитета, когда дѣло того требуетъ, проекты указовъ, которые, по предварительномъ разсмотрѣніи въ Комитетѣ, подносятся къ Высочайшему подписанію и отсылаются къ министрамъ для надлежащаго исполненія.

тельныхъ учрежденій: а) положенія Комитата Министровъ, b) мнѣнія Государственнаго Совѣта. Положенія Комитета по дѣламъ, внесеннымъ министрами, утверждаются словесными повелѣніями, объявляемыми по журналамъ Комитета управляющему дѣлами Комитета, представляющему эти журналы Его Императорскому Величеству (ст. 55 — 57, 59, 97 Учрежд. Комит. Мин.). Мнѣнія Государственнаго Совѣта, не требующія Высочайшаго подписанія, закрѣпляются подписью Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, удостовѣряющей Высочайшее утвержденіе.

Изъ этого обзора различныхъ формъ, въ которыя облекаются велѣнія верховной власти, мы можемъ вывести два положенія, имѣющія существенное значеніе для нашего дальнѣйшаго изложенія.

Вы видимъ, во-первыхъ, что мнѣнія Государственнаго Совѣта могутъ быть какъ законами, такъ и объявляемыми указами: они являются законами, когда подписаны Государемъ, и представляютъ собою указы объявляемые (или, что то же,—словесныя Высочайшія повелѣнія), когда санкціонированы словеснымъ утвержденіемъ Государя.

Предложенная классификація показываетъ, во-первыхъ, что „объявляемый указъ“—понятіе очень широкое, которое обнимаетъ не только словесныя Высочайшія повелѣнія непосредственныя, но и всѣ положенія Комитета Министровъ и мнѣнія Государственнаго Совѣта, утвержденныя Государемъ не собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ, а словесно.

Проф. Коркуновъ признаетъ неправильнымъ такое толкованіе термина „объявляемый“ указъ; онъ утверждаетъ, что объявляемый указъ представляетъ собою особый видъ словесныхъ повелѣній, къ которому нельзя отнести словесно утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта и положенія Комитета Министровъ.

„Прежде всего,—говоритъ почтенный профессоръ,—„ст. 66 осн. зак въ дѣйствительности ограничиваетъ силу не всѣхъ словесныхъ Высочайшихъ повелѣній, а только объявляемыхъ указовъ. А это не одно и то же. Въ составленномъ въ 1815 году систематическомъ сводѣ существующихъ законовъ, т. I вступленіе § 30, объявляемые указы опредѣляются, какъ тѣ словесныя повелѣнія, которыя объявляются Сенату министрами, сенаторами, генералъ-адъютантами и т. п. Если бы Государь объявилъ Сенату свою волю, это не было бы „объявляемымъ указомъ“ [1]). Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что, по мнѣнію проф. Коркунова, объявляемые указы суть тѣ велѣнія верховной власти, которыя Государемъ объявляются черезъ уполномоченныхъ на то лицъ, словесныя же повелѣнія—такія предписанія, которыя передаются Государемъ лично. Въ нашихъ законахъ нѣтъ, однако, никакихъ указаній на такое различіе между объявляемымъ указомъ и словеснымъ повелѣніемъ: по терминологіи нашего свода эти два различныхъ выраженія обозначаютъ собою одинъ и тотъ же родъ Высочайшихъ повелѣній. Законодатель, говоря, напримѣръ, въ статьяхъ 66 и 77 осн. зак. объ ограниченной, сравнительно съ закономъ, силѣ указовъ, Государемъ не подписанныхъ, въ первой изъ нихъ употребляетъ терминъ „объявляемый указъ“, а во второй—„Высочайшее повелѣніе“. Формальный же признакъ, при помощи котораго проф. Коркуновъ хочетъ установить различіе, существующее будто бы между объявляемымъ

[1]) Русское государственное право, изд. 1903 г. стр. 18.

указомъ и словеснымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ постановленіями нашего законодательства, которыя не знаютъ словесныхъ повелѣній, объявляемыхъ Государемъ сенату, Государственному Совѣту, Комитету Министровъ лично, а не черезъ уполномоченныхъ на то закономъ сановниковъ. Высочайшія повелѣнія объявляются Сенату Министромъ Юстиціи [1]), Государственному Совѣту—его Предсѣдателемъ [2]); о словесныхъ же повелѣніяхъ, лично объявляемыхъ Государемъ Комитету Министровъ, нашъ законъ также ничего не знаетъ: въ этомъ совѣщательномъ учрежденіи, имѣющемъ своего особаго предсѣдателя, Государь лично не присутствуетъ и свои Высочайшія повелѣнія можетъ передать ему лишь черезъ Управляющаго дѣлами Комитета или черезъ уполномоченныхъ на то лицъ.

Проф. Коркуновъ, впрочемъ, самъ сознается, что въ нашихъ законахъ нельзя найти опоры для того опредѣленія, которое онъ даетъ объявляемому указу. „Въ дѣйствующемъ Сводѣ законовъ“,—говоритъ онъ,—„нѣтъ такого прямого опредѣленія термина — „объявляемый указъ. Но на дѣлѣ“ (?),—продолжаетъ онъ,—„онъ и теперь сохранилъ то же значеніе. Примѣчаніемъ къ ст. 55 осн. зак. къ объявленію Высочайшихъ указовъ уполномочиваются не учрежденія, а только отдѣльныя лица“ [3]). Это невѣрно: въ текстѣ приводимой проф. Коркуновымъ статьи прямо говорится, что „дополненія и изъясненія закона могутъ быть излагаемы по словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, объявляемымъ мѣстами и лицами, отъ верховной власти къ тому уполномоченными“.

Проф. Коркуновъ приводитъ, наконецъ, еще одинъ доводъ въ пользу своего мнѣнія объ отличіи объявляемаго указа отъ словеснаго повелѣнія. „Въ Собраніи узаконеній словесно утвержденныя мнѣнія и положенія печатаются не подъ рубрикой „объявленныхъ указовъ“, а подъ одной рубрикой съ собственноручно утвержденными мнѣніями и положеніями“ [4]). Всякій, державшій въ рукахъ „Собраніе узаконеній“, знаетъ, что въ этомъ изданіи рубрики „объявленныхъ указовъ“ не существуетъ и что вообще различные отдѣлы „Собранія узаконеній“ никоимъ образомъ не могутъ служить формальными признаками, при помощи которыхъ можно было бы разграничить одни словесныя повелѣнія отъ другихъ.

Попытку проф. Коркунова выдѣлить объявляемый указъ въ особый видъ словесныхъ повелѣній нужно признать, такимъ образомъ, неудачной: наше законодательство не знаетъ особаго вида Высочайшихъ повелѣній, отмѣченнаго терминомъ „объявляемый указъ“; *„словесное повелѣніе“* и *„объявленный указъ“ суть выраженія тожественныя, обозначающія собою всякое повелѣніе верховной власти, не скрѣпленное Высочайшей подписью, какъ непосредственное словесное повелѣніе Госу-*

---

[1]) Дѣла въ Правительствующій Сенатъ вступаютъ или черезъ Министерство Юстиціи, или непосредственно черезъ канцелярію Сената. *Черезъ Министра Юстиціи* вступаетъ всѣ именныя Высочайшія повелѣнія, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, на имя Правительствующаго Сената состоявшіяся, также манифесты, Высочайше утвержденные доклады, мнѣнія Государственнаго Совѣта, положенія Комитета Министровъ и *объявляемыя Сенату Высочайшія повелѣнія* ... Всѣ другія дѣла поступаютъ въ Сенатъ черезъ канцелярію (ст. 48 учрежд. Сен.).

[2]) Словесныя Высочайшія повелѣнія объявляются Государственному Сенату всегда Предсѣдателемъ онаго (ст. 131 Учрежд. Госуд. Сов.).

[3]) Тамъ же стр. 18.

[4]) Тамъ же стр. 19.

*даря, такъ и словесно Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта и положенія Комитета Министровъ.*

§ 109. *Классификація повелѣній верховной власти по матеріальнымъ признакамъ.*

Съ точки зрѣнія матеріальной (т. е. по содержанію) всѣ акты верховной власти въ сферѣ непосредственной дѣятельности Монарха могутъ быть раздѣлены на слѣдующія категоріи:

1) Новые законы (ст. 53 осн. зак.).

2) Дополненія и изъясненія закона, коими установляется токмо образъ его исполненія или же опредѣляется истинный его смыслъ (ст. 55 осн. зак.).

3) Правительственные акты (ст. 80 осн. зак., ст. I Учрежд. Совѣта Министровъ и Комитета Министровъ, ст. 177 учрежд. Мин.).

*1. Новые законы* издаются не иначе, какъ въ формѣ повелѣній верховной власти, изданныхъ за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ и состоявшихся или при участіи Государственнаго Совѣта, или безъ его содѣйствія, другими словами, или въ формѣ именныхъ указовъ [1]) или въ формѣ мнѣній Государственнаго Совѣта, собственноручно Государемъ утвержденныхъ [2]).

*2. Дополненіе и изъясненіе законовъ* не требуютъ собственноручной Высочайшей подписи и могутъ быть излагаемы и по словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ (ст. 55 осн. зак.).

---

[1]) Примѣрами законовъ, изданныхъ за послѣдніе годы безъ участія Государственнаго Совѣта, могутъ служить: Высочайшій манифестъ объ утвержденіи основныхъ положеній о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи съ включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго 3 февраля 1899 г. (Собраніе узаконеній и распоряженій № 17, ст. 207); именной Высочайшій указъ Государственному Совѣту объ учрежденіи въ Государственномъ Совѣтѣ Департамента промышленности, наукъ и торговли, 1 января 1900 г. (Собр. узак. № 10, ст. 139); Высочайшая грамота о новомъ учрежденіи Государственнаго Совѣта 30 марта 1901 г. (Собр. узак. № 45, ст. 860); именной указъ объ условіяхъ пріобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства и о порядкѣ внесенія дворянскихъ родовъ въ родословныя книги 1900 г. (Собр. узак. № 67. ст. 1506); именной указъ объ учрежденіи Главнаго управленія торговымъ мореплаваніемъ и портами 7 ноября 1902 г. (Собр. узак. № 107, ст. 1252); именной Высочайшій указъ объ утвержденіи Положенія объ особомъ Комитетѣ Дальняго Востока 30 сентября 1903 г. (Собр. узак. № 106, со. 1503).

[2]) Въ формѣ собственноручной Высочайшей подписью утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта были за послѣдніе годы между прочими изданы: Высочайше утвержденное 2 іюня 1898 года мнѣніе Государственнаго Совѣта объ образованіи въ составѣ Правительствующаго Сената Судебнаго Департамента и объ устройствѣ судебной части въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской; Высочайше утвержденное 15 февраля 1899 года мнѣніе Государственнаго Совѣта о распространеніи законоположеній 12 іюля 1889 года и о преобразованіи крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій на Никольскій, Велико-Устюжскій, Сольвычегодскій, Усть-Сысольскій и Яренскій уѣзды Вологодской губ. (Собр. узак. № 48, ст. 664); Высочайше утвержденное 15 февраля 1899 года мнѣніе Государственнаго Совѣта о введеніи судебной реформы въ полномъ объемѣ въ пяти сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи (Собр. узак. № 31, ст. 393); Высочайше утвержденное 25 мая 1899 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта объ утвержденіи положенія о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ (Собр. узак № 73, ст. 974); Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отмѣнѣ ссылки и утвержденіе временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки на поселеніе и житье другими наказаніями 12 іюня 1900 г. (Собр. узак. № 67, ст. 1509); Высочайше утвержденное 27 мая 1902 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта объ утвержденіи новаго устава о векселяхъ (Собр. узак. № 62, ст. 622); Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отмѣнѣ круговой поруки (Собр. узак № 28, ст. 356); Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ утвержденіи уголовнаго уложенія 22 марта 1903 года (Собр. узак. № 38, ст. 416).

Они издаются или въ формѣ непосредственныхъ предписаній верховной власти, состоявшихся безъ участія Государственнаго Совѣта, или въ формѣ мнѣній Государственнаго Совѣта, словесно Высочайше утвержденныхъ [1]). Не проходятъ черезъ Государственный Совѣтъ лишь тѣ дополненія и изъясненія законовъ, которыя относятся до военнаго вѣдомства и не имѣютъ связи съ прочими частями управленія или касаются исключительно технической стороны: эти дополненія и изъясненія законовъ представляются на Высочайшее благоусмотрѣніе прямо отъ Военнаго Совѣта, минуя Государственный Совѣтъ (примѣч. къ 50 ст. осн. зак.).

*3. Правительственные акты*, исходящіе отъ верховной власти, облекаются или въ форму закона, или въ форму указа объявляемаго.

Формы закона требуютъ распоряженія въ области верховнаго финансоваго управленія и нѣкоторыя повелѣнія, касающіяся отдѣльныхъ лицъ и связанныя съ расширеніемъ, ограниченіемъ и лишеніемъ имущественныхъ и личныхъ правъ внѣ закономъ установленнаго порядка.

Всѣ остальныя правительственныя распоряженія издаются въ формѣ объявляемыхъ указовъ: а именно въ видѣ положеній Комитета Министровъ, если только они не отнесены спеціально къ вѣдомству Государственнаго Совѣта или если Государь не предпишетъ направить ихъ прямо на Свое утвержденіе (ст. 170 и 177 учрежд. мин.). Ст. 124 учрежд. Госуд. Сов. постановляетъ, что собственноручнаго Высочайшаго утвержденія требуютъ (кромѣ новыхъ законовъ): „установленіе въ пользу казны налоговъ и отмѣны оныхъ; штаты; государственная роспись доходовъ и расходовъ; отчужденіе частной собственности для государственной или общественной пользы". А въ ст. 66 осн. зак. мы читаемъ, что „не могутъ быть разрѣшены объявляемымъ указомъ (и слѣдовательно требуютъ закона) слѣдующія дѣла: о лишеніи жизни, чести или имущества; объ установленіи и уничтоженіи налоговъ, о сложеніи недоимокъ и казенныхъ взысканій и объ отпускѣ денежныхъ суммъ свыше тѣхъ, кои особыми постановленіями ограничены; о возведеніи въ дворянство внѣ порядка, для производства въ чины установленнаго; о лишеніи дворянства; объ опредѣленіи въ высшія должности и объ увольненіи отъ нихъ на основаніи учрежденій".

### § 110. *Опредѣленіе закона.*

Предшествующее изложеніе показало, что въ формѣ закона издаются у насъ важнѣйшіе государственные акты (новые законы и распоряженія въ области верховнаго финансоваго управленія), въ формѣ же объявленія указовъ — дополненія и изъясненія законовъ и всѣ правительственные акты въ области верховнаго управленія, которые спеціально не отнесены къ компетенціи закона.

---

[1]) Высочайшія повелѣнія и Высочайше словесно утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта являются обычными формами, въ которыхъ у насъ издаются дополненія и изъясненія законовъ, при чемъ наиболѣе употребительною формой слѣдуетъ признать мнѣнія Государственнаго Совѣта. Но эти двѣ формы, служа для указанныхъ законодательныхъ актовъ возможными и обычными формами, не являются, однако, для нихъ необходимыми и единственными: дополненія и изъясненія законовъ принимаютъ у насъ иногда форму „новаго закона, изданнаго за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ". Примѣромъ можетъ служить именной Высочайшій указъ объ изъясненіи истиннаго разума закона о неотчуждаемости имѣній, составляющихъ собственность Царствующаго Императора 27 мая 1900 г. (Собр. узак. № 60, ст. 1318).

Законъ, являясь необходимой формой для важнѣйшихъ государственныхъ актовъ, въ своей компетенціи не ограниченъ однако этими актами и, какъ высшая форма выраженія воли верховной власти, можетъ касаться любыхъ дѣлъ и регулировать любыя отношенія.

Указъ же объявляемый представляетъ собою форму для второстепенныхъ актовъ верховной власти и имѣетъ опредѣленную компетенцію, ограниченную закономъ.

Законъ, другими словами, по содержанію, — свободный актъ верховной власти, указъ же—актъ связанный.

По степени своей силы, законъ имѣетъ безусловное преимущество передъ указомъ объявляемымъ. „Никакой законъ", — гласитъ ст. 66 осн. зак.,—„за собственноручнымъ подписаніемъ изданный, не можетъ быть отмѣненъ указомъ объявляемымъ". „Указъ, изданный за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ, не иначе отмѣненъ быть можетъ, какъ таковымъ же указомъ за Высочайшимъ подписаніемъ" (ст. 73 осн. зак.). Во всѣхъ коллизіяхъ закона съ указомъ объявляемымъ послѣдній долженъ уступать первому. „Если бы предписаніемъ министра, содержащимъ въ себѣ объявленіе Высочайшаго повелѣнія, отмѣнялся законъ или учрежденіе, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданные, тогда начальство, ему подчиненное, обязано, не чиня исполненія, представить о семъ министру. Если же и за симъ представленіемъ предписаніе будетъ подтверждено въ той же силѣ, то начальство обязано случай сей представить Правительствующему Сенату на окончательное разрѣшеніе" (ст. 77 осн. зак.).

Подводя итогъ предыдущимъ объясненіямъ, мы можемъ установить тѣ признаки, которыми законъ отличается по русскому законодательству отъ всѣхъ другихъ велѣній верховной власти.

*По формѣ законъ есть повельніе верховной власти, изданное за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ; по содержанію — это свободный актъ верховной власти, не ограничиваемый никакими другими велѣніями и всѣ ихъ собою ограничивающій; по степени силы законъ—высшее выраженіе воли верховной власти, вооруженное безусловнымъ авторитетомъ.*

§ *111. Является ли подпись Государя необходимымъ признакомъ закона?*

Законъ, по опредѣленію проф. Коркунова, есть всякое велѣніе верховной власти, состоявшееся при участіи Государственнаго Совѣта, въ какой бы формѣ оно издано ни было, другими словами, всякое мнѣніе Государственнаго Совѣта, какъ утвержденное Государемъ письменно, такъ и санкціонированное Имъ словесно.

Это опредѣленіе закона стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи со ст. 54 нашихъ основныхъ законовъ, которая гласитъ, что „новый законъ постановляется не иначе, какъ за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ". Проф. Коркуновъ старается ослабить значеніе этой статьи указаніемъ на то, что „ст. 54 требуетъ подписи только для „новаго" закона[1]). Но какъ же иначе? Только новый законъ и требуетъ санкціи верховной власти, старый же законъ, утвержденный при своемъ изданіи, уже вооруженъ подписью Государя и въ новой санкціи не нуждается.

---

[1]) Тамъ же стр. 21.

„Ст. 55“,—продолжаетъ проф. Коркуновъ,—„прямо допускаетъ изданіе „дополненій“ къ законамъ и въ формѣ объявляемыхъ указовъ“. Ст. 55 говоритъ, однако, не только о дополненіи, но и объ „изъясненіи“ законовъ и допускаетъ ихъ изданіе въ формѣ объявляемыхъ указовъ именно потому, что они являются не законами, а административными распоряженіями, „установляющими *токмо* образъ исполненія закона или же опредѣляющими истинный его разумъ“.

„Ст. 66, — замѣчаетъ далѣе проф. Коркуновъ, — говоритъ о законѣ, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданномъ, и тѣмъ прямо предполагаетъ возможность существованія законовъ и иначе изданныхъ“. Примѣняя такой своеобразный способъ толкованія, можно прійти къ другимъ выводамъ, еще болѣе неожиданнымъ: можно, напримѣръ, доказать, что у насъ существуютъ законы, не исходящіе вовсе отъ верховной власти. Въ самомъ дѣлѣ, ст. 47 говоритъ о „законахъ, отъ самодержавной власти исходящихъ“, и „тѣмъ“, выражаясь словами проф. Коркунова, „прямо предполагаетъ возможность существованія законовъ и иначе изданныхъ“. Но врядъ-ли доводы, основанные на такомъ толкованіи статей нашего Свода, заслуживаютъ серьезнаго возраженія.

„Точно такъ же,—разсуждаетъ далѣе проф. Коркуновъ, — ст. 53 (Осн. зак.), перечисляя формы, какія можетъ принимать законъ, относитъ къ нимъ мнѣнія Государственнаго Совѣта, которыя, однако, никогда не издаются за Высочайшимъ подписаніемъ“. Это утвержденіе опровергается существованіемъ цѣлаго ряда мнѣній Государственнаго Совѣта, утвержденныхъ собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ и приведенныхъ нами выше[1]), и стоитъ въ противорѣчіи съ словами самого проф. Коркунова, который на одной изъ предшествующихъ страницъ говоритъ о „собственноручно утвержденныхъ мнѣніяхъ Государственнаго Совѣта“[2]).

Наконецъ, проф. Коркуновъ утверждаетъ, что „изданіе законовъ въ формѣ подписанныхъ Государемъ именныхъ указовъ — величайшая рѣдкость“. На этотъ доводъ мы отвѣтимъ указаніемъ на длинный рядъ законовъ, изданныхъ за послѣднія пять лѣтъ въ формѣ именныхъ указовъ, нѣкоторые изъ которыхъ и указаны нами выше[3]).

Мы не можемъ, такимъ образомъ, признать убѣдительными тѣ доводы, которыми проф. Коркуновъ пытается ослабить значеніе ст. 54 Осн. зак., и считаемъ несомнѣннымъ, что *Высочайшая подпись есть необходимый признакъ закона и составляетъ его неотъемлемую принадлежность*

§ *112. Является ли предварительное обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ необходимымъ признакомъ закона?*

Опредѣляя законъ, какъ велѣніе верховной власти, состоявшееся при участіи Государственнаго Совѣта, проф. Коркуновъ ссылается на ст. 50 осн. зак., которая начинается словами: „Всѣ предначертанія законовъ разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ“.

Эта статья представляетъ собою несомнѣнно очень важное и существенное постановленіе, но только не для опредѣленія формы закона, а для установленія того порядка, въ которомъ у насъ происхо-

[1]) Стр. 40.
[2]) Стр. 19.
[3]) Стр. 40 и 41, также Учрежд. Госуд. Сов. ст. 124, 125, 126.

дитъ разсмотрѣніе законодательныхъ проектахъ: она и помѣщена не въ отдѣлѣ, трактующемъ „о формѣ законовъ“, а въ той части нашихъ основныхъ законовъ, которая озаглавлена: „О составленіи... законовъ“. Статья эта образуетъ собою лишь одно изъ звеньевъ въ той цѣпи постановленій, которыя регулируютъ возбужденіе и обсужденіе законовъ. Мы можемъ поэтому понять ея настоящій смыслъ, лишь выяснивъ себѣ эти постановленія. И анализъ главнѣйшихъ изъ нихъ представляется тѣмъ болѣе своевременнымъ, что въ текущей литературѣ государственнаго права эти постановленія толкуются весьма различно.

Важнѣйшей статьею, опредѣляющею возбужденіе у насъ законодательныхъ вопросовъ, является ст. 49 Осн. зак., которая гласитъ: „Первообразное предначертаніе законовъ составляется или по особенному Высочайшему усмотрѣнію и непосредственному повелѣнію, или же пріемлетъ начало свое отъ общаго теченія дѣлъ, когда при разсмотрѣніи оныхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, Святѣйшемъ Синодѣ и въ Министерствахъ признано будетъ необходимымъ или пояснить и дополнить дѣйствующій законъ, или составить новое постановленіе. *Въ семъ случаѣ мѣста сіи подносятъ предположенія ихъ установленнымъ порядкомъ на Высочайшее усмотрѣніе*“. Основываясь на этой статьѣ, мы въ своемъ курсѣ русскаго государственнаго права утверждаемъ, что право законодательной инициативы принадлежитъ только Государю, такъ какъ только по Его повелѣнію или съ Его предварительнаго разрѣшенія законодательные акты вносятся въ Государственный Совѣтъ [1]). Такого же мнѣнія держится и проф. Куплевскій. „Ст. 49 Осн. зак., — говоритъ онъ,—предоставляетъ инициативу только Государю“ [2]). Иное толкованіе даютъ этой статьѣ проф. В. Ивановскій Коркуновъ. Первый изъ нихъ утверждаетъ, что право законодательной инициативы принадлежитъ прежде всего (?) Императору, затѣмъ высшимъ государственнымъ установленіямъ: Сенату, Синоду и Министерствамъ [3])“. По мнѣнію проф. Коркунова, послѣднія слова 49 ст. Осн. зак. (нами подчеркнутыя) относятся не къ предварительному соизволенію на обсужденіе, а къ окончательному утвержденію уже обсужденныхъ предположеній“ [4]), другими словами, законодательный починъ принадлежитъ не только носителю законодательной власти, но и органамъ подчиненнаго управленія.

Съ такимъ мнѣніемъ врядъ-ли можно согласиться. Право законодательнаго почина является однимъ изъ существеннѣйшихъ проявленій суверенной власти и во всѣхъ современныхъ государствахъ принадлежитъ только органамъ верховной власти. Этотъ принципъ проводится настолько послѣдовательно, что отправленіе законодательной инициативы тѣмъ, а не другимъ органомъ служитъ признакомъ, опредѣляющимъ образъ правленія даннаго государства. Если во всѣхъ современныхъ государствахъ право инициативы принадлежитъ носителямъ верховной власти, то нельзя дѣлать исключеніе изъ этого общаго правила для монархіи абсолютной, въ которой сосредоточеніе власти достигаетъ своего высшаго выраженія, и утверждать, что въ ней одна изъ суще-

---

[1]) Стр. 254.
[2]) Стр. 62.
[3]) Стр. 126.
[4]) Стр. 113.

ственнѣйшихъ функцій верховной власти распредѣляется между Самодержцемъ и органами подчиненнаго ему управленія.

Но, независимо отъ этихъ общихъ соображеній, мнѣніе проф. Коркунова должно быть признано неправильнымъ и въ виду того противорѣчія, въ которомъ оно состоитъ съ опредѣленіями нашего законодательства.

43 ст. Учрежденія Государственнаго Совѣта опредѣляютъ, что „дѣла въ Государственный Совѣтъ поступаютъ или отъ министровъ, или по особеннымъ Высочайшимъ повелѣніямъ". Всякій законодательный проектъ поэтому, если онъ только не поступаетъ по особому Высочайшему повелѣнію, вносится въ Государственный Совѣтъ министрами и главноуправляющими, гдѣ бы онъ ни возникъ,—въ Сенатѣ ли, въ Синодѣ ли, или въ Министерствахъ. Министры же или главноуправляющіе имѣютъ право вносить законодательные проекты въ Государственный Совѣтъ не иначе, какъ испросивъ на то Высочайшее разрѣшеніе. Ст. 162 Учрежд. мин. категорически постановляетъ, что „объ обмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ законовъ министры и главноуправляющіе отдѣльными частями входятъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіями не иначе, какъ испросивъ на то предварительно Высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе". Если законодательные проекты могутъ быть вносимы въ Государственный Совѣтъ только министрами, а министры входятъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіями не иначе, какъ съ разрѣшенія Государя, то, очевидно, что ни одинъ законодательный проектъ не можетъ быть внесенъ въ Государственный Совѣтъ безъ предварительнаго соизволенія Государя, другими словами—только Государю принадлежитъ по нашимъ законамъ право законодательной инициативы.

Статьи 163 и 164. Учрежд. мин. точнѣе опредѣляютъ, что должны содержать представленія министровъ объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ законовъ и какой порядокъ долженъ быть соблюдаемъ при ихъ составленіи и дальнѣйшемъ движеніи. „Если,—говоритъ ст. 165, —предполагаемая вновь мѣра имѣетъ связь съ другими министерствами, то должно напередъ сдѣлать съ ними всѣ нужныя сношенія, дабы тѣмъ вѣрнѣе учредиться въ совокупномъ ихъ содѣйствіи. Вообще новыя положенія, касающіяся предметовъ двухъ или нѣсколькихъ вѣдомствъ, представляются за общимъ подписаніемъ всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ, до управленія коихъ сіи положенія относятся; въ представленіи же ихъ на Высочайшее утвержденіе соблюдается установленный законами порядокъ, *исключая только тѣ особенные случаи, когда по собственному благоусмотрѣнію Государя Императора повелѣно будетъ представить дѣло прямо Его Величеству*".

Всѣ предначертанія законовъ представляются, такимъ образомъ, министрами Государю, который предписываетъ или внести ихъ въ Государственный Совѣтъ, или представить прямо на Его разсмотрѣніе и утвержденіе. Законодатель, постановляя въ ст. 55 Осн. зак., что всѣ законодательные проекты разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, не хотѣлъ этимъ сказать, что Государь не имѣетъ права издавать законы въ формѣ указовъ, не прошедшихъ чрезъ Государственный Совѣтъ, а имѣлъ въ виду установить правило, по которому всѣ законодательные проекты, которые Государемъ признаются нуждающимися въ предварительномъ обсужденіи, подлежатъ исключительно вѣдѣнію Госу-

дарственнаго Совѣта и ни въ какое другое совѣщательное учрежденіе поступать не могутъ. „Государственный Совѣтъ,—опредѣляетъ ст. 161 Учрежд. мин.,—есть средоточіе, куда должны вступать всѣ сіи представленія (т. е. представленія министровъ по части законодательной). Никакое положеніе, подлежащее предварительному разсмотрѣнію и уваженію Государственнаго Совѣта на основаніи учрежденія его, не представляется Его Императорскому Величеству мимо сего Совѣта". Выраженіе ст. 50 Осн. зак.—„*всѣ* предначертанія законовъ"—имѣетъ очевидно такое же значеніе, какъ и аналогичное выраженіе ст. 177 Учрежд. мин., которая постановляетъ, что „*всѣ* предметы управленія, предполагающіе новый распорядокъ или дополненіе", разсматриваются въ Комитетѣ Министровъ. Какъ та, такъ и другая статьи нуждаются въ ограничительномъ толкованіи и должны быть понимаемы въ томъ смыслѣ, что всѣ проекты новыхъ законовъ, дополненія и изъясненія уже существующихъ и всѣ новыя мѣры, предполагающія новый распорядокъ или дополненіе, если онѣ направляются Государемъ на „предварительное разсмотрѣніе и уваженіе", восходятъ или въ Государственный Совѣтъ, или въ Комитетъ Министровъ, при чемъ всѣ законодательныя предначертанія направляются въ Государственный Совѣтъ, всѣ же проекты правительственныхъ мѣръ—въ Комитетъ Министровъ.

Такое толкованіе ст. 50 Осн. зак. находитъ себѣ подтвержденіе и въ нашей законодательной практикѣ, на которую такъ любитъ ссылаться проф. Коркуновъ. Рядомъ съ законами, прошедшими черезъ Государственный Совѣтъ, у насъ существуетъ не мало законовъ, состоявшихся безъ содѣйствія Государственнаго Совѣта. Изъ законодательныхъ актовъ, изданныхъ за послѣднія пять лѣтъ, назовемъ хотя бы законъ 1899 г. о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, Высочайшую грамоту о новомъ Учрежденіи Государственнаго Совѣта 1901 года; Именной указъ объ условіяхъ пріобрѣтенія права потомственнаго дворянства 1900 года; Именной указъ объ учрежденіи Главнаго управленія торговымъ мореплаваніемъ и портами 1902 года и т. д.

Опредѣленіе, данное проф. Коркуновымъ закону, не только не согласовано съ отдѣльными постановленіями нашего законодательства, установляющими порядокъ составленія и форму закона, но и противорѣчитъ основному принципу нашего государственнаго строя, выраженному въ ст. 47 нашихъ Основныхъ законовъ. „Имперія Россійская",—гласитъ эта статья,—управляется *на твердыхъ основаніяхъ* положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ".

Для того, чтобы законы, исходящіе отъ Самодержавной Власти, могли дѣйствительно служить такими твердыми основаніями, необходимо:

1) чтобы эти законы обнимали всѣ принципіальныя начала политическаго порядка и основныя правила государственнаго управленія;

2) чтобы порядокъ изданія законовъ служилъ ручательствомъ тому, что они суть дѣйствительно выраженіе подлинной воли верховной власти;

3) чтобы форма законовъ дѣлала ихъ распознаваемыми для всѣхъ и каждаго и строго отличными отъ всѣхъ другихъ актовъ власти;

4) чтобы законы были вооружены высшимъ авторитетомъ, безусловно подчиняющимъ себѣ всѣ другія повелѣнія власти.

Опредѣленіе, данное проф. Коркуновымъ закону, не удовлетворяетъ ни одному изъ этихъ требованій.

1) Подъ это опредѣленіе не подойдетъ цѣлый рядъ законовъ, которые установляютъ основные принципы нашего политическаго устройства и которые состоялись безъ участія Государственнаго Совѣта [1]); оно противорѣчитъ, такимъ образомъ, первому изъ выставленныхъ требованій, по которому законы должны обнимать всѣ существенныя начала государственнаго строя.

2) Форма, обязательная у насъ, по воззрѣнію проф. Коркунова, для закона, вовсе не вытекаетъ изъ того требованія, по которому эта форма должна служить гарантіей подлинности воли верховной власти. По опредѣленію проф. Коркунова, закономъ можетъ быть и словесно утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта. Словесное же повелѣніе, хотя бы состоявшееся при участіи совѣщательнаго органа, уступаетъ по степени достовѣрности излагаемой имъ воли верховной власти закону, изданному за Высочайшею подписью. Вообще закономъ не могутъ быть признаны устныя предписанія суверена; и, какъ бы различенъ ни былъ порядокъ изданія законовъ въ различныхъ государствахъ, мы, однако, нигдѣ не видимъ, чтобы законъ облекался въ форму словеснаго повелѣнія.

3) Форма, въ которую, по воззрѣнію проф. Коркунова, облекается у насъ законъ, не вооружаетъ его признакомъ, при помощи котораго можно было бы отличить его отъ другихъ велѣній власти, не имѣющихъ силы закона. Подъ опредѣленіе, данное проф. Коркуновымъ, съ одной стороны, не подойдетъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, а именно всѣ тѣ, которые состоялись безъ участія Государственнаго Совѣта, а съ другой стороны — это опредѣленіе охватываетъ повелѣнія власти, представляющія собою административныя распоряженія совершенно второстепеннаго значенія. Слѣдуя за проф. Коркуновымъ, пришлось бы за нашими Основными законами отрицать силу закона и возводить на степень закона такія предписанія власти, какъ мнѣніе Государственнаго Совѣта „Объ увеличеніи штата посольской церкви въ Лондонѣ 4-мя пѣвчими“.

4) Опредѣленіе проф. Коркуновымъ закона противорѣчитъ и послѣднему изъ указанныхъ требованій, по которому законами могутъ быть признаны лишь велѣнія власти, вооруженныя высшимъ и безусловнымъ авторитетомъ. Это требованіе подчеркивается очень энергично и проф. Коркуновымъ. „Законодательные акты, — говоритъ онъ, — высшая форма выраженія велѣній государственной власти, они служатъ мѣриломъ всѣхъ другихъ актовъ властвованія“. „Понятіе законодательства, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — предполагаетъ только обособленіе въ общей сферѣ верховнаго управленія особой группы актовъ власти, имѣющихъ одну опредѣленную форму, придающую имъ высшую безусловную силу, дѣлающую ихъ послѣднимъ проявленіемъ государственной власти и мѣриломъ всѣхъ другихъ актовъ государ-

---

[1]) Принципіальныя измѣненія нашихъ основныхъ законовъ 1886 и 1888 гг. какъ это отмѣчаетъ самъ проф. Коркуновъ, состоялись безъ участія Государственнаго Совѣта (Русское государственное право т. II, стр. 48).

ственнаго властвованія". Между тѣмъ форма, которую проф. Коркуновъ считаетъ обязательною для закона, такой именно высшей безусловной силы и не придаетъ облеченнымъ ею предписаніямъ власти: лишь тѣ изъ прошедшихъ чрезъ Государственный Совѣтъ велѣній власти обладаютъ высшей безусловной силою, которыя закрѣплены Высочайшей подписью, между тѣмъ какъ словесно утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта этой силы не имѣютъ и по степени своей обязательности уступаютъ закону, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданному, хотя бы этотъ законъ въ Государственномъ Совѣтѣ и не разсматривался. Такимъ образомъ то, что возводитъ велѣніе власти на степень закона, это—не прохожденіе его черезъ Государственный Совѣтъ, а собственноручная подпись носителя верховной власти.

§ 113. **Мнѣніе профессора Градовскаго, отождествляющее словесныя повелѣнія съ административными распоряженіями, исходящими отъ верховной власти.** Различіе между закономъ и Высочайшимъ словеснымъ повелѣніемъ, установленное нашимъ Сводомъ, дало поводъ профессору Градовскому утверждать, что у насъ существуетъ различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ. Онъ утверждаетъ, что словесныя повелѣнія не что иное, какъ административныя повелѣнія, исходящія отъ верховной власти, и что всѣ тѣ указанія, которыя касаются словесныхъ повелѣній, суть правила, которыми нашъ законодатель хотѣлъ регулировать отношеніе закона къ распоряженію. Послѣ всего сказаннаго нами выше объ отношеніи закона къ административному распоряженію и послѣ объясненія того значенія, которое имѣетъ у насъ словесное повелѣніе, врядъ-ли можно присоединиться къ мнѣнію покойнаго профессора. Нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы отождествлять, какъ это дѣлаетъ Градовскій, словесныя повелѣнія съ административными распоряженіями.

1) Между закономъ и словеснымъ повелѣніемъ вовсе нѣтъ того отличительнаго признака, который служитъ основаніемъ для дѣленія всѣхъ проявленій государственной воли въ конституціонномъ государствѣ на законъ и административное распоряженіе. Этотъ отличительный признакъ заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что законъ исходитъ отъ законодательной власти (народнаго представительства и короля), а административныя распоряженія—отъ правительственной власти (отъ короля и его министровъ). У насъ же такого различія между закономъ и словеснымъ повелѣніемъ не существуетъ, такъ какъ и законъ и словесное повелѣніе исходятъ у насъ отъ Государя.

2) Между закономъ и словеснымъ повелѣніемъ нѣтъ того различія по содержанію, которое отличаетъ законъ въ матеріальномъ смыслѣ отъ распоряженія. Законъ отличается отъ распоряженія въ матеріальномъ смыслѣ тѣмъ, что законъ имѣетъ цѣлью установить юридическую норму, разграничивающую сферу дѣятельности отдѣльныхъ лицъ или общественныхъ группъ; административное же распоряженіе такой цѣли не преслѣдуетъ, а имѣетъ въ виду предписать частную или общую норму административной дѣятельности. Вовсе не таково различіе по содержанію между закономъ и словеснымъ повелѣніемъ у насъ. Словеснымъ повелѣніемъ вовсе не нормируется вся та область, къ которой примѣнимо административное распоряженіе; оно можетъ заключать въ себѣ такія дополненія и изъясненія закона, ко-

торыми устанавливается только образъ его исполненія, всѣ же другія административныя распоряженія, имѣющія самостоятельное содержаніе, издаются у насъ Государемъ не въ формѣ словесныхъ повелѣній, а въ формѣ письменной, за его подписью, т. е. въ формѣ законовъ.

3) Существованіе у насъ рядомъ съ закономъ словесныхъ повелѣній вовсе не вызвано той потребностью, которая повела къ разграниченію закона отъ административнаго распоряженія на Западѣ. На Западѣ проводится различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ съ цѣлью разграничить сферу законодательной власти отъ правительственной и обезпечить самостоятельность той и другой. У насъ же такая цѣль никогда имѣться въ виду не могла, такъ какъ у насъ законодательная власть не разграничивается отъ власти правительственной, ибо всѣ функціи власти сливаются въ лицѣ Монарха. У насъ, рядомъ съ закономъ, существуетъ еще другая форма для выраженія воли Государя, форма словесныхъ повелѣній, не ради того, чтобы установить разграниченіе между законодательной властью и правительственной, разграниченіе, которое у насъ смысла не имѣетъ, а съ цѣлью дать Государю возможность проявлять свою волю не только въ формѣ закона, совершеніе котораго сопряжено съ большими формальностями, но и въ болѣе простой и скорой формѣ, вполнѣ достаточной для того разряда второстепенныхъ распоряженій, для которыхъ нашъ Сводъ установилъ форму словесныхъ повелѣній. Необходимость упростить для Государя способъ выраженія воли государства тамъ, гдѣ это упрощеніе могло быть достигнуто не въ ущербъ государственнымъ интересамъ,—вотъ мотивъ, вызвавшій къ жизни существованіе у насъ, рядомъ съ закономъ, словесныхъ повелѣній, мотивъ, который не имѣетъ ничего общаго съ тою цѣлью, которая вызвала на Западѣ разграниченіе закона отъ административнаго распоряженія.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали словесныя повелѣнія, сопоставляя ихъ съ административными распоряженіями, мы ничего общаго между ними не находимъ, и разборъ мнѣнія профес. Градовскаго лишь даетъ намъ лишнее основаніе для подтвержденія выставленнаго нами выше положенія, что у насъ нѣтъ различія между закономъ и административнымъ распоряженіемъ, исходящимъ отъ верховной власти.

§ 114. **Законъ и административное распоряженіе подчиненныхъ правительственныхъ властей.**

I. *Необходимость и отличіе административныхъ распоряженій отъ закона.* Государь выражаетъ свою волю лишь въ формѣ закона и словесныхъ повелѣній; наше законодательство не знаетъ административныхъ распоряженій, исходящихъ не отъ самодержавной воли, но оно предоставляетъ подчиненнымъ властямъ право издавать административныя распоряженія въ области подчиненнаго управленія. И это вполнѣ понятно. Государь, издаваемыми законами, устанавливаетъ въ большинствѣ случаевъ лишь общія нормы, которыя не могутъ обнять всего разнообразія дѣйствительной жизни; своими словесными повелѣніями онъ распоряжается лишь въ области верховнаго управленія, въ той области, въ которой онъ дѣйствуетъ непосредственно. Остается, такимъ образомъ, цѣлая обширная область, которая не можетъ быть урегулирована законами, и та сфера управленія, въ которой

Государь не дѣйствуетъ непосредственно и которую онъ предоставляетъ подчиненнымъ органамъ. Дѣятельность этихъ органовъ не можетъ исчерпываться однимъ исполненіемъ законовъ, а требуетъ извѣстной доли самостоятельности, и эта самостоятельность требуетъ признанія за подчиненными органами права издавать административныя распоряженія въ области своей компетенціи и въ предѣлахъ закона.

Отличіе этихъ административныхъ распоряженій отъ закона очень рѣзко и существенно: 1) законы исходятъ только отъ верховной власти, административныя распоряженія—отъ подчиненныхъ мѣстъ. Статья 51-я Осн. зак. гласитъ: „Никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона, и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія самодержавной власти“. Примѣчаніе: „Мѣры, пріемлемыя къ исполненію закона или учрежденія существующаго и не отмѣняющія никакихъ законовъ, но служащія къ единому разрѣшенію недоумѣній или затрудненій въ образѣ исполненія, также общія подтвержденія существующихъ постановленій, не составляютъ сами по себѣ новаго закона“; 2) законъ нормируетъ любыя отношенія, и для его содержанія не существуетъ въ нашемъ законодательствѣ предписаній; административное же распоряженіе должно вращаться въ предѣлахъ законовъ существующихъ и опредѣлять лишь мѣры, примѣнимыя къ исполненію закона или учрежденія существующаго (ст. 51-я, пр.); 3) законы обнародываются во всеобщее свѣдѣніе Правительственнымъ Сенатомъ, административныя же распоряженія доводятся лишь до свѣдѣнія тѣхъ лицъ и мѣстъ, къ коимъ они, по существу своему, принадлежатъ (ст. 57-я Осн. зак. и пр. 3-е).

II. *Учрежденія и лица, имѣющія право издавать административныя распоряженія.* Къ такимъ учрежденіямъ принадлежитъ прежде всего Сенатъ. Онъ издаетъ, во 1-хъ, указы, разъясняющіе законъ, когда подчиненное мѣсто сомнѣвается въ пониманіи закона и обращается въ Сенатъ за объясненіями; во 2-хъ, указы, содержащіе общія предписанія, относящіяся къ порядку исполненія закона. Такіе указы Сенатъ издаетъ, когда въ образѣ исполненія закона встрѣчается недоумѣніе или затрудненіе и когда будетъ признано нужнымъ сдѣлать общее (циркулярное) предписаніе въ поясненіе или потвержденіе существующихъ правилъ и учрежденій (Учрежд. министерствъ, ст. 211-я, п. 1 и 6; Учрежд. Сената, ст. 19-я). Указы Сената должны исполняться всѣми подчиненными ему мѣстами и лицами, какъ собственные Его Императорскаго Величества, и одинъ Государь или именной его указъ можетъ остановить сенатское повелѣніе (ст. 198-я Учр. Сен.). Но сенатскіе указы должны строго держаться предѣловъ законовъ. „Сенатъ основываетъ опредѣленія свои вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ на изданныхъ законахъ, уставахъ и преписанныхъ правилахъ, не перемѣняя въ оныхъ безъ доклада Императорскому Величеству ни единой буквы“ (ст. 200-я Учр. Сен.).

Министрамъ также предоставлено право издавать административныя распоряженія. Постановленіемъ 157-й ст. (п. 4) Общаго наказа министрамъ на нихъ возлагается обязанность—принятіе всѣхъ мѣръ, нужныхъ въ дѣйствіяхъ законовъ и учрежденій, когда они утверждены и обращены къ исполненію министра. Предписанія министра по статьѣ

189-й Общ. нак. мин. могутъ быть двухъ родовъ: въ однихъ объявляются именныя Высочайшія повелѣнія, въ другихъ министръ дѣйствуетъ собственною властью. Мѣста и лица, подчиненныя министру, исполняютъ предписанія его съ точностью и безпрекословно (ст. 188-я). Министерскія распоряженія должны, во 1-хъ, вращаться въ предѣлахъ закона (ст. 191-я Общ. нак.); во 2-хъ, предписанія министровъ тогда только признаются дѣйствительными, когда имѣютъ установленную форму (ст. 193-я Общ. нак. мин.); въ 3-хъ, сила всѣхъ предписаній министра ограничивается тѣмъ кругомъ дѣлъ, который установленъ для каждаго министерства (ст. 194-я).

Губернаторамъ, начальникамъ губерній и генералъ-губернаторамъ также предоставлено верховной властью право издавать обязательныя постановленія. Предѣлы этого права очень неопредѣленно выражены въ нашемъ законодательствѣ. Они, кромѣ того, не одинаковы въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ состояніи усиленной или чрезвычайной охраны, и въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ въ такомъ состояніи.

По статьѣ 108-й Положенія о земскихъ учрежденіяхъ губернскимъ земскимъ собраніямъ предоставлено право издавать обязательныя для мѣстныхъ учрежденій той же губерніи постановленія, а уѣзднымъ—давать инструкціи уѣзднымъ управамъ своихъ уѣздовъ, равно, какъ и подчиненнымъ имъ лицамъ, съ тѣмъ, во 1-хъ, чтобы означенныя постановленія и инструкціи ни въ какомъ случаѣ не выходили изъ круга вѣдомства предметовъ, предоставленныхъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій, во 2-хъ, чтобы они ни въ чемъ не были противны существующимъ общимъ узаконеніямъ и настоящему положенію.

Городскимъ думамъ предоставлено право издавать распоряженія по городскому благоустройству, обязательныя для жителей (гор. пол., ст. 108-я).

§ 115. **Отношеніе правительственныхъ распоряженій къ закону.** Ст. 51-я Осн. зак. очень опредѣленно и категорично установляетъ общій принципъ, что законы могутъ исходить лишь отъ верховной власти, подчиненныя же мѣста могутъ издавать распоряженія, опредѣляющія мѣры, которыя принимаются къ исполненію закона. Въ ней говорится: „Никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона, и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія самодержавной власти“, а въ примѣчаніи къ ней добавляется: „Мѣры, пріемлемыя къ исполненію закона или учрежденія существующаго и не отмѣняющія никакихъ законовъ предыдущихъ, но служащія къ единому разрѣшенію недоумѣній или затрудненій въ образѣ исполненія, также общія подтвержденія существующихъ постановленій, не составляютъ сами по себѣ новаго закона“. Принципъ выраженъ, такимъ образомъ, очень энергично, но, спрашивается, соотвѣтствуетъ ли этому законоположенію наша практика? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Въ послѣднее время административныя распоряженія стали нормировать очень многіе и очень важные общественные вопросы. Такъ правила, которыя опредѣляютъ организацію и кругъ вѣдомства градоначальства въ Петербургѣ, установлены административнымъ порядкомъ; вся почтовая часть управляется на основаніи министерскихъ циркуляровъ.

Практика, такимъ образомъ, не соотвѣтствуетъ принципу, установленному въ 51-й ст. Осн. зак. Административныя распоряженія не только разъясняютъ смыслъ законовъ и выясняютъ недоразумѣнія, встрѣчающіяся при исполненіи законовъ, но и создаютъ новыя нормы для новыхъ учрежденій. Если, такимъ образомъ, административнымъ распоряженіямъ предоставляется такое важное значеніе, то, спрашивается, не установилъ ли нашъ законъ какихъ-нибудь правилъ, которыя предупреждали бы возможность коллизіи, столкновенія между правительственнымъ распоряженіемъ и закономъ? Возможность такого столкновенія законъ предусмотрѣлъ въ 76-й ст. Осн. зак., которая гласитъ: „Если бы въ указѣ, отъ Правительствующаго Сената послѣдовавшемъ, губернское присутственное мѣсто усмотрѣло что-либо противное закону или интересу Императорскаго Величества, то оно обязано, не исполняя указа, представить о томъ Правительствующему Сенату; если же Сенатъ, находя предоставленное ему заключеніе или сомнѣніе неосновательнымъ, остается при своемъ опредѣленіи и оное подтвердитъ, то учинить уже безмолвное и непремѣнное исполненіе“.

Относительно административныхъ распоряженій министерствъ законъ нашъ устанавливаетъ правила въ 78-й ст. Осн. зак., которая говоритъ: „Если бы въ предписаніи, непосредственно отъ власти министра исходящемъ, начальство, ему подчиненное, усмотрѣло отмѣну закона, учрежденія или объявленнаго прежде Высочайшаго повелѣнія, тогда оно обязано представить о семъ министру. Если ли же и засимъ предписаніе будетъ подтверждено отъ лица министра въ той же силѣ, тогда начальство обязано случай сей представить на окончательное разрѣшеніе Правительствующему Сенату“.

---

# ОТДѢЛЪ IV.

# УЧЕНІЕ О НАРОДѢ.

## ГЛАВА I.

### Ученіе о подданствѣ.

§ 116. **Политическая организація народонаселенія по дѣйствующему русскому праву.** Населеніе Русскаго государства по различію правъ и обязанностей распадается на три группы: 1) на природныхъ русскихъ подданныхъ, 2) на инородцевъ и 3) на иностранцевъ (IX т., ст. 1-я).

Подъ природными русскими подданными понимаются лица, принадлежащія къ одному изъ четырехъ сословій: дворянству, духовенству, городскимъ обывателямъ и сельскимъ обывателямъ (ст. 2-я).

Къ инородцамъ, какъ отдѣльной группѣ, занимающей особое юридическое положеніе, принадлежатъ: 1) сибирскіе инородцы вообще и, въ особенности, сибирскіе киргизы, 2) инородцы, обитающіе на Командорскихъ островахъ, 3) самоѣды, обитающіе въ Мезенскомъ

уѣздѣ Архангельской губ., 4) кочевые инородцы въ Ставропольской губ., 5) калмыки, кочующіе въ Астраханской и Ставропольской губ., 6) ордынцы Закаспійскаго края и 7) евреи (ст. 762).

Иностранцами признаются всѣ вообще подданные другихъ государствъ, не вступившіе установленнымъ порядкомъ въ подданство Россіи (ст. 817).

§ 117. **Пріобрѣтеніе и потеря русскаго подданства.**

I. *Способы пріобрѣтенія.* Русское подданство пріобрѣтается.

*1) Рожденіемъ* въ томъ смыслѣ, что всякій законный ребенокъ отъ русскаго подданнаго есть подданный Россійской имперіи, гдѣ бы онъ ни родился, въ предѣлахъ ли Россіи, или за границей. Что же касается до незаконнорожденныхъ, то они слѣдуютъ участи матери, поэтому относительно нихъ вопросъ рѣшается тѣмъ, чья подданная мать.

*2) Бракомъ* также пріобрѣтается русское подданство. Иностранки, вступившія въ бракъ съ русскими подданными, а также жены иностранцевъ, перешедшихъ въ подданство Россіи, становятся черезъ то самое русскими подданными. Вдовы же, а равно и разведенныя жены, сохраняютъ подданство своихъ мужей (ст. 855-я).

*3) Натурализаціей.* Всѣ иностранцы имѣютъ право вступать въ русское подданство за исключеніемъ: а) дервишей (ст. 821-я) и б) евреевъ (ст. 819-я). Впрочемъ, среднеазіатскимъ евреямъ разрѣшается вступленіе въ русское подданство съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и мѣстныхъ генералъ губернаторовъ съ приписки къ пограничнымъ городамъ Оренбургскаго или Туркестанскаго края подъ условіемъ вступленія въ купеческія гильдіи (прим. къ ст. 811-й по прод. 1890 г.). Кромѣ того, еврейки, русскія подданныя, вступившія въ супружество съ иностранными подданными, если онѣ, не оставляя отечества, овдовѣютъ или разведутся съ мужьями, имѣютъ право возвратиться въ русское подданство. Дѣтямъ, прижитымъ въ такихъ бракахъ, по достиженіи совершеннолѣтія предоставляется объявить, желаютъ ли они принять русское подданство, или выѣхать за границу (ст. 820-я); кромѣ того замужнія иностранки не допускаются къ принятію въ подданство Россіи отдѣльно отъ мужей (ст. 840). Для принятія иностранца въ русское подданство требуется его предварительное водвореніе въ предѣлахъ Россіи, и лишь послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Россіи иностранецъ пріобрѣтаетъ право просить о принятіи его въ русское подданство. Исключеніе изъ этого правила допускается съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ лишь въ пользу иностранцевъ, оказавшихъ Россіи особенныя услуги или же извѣстныхъ замѣчательными талантами, особенными учеными познаніями и проч., а также помѣстившихъ значительные капиталы въ общеполезныя русскія предпріятія. Кромѣ того, иностранцы, состоявшіе въ русской военной или гражданской службѣ, а также духовные иностранныхъ исповѣданій, приглашенные по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ на службу въ Россіи, могутъ, если пожелаютъ, быть допускаемы къ присягѣ на подданство во всякое время и безъ всякихъ сроковъ по усмотрѣнію непосредственнаго ихъ начальства. Наконецъ, дѣти иностранцевъ, не состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, прижитыя и воспитанныя въ Россіи или же хотя и рожденныя за границей, но окончившія курсъ наукъ въ русскихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пріобрѣтаютъ черезъ то право быть допущенными къ принятію

присяги на подданство Россіи, если того пожелаютъ, въ теченіе года со времени достиженія ими совершеннолѣтія, или же право поступить на русскую службу въ теченіе года по достиженіи ими совершеннолѣтія. Тѣ изъ помянутыхъ дѣтей иностранцевъ, которыя въ годовой срокъ ни присяги не примутъ, ни въ службу не опредѣлятся, могутъ впослѣдствіи поступить въ подданство не иначе, какъ на общихъ основаніяхъ, для иностранцевъ установленныхъ (стт. 848, 850, 851).

Желающій поступить въ русское подданство подаетъ прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ прошеніи должно быть указано: чѣмъ занимался, гдѣ и какъ жилъ проситель, и къ какому состоянію онъ желаетъ и имѣетъ право приписаться. Къ этому прошенію прилагаются: 1) свидѣтельство о томъ, что онъ пять лѣтъ прожилъ въ Россіи, 2) актъ состоянія просителя, составленный по формѣ, требуемой въ его отечествѣ. 3) свидѣтельство въ томъ, что онъ отбылъ воинскую повинность въ своемъ отечествѣ или свободенъ отъ нея. Впрочемъ, это свидѣтельство требуется лишь отъ подданныхъ тѣхъ державъ, съ которыми заключены договоры о выдачѣ лицъ, подлежащихъ конскрипціи (стт. 842—844).

Уваженіе просьбы о принятіи въ русское подданство зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, который имѣетъ право отказать въ просьбѣ, хотя бы со стороны просителя были соблюдены при семъ всѣ требуемыя закономъ формальности (ст. 845-я).

Принятіе въ подданство совершается посредствомъ присяги, которая дается въ присутствіи губернскаго правленія. По выдачѣ присяги губернаторъ выдаетъ присягнувшему свидѣтельство о принятіи его въ подданство (стт. 846, 847).

Иностранецъ, принявшій русское подданство, пріобрѣтаетъ права того состоянія, къ которому онъ причисленъ, безъ всякаго различія отъ коренныхъ подданныхъ (ст. 857 я) Эти права онъ, однако, пріобрѣтаетъ только лично, и они не распространяются на преждерожденныхъ дѣтей, будь они совершеннолѣтнія или малолѣтнія; только дѣти, рожденныя по принятіи подданства, признаются русскими подданными (ст. 841-я). Дѣти иностранцевъ, достигшія совершеннолѣтія при принятіи родителями ихъ русскаго подданства, могутъ поступить въ подданство одновременно съ ихъ родителями или по истеченіи года, представляя требуемые при этомъ и указанные нами выше документы за исключеніемъ свидѣтельства о водвореніи. Малолѣтнія же дѣти иностранцевъ, по достиженіи ими совершеннолѣтія, могутъ, если того пожелаютъ, принять русское подданство, пользуясь при этомъ льготными условіями, о которыхъ мы говорили выше (стт. 850, 851).

II. *Потеря русскаго подданства.* Выходъ изъ русскаго подданства нашими законами точнѣе не опредѣляется. Но въ нихъ мы встрѣчаемъ постановленія, указывающія, что при соблюденіи извѣстныхъ условій, онъ возможенъ. Въ прим. 2 къ ст. 32 Учрежд. Комитета Министровъ мы читаемъ: „Министру Внутреннихъ Дѣлъ при представленіяхъ въ Комитетъ Министровъ объ увольненіи изъ подданства Россіи предоставлено совокуплять удостовѣреніе, что къ испрашиваемому увольненію не встрѣчается препятствій по Уставу о Воинской повинности“. Изъ этой статьи слѣдуетъ заключить, что увольненіе изъ русскаго подданства можетъ состояться не иначе, какъ Высочайшимъ

повелѣніемъ, испрашиваемымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ черезъ Комитетъ Министровъ.

Вступленіе въ иностранное подданство безъ такого разрѣшенія признается преступленіемъ и строго карается уголовнымъ закономъ (ст. 327 Улож. о нак.).

---

## ГЛАВА II.

### Пріобрѣтеніе и потеря правъ состоянія.

§ 118. *Организація дворянства.* Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1785 году, Императрица Екатерина II въ своей Жалованной грамотѣ сгруппировала въ одно цѣлое всѣ прежнія права и привиллегіи дворянскаго сословія и дала ему ту сословную корпоративную организацію, которую оно сохранило и по сіе время. Жалованная грамота хотя теперь и уничтожена, тѣмъ не менѣе ея главнѣйшія постановленія сохраняютъ еще свою силу, и эта грамота и въ наши дни составляетъ, такъ сказать, краеугольный камень дворянскихъ правъ и привиллегій. Многія изъ ея опредѣленій вошли въ нынѣ дѣйствующій Сводъ, такъ напр., самое опредѣленіе дворянскаго сословія заимствовано нашимъ Сводомъ изъ Жалованной грамоты. Это опредѣленіе гласитъ: „Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая службу въ заслугу, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное“; эта 1-я статья Жал. грамоты перешла въ ст. 15-ю IX т. Св. зак. Но это опредѣленіе, которое имѣетъ въ виду только дворянство, пріобрѣтаемое рожденіемъ и притомъ только происхожденіемъ отъ древнихъ служилыхъ родовъ, противорѣчитъ ст. 19-й той же Жал. грамоты, статьѣ, которая перешла также въ Сводъ, составивъ вторую часть ст. 15-й, гдѣ говорится, что благородными разумѣются всѣ тѣ, кои или отъ предковъ благородныхъ рождены или монархомъ симъ достоинствомъ пожалованы.

И, дѣйствительно, русское дворянство пріобрѣтается не только рожденіемъ, но и другими способами, которые вторая половина 15-й ст. подводитъ подъ общее понятіе пожалованія. Но прежде, чѣмъ обратиться къ изученію способовъ пріобрѣтенія дворянства, мы должны указать на установляемые нашимъ Сводомъ различные разряды дворянскаго состоянія.

Дворянство со времени Петра дѣлится на потомственное и личное (ст. 16-я). Потомственное дворянство, какъ показываетъ самое его названіе, наслѣдственно, личное же даруется только пожизненно. Личное дворянство было создано знаменитою Табелью о рангахъ 1722 г. Личное дворянство было введено Петромъ съ цѣлью ослабить замкнутость дворянскаго сословія и дать доступъ къ дворянству низшимъ сословіямъ. Какъ извѣстно, обязанность личной военной службы въ Московскомъ государствѣ лежала не на однихъ только дворянахъ. Помѣщики и вотчинники выходили на службу не одни, а въ сопровожденіи сво-

ихъ крестьянъ и даже рабовъ. Такимъ образомъ, въ составъ войска входили высшіе и низшіе члены; но члены низшіе (не изъ дворянъ) никакъ не могли тогда подняться до высшаго сословія, крестьяне не могли путемъ военной службы освободиться отъ крѣпостного состоянія, рабы—отъ рабскаго. Это обусловливалось порядкомъ тогдашней военной службы. Всѣ ратные люди являлись на службу только на время похода, по окончаніи котораго они распускались по домамъ до другого похода и возвращались къ своимъ прежнимъ занятіямъ. Но въ слѣдующій походъ помѣщикъ или вотчинникъ могъ взять съ собой не тѣхъ своихъ людей, которые были съ нимъ въ первомъ походѣ, а другихъ. А такимъ образомъ послѣдніе лишались возможности дослужиться до дворянскаго званія. Этотъ порядокъ при Петрѣ существенно измѣнился. Петръ нуждался въ войскѣ гораздо болѣе, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ. Чтобы дать въ этомъ отношеніи средства государству, онъ ввелъ правильные рекрутскіе наборы и постоянное войско. Петръ бралъ рекрутовъ не только съ дворянъ, но и съ посадскихъ людей и съ крестьянъ, и онъ бралъ ихъ не только на время похода, но на продолжительное время. Петръ дозволялъ даже и холопамъ поступать въ военную службу, хотя бы и противъ воли своихъ господъ. Чтобы поднять духъ этого низшаго сословія, необходимо было предоставить ему право переходить путемъ службы въ высшее. Это и было предоставлено Табелью о рангахъ. По 15-му пункту этого указа всѣ лица низшаго сословія, которыя дослужились до перваго оберъ-офицерскаго чина, получали дворянское званіе и сообщали его тѣмъ изъ своихъ дѣтей, которыя были рождены по полученіи офицерскаго чина, а если всѣ дѣти были рождены прежде полученія офицерскаго чина, то дозволялось просить о возведеніи въ дворянское достоинство какого-нибудь одного изъ нихъ. Точно также и гражданская служба по Табели о рангахъ давала право на возведеніе въ дворянское званіе хотя это право и пріобрѣталось здѣсь не такъ скоро, какъ на военной. Такъ, на военной службѣ давалъ право на дворянство первый оберъ-офицерскій чинъ, на гражданской же службѣ лишь восьмой чинъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что еще прежде изданія Табели о рангахъ въ законодательствѣ Петра встрѣчаются узаконенія, которыя стараются возвысить лицъ низшаго сословія, находящихся на службѣ. Такъ, есть указъ его, относящійся еще къ 1712 г., которымъ предписывается всему „шляхетству“ давать первое мѣсто и оказывать всякія почести каждому оберъ-офицеру, хотя бы онъ былъ и не изъ дворянъ (Сергѣевичъ).

Табель о рангахъ говоритъ собственно только о пріобрѣтеніи службою потомственнаго дворянства, и въ ней понятіе личнаго дворянства не установляется. Но приведенная нами 15-я ст. Таб., которая говоритъ, что лица первыхъ восьми классовъ не сообщаютъ дворянства своимъ дѣтямъ, была истолкована въ томъ смыслѣ, что лица эти суть дворяне, но не потомственные, а личные. Это истолкованіе было принято и освящено Жалованной грамотой, откуда оно и перешло въ Сводъ.

Потомственное дворянство раздѣляется на шесть разрядовъ (ст. 17-я): 1) дворянство жалованное, т.-е. пріобрѣтенное въ силу монаршаго пожалованія. Дворяне этого разряда записываются въ первую родословную дворянскую. 2) Дворянство военное, т.-е. выслуженное на

на службѣ гражданской (запис. во 2-ю книгу). 3) Дворянство военное, т.-е. выслуженное на военной службѣ (запис. въ 3-ю книгу). 4) Иностранные роды, т.-е. тѣ дворянскіе роды, которые вышли изъ иностранныхъ государствъ и были признаны въ своемъ дворянскомъ достоинствѣ русской государственной властью (запис. въ 4-ю кн.). 5) Титулами отличенные роды (княжескіе, графскіе и т. п.; запис. въ 5-ю кн.). 6) Древніе благородные дворянскіе роды (запис. въ 6-ю кн.). Это старинное дворянство, къ которому принадлежатъ только тѣ лица, которыя могутъ доказать свое происхожденіе за 100 лѣтъ до изданія Жалованной грамоты (21 апрѣля 1785 г., т.-е. съ 1685 г.).

Эти различные разряды дворянства не имѣютъ юридическаго значенія, не обусловливая собою никакого различія въ правахъ и обязанностяхъ. „Они указываютъ на различіе въ происхожденіи“ дворянъ и установляютъ еще, если хотите, извѣстное общественное различіе: такъ, дворяне, записанные въ 6-й кн., т.-е. принадлежащіе къ древнимъ дворянскимъ родамъ, считаются чистокровными дворянами; напротивъ, записанные въ 1-й или 2-й книгѣ признаются низшими дворянами. Собственно же права у всѣхъ потомственныхъ дворянъ рѣшительно одинаковы, къ какому бы разряду они ни принадлежали. Различіе между ними проявляется развѣ только въ учебномъ вѣдомствѣ: уставами нашихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній (Пажескаго корпуса, Лицея и Училища правовѣдѣнія) разрѣшено принимать сюда только дѣтей лицъ, записанныхъ въ пятую и шестую родословную книгу дворянства и сыновей чиновниковъ не ниже четвертаго класса (Градовскій, I, стр. 286—287).

§ 119. *Пріобрѣтеніе потомственнаго дворянства.* Потомственное дворянство пріобрѣтается:

1) *Рожденіемъ.* Лица, рожденныя въ законномъ бракѣ отъ дворянъ, суть дворяне, когда бы и на какомъ основаніи родители ихъ не пріобрѣли дворянство. Объ этомъ говорятъ слѣдующія статьи IX т. Ст. 39-я. „Потомственный дворянинъ сообщаетъ состояніе свое всѣмъ его дѣтямъ и потомкамъ обоего пола“. Ст. 39-я: „Потомственное дворянство, пріобрѣтаемое лицами, поступившими изъ податного состоянія въ службу, какъ военную, такъ и гражданскую, и дослужившимися до чиновъ, съ которыми сопряжено право на потомственное дворянство... сообщается отъ лица, оное получившаго, въ равной степени *всѣмъ его дѣтямъ, какъ послѣ полученія имъ чина или ордена, такъ и прежде того рожденнымъ*, не исключая рожденныхъ и въ податномъ состояніи“. Ст. 40-я: „Дѣтямъ лицъ, произведенныхъ въ чины послѣ ихъ смерти, предоставляется право пользоваться сопряженными съ сими чинами преимуществами, если только при удостоеніи отцовъ ихъ къ чину опредѣленный для сего срокъ выслуги окончился прежде ихъ смерти“. Ст. 41: „Если представленному къ награжденію орденомъ, присвоивающимъ права потомственнаго дворянства, будетъ оный пожалованъ послѣ его смерти, по неизвѣстности объ оной, то дѣти его не лишаются правъ, черезъ пожалованіе ордена пріобрѣтенныхъ“.

Это общее правило (дѣти потомственныхъ дворянъ, суть потомственные дворяне) не примѣняется безусловно къ дѣтямъ тѣхъ лицъ, которымъ дворянство пожаловано не по порядку службы, но по Высочайшему усмотрѣнію. Пожалованіе потомственнаго дворянства не по по,

рядку службы есть свободный актъ монаршей воли, который по самой природѣ своей не можетъ быть урегулированъ никакими юридическими правилами. Монархъ можетъ обставить свой актъ милости любыми условіями: отъ него зависитъ опредѣлить его предѣлы и границы. Поэтому при пожалованіи кому-либо дворянства не по порядку службы, но по Высочайшему усмотрѣнію, распространеніе правъ онаго на дѣтей, до пожалованія рожденныхъ, или на одно будущее потомство зависитъ непосредственно отъ Высочайшаго усмотрѣнія (ст. 38-я).

Потомственное дворянство пріобрѣтается не только рожденіемъ отъ потомственныхъ дворянъ, но и происхожденіемъ отъ личнаго дворянина, начиная со внука, если дѣдъ и отецъ этого внука служили въ чинахъ, приносящихъ личное дворянство, не менѣе 20 лѣтъ каждый, и при томъ, когда онъ самъ, достигнувъ 17 лѣтъ, поступитъ на государственную службу и будетъ просить о дарованіи ему потомственнаго дворянства (ст. 34-я).

2. *Бракомъ*. Каждый потомственный дворянинъ сообщаетъ состояніе своей женѣ, несмотря на происхожденіе ея или бракъ предшествовавшій (ст. 42).

3) *Полученіемъ на дѣйствительной службѣ опредѣленнаго чина*— на службѣ гражданской—дѣйствительнаго статскаго совѣтника, на военной—полковника или капитана 1-го ранга по флоту (ст. 20-я). Пріобрѣтеніе потомственнаго дворянства на гражданской службѣ имѣетъ много сходства съ пріобрѣтеніемъ въ силу пожалованія. Дѣло въ томъ что чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника дается не за выслугу лѣтъ, а лишь по усмотрѣнію Государя; срока же, по истеченіи котораго получалось бы право на этотъ чинъ, у насъ вовсе нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника только тогда дается потомственное дворянство, когда онъ былъ полученъ на дѣйствительной службѣ, а не при отставкѣ; точно также и на военной службѣ чинъ полковника только тогда даетъ право на потомственное дворянство, когда онъ былъ полученъ на дѣйствительной службѣ, а не при отставкѣ или переводѣ изъ военной на службу гражданскую. Съ полученіемъ соотвѣтствующаго чина лицо пріобрѣтаетъ соединенные съ нимъ права eo ipso; эти права пріобрѣтаются здѣсь въ силу самаго пожалованія чиномъ и для нихъ не требуется никакого особаго акта признанія. Это выражено прямо въ статьѣ 23-й, которая гласитъ: „Получившій по службѣ чинъ, съ коимъ сопряжено пріобрѣтеніе потомственнаго дворянства, признается дворяниномъ по самому тому чину, безъ особливаго учрежденія его въ семъ состояніи“.

4. *Полученіемъ на дѣйствительной службѣ опредѣленнаго ордена*. Кромѣ чиновъ, потомственное дворянство можетъ быть пріобрѣтено лицами, состоящими на службѣ, какъ военной, такъ и гражданской и духовной, въ силу пожалованія ордена. Оно пріобрѣтается съ полученіемъ всѣхъ высшихъ орденовъ, т.-е. ордена св. Станислава 1-й ст., св. Анны 1-й ст.. св. Владиміра и св. Георгія всѣхъ степеней, Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго и Бѣлаго Орла (ст. 35-я).

5) *Пожалованіемъ самого Императора*. Пожалованіе потомственнаго дворянства есть свободное дѣйствіе одной верховной власти: только ей одной принадлежитъ право выводить лицъ низшаго состоянія въ состояніе высшее. Поэтому пожалованіе не подчиняется никакимъ условіямъ. Правда, оно обыкновенно вызывается какими-нибудь заслу-

гами, но какъ мѣра этихъ заслугъ, такъ и родъ ихъ вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія верховной власти. Въ ст. 19-й мы читаемъ: „Пожалованіемъ потомственное дворянство пріобрѣтается, когда какое-либо лицо возводится въ дворянское достоинство съ потомствомъ не по порядку службы, но по особенному усмотрѣнію самодержавной власти. Отъ непосредственнаго усмотрѣнія и благоизволенія Императорскаго Величества единственно зависитъ также возведеніе въ потомственное дворянство тѣхъ изъ служащихъ, кои, не достигнувъ установленныхъ для того чиновъ, способностями, отличіями по службѣ, безкорыстіемъ и доброю нравственностью обратятъ на себя Высочайшее вниманіе".

III. *Пріобрѣтеніе личнаго дворянства.* Личное дворянство, какъ личная привилегія, т.-е., какъ преимущество, присвоиваемое данному лицу, не можетъ передаваться рожденіемъ. Оно по наслѣдству никому не достается, дѣти же личнаго дворянина причисляются къ городскому же сословію и считаются потомственными почетными гражданами. Изъ того правила, что личное дворянство составляетъ принадлежность только того лица, которое его получило, законъ дѣлаетъ исключеніе только въ пользу жены личнаго дворянина изъ низшаго состоянія на томъ общемъ основаніи, что жена слѣдуетъ состоянію своего мужа въ случаѣ, если мужъ принадлежитъ къ высшему сословію. При этомъ права высшаго состоянія, пріобрѣтаемыя женою въ силу брака, удерживаются ею даже въ томъ случаѣ, если она впослѣдствіи по смерти мужа вступитъ въ бракъ съ лицомъ низшаго состоянія. Такъ, наприм., крестьянка, вышедшая замужъ за личнаго дворянина, дѣлается дворянкой, но она остается дворянкой и въ такомъ случаѣ, если по смерти мужа-дворянина выйдетъ замужъ за крестьянина. *Личное дворянство пріобрѣтается, такимъ образомъ, бракомъ* (ст. 51-я).

На гражданской службѣ личное дворянство пріобрѣтается лишь съ чиномъ IX кл. (т.-е. съ чиномъ титулярнаго совѣтника); на военной же оно пріобрѣтается съ первымъ оберъ-офицерскимъ чиномъ (ст. 47); при отставкѣ отъ военной службы чиномъ полковника или капитана 1 го ранга,—гражданской—чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (ст. 49). Изъ правила, что личное дворянство пріобрѣтается полученіемъ IX кл. не иначе, какъ на службѣ дѣлается исключеніе для лицъ купеческаго сословія, которыя, пожалованныя внѣ порядка службы чиномъ IX кл., пріобрѣтаютъ личное дворянство (ст. 47, прим. 3.).

Личное дворянство пріобрѣтается въ силу пожалованія орденомъ только лицами, состоящими на дѣйствительной службѣ, какъ военной и гражданской, такъ и духовной. Ордена же, съ полученіемъ которыхъ соединяется пріобрѣтеніе дворянства, суть слѣдующіе: орденъ св. Владиміра 4-й ст., св. Станислава 2-й и 3-й ст. и св. Анны 2-й, 3-й и 4-й ст. (ст. 48-я).

Наконецъ, личное дворянство пріобрѣтается пожалованіемъ Императора (Ст. 46).

§ 120. **Духовенство.**

1. *Бѣлое духовенство.* Православное духовенство раздѣляется на бѣлое и черное (монашествующее). Оно является у насъ привилегированнымъ сословіемъ и, кромѣ свободы отъ всѣхъ личныхъ податей, пользуется и свободою отъ воинской повинности, т.-е. той повинности, которая распространяется за этимъ исключеніемъ на всѣхъ русскихъ подданныхъ безъ изъятія (ст. 394).

Въ бѣлое духовенство могутъ вступать лица всѣхъ состояній (ст. 426-я). Ограниченіе установлено только для податныхъ сословій, которыя допускаются къ поступленію въ бѣлое духовенство не иначе, какъ по удостовѣренію епархіальнаго начальства: 1) въ недостаткѣ по его вѣдомству лицъ духовнаго званія къ замѣщенію должностей, 2) въ томъ, что поведеніе и образованіе желающаго вступить въ него соотвѣтствуютъ духовному званію. Исключеніе дѣлается, впрочемъ, для Якутской и Приморской областей Восточной Сибири, гдѣ для пополненія церковныхъ причтовъ принимаются въ духовное званіе способные и надежные люди изъ туземцевъ податнаго состоянія (ст. 427-я).

Духовное званіе пріобрѣталось до закона 1869 г. рожденіемъ: дѣти бѣлаго духовенства причислялись къ духовному классу и поступали на духовныя должности. Но законъ 1869 г. упразднилъ наслѣдственность духовнаго званія. Въ настоящее время дѣти духовныхъ лицъ причисляются къ одному изъ разрядовъ городскихъ обывателей. Къ потомственному почетному гражданству причисляются: 1) дѣти священниковъ и дьяконовъ безусловно; 2) дѣти церковныхъ причетниковъ: дьячковъ, пономарей и псаломщиковъ, подъ условіемъ окончанія ими полнаго курса въ академіяхъ или семинаріяхъ (ст. 511-я); тѣ же, которыя не получили ученой степени въ академіи или семинаріи, причисляются къ разряду личныхъ почетныхъ гражданъ.

Духовное званіе пріобрѣтается бракомъ. Священнослужители и церковные причетники черезъ законный бракъ сообщаютъ права ихъ состоянія своимъ женамъ. Вдовы священнослужителей пользуются правами личнаго дворянства, а вдовы церковныхъ причетниковъ—правами личнаго почетнаго гражданства (ст. 512-я).

II. *Черное духовенство.* Поступающій въ монашество отрекается отъ міра. Но прежде, чѣмъ отречься отъ этого суетнаго міра, онъ долженъ покончить всѣ счеты съ нимъ. На этомъ основаніи запрещается нашимъ закономъ вступать въ монашество лицамъ, которыя въ долгу передъ государствомъ, своимъ семействомъ, своими ближними. Другими словами, запрещается вступать въ монашество: 1) состоящимъ подъ судомъ; 2) обязаннымъ долгами; 3) связаннымъ семейными обязанностями. Запрещается принимать въ монашество мужа отъ жены, законно съ нимъ не разведенной; когда же пожелаютъ постричься оба супруга по взаимному согласію, то надлежитъ принимать въ уваженіе, не имѣютъ ли они дѣтей малолѣтнихъ и требующихъ родительскаго призрѣнія (ст. 413-я).

Поступающій въ монашество долженъ достигнуть возраста, который предполагаетъ вполнѣ сознательное и зрѣлое отношеніе къ своему рѣшенію. Желающіе постричься въ монашество должны имѣть: мужчины 30, а женщины 40 лѣтъ отъ рожденія (ст. 410-я). Постриженіе въ монашество разрѣшается епархіальными архіереями, при чемъ желающими постричься въ монашество должны быть предъявлены: служащими—увольненіе ихъ начальства, а сельскими обывателями и прочими людьми податного состоянія—увольненіе отъ общества и свидѣтельства о согласіи на то казенной палаты (стт. 343-я—345-я).

§ 121. **Пріобрѣтеніе правъ городскихъ обывателей.**

I. *Организація городскихъ обывателей.* Названіе „городской обыватель“ можетъ быть понимаемо въ двоякомъ смыслѣ — обширномъ и тѣсномъ. Въ обширномъ смыслѣ такъ называется всякій, живущій въ

городѣ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ (ст. 493-я). Въ тѣсномъ же смыслѣ подъ именемъ городскихъ обывателей разумѣются лица, причисляемыя закономъ къ среднему роду людей, раздѣляющихся на: 1) почетныхъ гражданъ, 2) купцовъ, 3) мѣщанъ, 4) ремесленниковъ, 5) рабочихъ (ст. 494-я). Горожане въ этомъ тѣсномъ смыслѣ получили свою сословную организацію при Екатеринѣ II. Въ томъ же 1785 г., когда была издана Жалованная грамота дворянству, Екатерина издала другую грамоту: „на права и выгоды городамъ Россійской имперіи". Въ этой грамотѣ сначала опредѣляется, что именно должно разумѣть подъ городскимъ сословіемъ, а потомъ опредѣляются и самыя права его. Что касается до перваго, то Екатерина вполнѣ раздѣляетъ средневѣковый взглядъ на городское сословіе, котораго держалась Западная Европа; она разумѣетъ подъ городскимъ сословіемъ „средній родъ людей", средній классъ. Всѣхъ этихъ среднихъ людей, все городское сословіе, Екатерина соединяетъ въ одно общее названіе мѣщанъ. Подъ мѣщанами она разумѣетъ шесть разрядовъ среднихъ людей: 1) постоянные городскіе обыватели, т.-е. тѣ городскіе жители, которые имѣютъ свои дома въ городѣ, 2) посадскіе люди, 3) ремесленники, 4) купцы, 5) иностранные гости, 6) именитые люди (банкиры, аптекари, художники и т. п.). Всѣ эти шесть разрядовъ городского сословія участвовали въ городскомъ управленіи, въ городской думѣ, черезъ своихъ депутатовъ (отсюда и названіе думы шестигласной, названіе, которое удержалось до введенія Городового положенія). Грамота Екатерины, нѣсколько измѣненная позднѣйшимъ законодательствомъ, до послѣдняго времени составляла главный законъ для устройства нашего городского сословія. И только въ царствованіе Александра II, когда въ законодательствѣ нашемъ обнаружилось стремленіе къ уничтоженію замкнутости сословій, дано новое устройство городскимъ обществамъ, которое открыло доступъ къ городскому управленію всѣмъ жителямъ города, удовлетворяющимъ извѣстнымъ условіямъ, безъ различія сословій. Со введеніемъ этой реформы сословіе городскихъ обывателей распалось на свои составные элементы, утративъ ту связь, которая его объединяла, а именно—право, исключительно принадлежавшее членамъ городского сословія участвовать въ городскихъ дѣлахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ это право перестало быть привилегіей сословной, привилегіей „средняго рода людей", городскихъ обывателей въ тѣсномъ смыслѣ и распространилось на всѣхъ жителей города, удовлетворяющихъ извѣстнымъ условіямъ, т.-е. на городскихъ обывателей въ широкомъ смыслѣ этого слова,—съ тѣхъ поръ городское сословіе утратило объединявшій его признакъ и разложилось на свои составныя части. Оно слилось съ остальнымъ городскимъ населеніемъ въ болѣе обширную всесословную корпорацію—въ городское общество. Въ настоящее время можно, слѣдовательно, говорить не объ отдѣльномъ городскомъ сословіи, а только о тѣхъ разрядахъ, на которые оно подраздѣляется и которые и до сихъ поръ представляются отдѣльными классами русскаго общества, не одинаковыми по своимъ правамъ, по своему общественному положенію и политическому значенію. Эти разряды въ настоящее время слѣдующіе: 1) почетные граждане, 2) купцы, 3) ремесленники или цеховые, 4) мѣщане или посадскіе. Каждый изъ этихъ классовъ, за исключеніемъ только почетныхъ гражданъ, образуетъ по городамъ отдѣльныя корпораціи, а именно: имѣть въ каждомъ городѣ свои собранія (купеческіе,

мѣщанскіе и ремесленные сходы), своихъ представителей (купеческіе и мѣщанскіе старосты и ремесленные головы), а въ большихъ городахъ и свои учрежденія для завѣдыванія текущими дѣлами (купеческія, мѣщанскія и ремесленныя управы).

II. *Почетные граждане.* Привилегированнымъ классомъ изъ названныхъ разрядовъ городского сословія является почетное гражданство, которое одно только не имѣетъ корпоративной организаціи.

Почетное гражданство появилось у насъ лишь въ недавнее время: оно создано Николаемъ I въ 1832 г. Особенность этого общественнаго класса состоитъ въ томъ, что онъ составляетъ особенный разрядъ городскихъ обывателей, права которыхъ нисколько не зависятъ ни отъ занятій, ни отъ состоянія. Извѣстными правами и преимуществами у насъ пользуются и купцы,—другой разрядъ городскихъ обывателей, но они пользуются ими лишь подъ условіемъ платы гильдейскаго сбора, между тѣмъ какъ почетные граждане могутъ и не заниматься никакимъ ремесломъ или промысломъ и въ то же время пользуются извѣстными преимуществами. Почетные граждане дѣлятся на два разряда: потомственныхъ и личныхъ. Первое гражданство переходитъ и на дѣтей получившаго его, а второе не переходитъ (ст. 510).

Потомственное почетное гражданство пріобрѣтается: 1) *рожденіемъ*—потомственными почетными гражданами признаются законныя дѣти: а) личныхъ дворянъ и чиновниковъ, получившихъ сообщающіе личное дворянство ордена, б) священнослужителей, церковныхъ причетниковъ (однако, лишь тѣ, которыя окончили курсъ въ духовной семинаріи или академіи) (ст. 511) 2) *бракомъ*—жена потомственнаго гражданина, если она принадлежитъ къ низшему состоянію, т.-е. не дворянка, дѣлается потомственною почетною гражданкою. Могутъ просить о причисленіи къ потомственному почетному гражданству: 1) лица купеческаго званія: а) пожалованныя въ званіе коммерціи или мануфактуръ совѣтника; в) состоявшія въ первой гильдіи сряду двадцать лѣтъ: с) получившія одинъ изъ россійскихъ орденовъ; д) пріобрѣвшія въ западныхъ губерніяхъ имѣнія, или безъ полученія ссуды и безъ перевода долга, цѣною не ниже 15,000 р.) или же съ полученіемъ ссуды или съ переводомъ долга не ниже 30,000 р.) 2) Лица, получившія въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній ученыя степени: доктора, магистра или лѣкаря. 3. Артисты Императорскихъ театровъ, находившіеся на службѣ не менѣе 15 лѣтъ. 4) Личные почетные граждане, состоящіе не менѣе десяти лѣтъ на извѣстномъ поприщѣ, (ст. 513—515).

Личное почетное гражданство пріобрѣтается: 1) *рожденіемъ*—отъ церковныхъ причетниковъ, не окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ; 2) *усыновленіемъ*—дворянами и почетными гражданами (ст. 512-я); 3) *бракомъ*—женою личнаго почетнаго гражданина и вдовою церковнаго причетника, если онѣ не принадлежатъ по происхожденію къ высшему классу; 4) *чиномъ*—на военной службѣ первымъ оберъ-офицерскимъ чиномъ при отставкѣ, на гражданской службѣ—чиномъ XIV кл., безразлично, на службѣ или при отставкѣ, и 5) личное почетное гражданство пріобрѣтается также *въ силу образованія научнаго или художественнаго*: а) окончившими курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ съ дипломомъ первой или второй степени или же въ другихъ, сравненныхъ въ этомъ отношеніи съ университетомъ, высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (а именно: въ Московскомъ земледѣльческомъ институтѣ, въ Демидов-

скомъ юридическомъ лицеѣ, въ Историко-филологическомъ институтѣ, въ Московскомъ техническомъ училищѣ, въ Петербургскомъ технологическомъ институтѣ), б) окончившими курсъ съ отличіемъ въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (ст. 512-я); в) художниками, получившими дипломъ на званіе художника Академіи Художествъ; 6) полезной дѣятельностью на любомъ поприщѣ въ теченіе десяти лѣтъ (ст. 513-я).

Потомственные почетные граждане передаютъ свое званіе своимъ дѣтямъ и женамъ. Личное же почетное гражданство есть личная привилегія, которая по наслѣдству не передается. Дѣти личныхъ почетныхъ гражданъ должны избрать себѣ родъ жизни, другими словами, приписаться къ одному изъ податныхъ сословій: или къ мѣщанамъ, или къ цеховымъ ремесленникамъ, или къ крестьянамъ, или же они могутъ взять гильдейское свидѣтельство и пріобрѣсти, такимъ образомъ, права купеческаго званія (ст. 527-я).

III. *Купцы.* Купечество пользуется такими же правами и преимуществами, какъ и почетное гражданство. Но всѣми этими преимуществами купечество пользуется только потому, что платитъ опредѣленныя гильдейскія пошлины, такъ что классъ этотъ вовсе не является классомъ привилегированнымъ. По количеству гильдейскихъ пошлинъ платимыхъ купцами, купцы дѣлятся на двѣ гильдіи.

Купцы первой гильдіи платятъ повсемѣстно 565 руб.; купечество является среди городскихъ обывателей такимъ же привилегированнымъ классомъ, какъ и почетные граждане. Купцы пользуются всѣми преимуществами почетныхъ гражданъ, но сверхъ этихъ преимущества надѣлены еще правомъ производить торговлю и имѣть промышленныя заведенія.

Различіе же между потомственными почетными гражданами и купцами въ отношеніи къ этимъ преимуществамъ различается въ томъ, что первые пріобрѣтаютъ ихъ въ силу рожденія, пожалованья или образованія и передаютъ эти преимущества своему потомству, вторые же пользуются ими лишь подъ условіемъ оплаты ими купеческихъ и промысловыхъ свидѣтельствъ.

*Купеческія свидѣтельства* слѣдуетъ строго отличать отъ *промысловыхъ свидѣтельствъ.*

Купеческое свидѣтельство, которое нашимъ законодательствомъ называется и сословнымъ и гильдейскимъ является признакомъ принадлежности къ купеческому сословію, по ст. 227 Устава о прямыхъ налогахъ (т. V Св. Зак. изд. 1893 г.) Купеческія свидѣтельства предоставляютъ лицамъ, ихъ взявшимъ, сверхъ правъ на торговлю званіе купеческое и соединенныя съ онымъ личныя *права* преимущества. Промысловое же свидѣтельство никакими сословными преимуществами лицъ взявшихъ его не надѣляетъ, а предоставляетъ имъ лишь права торговли. Дворянинъ, почетный гражданинъ, мѣщанинъ, крестьянинъ, взявъ промысловое свидѣтельство, не перестаютъ принадлежать къ своему сословію и лишь пріобрѣтаютъ право торговли. Купеческое свидѣтельство необходимое условіе принадлежности къ купеческому сословію, но это не единственное условіе другимъ условіемъ является взятіе промысловаго свидѣтельства.

Купецъ, чтобы быть таковымъ, долженъ имѣть право торговать; этимъ же правомъ не надѣляетъ его купеческое свидѣтельство, которое

является лишь сословной, такъ сказать, грамотой, закрѣпляющей за ея обладателемъ сословныя преимущества; право на торговлю даетъ промысловое свидѣтельство. Лицо, поэтому, желающее стать купцомъ, должно кромѣ сословнаго свидѣтельства, выбрать еще промысловое свидѣтельство.

Иное значеніе имѣло купеческое (гильдейское) свидѣтельство до введенія въ 1898 г. Положенія о промысловомъ налогѣ по положенію пошлинахъ за право торговли 1865 для пользованія сословными правами было достаточно купеческаго (гильдейскаго) свидѣтельства, и взятіе торговаго билета было необязательно. Наоборотъ, лица, не желавшія пользоваться сословными купеческими правами, но желавшія пріобрѣсти лишь право на торговлю, были обязаны сверхъ билета на торговое или промышленное заведеніе брать купеческія свидѣтельства, такія лица именовались временными купцами, которыми могли быть и дворяне, и мѣщане и купцы.

Нынѣ же дѣйствующее законодательство (положеніе о промысловомъ налогѣ 1898 г.), какъ мы уже сказали, строго разграничиваетъ роды свидѣтельствъ на права и права сословныя: оно постановляетъ, что *для пріобрѣтенія торговыхъ правъ достаточно взятія промыслового свидѣтельства;* для пріобрѣтенія же сословныхъ правъ необходима кромѣ промыслового свидѣтельства выборка еще сословнаго купечества. Отсюда вытекаетъ, что по нынѣ дѣйствующему законодательству пользованіе купеческими правами обязательно должно быть сопряжено съ занятіемъ торговлей и промысломъ и что лица, не имѣющія по закону права или не желающія выходить изъ прежняго состоянія (т. е. лица, носившія ранѣе наименованіе купцовъ временныхъ), освобождаются отъ возлагавшейся на нихъ прежде обязанности выбирать купеческое свидѣтельство; другими словами, купеческое свидѣтельство, по дѣйствующему законодательству, служитъ несомнѣннымъ признакомъ принадлежности обладателя его къ купеческому сословію съ вытекающими отсюда пользованіемъ сословными купеческими правами.

Купеческія свидѣтельства эти были двухъ разрядовъ: первой гильдіи — для оптоваго торга и второй гильдіи—для розничнаго (ст. 228 я Устава о прямыхъ налогахъ. Св. Зак. т. V). Существованіе этихъ двухъ разрядовъ купеческихъ свидѣтельствъ обусловливаетъ собою дѣленіе купеческаго сословія на двѣ группы: купцовъ 1-й гильдіи и купцовъ 2-й гильдіи. *Купцы первой гильдіи* обязаны взять: 1) *купеческое свидѣтельство* съ уплатой за оное въ годъ—пятидесяти рублей; 2) *промысловое свидѣтельство* или а) на *торговыя* предпріятія перваго разряда или в) на *промышленныя* предпріятія одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ или с) на *пароходныя* предпріятія, за содержаніе которыхъ уплачено свыше пятисотъ рублей основнаго промысловаго налога.

*Купцы второй гильдіи* обязаны взять: 1) *купеческое* свидѣтельство съ уплатой за оное въ годъ—двадцати рублей; 2) *промысловое свидѣтельство* или а) на торговыя предпріятія второго разряда или в) на промышленныя предпріятія четвертаго либо пятаго разряда или с) на *пароходныя* предпріятія, за содержаніе которыхъ уплачено основнаго промысловаго налога свыше пятидесяти до пятисотъ рублей (ст. 532-я и 533-я т. IX).

Купеческое званіе, понятно, не можетъ быть передаваемо по наслѣдству. Купеческое званіе рожденіемъ не пріобрѣтается: оно пріі-

обрѣтается исключительно взятіемъ гильдейскаго свидѣтельства. Право брать эти свидѣтельства имѣетъ всякій, за исключеніемъ священнослужителей и церковныхъ причетниковъ да лицъ, лишенныхъ правъ по суду. Купецъ сообщаетъ состояніе своей женѣ, когда она происхожденія низшаго, но жена купца пользуется этимъ званіемъ только до тѣхъ поръ, пока мужъ ея самъ состоитъ въ гильдіи. И купецъ сообщаетъ личныя права своего состоянія не только женѣ, но и всѣмъ членамъ своей семьи, записаннымъ въ его купеческое свидѣтельство. Въ это свидѣтельство, кромѣ жены и дѣтей, вносятся и внуки отъ сыновей и незамужнія сестры. По смерти же главы семьи личныя купеческія права сохраняютъ только его вдова и дѣти; торговыми же правами они пользоваться не могутъ, пока не возьмутъ гильдейскаго свидѣтельства на свое имя.

Права купеческаго состоянія сообщаются также и усыновленіемъ. Усыновленіе, какъ способъ пріобрѣтенія правъ состоянія вообще, допускается нашимъ зяконодательствомъ, сравнительно съ другими способами, въ очень ограниченныхъ случаяхъ и имѣетъ значеніе только по отношенію къ непривилегированнымъ классамъ. Лица же привилегированныя, какъ дворяне и почетные граждане, не могутъ усыновлять и усыновленнымъ ими сообщать права своего состоянія. Причина этого понятна. Если бы дворянамъ или почетнымъ гражданамъ предоставить право усыновлять лицъ низшихъ классовъ, то это значило бы то же самое, что предоставить имъ право раздавать по своей волѣ дворянское достоинство и званіе почетнаго гражданина. Сообщать, поэтому, права состояній черезъ усыновленіе могутъ только лица непривилегированныхъ сословій: купцы, мѣщане и крестьяне. Они могутъ усыновлять какъ лицъ, непомнящихъ родства (т.-е. подкидышей), такъ и помнящихъ родство, но только принадлежащихъ къ какому-нибудь изъ низшихъ же сословій.

IV. **Мѣщанское состояніе сообщается:**

1) *рожденіемъ* (дѣти мѣщанина пользуются состояніемъ его потомственно—ст. 569-я); *2) бракомъ* (мѣщанинъ сообщаетъ состояніе свое женѣ, если она происхожденія низшаго—ст. 568-я); *3) усыновленіемъ* (сверхъ брака и рожденія, мѣщанское состояніе сообщается также приписку усыновленнаго къ семейству усыновителя (ст. 570-я).

**Мѣщанское состояніе пріобрѣтается:**

1) причисленіемъ къ обществу; 2) припиской въ обществу. *Причисленіе должно строго отличать отъ приписки.* Причисленіе можетъ состояться не иначе, какъ съ согласія общества, и предоставляетъ приписанному право голоса въ мѣщанскомъ обществѣ (ст. 563-я). Для приписки же къ обществу такого согласія не требуется, но оно и не предоставляетъ приписанному права голоса въ мѣщанскомъ обществѣ. Этотъ послѣдній способъ пріобрѣтенія мѣщанскаго состоянія обусловливается существованіемъ разряда лицъ, обязанныхъ избирать себѣ родъ жизни. Эти лица съ одной стороны не удовлетворяютъ условіямъ, необходимымъ для пріобрѣтенія правъ одного изъ привилегированныхъ сословій, съ другой стороны не могутъ приписаться къ крестьянскому обществу. Въ крестьянскія общества могутъ вступать или лица, уже имѣющія поземельную собственность, или лица таковой не владѣющія. Эти послѣднія, въ случаѣ принятія ихъ въ общество, получаютъ право на надѣлъ и на пользованіе мірской землею. Такъ какъ земля эта

ограничена, то и пріемъ лицъ въ крестьянское общество долженъ быть ограниченъ, и можетъ состояться лишь съ разрѣшенія собственника мірской земли, т.-е. съ добровольнаго согласія крестьянскаго общества. Приписка же къ мѣщанскому обществу, которая не даетъ вступающему въ него никакихъ правъ и не налагаетъ на мѣщанское общество по отношенію къ вступающему никакихъ обязанностей, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя были бы не по силамъ мѣщанскому обществу. Этимъ и обусловливается то постановленіе нашего законодательства, по которому лица, не принадлежащія ни къ какому сословію, обязаны приписаться къ мѣщанскому обществу, которое въ свою очередь не имѣетъ права имъ въ этомъ отказать. Такими лицами являются между прочимъ: питомцы воспитательныхъ и сиротскихъ домовъ, незаконорожденные, подкидыши и непомнящія родства, иновѣрцы, принявшіе христіанскую вѣру, иностранцы, принявшіе русское подданство (ст. 564-я). Эти лица могутъ *приписаться* къ мѣщанскому обществу безъ его согласія и, пока не будутъ *причислены* къ нему правомъ голоса въ немъ не пользуются. По истеченіи пяти лѣтъ они обязаны исходатайствовать себѣ причисленіе къ обществу, которое имѣетъ право отказать ими въ этомъ лишь тогда, когда проситель опороченъ судомъ или имѣетъ явный и довѣріе нарушающій порокъ (ст. 566-я).

Мѣщанское общество является, нѣкоторымъ образомъ, сосудомъ, въ который вливаются элементы, не находящіе себѣ мѣста въ другихъ сословныхъ обществахъ, элементы поэтому крайне разнородные, а подчасъ и малонадежные. Эти элементы не объединены никакими общими интересами и никакими общественными связями. Они вступаютъ въ мѣщанство въ силу условій, по самой природѣ своей скорѣе способныхъ разъединять людей, чѣмъ связывать ихъ и объединять; эти условія—отсутствіе связей какъ съ землею такъ, и съ той или другой органической общественной группой. Эти условія далее не положительнаго характера, а отрицательнаго: вступаютъ въ мѣщанство непомнящіе родства, незаконнорожденные, не могущіе быть приняты въ другія сословныя общества.

Изъ городскихъ состояній мѣщанское сословіе является наиболѣе обдѣленнымъ: оно не пользуется тѣми преимуществами, которыя предоставлены почетнымъ гражданамъ и купцамъ. Мѣщане, получая паспорты на срокъ, не пользуются свободой передвиженія; а тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ деревняхъ, подчиняются въ отношеніи полиціи и суда дѣйствію правилъ установленныхъ для лицъ сельскаго состоянія; другими словами наравнѣ съ крестьянами подвѣдомственны земскому начальнику и подъ страхомъ ареста, налагаемаго безъ суда формальнаго разбирательства, обязаны подчиняться его требованіямъ и распоряженіямъ (ст. 507-я). Мѣщане, живущіе въ городѣ, образуютъ мѣщанское общество, которому предоставляется, съ утвержденія губернатора учреждать, мѣщанскія управы (ст. 597-я). Тамъ-же, гдѣ такихъ управъ не существуетъ, функціи управъ отправляются мѣщанскими старостами и ихъ помощниками десятскими (ст. 598-я), избираемыми на три года (ст. 599-я).

V. *Цеховые* не образуютъ собою сословія, подобно мѣщанамъ, почетнымъ гражданамъ и дворянамъ. Цеховое званіе, подобно купеческому и духовному званіямъ, пріобрѣтается при соблюденіи извѣстныхъ условій лично и потомству не передается. Отличается оно отъ купеческаго званія тѣмъ, что послѣднее даетъ лицу, пока оно платитъ гиль-

дейскій сборъ, права личнаго почетнаго гражданина, а званіе цехового не даетъ права мѣщанина.

Цеховой—тотъ-же мѣщанинъ, который отличается отъ послѣдняго не своими правилами состоянія, а лишь правами въ области промышленной дѣятельности. Мѣщанинъ, ставъ цеховымъ, не мѣняетъ своихъ правъ состоянія, а пріобрѣтаетъ лишь права на льготныя промышленныя дѣйствія (ст. 298 я Устава промышленности).

Цеховые дѣлятся на двѣ категоріи, разграниченныя рѣзкими отличительными чертами. Къ первой принадлежатъ причисленные къ цеховому состоянію безсрочно (на неограниченное время), ко второй причисленные на нѣкоторое время съ сохраненіемъ прежняго состоянія (ст. 369-я Устава промышленности).

На неограниченное время съ причисленіемъ къ цеховому состоянію въ званіи мастера, подмастерья или ученика, могутъ быть записаны въ цехи всѣ тѣ, коихъ дозволяется принимать въ мѣщанское состояніе. Такое причисленіе къ цеховому состоянію требуетъ увольнительное свидѣтельство отъ прежняго общества и пріемное свидѣтельство отъ цехового (370). Временно безъ перемѣны состоянія дозволяется записываться въ цехи: мѣщанамъ, крестьянамъ и иностранцамъ (373), при чемъ мѣщане могутъ записываться на такое время, какое пожелаютъ (374); крестьянамъ же дозволяется временно записываться въ цехи на срокъ ихъ паспортовъ (375).

Существованіе этихъ двухъ категорій цеховыхъ обусловливаетъ собою и существованіе двухъ родовъ цеховъ: 1) вѣчныхъ, 2) временныхъ.

Въ вѣчные цехи записываются цеховые, причисленные къ цеховому состоянію; во временные вступаютъ цеховые, которые лишь причисляются къ цеховому званію временно, безъ перемѣны состоянія (ст. 297).

Вступленіе въ вѣчные цехи предоставляетъ, кромѣ права на промыслъ, еще права состоянія; крестьянинъ, вступившій въ цехъ, перестаетъ быть крестьяниномъ, а вступаетъ въ городское сословіе; принадлежность же къ временному цеху не вліяетъ на права состоянія и даетъ лишь права на ремесленный промыселъ. Этотъ промыселъ цеховыхъ ремесленниковъ по опредѣленію ст. 298-ой состоитъ въ томъ, чтобы: 1) ручною работою разныхъ вещей изъ мастерства пріобрѣтать плату и тѣмъ имѣть себѣ содержаніе; 2) въ мастерской для дѣла вещей ихъ мастерства имѣть наемныхъ подмастерьевъ, а отъ работы ихъ себѣ выгоду; 3) для работы своего мастерства служить за плату на фабрикахъ и заводахъ; 4) учить своему мастерству учениковъ за плату или какую либо выгоду; 5) отдавать въ наемъ свою устроенную мастерскую или инструменты; 6) подряжаться изъ чьихъ-либо матеріаловъ работать вещи своего мастерства и за работу получать плату.

Если подъ цеховыми понимаютъ одинъ изъ временныхъ классовъ людей, связанныхъ общими правами состоянія, то къ нимъ принадлежатъ только записанные въ вѣчные цехи; причисленные же къ цехамъ временно не образуютъ собою особой группы населенія а принадлежатъ къ иностранцамъ, или къ крестьянскому сословію или къ мѣщанскому.

Цеховые, записанные въ цехъ навсегда, подлежатъ тѣмъ же государственнымъ и земскимъ повинностямъ, коимъ подлежатъ и мѣстные; мѣщане же, записанные въ цехи, платятъ государственныя крестьянскія повинности по тому состоянію, которому принадлежатъ (449, 450).

Принадлежащіе къ вѣчнымъ цехамъ имѣютъ свое управленіе, въ которомъ не участвуютъ причисленные къ временнымъ цехамъ.

§ 122. **Сельскіе обыватели.**

I. *Организація сельскихъ обывателей.* До введенія крестьянской реформы сельское состояніе распадалось на нѣсколько разрядовъ (крестьянъ помѣщичьихъ, государственныхъ, удѣльныхъ, коннозаводскихъ, ямщиковъ, однодворцевъ). Эти разряды, съ отмѣною крѣпостного права и позднѣйшими узаконеніями, были упразднены, такъ что въ настоящее время сельскіе обыватели представляютъ собою однородный классъ людей, управляемыхъ, за немногими и несущественными исключеніями, на общемъ основаніи Положенія 19-го февраля 1861 года.

II. *Пріобрѣтеніе правъ сельскаго состоянія.* Сельское состояніе пріобрѣтается: 1) *рожденіемъ* — сельскій обыватель сообщаетъ свое состояніе своимъ дѣтямъ; 2) *бракомъ* — сельскій обыватель сообщаетъ свое состояніе и женѣ, когда она по происхожденію своему не принадлежитъ къ состоянію высшему (ст. 673-я); 3) *усыновленіемъ* — сверхъ рожденія и брака сельское состояніе сообщается воспитаніемъ подкидышей, сиротъ и непомнящихъ родства, которые приписываются къ крестьянскому семейству (ст. 674-я); 4) *припиской* — въ состояніе сельскихъ обывателей могутъ записываться купцы, мѣщане и вообще лица непривилегированныхъ сословій (ст. 701-я). Желающій приписаться долженъ испросить пріемный приговоръ сельскаго общества (ст. 702-я), которое отводитъ ему надѣлъ. Крестьянинъ же, который уже имѣетъ или пріобрѣтетъ въ собственность участокъ земли, можетъ, получивъ увольненіе изъ своего общества, приписаться по своему желанію къ другому обществу, безъ участія въ пользованіи мірскимъ надѣломъ. Но для этого требуется, чтобы величина участка, пріобрѣтеннаго крестьяниномъ въ собственность, была не ниже нормальнаго участка, и кромѣ того, чтобы участокъ этотъ находился въ разстояніи не далѣе 15 верстъ отъ мѣста водворенія того общества, къ которому владѣлецъ участка желаетъ приписаться (Общее положеніе, ст. 221-я). Наконецъ, всѣ лица податныхъ сословій могутъ приписываться къ сельскому состоянію безъ права на надѣлъ. Такія лица приписываются прямо къ волости, не вступая въ сельское общество. Для такой приписки они должны получить увольнительный приговоръ отъ прежняго общества и заручиться согласіемъ на ихъ приписку волостного схода той волости, къ которой они желаютъ приписаться. Такія лица подчиняются волостному правленію и мѣстнымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ наравнѣ съ другими крестьянами. Но пока они не пріобрѣтутъ поземельной собственности, означеннымъ лицамъ не предоставляется права на участіе въ выборахъ должностныхъ лицъ общественнаго крестьянскаго управленія и вообще они участвуютъ въ волостномъ сходѣ только по тѣмъ его дѣламъ, которые касаются ихъ, напр., по назначенію и раскладкѣ мірскихъ сборовъ и повинностей, относящихся до волости (ст. 222-я, Общ. полож.).

§ 154. **Потеря правъ состоянія.** Способы потери правъ состоянія различны. Одни относятся ко всѣмъ сословіямъ, другіе же только къ нѣкоторымъ.

I. Къ первымъ, т.-е. къ общимъ для всѣхъ сословій, относится потеря правъ состоянія по приговорамъ суда. По судебнымъ при-

говорамъ подвергаются: а) или лишенію всѣхъ правъ состоянія, б) или только особенныхъ правъ и преимуществъ, или же, наконецъ, в) нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ.

II. Къ особеннымъ способамъ потери состоянія относится прежде всего переходъ лица изъ одного сословія въ другое. Здѣсь утрачиваются не всѣ права, а только нѣкоторыя, взамѣнъ которыхъ пріобрѣтаются другія, иногда высшія, такъ какъ этотъ переходъ изъ одного сословія въ другое можетъ совершаться въ двухъ направленіяхъ: или изъ высшаго сословія въ низшее, или же, наоборотъ, изъ низшаго сословія въ высшее. При переходѣ изъ низшаго въ высшее сословіе утрачиваются всѣ права прежняго состоянія (ст. 675-я). Такъ, напр., крестьянинъ, приписавшійся къ купеческому обществу, утрачиваетъ всѣ права, какими онъ обладалъ въ качествѣ члена сельскаго общества. Но при переходѣ изъ высшаго состоянія въ низшее не всегда утрачиваются всѣ права прежняго состоянія. Такъ, напр., почетный гражданинъ, записывающійся въ цехъ, сохраняетъ лично право свободы отъ тѣлеснаго наказанія и подушной подати, и дѣти его не теряютъ ни одного изъ правъ, по рожденію имъ принадлежащихъ (ст. 529-я).

Потомственные почетные граждане изъ дѣтей личныхъ дворянъ, приписывающіеся къ мѣщанскому обществу, именуются мѣщанами, но сохраняютъ право свободы отъ платежа податей и тѣлеснаго наказанія (ст. 548-я).

---

## ГЛАВА III.

### Права и обязанности русскихъ подданныхъ.

§ 155. **Право личной свободы.**

I. *Охрана свободы.* Великимъ преобразовательнымъ актомъ 19-го февраля 1861 г., упразднившимъ крѣпостную зависимость, права личной свободы распространились на всѣхъ безъ исключенія русскихъ подданныхъ. Онъ уничтожилъ самый тяжкій видъ ограниченія личной свободы, существовавшій у насъ, и уничтожилъ его разъ навсегда.

Всѣ русскіе подданные свободны и всѣ въ одинаковой степени пользуются охраной своей свободы подъ сѣнью закона. Этотъ законъ стоитъ на стражѣ того, чтобы никто не сдѣлалъ другого своимъ рабомъ или ограничилъ его свободу.

Но этимъ далеко не исчерпывается обязанность государства въ дѣлѣ обезпеченія личной свободы. Государство не только не должно терпѣть отношеній, которыя ставятъ личную свободу одного лица въ зависимость отъ произвольнаго распоряженія другого лица,—оно обязано предупреждать всякій произволъ вообще, могущій умалить или ограничить свободу лица, оно должно реагировать противъ всякаго произвольнаго посягательства на личную свободу, отъ кого бы это посягательство ни исходило, отъ частныхъ ли лицъ, или органовъ государства.

Наше законодательство охраняетъ личную свободу отъ посягательства на нее частныхъ лицъ тѣми статьями нашего Уложенія о наказаніяхъ, которыя грозятъ строгой карой всякому, кто лишитъ кого свободы. По Улож. о наказ. (стт. 1540—1544) кто кого лишитъ самовольно или насильственно свободы, тотъ приговаривается: 1) въ случаѣ, когда самовольное задержаніе продолжалось не болѣе недѣли, къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 — 4 мѣсяцевъ; 2) въ случаѣ, если такое задержаніе продолжалось не болѣе трехъ мѣсяцевъ, — къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 8—16 мѣсяцевъ; 3) если оно продолжалось болѣе трехъ мѣсяцевъ, то къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе по 4-й или 5-й степени, ст. 31 сего Уложенія, или же по усмотрѣнію суда къ заключенію въ крѣпости на сроки, въ ст. 34 сего Улож. указанные съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Если задержаніе сопровождалось истязаніями или иными мученіями или коснулось лицъ, близкихъ виновному, то наказанія налагаются еще болѣе суровыя.

Наше законодательство оберегаетъ личную свободу и отъ нарушеній со стороны органовъ государства и установляетъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью предупреждать произвольныя посягательства правительственныхъ органовъ на свободу лица.

Государство бываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ вынуждено, въ интересахъ общаго блага и въ интересахъ свободы, ограничивать свободу отдѣльнаго лица. Оно налагаетъ ограниченія: 1) какъ кару за преступленіе, 2) какъ средство лишить подозрѣваемаго въ преступленіи возможности уклониться отъ суда, 3) какъ мѣру предупрежденія и пресѣченія преступленій. Но государство во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, налагающихъ стѣсненія на личную свободу, должно быть связано извѣстными, закономъ опредѣленными, формальностями, ограждающими личную свободу отъ всякаго произвола и насилія со стороны органовъ государства.

II. *Государство налагаетъ стѣсненіе на личную свободу, какъ кару за преступленіе.* Для предупрежденія произвола при отправленіи государственными органами карательной дѣятельности законъ опредѣляетъ: 1) что наказаніе, связанное съ лишеніемъ свободы, можетъ быть наложено только судомъ, 2) что судъ при наложеніи наказанія связанъ извѣстными правилами, обезпечивающими его безпристрастіе. Эти принципы нашли себѣ выраженіе и въ нашемъ законодательствѣ. Ст. 10-я XI т. по изд. 1876 г. гласитъ: „Никто не можетъ быть лишенъ правъ состоянія или ограниченъ въ сихъ правахъ иначе, какъ по суду за преступленіе“. Ст. 1-я Устава уголовнаго судопроизводства: „Никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава“. Правила эти допускаютъ, однако, нѣкоторыя исключенія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ цѣлесообразнымъ предоставлять наложеніе кары за маловажныя преступленія административнымъ органамъ. Судебный порядокъ требуетъ значительныхъ расходовъ и связанъ со сложнымъ дѣлопроизводствомъ, отнимающимъ много времени.

Эта трата матеріальныхъ средствъ и времени имѣетъ полное оправданіе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о важныхъ сторонахъ государственной жизни и затрогиваются существенные интересы личности. Дѣла же, касающіяся второстепенныхъ и мелкихъ интересовъ, не оправдываютъ этихъ жертвъ, и къ нимъ примѣненіе судебнаго порядка можетъ быть признано, съ достаточнымъ основаніемъ, нецѣлесообразнымъ. Однако, предоставленіе административнымъ органамъ карательной власти по маловажнымъ дѣламъ допустимо лишь подъ условіемъ, чтобы оно не угрожало существеннымъ интересамъ личности. Оно, поэтому, можетъ быть оправдано по дѣламъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о проступкахъ, угрожающихъ виновному кратковременнымъ лишеніемъ свободы и притомъ не обставленнымъ суровыми условіями, и, кромѣ того, лишь въ томъ случаѣ, если виновный не протестуетъ противъ наложенія на него кары не судебнымъ порядкомъ. Это послѣднее условіе имѣетъ существенное значеніе въ дѣлѣ охраненія личной свободы. Всякій имѣетъ право требовать, чтобы кара, связанная хотя бы съ незначительнымъ стѣсненіемъ его свободы, налагалась при соблюденіи всѣхъ тѣхъ условій гарантіи безпристрастія, которыя представляетъ судебное разбирательство. Если, поэтому, извѣстныя дѣла, въ виду ихъ маловажности и въ интересахъ упрощенія дѣлопроизводства, и могутъ быть предоставлены административнымъ органамъ, то, съ другой стороны, интересы личной неприкосновенности даютъ всякому, хотя бы и обвиненному въ маловажномъ поступкѣ, право требовать, чтобы кара, связанная со стѣсненіемъ его личной свободы, была бы наложена на него не иначе, какъ судомъ. Эти два требованія въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ находятъ себѣ примиреніе постановленіемъ, по которому маловажныя дѣла тогда только предоставляются административнымъ органамъ, когда обвиняемый не возражаетъ противъ несудебнаго разбирательства; въ противномъ же случаѣ имъ дается ходъ въ общемъ судебномъ порядкѣ (см., наприм., Германскій Уст. § 453).

Наше законодательство предоставляетъ администраціи маловажныя дѣла, но не признаетъ за лицомъ, противъ котораго такое дѣло направлено, права возражать противъ несудебнаго разбирательства и требовать судебнаго разбора дѣла, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и угрожаютъ обвиняемому наказаніемъ, связаннымъ съ ограниченіемъ личной свободы. Къ этому послѣднему разряду принадлежатъ дѣла о нарушеніи благоустройства и благочинія, перечисленныя въ приложеніи къ ст. 1214-й Уст. угол. судопр. (дѣла по нарушенію уставовъ: врачебнаго, карантиннаго, биржевого, ремесленнаго, о народной переписи, о содержащихся подъ стражею и правилъ о торговомъ мореплаваніи и о порядкѣ собраній общественныхъ и сословныхъ). Нарушенія эти обложены арестомъ или денежными взысканіями, но безъ права замѣны ихъ, въ случаѣ несостоятельности, заключеніемъ или общественными работами (административнымъ органамъ предоставляются и другія маловажныя дѣла, какъ, наприм., дѣла о нарушеніи уставовъ казеннаго управленія; но такъ какъ наказанія за эти нарушенія не связаны съ ограниченіемъ личной свободы, то мы о нихъ здѣсь не говоримъ). Гораздо болѣе важное исключеніе изъ правила, что наказаніе, связанное съ ограниченіемъ свободы, можетъ быть наложено только судомъ, установляютъ тѣ чрезвычайныя карательныя полномочія, которыми облекается администрація для борьбы противъ исключительной опасности, грозящей госу-

дарственному порядку. Если такія карательныя полномочія могутъ быть оправданы, то только въ виду исключительной опасности и, во всякомъ случаѣ, только какъ мѣра временная. Какъ на такую временную мѣру и должно смотрѣть на „Положеніе 4-го сентября 1881 года о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія". Оно не имѣетъ характера общаго закона и распространяется только на извѣстныя мѣстности, при наступленіи извѣстныхъ исключительныхъ обстоятельствъ. Въ ст. 4-й этого Положенія мы читаемъ: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда проявленія преступной дѣятельности лицъ, злоумышляющихъ противъ государственнаго порядка и общественной безопасности, принимаютъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ столь угрожающій характеръ, что вызываютъ необходимость особыхъ мѣропріятій мѣстности эти объявляются въ установленномъ ниже порядкѣ въ исключительномъ положеніи". На основаніи Положенія 4-го сентября 1881 г. въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ состояніи усиленной охраны, генералъ-губернаторамъ, а въ мѣстностяхъ, имъ не подчиненнымъ, губернаторамъ и градоначальникамъ предоставляется право издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности, устанавливать за нарушеніе таковыхъ обязательныхъ постановленій взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ 50 рублей, разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніяхъ изданныхъ ими обязательныхъ правилъ, при чемъ генералъ-губернаторы могутъ уполномочивать на разрѣшеніе сихъ дѣлъ подчиненныхъ имъ начальниковъ губерній и оберъ-полицеймейстеровъ (стт. 15-я и 16-я).

III. *Государство налагаетъ, во-вторыхъ, ограниченія на личную свободу, какъ средство лишить подозрѣваемаго въ преступленіи возможности уклониться отъ слѣдствія и суда.* Мѣры пресѣченія подозрѣваемому способовъ уклониться отъ слѣдствія возлагаются у насъ до прибытія судебнаго слѣдователя на полицію. Одной изъ этихъ мѣръ является задержаніе подозрѣваемаго. Для предупрежденія произвола при принятіи этой мѣры законъ точно опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ полиція имѣетъ право задержать подозрѣваемаго. Полиція имѣетъ это право, когда имѣются на лицо объективные признаки связи между преступленіемъ и подозрѣваемымъ, а именно, когда подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ него. Если же эта очевидная непосредственная связь между преступленіемъ и преступникомъ порвана, то полиціи имѣетъ право задержать подозрѣваемаго только въ томъ случаѣ: а) когда потерпѣвшее отъ преступленія лицо или очевидцы укажутъ прямо на подозрѣваемое лицо, б) когда на подозрѣваемъ или въ его жилищѣ найдены будутъ явные слѣды преступленія, в) когда вещи, служащія доказательствомъ преступнаго дѣянія, в) принадлежатъ подозрѣваемому или оказались при немъ, г) когда подозрѣваемый сдѣлалъ покушеніе на побѣгъ или пойманъ во время или послѣ побѣга. Когда же такихъ улик нѣтъ, то полиція имѣетъ право задержать подозрѣваемаго лишь въ томъ случаѣ, если подозрѣваемый не имѣетъ постояннаго жительства или осѣдлости (ст. 257-я Уст. угол. судопроизв.).

Право задержать подозрѣваемаго въ преступленіи имѣетъ, далѣе судебный слѣдователь, по прибытіи котораго полиція прекращаетъ,

свои дѣйствія по производству слѣдствія. Законъ не опредѣляетъ никакихъ объективныхъ признаковъ для подозрѣнія въ преступленіи, при наличности которыхъ судебный слѣдователь имѣлъ бы только право принимать противъ подозрѣваемаго для воспрепятствованія ему уклониться отъ слѣдствія мѣры, связанныя съ ограниченіемъ свободы. Судебный слѣдователь имѣетъ, такимъ образомъ, право лишить лицо свободы по одному лишь подозрѣнію, но лишеніе свободы признается нашимъ закономъ крайней мѣрой, къ какой только можетъ прибѣгнуть слѣдователь для воспрепятствованія обвиняемому уклониться отъ слѣдствія (ст. 416-я Уст. уг. суд ). Законъ опредѣляетъ, что эта мѣра примѣнима только противъ обвиняемыхъ въ важныхъ преступленіяхъ именно: противъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, подвергающихъ содержанію въ рабочемъ домѣ или арестанскихъ ротахъ, или ссылкѣ на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или же наказаніямъ уголовнымъ, какъ-то: ссылкѣ на поселеніе или въ каторжныя работы съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; ст. 419-я Уст. уг. суд.).

Взятіе подъ стражу можетъ состояться не иначе, какъ при соблюденіи извѣстныхъ формальностей: „Требованіе о взятіи кого-либо подъ стражу подлежитъ исполненію лишь въ такомъ случаѣ, когда оно послѣдовало въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава“ (ст. 9). Правила эти сводятся къ слѣдующему: 1) Задержаніе можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ въ силу формальнаго постановленія, въ которомъ обозначено: а) кѣмъ именно и когда сдѣлано постановленіе, б) званіе, имя отечество и фамилія или прозвище задерживаемаго лица, в) преступленіе, въ которомъ задержанный обвиняется или подозрѣвается, г) основаніе задержанія, д) подпись того, кѣмъ сдѣлано постановленіе (ст. 430-я Уст. уг. суд.). Постановленіе о взятіи подъ стражу предъявляется обвиняемому при самомъ отправленіи его въ мѣсто заключенія и во всякамъ случаѣ до истеченія сутокъ со времени его задержанія. Копія съ этого постановленія доставляется въ мѣсто заключенія обвиняемаго (ibid., ст. 431-я.).

Для большаго огражденія правъ личной свободы, законъ установляетъ еще особый порядокъ пересмотра этихъ постановленій судебнаго слѣдователя. Здѣсь законъ различаетъ два рода лицъ: есть лица, которыя обязаны дѣлать эти пересмотры ex officio, и есть такія, къ которымъ задержанные могутъ обращаться съ просьбою о пересмотрѣ постановленій. Къ первымъ принадлежатъ судьи и прокуроры: „Каждый судья и каждый прокуроръ, который, въ предѣлахъ своего участка или округа, удостовѣрится въ задержаніи кого-либо подъ стражею безъ постановленія о томъ уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы“ (ст. 10-я Уст. уг. суд.). Къ лицамъ и учрежденіямъ, къ которымъ взятый подъ стражу можетъ обращаться съ просьбою о пересмотрѣ постановленія, относятся окружные суды. Ст. 491-я: „ Участвующія въ дѣлѣ лица могутъ приносить жалобы на всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее ихъ права“. И такая жалоба о неправильномъ лишеніи свободы должна быть отправлена по принадлежности въ теченіе сутокъ (ст. 499-я). При полученіи жалобы, судъ, не далѣе какъ въ первый присутственный день, приступаетъ къ разрѣшенію ея въ распорядитель-

номъ засѣданіи (ст. 501-я). Постановленное судомъ опредѣленіе объявляется принесшему жалобу и исполняется безотлагательно (ст. 508-я).

IV. *Государство, въ-третьихъ, налагаетъ ограниченія на личную свободу, какъ мѣру предупрежденія и пресѣченія преступленій.* Государство въ борьбѣ съ преступленіемъ обязано не только карать преступленія, но и по возможности предупреждать ихъ. Эта предупредительная дѣятельность не можетъ быть возложена государствомъ на судебные органы, ибо задача суда только примѣнять законъ къ отдѣльнымъ случаямъ нарушенія его. Дѣятельность суда возможна только послѣ преступленія; предупрежденіе преступленія должн обыть, поэтому, предоставлено не судебнымъ органамъ, а администраціи.

Эта дѣятельность администраціи, имѣющая своею задачею предупреждать преступленія, можетъ выражаться въ двухъ направленіяхъ: 1) въ принятіи общихъ мѣръ,—эти мѣры не имѣютъ въ виду тѣхъ или другихъ лицъ, тотъ или другой родъ преступленій, а создаютъ условія, которыя неблагопріятны для совершенія преступленія вообще или прямо препятствуютъ совершенію ихъ, какъ-то: цѣлесообразное устройство полиціи, поднятіе матеріальнаго и духовнаго уровня народа и т. д.; 2) въ принятіи частныхъ мѣръ, направленныхъ противъ отдѣльныхъ подозрительныхъ личностей. Мѣры перваго рода не могутъ угрожать свободѣ отдѣльныхъ лицъ, мѣры же второго, какъ направленыя противъ отдѣльныхъ лицъ, могутъ стѣснять свободу этихъ лицъ и вызываютъ, поэтому, необходимость въ строгой регламентаціи закономъ, который оградилъ бы свободу лица отъ произвола администраціи. Эта регламентація должна имѣть въ виду, что частныя мѣры предупрежденія преступленія никогда не имѣютъ дѣла съ наступившимъ нарушеніемъ, а только съ возможнымъ нарушеніемъ. Возможное и только ожидаемое съ большей или меньшей вѣроятностью преступленіе со стороны извѣстнаго лица еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для лишенія этого лица его наличныхъ и дѣйствительныхъ правъ или для ограниченія ихъ. Предположеніе о возможности преступленія уполномочиваетъ администрацію только на надзоръ и наблюденіе за этимъ лицомъ, и только въ такихъ случаяхъ, когда это предположеніе имѣетъ достаточное основаніе, т. е. когда преступная воля уже проявила себя въ поступкѣ, не представляющемъ въ себѣ признака преступленія, подлежащаго уголовной карѣ но обнаруживающемъ преступное направленіе воли. Такой взглядъ на задачи и предѣлы административной дѣятельности въ дѣлѣ предупрежденія преступленій не вполнѣ выдержанъ въ нашемъ законодательствѣ. Мѣры, предоставленныя имъ администраціи въ видахъ предупрежденія и пресѣченія преступленій, крайне строги, и по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, переходятъ въ такія ограниченія правъ личности, которыя тяжелѣе многихъ наказаній, назначаемыхъ по суду.

Нашъ законъ относитъ къ мѣрамъ предупрежденія и пресѣченія преступленій, во-первыхъ, слѣдующіе акты: 1) отдачу подъ надзоръ полиціи, 2) воспрещеніе жительства въ столицахъ и иныхъ мѣстахъ, 3) высылку иностранцевъ за-границу, 4) высылку чиновниковъ развратнаго поведенія во внутреннія губерніи. Эти мѣры назначаются властью губернаторовъ, мѣстной полиціи и вообще всѣхъ мѣстъ и лицъ, имѣющихъ начальство по части гражданской и военной (ст. 1-я Уст. о предупр. и пресѣч. преступл. по изд. 1890 г.). Къ мѣрамъ пре-

дупрежденія и пресѣченія относится, во-вторыхъ, административная высылка въ какую-либо опредѣленную мѣстность Европейской или Азіатской Россіи. Эта мѣра примѣняется къ лицамъ, признаваемымъ вредными для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (ст. 32-я Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, въ Приложеніи къ ст. Устава о предупр. и пресѣч. прест. XIV т. Св. Зак. 1890 г.). Она налагается министромъ внутреннихъ дѣлъ по представленію мѣстнаго начальства. Это постановленіе должно: 1) заключать въ себѣ подробное объясненіе основаній, вызывающихъ высылку, а также предположеній о ней, 2) быть разсмотрѣно въ особомъ совѣщаніи, образуемомъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ изъ четырехъ членовъ—двухъ отъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ и двухъ отъ Министерства Юстиціи (тамъ же, стт. 33-я—35-я).

Эти мѣры предупрежденія преступленія признаются нашимъ законодательствомъ обыкновенными мѣрами, могущими быть примѣняемыми во всякое время и на всемъ пространствѣ имперіи. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ мѣръ, наше законодательство съ изданіемъ въ 1881 г. „Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ знаетъ еще мѣры чрезвычайныя, которыя могутъ быть примѣнены только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ исключительномъ положеніи.

Эти мѣры чрезвычайно разнообразны. Мы упоминаемъ здѣсь лишь о тѣхъ изъ нихъ, которыя связаны съ ограниченіемъ личной свободы. Генералъ-губернаторамъ, а въ мѣстностяхъ, имъ не подчиненныхъ, губернаторамъ и градоначальникамъ предоставляется право воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны (ст. 16-я).

§ 156. **Имущественная неприкосновенность.** Никто не можетъ быть лишенъ своего имущества, иначе какъ по суду. Это начало имущественной неприкосновенности нашло себѣ признаніе и въ нашемъ законодательствѣ. Ст. 9-я IX т. гласитъ: „Никто не можетъ быть лишенъ правъ состоянія или ограниченъ въ сихъ правахъ иначе, какъ по суду за преступленіе“. Кромѣ этого общаго опредѣленія, мы находимъ въ нашемъ Сводѣ частныя постановленія, относящіяся къ отдѣльнымъ сословіямъ, гарантирующія имущественную неприкосновенность. Ст. 326-я IX т.: „Дворянинъ не можетъ быть безъ суда лишенъ имѣнія“.

Лишеніе кого-либо по суду имущественныхъ правъ не имѣетъ у насъ характера конфискаціи имущества, т.-е. перехода этого имущества въ собственность государства. Лицо, лишенное правъ, считается какъ бы умершимъ, и имущество его переходитъ къ его законнымъ наслѣдникамъ. Ст. 11-я IX т.: „Имущество лица, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія, переходитъ къ его законнымъ наслѣдникамъ“. Ст. 11-я IX т.: „Имущество лица, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія, переходитъ къ его законнымъ наслѣдникамъ по правиламъ, въ законахъ гражданскихъ и уголовныхъ изложеннымъ“.

Конфискація имущества не является у насъ однимъ изъ видовъ уголовныхъ наказаній. Она вовсе не упоминается въ ст. 17-й Уложенія о наказаніяхъ, перечисляющей опредѣляемыя закономъ уголовныя наказанія. Въ нашемъ уголовномъ кодексѣ говорится о конфискаціи, лишь какъ объ исключительной мѣрѣ, налагаемой за государственныя пре-

ступленія, лишь въ „нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ и вслѣдствіе особыхъ о томъ постановленій или распоряженій правительства, дѣлаемыхъ повсюду или токмо въ одной какой-либо части имперіи передъ началомъ войны или при внутреннихъ смятеніяхъ, или же на случай возобновленія или возбужденія оныхъ“ (ст. 255-я Улож. о наказ.)

Правила, опредѣляющія экспропріацію частнаго имущества поставлены у насъ въ прямую связь съ общимъ началомъ неприкосновенности имущественныхъ интересовъ, какъ это вытекаетъ изъ слѣдующихъ статей нашего гражданскаго кодекса. Такъ какъ по общему закону никто не можетъ быть безъ суда лишенъ правъ, ему принадлежащихъ, то всякій ущербъ въ имуществѣ и причиненные кому-либо вредъ и убытки съ одной стороны налагаютъ обязанность доставлять, а съ другой—производятъ право требовать вознагражденія (ст. 574-я X т.). Непосредственно за этой статьей, напоминающей начало имущественной неприкосновенности, слѣдуютъ статьи „о вознагражденіи за имущества, отходящія изъ частнаго владѣнія по распоряженію правительства“ (ст. 575-я и сл.). Онѣ опредѣляютъ, что 1) когда недвижимое имущество потребуется для какой-либо государственной или общественной пользы или необходимаго употребленія, тогда владѣльцу онаго должно быть опредѣлено въ то же время приличное вознагражденіе, 2) что такое отчужденіе можетъ состояться не иначе, какъ законодательнымъ путемъ (Высочайше утвержденными мнѣніями Государственнаго Совѣта).

§. 157. **Свобода занятій.** Подъ свободой занятій мы понимаемъ право лица выбирать себѣ занятіе по своему усмотрѣнію.

Наше законодательство, по отношенію къ вопросу о свободѣ занятій, за послѣднія десятилѣтія утратило свой сословный характеръ, и въ немъ ясно и послѣдовательно проявилось стремленіе освободить занятія отъ всякихъ стѣсненій и покончить съ той регламентаціей, въ силу которой извѣстныя занятія были удѣломъ извѣстныхъ сословій, образуя ихъ классовое преимущество.

Торговая и промышленная дѣятельность открыта всѣмъ русскимъ подданнымъ, какого бы происхожденія они ни были и къ какому бы сословію ни принадлежали. Есть торговыя дѣйствія, которыя производятся безъ платежа пошлинъ, есть и такія, которыя дозволяются не иначе, какъ со взятіемъ ежегодно особыхъ свидѣтельствъ и билетовъ съ платежомъ за нихъ пошлинъ. Какъ тѣ, такъ и другія доступны всѣмъ сословіямъ. Ст. 4-я Уст. о пошл.: „Къ свободнымъ для всѣхъ состояній, не исключая иностранцевъ, торговымъ и промышленнымъ дѣйствіямъ, дозволяемымъ безъ платежа установленныхъ симъ Положеніемъ пошлинъ“... и т. д. (слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣйствій, дозволяемыхъ у насъ безъ платежа пошлинъ). Ст. 20-я того-же Устава: „Свидѣтельства, какъ купеческія, такъ и промысловыя, могутъ быть выдаваемы лицамъ обоего пола, русскимъ подданнымъ, всѣхъ состояній“... Изъ этого общаго правила существуетъ лишь слѣдующее исключеніе: воспрещается брать какъ купеческія, такъ и промысловыя свидѣтельства: а) священнослужителямъ и церковнымъ причетникамъ, не распространяя сего, однако, на оставшихся по смерти ихъ вдовъ и незамужнихъ дочерей, б) протестантскимъ проповѣдникамъ, находящимся на должностяхъ (существуютъ извѣстныя ограниченія и для евреевъ, о которыхъ см. ниже).

У насъ существуетъ, правда, особый торговый классъ—купцы, но торговля не составляетъ его особой привилегіи. Изобрѣтеніе купеческаго состоянія обусловливается взятіемъ свидѣтельства; всякій купецъ долженъ имѣть купеческое свидѣтельство, и поэтому всякій купецъ, какъ таковый, имѣетъ право заниматься торговлею. Купеческое состояніе, какъ таковое, даетъ право на торговлю, и этимъ оно отличается отъ другихъ состояній, которыя этого права не даютъ. Но лица, принадлежащія къ этимъ другимъ состояніямъ, не дающимъ сами по себѣ права торговли, могутъ пріобрѣсти это право, взявъ купеческое свидѣтельство, не мѣняя при этомъ своего прежняго состоянія на купеческое. Такъ, всѣмъ безъ изъятія лицамъ, состоящимъ на службѣ государственной или по выборамъ, а равно женамъ и дѣтямъ ихъ дозволяется безпрепятственно получать свидѣтельства купеческія и промысловыя. Лица, не принадлежащія къ купеческому сословію, могутъ брать купеческія свидѣтельства съ сохраненіемъ настоящаго ихъ званія (стт. 21-я и 22-я Уст. о пошл.).

Такой же свободной, какъ торговая дѣятельность, пользуются у насъ и занятія ремесленныя и фабричныя. Они подведены нашимъ закономъ подъ понятіе торговыхъ дѣйствій (ст. 2-я Уст. о пошл., п. 9) и доступны всякому, взявшему установленное свидѣтельство. Для занятія ремеслами не обязательно въ настоящее время и записываться въ цехъ. Заниматься ремеслами могутъ всѣ лица, взявшія соотвѣтствующее свидѣтельство, независимо отъ того, записаны они въ цехъ или нѣтъ.

Если существуетъ у насъ еще занятіе, которое обставлено извѣстными сословными ограниченіями, то это государственная служба. Но объ этихъ ограниченіяхъ будетъ сказано въ отдѣлѣ о государственной службѣ.

§ 158. **Свобода передвиженія**. Передвиженіе можетъ имѣть цѣлью: или перемѣну постояннаго мѣста жительства, или временную отлучку изъ этого мѣста. И то, и другое передвиженіе обставлено въ Россіи различными условіями, болѣе или менѣе ограничивающими свободу передвиженія. Новое Положеніе о видахъ на жительство, Высочайше утвержденное 3 іюня 1894 года, значительно видоизмѣнило эти условія, въ смыслѣ облегченія паспортной тягости для лицъ податного сословія и уравненія съ ними болѣе или менѣе лицъ привилегированныхъ сословій. Прежнія правила о паспортахъ сохранены въ силѣ только для губерній бывшаго царства Польскаго и нѣкоторыхъ группъ лицъ, относительно которыхъ правительство не считало возможнымъ примѣнить новый законъ о паспортахъ по соображеніямъ отчасти служебнаго, а отчасти и полицейскаго характера.

*1. Перемѣна постояннаго мѣста жительства.* Подъ терминомъ „постоянное мѣсто жительства“ законъ 3 іюня 1894 года разумѣетъ: 1) „для дворянъ, чиновниковъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ и разночинцевъ—мѣсто, гдѣ кто по службѣ или занятіямъ, или промысламъ, или недвижимому имуществу имѣетъ осѣдлость, либо домашнее обзаведеніе; 2) для мѣщанъ и ремесленниковъ — городъ, посадъ или мѣстечко, къ мѣщанскому или ремесленному обществу которыхъ они приписаны; 3) для сельскихъ обывателей—сельское общество или волость, къ коимъ они приписаны“ (Полож. о вид. на жит., ст. 2-я.) (Оставляя чиновниковъ и вообще служащихъ въ сторонѣ, такъ какъ они, разу-

мѣется, должны считать мѣстомъ своего постояннаго жительства то, гдѣ они состоятъ на службѣ, и, слѣдовательно, могутъ покидать его только съ разрѣшенія своего начальства, мы посмотримъ, насколько стѣснительна для остальныхъ лицъ первой категоріи перемѣна мѣста постояннаго жительства. Согласно второй статьѣ Положенія, только объединяющей прежнія статьи паспортнаго устава, дворяне, почетные граждане и прочія лица первой категоріи относительно перемѣны мѣста своего постояннаго жительства попрежнему юридически ничѣмъ не связаны, такъ какъ для нихъ считается мѣстомъ постояннаго жительства то, гдѣ они „по занятіямъ, промысламъ или недвижимому имуществу имѣютъ осѣдлость, либо домашнее обзаведеніе", какъ неопредѣленное выражается объ этомъ законъ, а это зависитъ отъ ихъ воли, лишь стоитъ имъ пріобрѣсть недвижимое имущество, купцу записаться въ гильдію и т. д. Слѣдовательно, они закономъ не стѣснены относительно перемѣны своего постояннаго жительства: тутъ только можетъ итти рѣчь о фактическихъ ограниченіяхъ. Иначе дѣло обстоитъ относительно лицъ второй и третьей категоріи, такъ называемыхъ, податныхъ сословій. Для нихъ постояннымъ мѣстомъ жительства служитъ тотъ городъ или селеніе, къ соотвѣтствующему обществу котораго они приписаны. Слѣдовательно, для нихъ перемѣна постояннаго мѣста жительства означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и перемѣну общества, а этого они могутъ достигнуть, лишь получивъ увольнительный приговоръ отъ своего общества, который дается имъ только въ случаѣ отсутствія недоимокъ по общественному сбору.

Всѣ русскіе подданные имѣютъ, такимъ образомъ, право перемѣнить мѣсто осѣдлости; оно только обставлено условіями, которыя не тягостны для лицъ привилегированныхъ классовъ; для податныхъ же сословій болѣе или менѣе стѣснительны.

Всѣ русскіе подданные имѣютъ право избирать мѣсто осѣдлости. Изъ этого общаго правила существуютъ слѣдующія исключенія: 1) евреямъ дозволяется постоянное жительство лишь въ чертѣ еврейской осѣдлости.

Какія губерніи входятъ въ черту этой осѣдлости и какія исключенія сдѣланы изъ этого правила, мы объ этомъ скажемъ въ слѣдующей главѣ, когда будемъ говорить объ инородцахъ; 2) раскольникамъ всѣхъ сектъ воспрещается приписываться въ предѣлахъ Бессарабской губерніи и ни въ какой изъ пограничныхъ западныхъ губерній (Св. Зак., IX т., ст. 530-я); 3) лицамъ, принадлежащимъ къ сектамъ скопцовъ, духоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ и другимъ, признаннымъ особенно вредными, не дозволяется мѣнять мѣста своей осѣдлости (Св. Зак., IX т., стт. 528-я и 531-я). Они не могутъ водворяться тамъ, гдѣ желаютъ, а должны жить, гдѣ разъ записаны (Св. Зак., изд. 1890 г. XIV т. Уставъ о пасп. и бѣгл., ст. 32-я).

*II. Временныя отлучки изъ постояннаго мѣста жительства.* Относительно этого рода отлучекъ закономъ 3 іюня 1894 года сдѣланы значительныя облегченія, притомъ, главнымъ образомъ, для податныхъ сословій, такъ какъ привилегированныя сословія и до 1894 года пользовались большой свободой относительно отлучекъ, получая и тогда, какъ и теперь, документы для этихъ отлучекъ безъ срока и даже безъ денегъ. Скорѣй, наоборотъ, новый законъ стѣсняетъ привилегированныя сословія, предписывая имъ тоже брать видъ на жительство въ формѣ

паспортной книжки изъ общихъ учрежденій, полицейскихъ управленій, а не изъ тѣхъ обществъ, къ которымъ они по сословію принадлежатъ. Исключеніе сдѣлано только для дворянъ, записанныхъ въ родословныя книги, которымъ (дворянамъ) выдается видъ на жительство подлежащимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ. Такое же исключеніе допущено и для отставныхъ чиновниковъ, которые могутъ получать видъ на жительство изъ послѣдняго мѣста ихъ служенія (Полож. о вид. на жит., ст. 51-я). При этомъ нужно замѣтить, что теперь эти виды выдаются не безплатно, какъ это прежде было, а оплачиваются особымъ сборомъ (ibid., стт. -я и -я). Значительное облегченіе, сдѣланное закономъ 3 іюня 1894 года, заключается въ томъ, что теперь всѣмъ возможно въ случаѣ недалекаго разстоянія и недолговременной отлучки оставлять свое постоянное мѣсто жительства, не запасаясь предварительно свидѣтельствомъ на жительство, что требовалось прежде. Первая статья паспортнаго устава, фигурировавшая въ русскомъ законодательствѣ почти двѣсти лѣтъ и гласившая, что „никто не можетъ отлучиться отъ мѣста своего постояннаго жительства безъ узаконеннаго вида или паспорта“, закономъ 3 іюня отмѣнена. Вмѣсто нея мы находимъ въ Положеніи о видахъ на жительство такую льготную статью въ сравненіи съ прежними: „Для отлучекъ изъ мѣста постояннаго жительства вида на жительство не требуется: 1) въ предѣлахъ того уѣзда, гдѣ находится мѣсто постояннаго жительства отлучающагося, а равно и за предѣлами сего уѣзда не далѣе пятидесяти верстъ отъ мѣста постояннаго жительства, если отлучки продолжаются не долѣе шести мѣсяцевъ, и 2) отъ лицъ, нанимающихся на сельскія работы (Полож. о наймѣ на сельскія работы, ст. 2-я) какъ въ означенныхъ мѣстностяхъ (п. 1), такъ сверхъ того, въ предѣлахъ волостей, смежныхъ съ тѣмъ уѣздомъ, въ которомъ находится мѣсто постояннаго жительства сихъ лицъ, хотя бы отлучки ихъ изъ этого мѣста и продолжались болѣе шести мѣсяцевъ“ (Полож. о вид. на жит., ст. 4-я). Ограниченія для этого правила, сдѣланныя по отношенію къ фабрично-заводскимъ рабочимъ, которые въ случаѣ требованія фабричной инспекціи или мѣстной полиціи, обязаны имѣть видъ на жительство, хотя бы заведеніе находилось въ мѣстахъ ихъ постояннаго жительства, а также относительно нѣкоторыхъ другихъ, закономъ указанныхъ случаевъ. Для болѣе продолжительныхъ отлучекъ уже требуется видъ на жительство, и въ этомъ отношеніи условія для привилегированныхъ сословій болѣе льготны, чѣмъ для податныхъ, такъ какъ послѣднія получаютъ видъ на жительство болѣе или менѣе срочный и притомъ при извѣстныхъ условіяхъ, между тѣмъ какъ привилегированные классы получаютъ безсрочный видъ и безъ ограниченій, какъ уже было выше замѣчено. Измѣненія, внесенныя въ этомъ отношеніи закономъ 3 іюня 1894 г., заключаются только въ большей продолжительности дѣйствія вида на жительство для непривилегированныхъ сословій. Для дворянъ, отставныхъ чиновниковъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ и разночинцевъ такимъ видомъ на жительство служатъ безсрочныя паспортныя книжки, получаемыя ими изъ полицейскихъ управленій или отъ участковыхъ приставовъ въ столицахъ (стт. 38-я, 39-я). Виды же, установленные для лицъ податныхъ сословій, суть троякаго рода: 1) паспортныя книжки (срочныя), 2) паспорты и 3) безплатные билеты на отлучку (стт. 45-я 66-я). Паспортныя книжки выдаются на пять лѣтъ, при чемъ тѣ лица, за коими числятся недоимки

по общественнымъ сборамъ, могутъ получить эти книжки не иначе, какъ съ согласія своего общества (стт. 46-я, 48-я, 49-я). Паспорты выдаются на одинъ годъ, на шесть мѣсяцевъ и на три мѣсяца, при чемъ къ нимъ не примѣняется правило насчетъ общественной недоимки, но возобновлять ихъ все-таки безъ согласія общества нельзя, въ случаѣ неуплаты недоимокъ, числящихся на нихъ по 1-е января того года, когда заявлена просьба о возобновленіи паспорта (стт. 64-я, 65-я). Для облегченія крестьянъ, мѣщанъ и ремесленниковъ дѣйствіе паспорта можетъ быть отсрочиваемо мѣстной полиціей на слѣдующіе сроки: 1) трехмѣсячный паспортъ отсрочивается до шести мѣсяцевъ; 2) шестимѣсячный паспортъ и отсрочный до шести мѣсяцевъ трехмѣсячный — еще на шесть мѣсяцевъ, и 3) годовой паспортъ — на три мѣсяца (ст. 66-я). Безплатные билеты на отлучку установлены на тѣ же сроки, какъ и паспорты, и подчиняются тѣмъ же правиламъ; они выдаются тѣмъ лицамъ, относительно которыхъ законъ находитъ нужнымъ примѣнить льготу въ виду ихъ матеріальной необезпеченности, *происшедшей или* отъ физической слабости, или отъ бѣдствія, какъ, *напримѣръ, пожара*, неурожая, или временно, по случаю расходовъ на переселеніе (*стт. 62 я*, 65-я). Вышеозначенные виды на жительство выдаются: 1) мѣщанамъ и ремесленникамъ—мѣщанскими и ремесленными управами, а гдѣ такового управъ нѣтъ — установленіями, исполняющими обязанности по мѣщанскому и ремесленному управленію, и 2) сельскимъ обывателямъ—волостными старшинами (ст. 45). Измѣненіе въ данномъ случаѣ произошло относительно мѣста выдачи видовъ для мѣщанъ и ремесленниковъ, такъ какъ имъ прежде выдавали казенныя палаты и казначейства, а теперь это найдено не соотвѣтствующимъ ихъ прямому назначенію. Виды на жительство лицамъ мужского пола, достигшимъ 18-ти лѣтъ, выдаются на бумагѣ особаго цвѣта, при чемъ въ нихъ прописью обозначается годъ, въ который они подлежатъ призыву по воинской повинности (ст. 13 я). Въ заключеніе остается замѣтить, что, впрочемъ, и само-собой подразумѣвалось, что для живущихъ въ мѣстѣ своего постояннаго жительства никакихъ видовъ на жительство не нужно, такъ какъ видъ на жительство служитъ удостовѣреніемъ права на отлучку, а въ мѣстахъ своего постояннаго пребыванія никто не обязанъ имѣть видъ на жительство. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано для фабрично-заводскихъ рабочихъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ (стт. 1-я, 3-я).

§ 159. **Законодательство по дѣламъ печати.** Право выражать свои мысли путемъ печатнаго слова обставлено въ Россіи различными ограничительными условіями. Условія эти заключаются въ правилахъ, которыми: 1) урегулированы открытіе и дѣятельность заведеній, предназначенныхъ къ воспропзведенію тѣмъ или другимъ путемъ печатныхъ произведеній, 2) подчинены самыя произведенія печати. Эти послѣднія правила имѣютъ цѣлью предупреждать и карать злоупотребленія печатью, при чемъ подъ злоупотребленіями печати понимаются не только такія дѣянія, которыя носятъ на себѣ признаки преступленія, предусмотрѣнные закономъ, но и такія проявленія мысли, въ которыхъ обнаруживается такъ называемое вредное направленіе, т.-е. такой образъ мыслей, вредъ котораго не узнается по признакамъ, условнымъ для закона, а опредѣляется административной властью, дѣйствующей тутъ свободно по своему усмотрѣнію, руководствуясь соображеніями политическаго свойства.

Для предупрежденія злоупотребленій въ печати въ томъ и другомъ смыслѣ дѣйствуютъ: 1) правила о предварительной цензурѣ, 2) правила, которыя установляютъ карательныя мѣры, примѣняемыя къ освобожденнымъ отъ предварительной цензуры произведеніямъ печати.

I. *Законы о заведеніяхъ, изготовляющихъ произведенія печати и торгующихъ ими.* Наше законодательство считаетъ нужнымъ подчинить особенно строгому и бдительному контролю всѣ тѣ заведенія, которыя изготовляютъ произведенія печати и торгуютъ ими. И первой мѣрой, имѣющей цѣлью поставить печатному слову должный предѣлъ и предупредить злоупотребленія имъ, является тотъ рядъ постановленій, которыя должны воспрепятствовать открытію какъ печатенъ, такъ и книжныхъ лавокъ лицами, не представляющими въ глазахъ правительства достаточно гарантіи тому, что они будутъ исполнять существующія постановленія о печати и подчиняться контролю правительственныхъ органовъ. Важнѣйшее изъ этихъ постановленій заключается въ томъ, что для открытія какъ книжныхъ магазиновъ, такъ и печатенъ требуется особое разрѣшеніе: „Желающіе завести типографію, литографію, металлографію или другое подобное заведеніе для тисненія буквъ и изображеній должны получить на то дозволеніе въ городѣ С.-Петербургѣ отъ мѣстнаго градоначальника, въ городѣ Москвѣ—отъ мѣстнаго генералъ-губернатора, въ прочихъ мѣстахъ—отъ губернаторовъ, при чемъ обязаны представить въ опредѣленныхъ Положеніемъ о пошлинахъ за право торговли и промысловъ случаяхъ, установленное онымъ свидѣтельство и показать число и размѣръ скоропечатныхъ машинъ и станковъ, какіе они предполагаютъ имѣть въ своемъ заведеніи“ (ст. 158-я Устава о цензурѣ и печати, изд. 1890 г.). Заводить книжные магазины, лавки и кабинеты для чтенія предоставляется частнымъ лицамъ, равно какъ и акціонернымъ компаніямъ или товариществамъ, тѣмъ же порядкомъ, который опредѣленъ для открытія типографій, литографій и т. п. заведеній (ст. 175-я того же Устава).

Особое разрѣшеніе, данное на открытіе печатенъ и книжныхъ лавокъ, сохраняетъ свою силу въ теченіе двухъ лѣтъ; если же получившій такое разрѣшеніе не воспользуется имъ въ теченіе этого срока, то онъ долженъ взять новое разрѣшеніе (ст. 159-я). Передача печатенъ другому лицу подчинена тѣмъ же правиламъ, какъ и открытіе новыхъ. Получившій печатню по наслѣдству долженъ не позже полугодичнаго срока или получить разрѣшеніе, или же передать доставшееся ему заведеніе, на томъ же условіи, другому лицу (стт. 160-я и 161-я).

Печатни и книжныя лавки подчинены строгому надзору спеціальныхъ правительственныхъ органовъ. Этими органами являются въ столицахъ и нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ (Вильнѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ригѣ, Варшавѣ и Тифлисѣ) особые инспектора, состоящіе въ Петербургѣ и Одессѣ при градоначальникѣ, въ Варшавѣ и Тифлисѣ — при Варшавскомъ и Кавказскомъ цензурныхъ комитетахъ, въ Ригѣ — при губернаторѣ, въ Москвѣ, Вильнѣ, Кіевѣ—при мѣстныхъ генералъ-губернаторахъ. Въ остальныхъ губернскихъ городахъ надзоръ за печатнями и книжными магазинами ввѣренъ чиновникамъ особыхъ порученій, назначаемымъ для этой цѣли губернаторами (ст. 157-я того же Устава).

Эти инспектора типографій и книжной торговли слѣдятъ за тѣмъ, чтобы: 1) типографіи, литографіи и металлографіи а) имѣли шнуровую книгу, скрѣпленную по листамъ инспекторами, въ которую вносится

всякая предназначенная къ напечатанію работа (ст. 164-я), б) представляли въ цензурный комитетъ опредѣленное число экземпляровъ всякаго отпечатаннаго ими изданія, за исключеніемъ произведеній, имѣющихъ предметомъ общежитейскія и домашнія потребности, какъ, - то: свадебные и разные другіе пригласительные билеты, визитныя карточки, этикеты, объявленія и т. д. (ст. 167-я), в) обозначали на каждомъ выпускаемомъ ими экземплярѣ имя и мѣсто жительство типографа или литографа, и если сочиненіе подвергалось предварительной цензурѣ, то и дозволеніе цензуры (ст. 168-я), 2) чтобы книжныя лавки и кабинеты для чтенія держали лишь книги дозволенныя.

II. *Законы о предварительной цензурѣ.* До изданія закона 6-го апрѣля 1865 г. всѣ произведенія печати подлежали разсмотрѣнію предварительной цензуры. Этотъ законъ установилъ нѣкоторыя исключенія изъ этого общаго правила, исключенія, о которыхъ мы поведемъ рѣчь ниже; въ настоящемъ же отдѣлѣ разсмотримъ нашъ Цензурный уставъ, изданный въ 1828 г. и вошедшій съ нѣкоторыми измѣненіями въ Уставъ о цензурѣ и печати по изд. 1890 г.

Цензура имѣетъ въ настоящее время обязанностью разсматривать не освобожденныя отъ предварительной цензуры произведенія печати, какъ предназначенныя къ изданію въ Россіи, такъ и привозимыя изъ за границы. Она допускаетъ къ обращенію лишь такія произведенія, которыя не противорѣчатъ извѣстнымъ религіознымъ, политическимъ и общественнымъ принципамъ; признаніе этихъ принциповъ опредѣляетъ тѣ границы, которыя поставлены у насъ свободѣ печати.

Религіозными принципами, по отношенію къ которымъ не допускается въ печати неуважительное, а тѣмъ болѣе, отрицательное отношеніе, являются начала христіанской вѣры вообще и православнаго вѣроисповѣданія въ частности. Ст. 4-я Устава о печати. „Произведенія словесности, наукъ и искусствъ подвергаются запрещенію цензуры... когда въ оныхъ содержится что либо, клонящееся къ поколебанію ученія православной Церкви, ея преданій и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры". Ст. 93-я: „Во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати слѣдуетъ не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіанскихъ исповѣданій". Политическими и общественными принципами, уваженіе къ которымъ обязательно для печати, признаются основныя начала существующаго государственнаго и соціальнаго порядка вообще и русскаго государственнаго и общественнаго строя въ особенности. На этомъ основаніи ст. 95-я постановляетъ, что, „не допускаются къ печати сочиненія и статьи, излагающія вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящіяся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи". Запрещаются затѣмъ сочиненія, въ которыхъ содержится что-либо нарушающее неприкосновенность верховной самодержавной власти или уваженіе къ Императорскому Дому или что-либо противное кореннымъ государственнымъ установленіямъ (ст. 4-я). Не допускаются къ печати и статьи: 1) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія къ другому, 2) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной и общественной службы (ст. 96-я). Въ этихъ предѣлахъ допускается обсужденіе вопросовъ нашего государственнаго устройства и управленія. Но это обсужденіе должно носить на себѣ характеръ объективной и

серіёзной критики, а не служить поводомъ для личныхъ нападокъ на то или другое правительственное лицо или подвѣдомственное ему учрежденіе. Это обсужденіе, кромѣ того, не допускается въ брошюрахъ и дешевыхъ повременныхъ изданіяхъ, разсчитанныхъ на широкій кругъ читателей, принадлежащихъ притомъ къ менѣе образованнымъ слоямъ общества (ст. 97-я). При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій дозволяются къ печати только спеціальныя ученыя разсужденія, писанныя тономъ, приличнымъ предмету, и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружились уже на опытѣ. Ст. 98-я: „Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ мѣстъ не допускается печатаніе именъ и лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій“. Ст. 99-я: „Разсужденія, указанныя въ стт. 97-й и 98-й, дозволяются только въ книгахъ, заключающихъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ, и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна съ пересылкою не менѣе 7 рублей“.

Въ нашемъ Уставѣ о цензурѣ и печати мы находимъ еще спеціальныя правила объ оглашеніи въ печати узаконеній и правительственныхъ распоряженій, судебныхъ рѣшеній и отчетовъ о дѣлахъ, производящихся въ судебныхъ установленіяхъ, а также постановленій земскихъ, дворянскихъ и городскихъ установленій.

а) Обнародованіе законовъ лежитъ на обязанности перваго департамента Правительствующаго Сената, и ни одинъ законъ не можетъ быть опубликованъ помимо его. На этомъ основаніи ст. 74-я Цензурнаго устава постановляетъ, что „подлежащія опубликованію чрезъ Правительствующій Сенатъ законоположенія и правительственныя распоряженія не должны быть помѣщаемы въ оффиціальныхъ и частныхъ изданіяхъ ранѣе напечатанія ихъ въ изданіяхъ сенатскихъ“.

б) Новый нашъ судъ—судъ гласный, и происходящее въ гласномъ судѣ можетъ быть и предано гласности путемъ печати. Нашимъ Цензурнымъ уставомъ дозволяется поэтому печатать каждое состоявшееся, въ публичномъ засѣданіи судебнаго установленія рѣшеніе, также и все, происходившее въ судебномъ публичномъ засѣданіи при разсмотрѣніи дѣлъ. Исключеніе изъ этого общаго правила установлено только для дѣлъ объ оскорбленіяхъ; пренія по этимъ дѣламъ, хотя бы они и происходили публично, не могутъ быть печатаемы въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ не допускается до представленія доказательствъ справедливости позорящаго обстоятельства (ст. 77-я). Оглашеніе путемъ печати происходившаго въ судебныхъ мѣстахъ допустимо лишь настолько, насколько допущена гласность въ судѣ. Гласность не имѣетъ у насъ мѣста на предварительномъ слѣдствіи, которое носитъ у насъ инквизиціонный характеръ, поэтому и запрещается оглашеніе въ печати до судебнаго засѣданія или прекращенія дѣла свѣдѣній, обнаруженныхъ дознаніемъ или предварительнымъ слѣдствіемъ (ст. 81-я). Вполнѣ естественно далѣе и то постановленіе, которое гласитъ, что по дѣламъ, производящимся при закрытыхъ дверяхъ, могутъ печататься только постановленныя судомъ резолюціи (ст. 78-я).

в) Состоявшіяся на земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ, а также сужденія, пренія и рѣчи печатаются не иначе, какъ съ разрѣ-

шенія губернскаго начальства (въ С.-Петербургѣ—градоначальника, въ Москвѣ—генералъ-губернатора; ст. 82-я).

г) Сочиненія и статьи, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, въ которыхъ описываются личныя дѣйствія или излагаются изустныя выраженія Государя Императора и прочихъ особъ Императорской Фамиліи, или же приводятся обращенныя къ нимъ рѣчи, а также статьи, содержащія въ себѣ разсказы и сужденія, относящіеся до Высочайшихъ особъ, во всѣхъ безъ исключенія изданіяхъ печатаются не иначе, какъ съ разрѣшенія министра Императорскаго Двора (ст. 73-я). Завѣдываніе дѣлами цензуры и печати вообще сосредоточиваются въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ подъ высшимъ наблюденіемъ министра, въ главномъ управленіи по дѣламъ печати (ст. 1-я).

III. *Организація цензуры.* Цензура раздѣляется на свѣтскую и духовную. Первая, въ свою очередь, распадается на внутреннюю и иностранную.

Внутренняя цензура разсматриваетъ произведенія словесности, наукъ и искусствъ, назначаемыя къ изданію внутри государства, иностранная же дозволяетъ или запрещаетъ продажу книгъ, повременныхъ изданій, эстамповъ и т. п., привозимыхъ изъ-за границы (ст. 2-я).

1. Внутренняя цензура возлагается на цензурные комитеты (въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Тифлисѣ) или на опредѣленныхъ для этой цѣли отдѣльныхъ цензоровъ (въ Ригѣ, Ревелѣ, Юрьевѣ, Митавѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Вильнѣ и Казани). Цензированіе частныхъ періодическихъ изданій въ губернскихъ городахъ, въ которыхъ нѣтъ цензурныхъ учрежденій, возлагается на вице-губернатора или на исправляющаго его должность (ст. 9-я).

Разсмотрѣнію внутренней цензуры принадлежатъ всѣ не изъятыя отъ предварительной цензуры произведенія печати (ст. 30-я), издающіяся внутри государства какъ частными лицами, такъ и отъ казенныхъ мѣстъ, за слѣдующими только исключеніями:

а) Книги духовнаго содержанія, заключающія въ себѣ изложеніе догматовъ вѣры, толкованія св. писанія, проповѣди и т. п. на славянскомъ и русскомъ языкахъ, разсматриваются и одобряются духовною цензурою, состоящею въ вѣдѣніи Св. Синода (ст. 31-я).

б) „Сенатскія Вѣдомости“ издаются подъ отвѣтственностью канцеляріи Правительствующаго Сената, кромѣ того, губернскія и областныя вѣдомости, какъ изданія правительственныя, освобождаются отъ просмотра предварительной цензуры и издаются подъ отвѣтственностью губернскаго начальства (стт. 37 я и 38-я).

в) Цензура медицинскихъ сочиненій, народныхъ лѣчебниковъ, поваренныхъ, кондитерскихъ и т. п. книгъ относится къ вѣдѣнію медицинскаго совѣта, состоящаго при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ (ст. 40-я). Объявленія о продажѣ лѣкарствъ, о способахъ употребленія оныхъ и о врачеваніи въ болѣзняхъ, помѣщаемыя въ періодическихъ изданіяхъ, а также издаваемыя отдѣльными листами, должны быть принимаемы къ печатанію не иначе, какъ по разсмотрѣніи и утвержденіи оныхъ въ столицахъ и городѣ Одессѣ существующими въ нихъ управленіями, а во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ врачебными отдѣленіями губернскихъ правленій или, гдѣ сіи отдѣленія не учреждены, врачебными управленіями (ст. 309-я Врачебнаго Устава по прод. 86 г.).

г) Разсмотрѣніе всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій возлагается на мѣстныя полицейскія власти (ст. 41-я Ценз. уст.).

2. Иностранная цензура возлагается на состоящій въ С.-Петербургѣ центральный комитетъ цензуры иностранной, а также на Рижскій и Одесскій комитеты цензуры иностранной и на отдѣльныхъ цензоровъ въ городахъ Москвѣ, Кіевѣ, Вильнѣ и Ревелѣ.

Разсмотрѣнію иностраной цензуры подлежатъ всѣ выписываемыя изъ-за границы, какъ казенными мѣстами, такъ и книгопродавцами и частными лицами, произведенія наукъ, искусствъ и словесности за слѣдующими исключеніями: а) иностранныя періодическія изданія подлежатъ разсмотрѣнію отдѣльной цензуры, при почтовомъ вѣдомствѣ, б) книги, привозимыя на имя пребывающихъ въ Россіи иностранныхъ дипломатическихъ особъ, в) книги, выписываемыя мѣстами и лицами, получившими на то особенное Высочайшее разрѣшеніе (ст. 191 я).

Иностранная цензура руководствуется тѣми же правилами, которыя установлены для цензуры внутренней.

Цензурные комитеты, какъ внутренней, такъ и иностранной цензуры, подчинены главному управленію по дѣламъ печати, которое принадлежитъ къ вѣдомству Министерства Внутреннихъ дѣлъ и дѣйствуетъ подъ высшимъ наблюденіемъ министра. (Учрежд. мин., ст. 1199-я, прим., прил. по продолж. 86 г.).

3. Цензура же духовная возлагается на духовные цензурные комитеты дѣйствующіе подъ наблюденіемъ Св. Синода. Духовные комитеты учреждены въ Петербургѣ и Москвѣ. Они разсматриваютъ всѣ сочиненія, относящіяся къ вѣдомству духовной цензуры. Цензурный комитетъ, учрежденный при Казанской академіи, ограничивается разсматриваніемъ мелкихъ сочиненій (ст. 214-я—219-я).

Разсмотрѣнію духовной цензуры подлежатъ книги духовнаго содержанія, а именно: имѣющія своимъ предметомъ: 1) религіозныя начала вообще, истины христіанской вѣры или догматы православной Церкви, 2) изъясненіе свящ. писанія; 3) церковную исторію и жизнеописанія святыхъ, 4) церковное служеніе и церковное управленіе; 5) проповѣди, духовныя разсужденія и т. п. (ст. 227-я Ценз. уст.).

Духовной цензурѣ подлежатъ также тѣ отдѣльныя мѣста въ книгахъ, по общему содержанію подвѣдомственныхъ свѣтской цензурѣ, которыя имѣютъ отношеніе или къ догматамъ или къ священной исторіи. Такія мѣста, отдѣльно отъ прочаго, передаются духовной цензурѣ, заключеніе которой въ данномъ случаѣ обязательно для цензуры свѣтской (ст. 32-я Ценз. уст.).

Духовная цензура руководствуется болѣе строгими правилами сравнительно со свѣтской цензурой и при томъ много болѣе, такъ сказать, интенсивнаго характера. Если свѣтская цензура только запрещаетъ отрицательное извѣстное содержаніе, то духовная предписываетъ его положительно, если первая только въ общихъ чертахъ указываетъ на тѣ предѣлы, которые печать не должна преступать, то духовная не ограничивается опредѣленіемъ этихъ границъ, но и требуетъ извѣстнаго направленія мысли, мало того,—ставитъ въ непремѣнное условіе, чтобы эта одобряемая ею мысль была и выражена достойнымъ языкомъ (напр., ст. 252-я: „Изъясненія св. писанія, состоящія въ обнаруженіи подлиннаго и чистаго смысла духа писанія и особливо заключающія, кромѣ

того, основательное и скромное показаніе погрѣшительныхъ или совсѣмъ ложныхъ изъясненій нѣкоторыхъ важныхъ мѣстъ писанія у писателей новѣйшаго времени, достойны всякаго одобренія". Ст. 260-я: „Но сочиненія большія и малыя съ большими недостатками въ основательности мыслей, чистотѣ христіанскихъ чувствъ, добротѣ слога, ясности и правильности изложенія противны образованнымъ, безполезны необразованнымъ и вредны образующимся и потому не должны быть одобряемы". Ст. 269-я: „Переводы вообще не одобряются по важнымъ недостаткамъ изложенія, какъ-то, темнотѣ, погрѣшностямъ, нечистотѣ языка и безразсуднымъ упущеніямъ, нарушающимъ связь сочиненія").

*IV. Изданія безцензурныя и повременныя.* Отъ предварительной цензуры освобождаются: I. Въ обѣихъ столицахъ: 1) всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ, 2) всѣ переводы не менѣе 20 печатныхъ листовъ. II. Повсемѣстно: 1) повременныя изданія, получившія отъ министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніе на выходъ безъ предварительной цензуры, 2) всѣ правительственныя изданія, 3) всѣ изданія академій, университетовъ и ученыхъ обществъ и установленій, 4) всѣ изданія на древнихъ классическихъ языкахъ и переводы съ этихъ языковъ, 5) чертежи, планы, карты (ст. 6-я).

Эти изъятія распространяются только на сочиненія свѣтскаго содержанія, издаваемыя внутри государства; всѣ же книги, привозимыя изъ-за границы, какого бы онѣ объема ни были, подлежатъ предварительному просмотру иностранной цензуры; точно также и всѣ сочиненія и періодическія изданія духовнаго содержанія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, гдѣ бы они изданы ни были и какое бы количество листовъ они ни обнимали, не могутъ быть изданы иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія духовной цензуры. Но этого мало: духовной цензурѣ подлежатъ и тѣ мѣста въ сочиненіяхъ, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, которыя касаются догматовъ вѣры и церковной исторіи.

Для повременныхъ изданій установлены особыя правила. Изданіе новаго повременнаго изданія обставлено слѣдующими условіями: 1) требуется особое разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ дозволить выпускъ въ свѣтъ такого изданія или безъ цензуры или подъ условіемъ предварительной цензуры. Полученное разрѣшеніе сохраняетъ силу въ теченіе года; въ случаѣ пропуска этого срока изданіе считается несостоявшимся, а выданное разрѣшеніе—потерявшимъ силу (стт. 117-я и 120-я). Министромъ внутреннихъ дѣлъ утверждаются и редакторы повременнаго изданія, и перемѣна редактора можетъ произойти не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія того же министра (стт. 118-я, 119-я и 121-я). 2) Кромѣ разрѣшенія министра, требуется еще внесеніе залога для тѣхъ, впрочемъ, только повременныхъ изданій, которымъ разрѣшено выходить безъ предварительной цензуры (ст. 126-я).

Для облегченія надзора за повременными изданіями требуется: 1) чтобы на каждомъ нумерѣ журнала или газеты были напечатаны имена издателя, редактора, типографіи и подписная цѣна, если же изданіе предварительно разсмотрѣно цензурою, то и означеніе цензурнаго дозволенія, 2) чтобы издатели повременныхъ изданій, изъятыхъ отъ предварительной цензуры, представляли ихъ въ цензурные комитеты въ слѣдующіе сроки: а) экземпляры каждаго нумера изданія, выходящаго не менѣе одного раза въ недѣлю, одновременно съ приступомъ

къ окончательному печатанію того нумера, б) экземпляры каждаго выпуска изданія, выходящаго въ свѣтъ рѣже одного раза въ недѣлю,— за четыре дня до разсылки его подписчикамъ или выпуска въ продажу, 3) чтобы редакціи знали званія, имена и фамилія авторовъ статей и въ случаѣ требованія министра внутреннихъ дѣлъ сообщали ихъ ему (стт. 134—137-я).

Повременныя изданія, кромѣ общихъ правилъ, которымъ подчинены у насъ произведенія по отношенію къ ихъ содержанію, обязаны соблюдать еще слѣдующія спеціальныя предписанія:

1) Если по соображеніямъ высшаго правительства найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати въ теченіе нѣкотораго времени какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность черезъ главное управленіе по дѣламъ печати по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ (ст. 140-я). 2) Всякое повременное изданіе обязано помѣстить безотлагательно и безденежно, безъ всякихъ измѣненій и примѣчаній въ текстѣ и безъ всякихъ въ томъ же самомъ нумерѣ возраженій сообщенное ему отъ правительства официальное опроверженіе или исправленіе обнародованнаго тѣмъ изданіемъ извѣстія (ст. 138-я). Точно также, если появилось въ газетѣ ложное извѣстіе о частномъ лицѣ, послѣднее имѣетъ право требовать, чтобы его опроверженіе было напечатано безотлагательно и безплатно (ст. 139-я).

V. *Законы о карательныхъ мѣрахъ, примѣняемыхъ къ освобожденнымъ отъ предварительной цензуры произведеніямъ печати.* Злоупотребленія печатнымъ словомъ по дѣйствующему законодательству могутъ быть двоякаго рода. Они или являются дѣяніями, имѣющими признаки преступленія, предусмотрѣннаго нашимъ Уложеніемъ о наказаніи, или же они такихъ дѣяній не представляютъ, а выражаются въ образѣ мыслей, въ которомъ нельзя усмотрѣть прямого нарушенія какой-либо статьи закона и которое, тѣмъ не менѣе признается вреднымъ. Дѣянія перваго рода вызываютъ кару, налагаемую судомъ, злоупотребленія второго рода предоставляются карательной власти административныхъ органовъ.

Законъ 6-го апрѣля 1865 г. освободилъ отъ предварительной цензуры цѣлый рядъ произведеній печати, перечисленныхъ нами выше, и затѣмъ пресѣченіе встрѣчающихся въ нихъ злоупотребленій печатнымъ словомъ предоставилъ карательной власти суда въ предѣлахъ, указанныхъ общимъ Уложеніемъ о наказаніяхъ и особыми постановленіями упомянутаго закона. Карательной административной власти было предоставлено сравнительно очень скромное мѣсто. Она примѣнялась, главнымъ образомъ, къ повременнымъ изданіямъ и выражалась въ томъ, что министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено сохранившееся за нимъ и до настоящаго времени право пріостанавливать повременныя изданія, изъятыя отъ предварительной цензуры, но не свыше шести мѣсяцевъ и не иначе, какъ послѣ третьяго предостереженія. Если послѣ третьяго предостереженія министръ внутреннихъ дѣлъ признавалъ нужнымъ, независимо отъ предварительнаго пріостановленія повременнаго изданія на извѣстный срокъ, вовсе прекратить это изданіе, то онъ входилъ о семъ съ представленіемъ въ первый департаментъ Правительствующаго Сената. Право конфискаціи, какъ книгъ, такъ и повремен-

ныхъ изданій, было предоставлено административной власти только въ тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда по значительности вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противозаконнаго сочиненія, наложеніе ареста не можетъ быть отложено до судебнаго разбирательства; въ этихъ чрезвычайныхъ случаяхъ совѣту главнаго управленія и цензурнымъ комитетамъ предоставлялось сохранившееся за ними и до настоящаго времени право немедленно останавливать выпускъ въ свѣтъ этого сочиненія не иначе, впрочемъ, какъ начавъ въ то же самое время судебное преслѣдованіе противъ виновнаго. Эта карательная система, установленная закономъ 6-го апрѣля 1865 г., предоставлявшая пресѣченіе злоупотребленій печатнымъ словомъ, главнымъ образомъ, судебной власти, была признана недостаточной, и узаконеніями 1872 и 1882 гг. карательная власть административныхъ органовъ настолько расширена, что отвѣтственность за злоупотребленія печатью передъ судомъ стала исключеніемъ. Необходимость расширенія карательной власти административныхъ органовъ была мотивирована слѣдующими соображеніями: „Въ послѣдніе годы на ряду со многими полезными произведеніями печати, неоднократно были случаи изданія безцензурныхъ сочиненій, наполненныхъ самыми опасными лжеученіями, стремящимися ниспровергнуть священныя истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка. Весьма часто въ такихъ сочиненіяхъ не усматривается прямо нарушенія какой-либо статьи закона, и потому они распространяются безпрепятственно. Между тѣмъ достовѣрными свѣдѣніями доказывается, что во многихъ случаяхъ изданіе ихъ имѣетъ спеціальной цѣлью распространить лжеученіе между учащейся молодежью, и въ этихъ видахъ нѣкоторыя книги, которымъ назначается довольно высокая цѣна для продажи въ книжныхъ лавкахъ, уступаются издателями за треть или четверть стоимости въ значительномъ числѣ экземпляровъ для разсылки въ университеты и гимназіи или для раздачи лицамъ, посвятившимъ себя распространенію вредныхъ ученій. Подъ вліяніемъ такой пропаганды многіе молодые люди впадали въ пагубныя заблужденія и иногда вовлекались въ поступки, вынуждавшіе принятіе противъ нихъ мѣръ, тягостныхъ для нихъ и для ихъ семействъ“. Карательная власть, предоставленная въ виду этихъ соображеній администраціи, заключается въ томъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ налагаетъ запрещеніе на тѣ освобожденныя отъ предварительной цензуры книги или нумера повременнаго изданія, распространеніе которыхъ будетъ признано имъ вреднымъ. Сдѣлавъ распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія, онъ представляетъ о воспрещеніи выпуска его въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе Комитета Министровъ (ст. 149-я Ценз. уст.).

Кромѣ того, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено: 1) по его личному усмотрѣнію прекращать въ періодическихъ изданіяхъ помѣщеніе частныхъ объявленій на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ (ст. 155-я); 2) пріостанавливать періодическое изданіе на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда редакторъ этого изданія не исполнитъ распоряженія о неоглашеніи или не обсужденіи въ печати какого-либо вопроса государственной важности (ст. 156 я).

Въ 1882 г. были изданы новыя правила, вооружившія администрацію новыми карательными полномочіями: 1) цензорамъ предоставлено

право, не возбуждая судебнаго преслѣдованія, пріостанавливать выходъ въ свѣтъ отдѣльныхъ номеровъ тѣхъ освобожденныхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій, которыя выходятъ не менѣе одного раза въ недѣлю и которыя послѣ пріостановки на неизвѣстный срокъ вслѣдствіе полученнаго третьяго предостереженія стали по истеченіи этого срока снова появляться въ свѣтъ. Дабы сдѣлать возможнымъ своевременный просмотръ такихъ изданій цензорами и въ случаѣ необходимости — ихъ арестъ, редакціямъ этихъ изданій поставлено въ обязанность представлять нумера для просмотра въ цензурные комитеты не позже одиннадцати часовъ вечера наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ (примѣчаніе къ ст. 144-й по изд. 1890 г.). 2) По закону 6-го апрѣля 1865 г. повременныя изданія, выходящія безъ предварительной цензуры, могли быть окончательно пріостановлены послѣ третьяго предостереженія не иначе, какъ по постановленію перваго департамента Сената. Въ 1882 году было Высочайше повелѣно: вопросы о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій или о пріостановкѣ ихъ безъ опредѣленія срока ея предоставить совокупному обсужденію и разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора Св. Синода при участіи, сверхъ того, и тѣхъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, коими возбуждаются подобные вопросы (примѣч. къ ст. 148-й Уст. о цензурѣ и печ., по изд. 1890 г.).

§ 160. **Свобода вѣроисповѣданія.** Различныя вѣроисповѣданія въ предѣлахъ Русскаго государства пользуются далеко не одинаковой степенью свободы.

I. Наибольшей свободой пользуется православное вѣроисповѣданіе, которое признается господствующимъ въ нашемъ отечествѣ. 40-я ст. нашихъ Основныхъ законовъ гласитъ: „Первенствующая и господствующая въ Россійской имперіи вѣра есть христіанская православная, каѳолическая, восточнаго исповѣданія“ (ср. также ст. 65-ю Уст. о предупр. и пресѣч. прест.). Это первенство православнаго вѣроисповѣданія выражается въ слѣдующемъ: Императоръ, престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ православной (ст. 41-я Осн. зак.). Онъ признается верховнымъ защитникомъ православной вѣры, хранителемъ ея догматовъ, блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ православной Церкви благочинія (ст. 42-я Осн. зак.). Существуетъ цѣлый рядъ постановленій, которыя имѣютъ цѣлью обезпечить господство православной вѣры среди остальныхъ вѣроисповѣданій и содѣйствовать ея распространенію въ предѣлахъ Русскаго государства. Такъ, одна православная Церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать принадлежащихъ къ нему подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ (ст. 70-я Уст. о предупр. и пресѣч. прест.). Проповѣдь православной вѣры находится подъ особой охраной правительственныхъ органовъ. Никто безъ вѣдома и благословенія епархіальнаго архіерея проповѣдывать иновѣрнымъ православіе да не дерзаетъ. Посланныхъ же отъ духовнаго начальства проповѣдниковъ слова Божія губернское начальство не токмо охраняетъ между иновѣрными отъ всякихъ обидъ, но и оказываетъ имъ во время проповѣди всякое вспомоществованіе (тамъ же, стт. 71-я и 72-я). Переходъ изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе, какъ и всякое дѣяніе,

имѣющее цѣлью совратить православнаго, строго запрещается нашими законами, подъ угрозою уголовной кары (ст. 187-я Улож. о наказ. и слѣд.). Дѣти, родившіяся отъ брака лица православнаго съ неправославнымъ, должны быть воспитаны въ православной вѣрѣ. На этомъ основаніи передъ совершеніемъ брака православнаго лица съ лицомъ иностраннаго христіанскаго сповѣданія или съ лицомъ иновѣрнымъ, священникъ отбираетъ отъ сего лица подписку въ томъ, что оно дѣтей отъ сего брака будетъ крестить и воспитывать въ православной вѣрѣ (ст. 74-я Уст. о предупр. и пресѣч. прест. Ср. также стт. 67-ю и 68-ю X т.).

Остальныя вѣроисповѣданія не пользуются тѣми правами, которыя предоставлены православной вѣрѣ, какъ господствующей. Они только терпимы, и предоставленная имъ свобода выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что имъ дозволено отправленіе богослуженія по обрядамъ своей вѣры (ст. 44-я Осн. зак.). „Всѣ, непринадлежащіе къ господствующей Церкви, подданные Россійскаго государства, природные и въ подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ россійской службѣ или временно въ Россіи проживающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной“ (ср. также ст. 45-ю Осн. зак.). Исключеніе изъ этого общаго правила сдѣлано для раскольниковъ: имъ запрещено публичное „оказательство“ ихъ вѣры. Подъ публичнымъ оказательствомъ раскола понимается: 1) крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ, 2) публичное ношеніе иконъ, за исключеніемъ предношенія иконы сопровождаемому на кладбище покойнику, 3) употребленіе внѣ домовъ часовенъ и молитвенныхъ зданій, церковнаго облаченія или монашескаго и священнослужительскаго одѣянія и 4) раскольничье пѣніе на улицахъ и площадяхъ. Раскольникамъ дозволяется отправлять богослуженіе и по ихъ обрядамъ въ предназначенныхъ для того зданіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы этимъ зданіямъ не былъ придаваемъ внѣшній видъ православнаго храма и чтобы при немъ не имѣлось наружныхъ колоколовъ; надверные же кресты и иконы надъ входомъ въ часовню или другое молитвенное зданіе ставить не возбраняется (Уст. о предупр. и пресѣч. прест. по изд. 1890 г., ст. 48-я).

Отношеніе русскаго законодательства къ различнымъ терпимымъ вѣроисповѣданіямъ не одинаково. Оно принимаетъ подъ свое покровительство всѣ христіанскія вѣроисповѣданія противъ вѣроисповѣданій нехристіанскихъ. Это начало выражается въ томъ, что наши законы угрожаютъ $\frac{1}{4}$ наказаніемъ всякому, кто 1) или отвлечетъ кого отъ христіанской вѣры какого бы то ни было исповѣданія въ нехристіанское, 2) или отступитъ отъ христіанской вѣры въ нехристіанскую (стт. 184 я и 185-я Улож. о наказ.). Запрещается подъ страхомъ уголовнаго наказанія лицамъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія, вступившимъ въ бракъ съ лицомъ христіанскаго вѣроисповѣданія, воспитывать своихъ дѣтей въ своей вѣрѣ (ст. 186-я Улож. о наказ.). Переходъ нехристіанъ въ христіанскую вѣру, безразлично какого исповѣданія, у насъ разрѣшается (Уст. о предупр. и пресѣч. прест., стт. 84-я и 87-я).

§ 161. **Обязанности подданныхъ.**

I. *Общія основанія.* Воинская повинность, какъ она организована закономъ 1871 г., есть у насъ повинность всеобщая и личная. Она

всеобщая въ томъ смыслѣ, что ей подлежитъ все мужское населеніе безъ различія состояній (ст. 1-я). Она личная въ томъ смыслѣ, что ни денежный выкупъ отъ нея, ни замѣна охотникомъ не допускаются (ст. 2-я). Замѣна допускается только въ предѣлахъ одной семьи: тотъ членъ семьи, который долженъ поступить на службу по жребію, можетъ быть замѣненъ по добровольному согласію роднымъ или двоюроднымъ братомъ (ст. 5-я).

II. *Освобожденіе отъ воинской повинности.* Воинской повинности подлежитъ все мужское населеніе безъ различія сословій, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы призывались всѣ мужчины поголовно. „Ни одно государство, содержащее постоянную армію, съ болѣе или менѣе продолжительнымъ срокомъ дѣйствительной службы, не въ состояніи проводить черезъ ея ряды всю массу лицъ, достигающихъ ежегодно призывного возраста и вполнѣ способныхъ къ военной службѣ; болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, это положеніе имѣетъ мѣсто для нашей арміи, въ которой сроки дѣйствительной службы опредѣлены въ большихъ размѣрахъ сравнительно съ другими арміями“ (Лобко, Военная администрація, стр. 14). Въ самомъ дѣлѣ, наше населеніе даетъ ежегодно 850.000 лицъ, достигшихъ призывного возраста, а между тѣмъ для пополненія нашихъ кадровъ ежегодно призывается не болѣе 260.000 новобранцевъ. Изъ общей массы 850.000 подростковъ необходимо выбрать, такимъ образомъ, всего одну треть; остальныя двѣ трети должны быть освобождены отъ службы. Что же должно послужить основаніемъ для такого побужденія?

I. Первымъ такимъ основаніемъ, которое подразумѣвается, впрочемъ, само-собою, служитъ физическая неспособность къ военной службѣ. Но за вычетомъ этихъ физически неспособныхъ остается еще много подростковъ, которые должны быть освобождены отъ военной службы.

Основанія для ихъ освобожденія должны соотвѣтствовать тѣмъ началамъ всесословности и равномѣрности, изъ которыхъ исходилъ законодатель при учрежденіи общей воинской повинности. Такимъ основаніемъ, по примѣру другихъ законодательствъ, и является у насъ жребій, т.-е. простая случайность, для всѣхъ одинаковая. Но, прежде чѣмъ заставить дѣйствовать эту случайность, законодатель счелъ справедливымъ принять во вниманіе извѣстные интересы семейные и хозяйственные и, выдѣливъ лицъ, которыя нуждаются въ освобожденіи отъ военной службы во имя огражденія этихъ интересовъ, лишь остальныхъ подвергать жребію.

II. Согласно съ изложенными основаніями освобождаются отъ службы совершенно: 1) физически неспособные. Изъ лицъ, подлежащихъ поступленію на службу по жребію, освобождаются отъ оной тѣ, которыя вслѣдствіе тѣлесныхъ недостатковъ или болѣзненнаго разстройства совершенно неспособны къ военной службѣ; изъ сего исключаются, однако, умышленные членовредители, во всякомъ случаѣ обращаемые въ войско (ст. 42-я). 2) По роду занятій: а) священнослужители всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, б) православные псаломщики, окончившіе курсъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ или духовныхъ училищахъ (ст. 62-я).

III. Въ мирное время безусловно освобождаются отъ военной службы по роду занятій: а) доктора медицины или лѣкаря, магистры ветеринарныхъ наукъ или фармаціи, б) пансіонеры Академіи Художествъ, отправленные за-границу на казенный счетъ для усовершенствованія въ художественномъ образованіи, в) преподаватели и воспитатели (штатные) во всѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ эти лица прямо зачисляются въ запасъ (ст. 63-я).

Условно освобождаются по семейному положенію: 1) членъ семьи, который является единственной опорой или надеждою семьи, а именно: а) единственный способный къ труду сынъ при отцѣ, къ труду неспособномъ, или при матери-вдовѣ, б) единственный способный къ труду братъ при одномъ или нѣсколькихъ круглыхъ сиротахъ братьяхъ или сестрахъ, в) единственный способный къ труду внукъ при дѣдѣ или бабкѣ, не имѣющій способныхъ къ труду братьевъ, г) единственный сынъ въ семьѣ, хотя бы при отцѣ, способномъ къ труду, д) незаконнорожденный, на попеченіи коего находится мать или сестра или же неспособный къ труду братъ; 2) единственный способный къ труду сынъ при отцѣ, также способномъ къ труду, и одномъ или нѣсколькихъ братьяхъ къ труду неспособныхъ; 3) лицо, непосредственно слѣдующее по возрасту за братомъ, находящимся по призову на дѣйствительной службѣ или умершимъ на оной или же безвѣстно пропавшимъ на войнѣ (стт. 45-я, 46-я).

Всѣ эти лица освобождаются только условно, т.-е. въ томъ случаѣ, если для выполненія набора имѣется достаточно прочихъ лицъ, призванныхъ къ жребію (ст. 47-я). Въ случаѣ же недостатка такихъ лицъ, призываются и лица, пользующіяся льготами по семейному положенію второго и третьяго разряда; лица же, имѣющія права на льготу по семейному положенію перваго разряда, вносятся въ пріемную роспись только въ такомъ случаѣ, когда о привлеченіи ихъ на службу въ войска состоится особое, по представленію военнаго министра, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта (стт. 146-я и 152 я).

Всѣ эти лица освобождаются только условно и лишь на мирное время. Они зачисляются въ ополченіе и, слѣдовательно, въ случаѣ чрезвычайной опасности призываются къ отбыванію воинской повинности.

III. *Отсрочки.* Отсрочки призыва состоятъ въ томъ, что молодые люди, достигшіе призывного возраста и вынувшіе жребій, въ дѣйствительности поступаютъ на службу не въ томъ году, когда они были призваны къ жребію, а по прошествіи извѣстнаго срока, во вниманіе: 1) или къ причинамъ физическимъ, 2) или къ имущественнымъ интересамъ, 3) или къ окончанію образованія.

1. По причинамъ физическимъ дается отсрочка: лицамъ а) недостаточно возмужалымъ для военной службы, б) одержимыхъ такими болѣзнями, которыя не признаются совершенно освобождающими отъ службы, в) не оправившимся отъ недавно перенесенныхъ болѣзней. Этимъ лицамъ дается отсрочка на одинъ годъ. Если и по истеченіи этого срока они окажутся негодными, то они или зачисляются въ запасъ, когда по наружному виду окажутся способными носить оружіе, или въ противномъ случаѣ освобождаются отъ службы навсегда (ст. 44-я).

2. Отсрочка дается и для устройства имущественныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ лицамъ, управляющимъ лично собственнымъ недвижимымъ имуществомъ или принадлежащимъ имъ торговымъ, фабричнымъ или промышленнымъ заведеніемъ. Такія отсрочки даются не болѣе какъ на два года (ст. 52-я).

3. Для окончанія образованія дается отсрочка на различные сроки. Наименьшей отсрочкой пользуются воспитанники гимназій и соотвѣтствующихъ имъ заведеній, а именно, — до достиженія 22-лѣтняго возраста; наибольшая же отсрочка дается обучающимся въ университетахъ, (до 27 л.) и въ духовныхъ академіяхъ (до 28 л.). Кромѣ того, лицамъ, кончающимъ съ выпускнымъ свидѣтельствомъ курсъ наукъ въ университетахъ, если они не достигли еще 27 лѣтъ, предоставляется право отсрочки по отбыванію воинской повинности до выдержанія ими экзамена въ государств. комиссіи (ст. 53-я, примѣч. 1-е, по изд. 1890 г.).

IV. *Сокращеніе срока службы* является преимуществомъ, которое даетъ одно образованіе. Молодые люди, получившіе образованіе, могутъ воспользоваться этимъ преимуществомъ двоякимъ путемъ: или въ качествѣ жеребьевыхъ, т.-е. по общему призыву и вынутому жребію, или же въ качествѣ вольноопредѣляющихся.

А. Сокращеніе службы для жеребьевыхъ, получившихъ образованіе: 1) окончившіе курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ 1-го и 2-го разряда, равно какъ окончившіе курсъ шести классовъ гимназій или реальныхъ училищъ, или выдержавшіе соотвѣтствующее испытаніе состоятъ на службѣ два года (вмѣсто пяти); 2) окончившіе курсъ или выдержавшіе испытаніе въ знаніи курса учебныхъ заведеній 3 го разряда, состоятъ на службѣ три года; 3) имѣющіе свидѣтельство о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ или курса другихъ учебныхъ заведеній 4-го разряда состоятъ на службѣ четыре года (ст. 56-я).

В. Сокращеніе службы для вольноопредѣляющихся: 1) окончившіе курсъ въ заведеніяхъ первыхъ двухъ разрядовъ или же выдержавшіе соотвѣтствующее испытаніе (не ниже шести кл. гимназій или реальныхъ училищъ) состоятъ на дѣйствительной службѣ одинъ годъ; 2) выдержавшіе экзаменъ по особой программѣ приблизительно соотвѣтствующей курсу уѣздныхъ училищъ или 4-хъ классовъ гимназій) служатъ два года (стт. 12-я и 171-я Выс. утв. 10 февр. 1886 г. мн. Гос. Сов.).

---

## ГЛАВА IV.

### Инородцы и иностранцы.

§ 162. **Евреи** *).

I. *Право передвиженія.* Главное и наиболѣе существенное ограниченіе въ правахъ, которымъ евреи отличаются отъ остальныхъ рус-

*) Говоря объ евреяхъ нужно замѣтить, что всѣ ограниченія ихъ правъ относятся только къ евреямъ-талмудистамъ. Евреи-караимы были сравнены въ правахъ

скихъ подданныхъ, заключается въ томъ, что наше законодательство установляетъ для нихъ черту осѣдлости, за предѣлами которой они не имѣютъ права селиться (за немногими лишь исключеніями, о которыхъ будетъ сказано ниже).

1) Евреи имѣютъ право селиться повсемѣстно и безъ ограниченій: а) въ губерніяхъ царства Польскаго, т.-е. въ десяти привислинскихъ губерніяхъ (Варшавской, Калишской, Кѣлецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской, Сѣдлецкой), б) въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Волынской, Подольской, Полтавской, Екатеринославской, Черниговской и Бессарабской.

2) Евреи имѣютъ право селиться съ извѣстными ограниченіями а) въ губерніяхъ Витебской и Могилевской (въ этихъ губерніяхъ имъ дозволяется жить въ городахъ, въ селахъ же имъ запрещается селиться осѣдлыми жителями,—они могутъ лишь временно пребывать въ нихъ по установленнымъ билетамъ); б) въ губерніяхъ Херсонской и Таврической (за исключеніемъ городовъ Николаева и Севастополя, въ которыхъ дозволяется водворяться только евреямъ почетнымъ гражданамъ и купцамъ обѣихъ гильдій); в) въ губерніи Кіевской, за исключеніемъ Кіева, въ которомъ могутъ селиться только купцы 1-й гильдіи, съ извѣстнымъ числомъ прислуги и приказчиковъ, ограниченнымъ крайней необходимостью. Этимъ пріѣзжающимъ въ Кіевъ на постоянное жительство евреямъ дозволяется останавливаться и жить только въ извѣстной части города (а именно въ Лыбедской и Плоской частяхъ); г) въ Курляндской губерніи, въ посадѣ Шлокѣ и въ г. Ригѣ, Лифляндской губ. (въ Курск. губ. и въ посадѣ Шлокѣ разрѣшается жительство тѣмъ только евреямъ, которые тамъ записаны до 13 апр. 1835 г., въ Ригѣ только тѣмъ, которые записаны по ревизіи 1841 г.).

Селиться за чертой своей осѣдлости имѣютъ право лишь нѣкоторые евреи, которымъ это право предоставляется какъ льгота, обусловливаемая или родомъ занятій, или образованіемъ, а именно: 1) купцамъ 1-й гильдіи; 2) евреямъ-ремесленникамъ, какъ цеховымъ, такъ и занимающимся нецеховыми мастерствами (ст. 975-я, т. IX); 3) кончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 4) имѣющимъ ученыя степени доктора или магистра; 5) аптекарскимъ помощникамъ, дантистамъ, фельдшерамъ, повивальнымъ бабкамъ; 6) изучающимъ фармацію, фельдшерское и повивальное искусство (ст. 17-я XIV т. по изд. 1890 г.).

II. *Право на поступленіе въ государственную службу и на отправленіе общественныхъ должностей.* 1) Евреи не имѣютъ права поступать на гражданскую службу за исключеніемъ а) имѣющихъ степень доктора или магистра, б) имѣющихъ дипломъ на званіе лѣкаря (они могутъ, однако, поступать на службу по медицинской части лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ евреямъ дозволяется постоянное мѣсто жительства; (стт. 7-я, 46-я, 56-я, т. III). 2) Относительно участія евреевъ въ городскомъ общественномъ управленіи временно, до пересмотра дѣйствующихъ узаконеній о евреяхъ, установлено такое правило, что они не допускаются совершенно къ участію въ городскомъ самоуправленіи, исключая только городовъ, находящихся въ чертѣ еврейской осѣдлости (кромѣ Кіева), при чемъ они могутъ быть только гласными и число ихъ

---

съ русскими вполнѣ еще Екатериной II, и это было подтверждаемо неоднократно и впослѣдствіи; послѣднее подтвержденіе было 5-го ноября 1881 г.).

не должно превышать одной десятой части общаго состава думы (Собр. узак. 1892 г., № 69, ст. 729-я).

III. *Гражданскія права евреевъ.* 1) *Торговыя права евреевъ.* Евреямъ дозволяется питейная торговля только въ мѣстностяхъ, опредѣленныхъ для постоянной ихъ осѣдлости, и притомъ не иначе, какъ въ собственныхъ ихъ домахъ; сидѣльцы-евреи могутъ быть только въ заведеніяхъ своихъ единовѣрцевъ (ст. 363 я Устава о пит. сборѣ, изд. 1887 г.).

2) *Права евреевъ по пріобрѣтенію недвижимаго имущества.* По 780-й ст. IX т. евреи въ чертѣ ихъ осѣдлости, равно какъ и вездѣ, гдѣ дозволено имъ постоянное пребываніе, имѣютъ право пріобрѣтать недвижимую собственность всякаго рода. Однако, въ 1863-мъ г., а затѣмъ въ 1882-мъ г. были изданы постановленія, парализовавшія это общее правило для большинства еврейскаго населенія. Послѣ польскаго мятежа было издано постановленіе, по которому въ девяти западныхъ губерніяхъ воспрещается всѣмъ безъ исключенія евреямъ пріобрѣтать земли отъ помѣщиковъ и отъ крестьянъ (прим. 3-е къ ст. 780-й). А въ 1882-мъ г. было пріостановлено временно совершеніе купчихъ крѣпостей и закладныхъ на имя евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдлости, а равно и засвидѣтельствованіе на имя евреевъ арендныхъ договоровъ на недвижимыя имущества, находящіяся внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, и довѣренностей на управленіе и распоряженіе сими имуществами (прим. 4-е къ ст. 780-й).

3) *Права евреевъ по союзу брачному:* а) Бракъ русскихъ подданныхъ православнаго и римско-католическаго исповѣданій съ евреями запрещенъ (ст. 85-я X т.). б) Лицо еврейскаго исповѣданія, по принятіи христіанства, можетъ пребывать въ единобрачномъ сожительствѣ съ женой, сохранившей еврейское вѣроисповѣданіе, но обязуется склонять ее къ воспринятію православія, а она обязывается ни дѣтей, ни мужа не совращать въ еврейскую вѣру. Если же мужъ и жена по обращеніи одного изъ супруговъ въ христіанство жить въ прежнемъ союзѣ не пожелаютъ, то бракъ расторгается и обратившемуся лицу разрѣшается вступить въ бракъ съ лицомъ православнымъ (тамъ же стт. 79-я и 81-я).

§ 163. **Иностранцы.** Иностранцами признаются у насъ всѣ подданные другихъ государствъ, не вступившіе установленнымъ порядкомъ въ русское подданство (т. IX, ст. 817-я).

I. Въѣздъ въ Россію свободенъ всѣмъ иностранцамъ, къ какой бы націи они ни принадлежали и какую бы вѣру они ни исповѣдывали. Нашъ законъ изъ этого общаго правила установляетъ лишь слѣдующія исключенія:

1. Посольства, миссіи и консульства не выдаютъ паспортовъ для въѣзда въ Россію тѣмъ иностранцамъ: а) коимъ поименно запрещенъ правительствомъ въѣздъ въ наши предѣлы, б) коихъ, по собственнымъ свѣдѣніямъ посольствъ, миссій и консульствъ, они имѣютъ основательную причину признавать неблагонадежными, в) цыганамъ, шарманщикамъ, разносчикамъ аптечныхъ матеріаловъ, гипсовыхъ фигуръ и вообще людямъ праздношатающимся (ст. 264-я т. XIV по изд. 1890 г.).

2. Румынскимъ евреямъ, не имѣющимъ средствъ къ существованію, запрещается въѣздъ въ Россію (дополн. къ ст. 264-й т. XIV по изд. 1890 г.).

II. Иностранцы могутъ жить въ Россіи, гдѣ угодно, и водворяться въ ней на любой срокъ (ст. 818-я т. IX). Наше законодательство дѣлаетъ въ этомъ отношеніи только исключеніе для евреевъ.

Евреи не допускаются къ переселенію въ Россію (ст. 819 я т. IX). Исключеніе дѣлается только для нѣкоторыхъ лицъ, а именно: а) для тѣхъ евреевъ, которыхъ правительство выписываетъ для занятія должностей раввиновъ или медиковъ, б) для тѣхъ евреевъ, которые пріѣзжаютъ въ Россію съ намѣреніемъ учредить фабрики и заводы и для сего предъявятъ капиталъ не менѣе 15 тысячъ рублей, в) для евреевъ-мастеровъ, выписанныхъ фабрикантами-евреями для производства мануфактурныхъ работъ. Эти послѣдніе могутъ селиться только въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ (ст. 290-я т. XIV). Что же касается до евреевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ цѣлью временнаго пребыванія, то имъ дозволяется посѣщать извѣстныя въ Россіи мануфактурныя и торговыя мѣста, въ особенности комиссіонерамъ значительныхъ заграничныхъ купеческихъ домовъ, но для этого требуется предварительное разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ, банкирамъ и главамъ извѣстныхъ значительныхъ торговыхъ домовъ посольства и консульства могутъ выдавать паспорты безъ такого разрѣшенія (ст. 2-я прилож. къ ст. 289-й т. XIV по изд. 1890 г.).

III. Иностранцамъ, пребывающимъ въ Россіи, предоставляется пользованіе гражданскими правами наравнѣ съ русскими подданными. Они могутъ производить торговлю, заниматься ремеслами, заводить фабрики и заводы по тѣмъ же правиламъ, которыя установлены для русскихъ подданныхъ. Они имѣютъ право дѣлать завѣщаніе на общемъ основаніи и пріобрѣтать наслѣдства по закону и по завѣщанію.

Имъ предоставляется право пріобрѣтать всякое движимое и недвижимое имущество. Изъ этого общаго правила сдѣлано исключеніе указомъ 14-го марта 1887 г. Въ силу этого указа въ 10 губ. царства Польскаго, въ губерніяхъ Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Лифляндской, Минской и Подольской иностранные подданные не могутъ впредь пріобрѣтать какими бы то ни было способами и на какомъ бы то ни было основаніи права собственности на недвижимыя имущества, а равно права владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, отдѣльнаго отъ права собственности вообще, въ частности же вытекающаго изъ договора найма и аренды, внѣ торговыхъ и другихъ городскихъ поселеній. На это ограниченіе правъ иностранцевъ въ мѣстности, граничащей съ владѣніями нашихъ западныхъ сосѣдей, нужно смотрѣть, однако, какъ на временную мѣру, вызванную обострившимися международными отношеніями и имѣющую цѣлью обезопасить нашу западную границу (прилож. къ ст. 1003-й, прим. 2-е, IX т. по изд. 1890 г.).

IV. Политическими правами иностранцы пользуются у насъ, какъ и вездѣ, въ ограниченныхъ размѣрахъ: между иностранцемъ и пріютившимъ его государствомъ не могутъ существовать тѣ тѣсныя и исключительныя отношенія, на которыхъ покоятся политическія права и которыя возможны только между государствомъ и его подданнымъ. Иностранцы не могутъ ни быть присяжными засѣдателями, ни уча-

ствовать въ выборахъ какъ земскихъ, такъ и городскихъ. Что же касается до права поступленія на государственную службу, то въ этомъ отношеніи иностранцамъ предоставлены у насъ права, которыми они не пользуются въ другихъ государствахъ.

Иностранцы, наравнѣ съ купцами и ихъ дѣтьми, личными почетными гражданами и лицами податныхъ сословій, имѣютъ право на поступленіе въ государственную службу, когда по мѣсту воспитанія своего пріобрѣтутъ право на классный чинъ, или вообще окончатъ курсъ въ такомъ заведеніи, изъ котораго дозволено принимать въ службу, независимо отъ рода и званія, или когда пріобрѣтутъ ученую или академическую степень (стт. 4-я и 5-я III т.). На службу ученую и учебную, равно и по искусственной части вѣдомствъ горнаго, монетнаго и соляного могутъ быть принимаемы иностранцы, которые и не имѣютъ образовательнаго ценза (стт. 47—50 III т.).

Иностранцы ученые, художники, торгующіе капиталисты и хозяева значительныхъ мануфактурныхъ и фабричныхъ заведеній могутъ получать званіе личныхъ почетныхъ гражданъ (ст. 826-я т. IX).

---

**Въ виду ожидаемыхъ законодательныхъ измѣненій, отдѣлы курса, касающіеся государственнаго управленія, будутъ изданы особо. Срокъ выхода этого изданія опредѣленъ быть не можетъ.**

*Профессоръ* **Алексѣевъ.**

17/IX 1905 г.